Юлия Фирсанова

АПП, или Попасть в пророчество!

АПП, и... всё!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Смотрите под ноги, выходя за порог, а то, не ровен час, споткнетесь и… АПП! Одно неловкое движение – и вы студент Академии пророчеств и предсказаний.

Вот так «повезло» Яне Донской. Вместо сельскохозяйственного университета неизвестно что и вообще неизвестно где под сенью невидимого древа с непроизносимым названием Игидрейгсиль.

Хорошо хоть попала не в одиночестве. Столь же удачно споткнулись еще и тролль с молоденьким драконом. Теплая подобралась компания студентов на факультете блюстителей пророчеств. А впереди… Уй, чего там только впереди нет! Лишь студенты-пророки и скажут, да и те небось так напутают, что поневоле в пророчество угодишь.

- Юлия Фирсанова
  -
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23

- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29

Юлия Фирсанова
АПП, или Попасть в пророчество!

© Фирсанова Ю. А., 2017
© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Моим дочерям Элине и Елене посвящается

Пролог

Яна смотрела в зеркало и хмурилась. Три прыща! Вот почему такая несправедливая математика? Съела одну булку, а на физиономии вылезло целых три прыща. Один украсил лоб, два расцветили подбородок.

И так не красавица: фигура стиля «есть женщины в русских селеньях», губы как вареник с вишней, нос уточкой. Глаза хоть и не маленькие, но вообще не пойми какие – серые с частыми желто-коричневыми лучиками-иголками, на репьи похожи. Брови мохнатые, каштановые волосы вьются мелким бесом, из любой косы выползти норовят. Никакие плойки-выпрямители их не берут, если только налысо остричься. В общем, девка-гренадер! Прав был папка, когда парня ждал и Димкой назвать хотел. Вот только не вышло Дмитрия Донского, Янка родилась.

Мало печали о внешности, еще и поесть толком нельзя! Нет, торты, конфеты, шоколадки, печенья Яна могла лупить мешками – и ничего, зато стоило съесть хоть кусочек простого, даже не белого, черного хлебушка, не мякушки, хрустящей горбушки, и привет – прыщи в ассортименте.

Как-то раз Янка даже к диетологу ходила на консультацию. Только как дверь открыла, так и закрыла с обратной стороны. Почему? А разглядела у дамы-диетолога парочку тщательно заретушированных угрей. Если доктор со своим лицом справиться не может, куда ей других лечить? Янка и плюнула. Прыщи так прыщи! В конце концов, она простая студентка, а не модель какая-нибудь или актриса. С лица воду не пить.

В любовь неземную девица давно верить перестала, с тех самых пор, как начала ловить на себе заинтересованные мужские взгляды. Мужики не собаки, на кости не кидаются, так баба Люба, мамка папкина, говорит. В век диет такой тотальный дефицит фигуристых девок образовался, что и не сказочно-красивую, зато грудастую да крутобедрую Янку сальные предложения стороной не обходили. Практичная девушка быстро поняла: кавалера найти проблемой не будет, но нужны ли проблемы с ухажером, у которого на уме лишь одно? А коль не нужны, так пускай все любители пышных форм идут мимо, а она учиться станет. Вот отучится да и вернется назад, в село, нечего ей в городе делать. Даже собственная квартирка, что от бабы Веры досталась, не заманит. Потом уж, как образование получит да работу хорошую найдет, и о семье подумать можно будет. Непьющего да рукастого мужика подыскать, чтобы и зарплату домой нес, а не в бар какой, и кран-лампочку-утюг починить мог. Как папка! Да и деток Янка

любила.

Махнув на прыщи рукой, девушка кинула пудреницу в косметичку, сунула ее в сумку, собранную еще с вечера для занятий в университете, бросила туда же мобильник и открыла дверь. Захлопнула до щелчка замка-автомата и шагнула вперед, не глядя. Невеликий каблук зацепился неизвестно за какое – это на плоской-то, как стол, площадке – препятствие, и с гулким криком «Ёопрст!» Янка рухнула куда-то вниз.

Глава 1
Введение в АПП, или Против судьбы не попрешь!

Двое, ректор Шаортан и декан Гадерикалинерос, которого все, не только коллеги, но и учащиеся, давно уже именовали по-простому «декан Гад», преодолевая пролет за пролетом, торопливо карабкались по лестнице. Была она крутой, каменной и о-о-очень длинной, как полагается настоящей лестнице, ведущей в самую высокую башню – Башню Судьбы!

– Что ж эту башню такой высокой-то построили? – ругнулся декан на семнадцатом пролете и в очередной раз обмел наслоения пыли с перил длинным рукавом черной шелковой мантии.

– Традиция, дедушку ее, да чтобы по ерунде не бегали, – отозвалась Шаортан, подбирая подол собственного темно-синего одеяния.

– Пятьсот тысяч золотом не ерунда, – скорбно вздохнул декан.

– Потому и идем! Полная комплектация – полное финансирование от Совета города, – легко взбегая по ступенькам, с готовностью повторила ректор другу. – Семьдесят четыре первокурсника – это недокомплект, нам нужно еще три, чтобы закрыть список и подать заявку на новый учебный год. Теобаль просил еще одну полосу препятствий с удаленным управлением, Виолетт и Сейата требовали большие зеркала для гадательной практики, а ты – усовершенствованное оборудование пятой лаборатории вместо взорванного на экзамене, и я подписала твой запрос!

– Вот с лаборатории и надо было начинать, – фыркнул франт, отряхивая рукав, и задумчиво протянул: – М-да, давно у студентов отработок не было, грязи развелось…

– Каникулы, – резюмировала ректор. – Ничего, начнутся занятия, все почистят.

– Ленивые пошли студенты, не они за нами, а мы за ними бегать должны, – проворчал Гад. – Вон в прошлом году куда больше трех сотен к воротам в день отбора явилось. Это еще не всех АПП пропустила!

– Год на год не приходится, – философски пожала плечами ректор и перекинула толстую черную косу через плечо. Та, будто жила собственной жизнью, на следующей же ступеньке

подпрыгнула и снова опустилась на грудь.

– Стричься не пробовала? – привычно подколол коллегу Гад, волосы которого торчали над черепушкой короткими иголками антрацитового цвета с явственным фиолетовым отливом, делая голову похожей на ежика-мутанта. Дополнял экзотическую картину длинный нос, формой напоминавший тощую сосиску.

– Пробовала, отрастают, – столь же привычно огрызнулась Шаортан и заправила за остроконечное ухо вьющуюся прядь.

Так, перебрасываясь остротами, парочка добралась до единственной, не считая прохода в каморку с вениками, двери. Та вела в комнату, скрытую на вершине самой высокой башни. Шаортан положила руку на кольцо и потянула. Дверь неохотно, будто раздумывала, а открываться ли ей или остаться запертой на веки вечные, распахнулась в просторное помещение.

Там было светло – окна под потолком давали достаточно освещения – совсем не пыльно и пусто, если не считать двух объектов – массивных дверей из цельных пластин дерева.

За правой приоткрытой дверью виднелся здоровенный и даже на вид старинный ткацкий станок. Несмотря на то что рядом не было ни души, он работал. Натянутые нити основы и утка методично переплетались между собой. Тот, кто вглядывался пристально, мог заметить, что на самом деле нити не являлись нитями, они были чистым светом разных оттенков, струящимся из небольших листообразных пластин, на которых непрерывно вспыхивали, менялись и гасли странные знаки. Сотканное из нитей света полотно спускалось до пола и исчезало, не обрывалось, а словно складывалось где-то там, куда не было доступа посетителям комнаты.

Волшебный свет пряжи и мерцание знаков способны были заворожить любого: и простой смертный, и непростой бессмертный, стоило им сосредоточить внимание на том, как ткется волшебное полотно, рисковали остаться здесь навсегда.

Шаортан и Гад поспешно отвели взгляды и уставились на вторую дверь. За ней, в левом углу небольшой комнаты, притулилась простая древняя прялка. В отличие от станка не работающая.

– Они такие старые, что я каждый раз боюсь, что прялка развалится, стоит нам ее запустить, – пожаловалась Шаортан.

– Они были старыми, когда мы еще не родились, и будут таковыми, когда мы сойдем во тьму времен, да и не из дерева они, так – одна видимость, – цинично хмыкнул Гад, прикрыл правую дверь поплотнее и широко распахнул левую, вежливым жестом приглашая коллегу пройти первой. Скользнул в комнату следом за ней и двинулся к огромному, во всю стену рядом с

прялкой шкафу с многочисленными мелкими, вполладони, ящичками. Декан замер в секундном раздумье, а потом выстрелил вопросом:

– Берем три знака ХОР, один ТАЙР и один ИД?

– Ученики, поиск, дорога? – машинально повторила Шаортан, покусала губу и посоветовала: – Я бы добавила еще ЕЗУ.

– Хм, судьба? Пожалуй, – согласился Гад и, ориентируясь по крохотным символам, выжженным в уголках ящичков, достал шесть пластин, весьма напоминавших по виду те, что сверкали в комнате со станком.

Декан щедро поделился добычей с руководством. В четыре руки Шаортан и Гадерикалинерос принялись крепить листовидные пластинки в том месте, где у обычной прялки должна располагаться кудель. Маленькие зажимы надежно фиксировали добычу. Но защелкивались далеко не с первого раза. Порой приходилось переставлять пластинки на другое место. Почему? А вот не судьба! Но мало-помалу все шесть пластин составили нужную композицию, ее творцы довольно вздохнули и сделали руками странный знак – «глаз удачи»: большой и указательный пальцы правой руки соединились в кольцо, средний палец левой лег поперек.

– Давай! – поторопил ректора декан.

Шаортан крутанула колесо прялки. Та зажужжала, и одновременно с запуском чудесного инструмента произошло сразу несколько ожидаемых и совершенно неожиданных событий.

Пластинки на прялке стали источником странного, мягкого свечения: ХОР сиял зеленым, ТАЙР синим, ИД голубым, а ЕЗУ глубоким оттенком сапфира. Мало того, этот свет под жужжание прялки стал вытягиваться, как нежнейшая пряжа, свиваясь воедино, потянулась плотная разноцветная нитка. Она не просто исчезала в никуда, как полотно со станка в соседней комнате, не просто сматывалась волшебной пряжей на шпульку. О нет, она, словно приготовившаяся к броску змея, изогнулась и ринулась куда-то вверх, в иное время и пространство.

А за шиворот Шаортан с потолка упал крохотный мохнатый паучок, неизвестно каким образом прокравшийся в самую высокую башню. Паучок не был ядовит, но ректор панически боялась щекотки. Она взвизгнула, отскочила к шкафу и принялась приплясывать, пытаясь достать паука. Хрюкнувший от смеха Гад бросился на выручку коллеге. Он задрал ее мантию и стал вытаскивать из-под длинной юбки блузку. Паучок, вероятно, почуял недоброе и зашебаршился более активно. Шаортан дернулась, с силой ударила локтем по одному из ящичков, сработала скрытая пружина, и изнутри вылетела пластинка.

Пролетая над работающей прялкой, она тоже засветилась – золотом.

– ОГАС, – машинально отметил характеристику знака декан.

В тот же момент нить-лассо совершила обратное движение, и на пол рядом с прялкой рухнул вопящий ком. Сверху приземлилась пластинка ОГАС, с изяществом теннисного мячика ухитрилась простучать по лбам трех жертв, после чего упала на пол, с жалобным треском раскололась и скрылась из виду под ругающимися, копошащимися и тщетно пытающимися встать субъектами.

Кое-как разобравшись, где чьи конечности, дезориентированные жертвы прялки расползлись в стороны и принялись трясти головами. А волшебный агрегат, совершив свое черное дело, остановился. Нити погасли, пластинки кудели потрескались и осыпались искрящейся дымкой.

Шаортан поспешно поправила одежду после бегства паука, скрывшегося в ближайшей щели. Ректор и декан с жадным исследовательским любопытством уставились на результат своей затеи. Жертв было целых три, как и заказывали.

Высокий, почти с Гада, массивный парень с сероватой кожей и скрученными кулечками ушами хмурился, смотрел настороженно, исподлобья. Пальцы левой когтистой руки лежали на рукояти ножа, заткнутого за пояс потертой кожаной безрукавки. Изящный, кудрявый, как барашек, франтоватый блондинчик с маникюром казался на фоне здоровяка почти прозрачным. Он нервно дергал головой и поводил пальцами, полускрытыми пышным кружевом белоснежных манжет. Ноздри тонкого носа негодующе раздувались, нервно дергались кадык и веко правого глаза. Фигуристая девушка в плотных синих штанах и блузе с короткими рукавами была почти спокойна. Только недовольно хмурила густые брови. Скептически оглядев Гадерикалинероса и Шаортан, она первая осведомилась глубоким грудным голосом:

– Вы кто, сатанисты или ролевики?

– Может, некроманты? – набычившись, поддержал вопрос здоровяк со странными ушами.

– Душеловы? – выдвинул свою версию нервный блондинчик и опять непроизвольно подмигнул компании голубым глазом.

– Чуть-чуть не угадали, – хмыкнул Гад.

– Добро пожаловать! Я – ректор Шаортан, это – декан Гадерикалинерос, – представила себя и коллегу красивая черноволосая женщина.

– Чего? – пробасил крепыш.

– Что – чего? – не поняла ректор, отвлеченная от

заготовленной речи неуместным вопросом.

– Какого заведения? – вежливо справился серокожий.

– АПП! – гордо приосанилась синеглазая ректор.

– Цирковое училище, что ли? – непонимающе выпалила Янка, по-новому оценившая причудливые внешние данные присутствующих, вполне соответствующие арене.

В очередной раз сбившись с мысли, Шаортан негодующе свела ровные дуги бровей. А декан Гадерикалинерос совершенно непедагогично хрюкнул, не удержавшись, захохотал и почти сполз по стенке, постанывая сквозь смех:

– Так нашу академию еще никогда не опускали!

– Все когда-нибудь случается в первый раз, – машинально отозвалась Янка, а серокожий хмуро пробасил:

– Вы зачем нас сюда притащили?

– Мы рады приветствовать будущих студентов нашей Академии пророчеств и предсказаний, – вернулась к тексту торжественной речи ректор.

Чуть оклемавшись от шока и уяснив, что никто прямо сейчас его убивать не собирается, белобрысый паренек затеял скандал.

– Я требую, чтобы вы сейчас же вернули меня домой! Вы не имеете права! Я буду жаловаться! Моя бабушка…

– Дракон, а сам я сиротинушка, – закончила Янка себе под нос за белобрысого хиляка переделанной цитатой из старого анекдота, который как-то пересказал друг Санька – большой поклонник фэнтезятины. Сама девушка не слишком жаловала сказки, а уж истерический визг, тем паче в исполнении создания условно мужского пола, просто ненавидела.

– Откуда ты знаешь? – раззявил рот беленький кудряш, осекшийся на полуслове концерта.

– Так, будущие студенты! – рыкнула Шаортан, не привыкшая к тому, что ее перебивают или, тем паче, игнорируют. – Слушаем меня! Вы избраны и перенесены из своих миров по воле Прялки Судьбы для обучения в Академии пророчеств и предсказаний. Отказаться, изменив сотканную прялкой реальность, вы не можете, если не хотите череды неприятностей, каковыми судьба карает тех, кто отворачивается от ее даров.

– Нас что, принудительно зачислили в ваше учебное заведение? А ничего, что согласия не спросили, без вещей куда-то утянули и родственников не уведомили? – хмуро спросила Яна. Пока шел разговор, девушка извлекла из сумки мобильник и убедилась в полном отсутствии связи. Где бы ни находилось заведение с цирковым названием, вышку в окрестностях никто приткнуть не удосужился.

– Судьба не спрашивает разрешения, она всегда права. Вашим

родным будет отправлено письмо-уведомление о зачислении в АПП, – скучающе пояснил Гад. – Форму, канцелярские принадлежности и подъемные для приобретения недостающих мелочей в лавке, обслуживающей студентов, вам выдадут.

– Тогда годится, – миролюбиво согласился крепыш и убрал лапу с ножа. – Профессию денежную даете, шаман-предсказатель нашего стойбища у вас учился.

– Нет, – решительно отказалась девушка. – Не согласна. Так дела не делаются!

Зрачок в синих глазах ректора стал вертикальным, Шаортан зашипела, раздувая ноздри, клубы дыма и искры, летящие из них, стали весьма красноречивым свидетельством негодования.

Беленький пацанчик метнул опасливый взгляд на бесящуюся женщину, но все-таки, набравшись храбрости, вякнул вслед за Янкой:

– Мне надо с бабушкой посоветоваться!

Гад устало вздохнул. Повышение финансирования и вожделенное оборудование для лаборатории уплывали сквозь пальцы из-за двух прущих наперекор судьбе детишек. Помассировав веки пальцами и почесав свой выдающийся нос, декан объяснил:

– Прялка сплела ваши судьбы с академией, дети. Вам все равно придется до сегодняшнего вечера пройти процедуру отбора на один из трех факультетов. Давайте побережем наше общее время и нервы. Ректор Шаортан, не соблаговолите ли вы для проведения переговоров о зачислении студента в учебное заведение посетить дом юного дракона…

– Я – Машьелис о Либеларо, – представился, шаркнув ножкой и тряхнув кудряшками, юноша.

– Пойдем к бабушке, – смирилась ректор с тем, что быстро уладить все дела с академическим пополнением не получится.

Дым и искры больше не летели, женщина опустила руку в маленькую сумочку на поясе и вытянула из нее листовидную пластинку с какой-то причудливой загогулинкой, напоминающей раковину улитки. Светленький дракончик настороженно приблизился. Женщина ухватила его за плечо и щелкнула ногтем по листовидной пластинке. Та вспыхнула желтым и распалась пылью, унесшей с собой двоих: ректора и белобрысого юношу.

– Это что сейчас было? И куда парень исчез? – склонила голову Янка.

– Применение знака ХАЗ с четко направленным желанием переместило ректора Шаортан и будущего студента академии Машьелиса в дом последнего, – дал справку декан, насмешливо скривив губы при сокращении имени паренька.

– Вы так уверены, что его бабушка согласится? – невольно удивилась Яна.

Бабушку нового знакомого она не знала, но, судя по тому, как ее уважал мелкий дракончик, дама была мало того что драконом, так еще и драконом с характером. Ее искорками да паром из ноздрей вряд ли напугаешь.

– Ректор Шаортан – дракесса, то есть обладает не только способностями к дипломатии, но и двумя дополнительными ипостасями: дракона и ледяного змея. Думаю, общий язык с родственницей студента она найдет быстро. Зачисление в перспективное учебное заведение – не самое худшее, что могло случиться с юным Машьелисом, – пояснил декан.

Серокожий понимающе хмыкнул, покачался с носка на пятку, от чего скрипнули доски пола, а не разношенные сапоги, и спросил:

– Мне-то куда идти – или тоже переместите знаком?

– Ножками, студент, ножками. Выйди из комнаты и спустись по лестнице на Площадь выбора. Будет чудесно, если подождешь нас на лавочке у двери в башню. Арка Выбора сегодня засияет в последний раз. Пройдя туда, куда ведет душа, вы будете знать, на какой факультет определены академией.

– Значит, подожду. Я, кстати, Фагард Хагорсон, можно Хаг. Тролль я, если чего, – напоследок представился крепыш девушке.

– Яна Донская, человек, – машинально ответила та и, когда серенький ушел, спросила у декана: – А что вы собираетесь со мной делать?

– Пустить на компоненты для алхимической лаборатории, что же еще, – хмыкнул Гад и, уже не насмешничая, объяснил: – Если тебя, студентка, не устраивает стандартная процедура письменного оповещения родных, готов выслушать предложения. Предупреждаю сразу, вариант отправить домой и оставить в покое не рассматривается. Против Прялки Судьбы я выступать не намерен.

– Какие профессии дает ваша АПП? – хмуро поинтересовалась девушка.

– Предсказатель, летописец и блюститель пророчеств – в зависимости от выбора факультета. Распределение проводится Аркой Выбора, обучение длится пять лет, – сказал Гадерикалинерос и чуть более подробно пояснил: – В учебном году два равных семестра. Занятия идут циклами. Шесть учебных дней, седьмой отводится на работу с литературой и самостоятельную практику, восьмой – выходной. Со второго семестра каждый четвертый день циклы выделен для самоподготовки, индивидуальных практических занятий.

– Трудоустройство гарантируется? – уточнила самый актуальный вопрос Яна.

– Представителя каждой профессии по окончании академии, а вернее даже до оного, ожидает несколько десятков выгодных предложений о работе на высокооплачиваемых и почетных должностях в ряде миров. Можно остаться и здесь, в мире Игиды, в Институте пророчеств всегда рады пополнению, – заверил девушку мужчина в черной мантии.

– А вы, декан Гадерик… – Девушка споткнулась на заковыристом имени.

– Зовите просто мастер или декан Гад, – разрешил мужчина.

– Не могу, вы еще не зарекомендовали себя настолько скверно, – честно отказалась Яна.

Декан изумленно приподнял обе брови. А потом догадался:

– Это сокращение что-то означает в твоем языке?

– По-русски «гад» – это мерзкий тип, а мы разве не на русском сейчас говорим? – опешила Донская.

– Ты – да, я – нет. Так что сокращай мое имя смело, не обижусь. На территории академии, под сенью и покровительством Игидрейгсиль, действует магия единства. Она снимает стресс от перемещения, дает возможность спокойно принять перемены в жизни и окружении, а также делает понятной любую речь, устную или письменную. Для студентов академии и выпускников магия сохраняет свою силу за пределами учебного заведения – не только на Игиде, где находится АПП, а в любом ином месте.

– Полезный бонус, – одобрила Янка, уяснив, почему даже не удивилась странным утренним событиям и новым знакомым экзотического вида. Надо же, тролль, дракон, дракесса… Для себя девушка отметила: если не удастся после этой загадочной академии устроиться работать по специальности, то уж как переводчика ее точно с руками оторвут! – Значит, отказаться учиться я не могу?

– Нет, академия выбрала тебя. Разве не чувствуешь, с каждым мигом ты все больше хочешь остаться в этих стенах? – не зло усмехнулся Гад. – Зов Судьбы – не шутка!

– Ладно, поняла. Тогда я должна забрать документы из университета и лично предупредить родных. У меня такой бабушки, как у Лиса, нет, зато есть другая, да и без нее найдется кому за меня волноваться. Письма недостаточно! Еще хорошо бы собрать в дорогу сумку с вещами, – обстоятельно перечислила свои требования девушка.

– Значит, так! Не все твои желания разумны, Яна, – спокойно пояснил декан. – Вещи на Игиду перемещать не следует. Они, за исключением изделий из стекла, золота и нескольких

разновидностей минералов, очень быстро испортятся. Так действует здешняя магия. Но забрать документы и переговорить с родственниками я тебе помогу.

Глава 2
Отчисление-зачисление «а ля АПП»!

Декан слазил в маленькую сумочку на поясе, ощупью извлек оттуда две пластинки. Сжал в пальцах одну, со значком, похожим на свернутую петлей веревку, и с ног до головы обсыпал себя получившейся серой пылью.

Янка задумчиво взирала на творящееся безобразие. Непонятного было слишком много, чтобы прояснить ситуацию расспросами – оставалось только наблюдать. Пока. А уж потом, если ничего не прояснится, можно потребовать объяснений.

Между тем, приняв душ из пыли, декан Гад взял за плечо девушку и, сжав в кулаке последнюю пластинку с «улиткой», скомандовал:

– Представь то место, где находятся твои документы, и сделай шаг.

Донская прикинула и шагнула, представив себе архив университета при ректорате. Она там как-то была, помогала лаборантке относить папки. Ап! Посыпалась, закружилась желтая пыль, и вот уже Яна вместе с Гадом стояли среди металлических стеллажей, набитых личными делами студентов.

В архиве, кроме них двоих, никого не было – это плюс, но они не обнаружили и никаких указателей, способных пояснить, что и где следует искать. По счастью, дверь в этот момент открылась. Показалась Анфиса Игоревна – секретарь ректора, именуемая всеми попросту Фисой, – с какой-то бумажкой в наманикюренной лапке и сосредоточенным выражением на мордочке.

– А что это вы тут делаете? – брякнула Фиса, разглядывая нежданных посетителей архива.

– Документы хотим забрать, – машинально отозвалась ошарашенная столь стремительным перемещением между мирами Яна и, скосив глаза на декана АПП, чуть не поперхнулась последним словом.

Гада было не узнать. Вместо черненького балахона на мужчине красовался вполне приличный темно-серый костюм – двубортный пиджак, брюки с острыми лезвиями стрелок; светло-серая рубашка, галстук в узкую полоску. Начищенные черные ботинки с острыми мысами дополняли модный образ. Все в тренде осеннего сезона! Девчонки вчера на лекции как раз журнал мод листали, Янка запомнила.

– У вас и допуск есть? – В тоне секретаря мелькнула неуверенность.

– А как же, – обаятельно улыбнулся декан и с галантным полупоклоном вложил в ручку Фисы золотое колечко с крупным блестящим камушком. – Мы очень рассчитываем на вашу помощь.

– Что нужно найти? – заценив колечко, шустро сориентировалась секретарь.

– Мои документы, я в другой университет перехожу, – объяснила Яна. – А приказа ждать некогда.

– Задним числом сделаю и у Василича с комиссией подмахну, – пообещала задобренная подношением Фиса и, дождавшись благосклонного кивка Гада, дала инструкции: – Скажи, на чью фамилию бумаги искать, и заявление напиши по образцу. Только дату не ставь, я потом сама.

– Донская Яна Ивановна, – назвалась Яна, присев к столику у окошка, на который Фиса со скоростью метеора метала листок с образцом заявления об уходе, чистую бумагу и даже ручку.

Секретарь ректора тем временем уже нырнула куда-то за стеллажи, погремела-пошуршала папками и вернулась быстрее, чем Донская успела поставить подпись под заявлением. Терпеливо дождалась завершения процесса и бухнула на стол тонкую папочку с завязками:

– Твое?

– Мое, – согласилась Яна, сверив данные на обложке.

Фиса дернула за тесемки и шустро, как делала вообще все, бросила Яне ее аттестат, медицинскую справку и копии прочих документов. Щедро разрешила:

– Забирайте!

Яна достала из кармашка джинсов пакетик, встряхнула и аккуратно сложила личные документы.

– Благодарим, с вами приятно работать, – кивнул декан и, подхватив спутницу под локоток, вышел вместе с ней из архива. Новая пластина с «улиткой» была извлечена из кармана брюк, и Гад шепнул девушке на ухо: – Теперь представляй родительский дом.

Яна зажмурилась, вспоминая родную пятиэтажку, где прожила большую часть жизни. Пластинка хрустнула, осыпаясь желтой пылью. Кроссовки шаркнули по асфальту, в ноздри ударил запах осенней листвы с толикой бензиновой вони. Недалеко от дома проходило шоссе, разделявшее поселок на пару неравных частей.

– А когда вы переодеться успели? Или это магия? – все-таки не утерпела и задала интересующий ее вопрос девушка.

– Я использовал знак АДИ. Он придает иллюзию вида, соответствующего миру, в который переместился. Это сильно экономит время, облегчает адаптацию и взаимодействие с

местными жителями.

– Круто! – от души позавидовала Янка.

– Знакам и их использованию в обязательном порядке учат всех студентов, – усмехнулся декан, с интересом изучая поселковый пейзаж.

Яркое буйство кленовой листвы и оранжевые гроздья рябин, покрытый трещинами, изрытый ямами асфальт, хохочущие карапузы на качелях в маленьком скверике у пятиэтажки, судачащие на лавочках сплетницы-старушки, кирпичное пятиэтажное здание, металлические гаражи с правой стороны, пытающийся завести старый «москвич» мужичок в потертой кепке – все было Янке до боли привычно и знакомо.

– Нам на третий этаж, – потянула декана в сторону первого подъезда девушка. – Бабушка точно дома, да и у мамы сегодня отгул.

Гад без комментариев и вопросов двинулся вслед за спутницей. На двух лавочках у двери старушки с энтузиазмом перемывали косточки очередной «бедной Насте» из телеящика. Но, завидев Донскую и декана, разом переключились на более интересный живой сюжет.

– Здравствуйте, баба Клава, баба Шура, баба Люда! – как из пулемета, выпалила Янка, пытаясь поскорее вывести Гада из-под обстрела пристальных глаз зорких старушенций.

– И тебе не болеть, Яна! Никак жениха на показ родне привезла? – аж подалась вперед баба Люда – первая сплетница села. Сто кило чистого любопытства нацелились на новую жертву.

– Нет, я по конкурсу прошла в другой институт, перевожусь. За документами приехала, все срочно надо делать, – коротко объяснила девушка.

– Вот оно как… – зашушукались бабки. – А куда ж поступила-то?

– Секрет это, не подлежит разглашению, – хмуро проронила Янка.

А за ее спиной начал набирать обороты новый слух о том, что Донская-то в разведке будет служить! И ее самый главный разведчик к родителям попрощаться привозил, чтобы потом в разведшколе за высокой стеной закрыть!

В очередной раз за сегодняшний день поднимаясь по грязной лестнице и скептически оглядывая облупившуюся краску стен, Гад посоветовал:

– Была возможность избежать неудобных вопросов, если бы сразу представила это место.

– Не было. Когда мои рассказывать станут, что я приезжала, а дворовый ЧК меня не видал, проблем не оберешься, – вздохнула

девушка, нажимая кнопку звонка. – Я-то уеду, а им тут жить. Поселок – та же деревня! Сплетни!

Через три птичьих трели оббитая дерматином дверь распахнулась, и на пороге появилась сухонькая миниатюрная старушка с белым облачком-хохолком волос на макушке.

– Яночка? Из города! И не позвонила даже! Стряслось чего? А что за гостя привела?

– Баба Люба, привет, родная! Ничего дурного! Наоборот! – Янка поспешно обняла бабушку и чмокнула в печеное яблочко щечки. – И это не гость, а преподаватель, декан, он меня сопровождает в академию.

– Совершенно верно, – вступил в разговор декан, каким-то неуловимым образом оттесняя внучку и бабушку с площадки в квартиру и просачиваясь следом. Девушка поняла, что происходит, только когда щелкнул замок. – Ничего дурного! Ваша внучка поступила в очень и очень престижное заведение, занимающееся прогнозированием, учетом прогнозов и контролем за оными. Обучение бесплатное, трудоустройство на высокооплачиваемой работе по завершении пятилетнего курса гарантируется! Я являюсь деканом факультета контроля прогнозов. Ввиду того что семестр начинается уже завтра, а ваша талантливая внучка, увы, получила извещение о зачислении лишь сегодня утром и могла опоздать к началу занятий, я решил принять личное участие в ее судьбе. Яне необходимо прибыть в академию не позднее сегодняшнего дня и пройти процедуру регистрации.

– Яночка, а как же институт? Что ж так сразу-то, не посоветовавшись с мамкой, с отцом? Их-то как назло дома нет! Анна-то на базар умотала, раньше, чем часа через три, не обернется, и телефон на зарядке оставила. А Ваня в дальние теплицы поехал, там связи и вовсе никакой! А ну как неприятности у тебя будут? Ты ж столько готовилась, чтобы поступить в сельскохозяйственный, год отучилась, и вдруг такое! Может, передумаешь? – напустилась на внучку баба Люба.

– Не волнуйся, ба, все хорошо. Жаль, конечно, что родителей дома нет. А документы мне в институте уже отдали. Декан помог, он меня и сюда подкинул, чтобы вам все рассказать, – переборов изумление от гладкой речи Гада, попыталась успокоить бабушку Янка.

– Вашей внучке удалось попасть на одно из трех последних мест на первом курсе элитного учебного заведения. Времени на обсуждение вопроса с родными мы, увы, не имеем. Обучение проходит в режиме интерната, студентов обеспечивают всем необходимым, выдают форму и выделяют подъемные на

обустройство. Вам не о чем беспокоиться! – вновь включив на полную мощь обаяние, зажурчал Гад. Даже нос-сосиска декана стал казаться не атрибутом клоуна, а чем-то милым и симпатичным. – Жаль вас расстраивать, но до каникул общение с внучкой придется ограничить письмами. Для родителей Яны, кстати, я вам официальное письмо о зачислении оставлю.

Словно из ниоткуда, а на деле будучи очень ловко выуженным из глубин пиджака, в пальцах Гада появился красивый конверт из плотной серо-голубой бумаги с круглой эмблемой-печатью. В переливающемся, как голограмма, кружке виднелось раскидистое дерево, чьи листики формой очень походили на пластинки, которые постоянно ломал пальцами декан, а плоды напоминали маленькие яркие желтые шарики – детские игрушки из тех, что одно время стоили десять рублей и продавались в автоматах супермаркетов.

– Письмо – это хорошо, а про телефон новость плохая. Это что ж, нам и кровиночке позвонить нельзя будет? – удивилась бабушка и воинственно уперла руки в бока, не спеша принимать конверт.

– Там связь не работает, закрытая зона, – тяжело вздохнула внучка, явственно почувствовав, как собирается гроза.

Декан, даром что прежде с бабой Любой дела не имел, тоже просек ситуацию, втихомолку выудил из мешочка на поясе очередную хрупкую пластинку и сломал ее. Посыпались фиолетовые искорки.

– Тогда я тебе сейчас с собой покушать соберу! – вдруг неизвестно почему проведя параллель между отсутствием связи и необходимостью запасов продуктов питания, объявила баба Люба, мимоходом забрала из рук декана конверт, заткнула его за зеркало в коридоре и ринулась в кладовую.

– Вы чем ее заколдовали? – подозрительно прошипела Янка, готовясь пнуть мужчину по лодыжке, если тот, оправдывая свое гадское имя, навредил бабушке.

– Знак ТИО пробуждает доверие к собеседнику и веру в его слова. На письме аналогичный знак, чтобы родные студентов не волновались, – шепотом отозвался декан, слегка прибалдевший от резвости бабки. – Но такой реакции я не ожидал. Корректировать не буду, чтобы не спровоцировать более экзотических проявлений. Все-таки даже знаки Игиды в мирах фиолетового спектра зачастую проявляются причудливо.

– Игида? Фиолетовый спектр? – нахмурилась запутавшаяся в объяснениях Янка, но занесенную для удара ногу опустила.

– Миры технические, с минимальным проявлением магии. Обо всем этом вам позднее расскажут на лекциях по основам

Мироздания в АПП, – хмуро выдал Гад, утешая себя бормотанием под нос: «Зато Шаортан старую дракошку умасливает, ей тяжелее…»

Еще раз эту фразу про «ей тяжелее», но уже с сомнением, декан повторил, когда из кладовки показалась довольная, как мытый слон, бабушка Любовь, волокущая три здоровенные позванивающие сумки габаритов «мечта оккупанта».

– Вот, в дорожку, варенья, соленья, приправы, – бухнула хрупкая бабушка свою ношу в подозрительной близости от ботинка преподавателя.

– В академии есть столовая, студенты обеспечиваются трехразовым питанием и… – попытался было возразить дезориентированный декан.

– И что? – снова встала в позу героическая бабушка. – Знаем мы эти полупорции для дистрофиков! Яна у меня девочка фигуристая, ей кушать лучше надо, чтоб форму не потерять! И друзей угостить будет чем! Ой, я ж еще джем забыла, желе и варенье! – И бабушка снова ринулась в кладовую.

Гад же процедил сквозь зубы:

– Я всего этого не понесу!

– Земляничное, красносмородиновое, вишневое, малиновое! – перечисляла тем временем в кладовой бабушка, составляя баночки с заманчивым стуком и легким шорохом. Так всегда стучат пузатые баночки, доверху наполненные сладким содержимым, и шуршат закрывающие варенье крышки из бумаги, перетянутые резинкой.

– Земляничное? – В голосе Гада промелькнуло явственное сомнение – слабость личности, готовой поддаться искусу.

– Одна банка ваша, – предложила Янка, трезво оценив свои скромные по сравнению с объемами бабулиных заготовок способности к транспортировке. Хоть об стенку бейся, а одной ей никак четырех туго набитых сумок утащить не получится.

– Три, – стал торговаться декан.

– Две! – не уступила хозяйственная девушка. – Мне, вы слышали, еще сокурсников угощать.

– Договорились, – нехотя отступил на заранее подготовленные позиции Гад. – Но мои самые большие!

Бабуля с умилением пронаблюдала за тем, как гости распределяют сумки. Яне как девушке досталась самая легкая. Внучку напоследок расцеловали в обе щеки и даже декана зачем-то чмокнули в лоб. Ради этого тому пришлось нагнуться. Но чего только не вытерпишь ради увеличения финансирования и земляничного варенья в придачу! Прощальная ласка домовитой старушки куда безобиднее брюзжания финансовой комиссии.

По лестнице декан и будущая студентка спускались тяжелогруженными позвякивающими баржами. Янка запоздало поинтересовалась:

– А еда-то не испортится?

– Не успеет. Вы ее быстрее съедите, – усмехнулся мужчина, не понаслышке знавший об аппетитах вечно голодных проглотов-студиозов. – На продукты воздействие менее заметно, чем на вещи.

– Ой, так, может, мне документы надо было дома оставить, а не в вашу АПП тащить? А ну как у меня паспорт на клочки распадется?

– АПП теперь и твоя, студентка, привыкай. А личные вещи сдашь коменданту общежития, когда сегодня форму получать будешь. Он их в именной короб с защитой от пыли Игиды поместит, – рассеянно проинструктировал Гад. – Ничего не пропадет.

– А дышать этой пылью радиоактивной не вредно? Или в форменный комплект входят защитные маски, обязательные для ношения?

– Дышать не вредно, – усмехнулся декан и все-таки решил немного расширить объяснение: – Тех, кто приходит учиться и преподавать в академию, выбирает сама магия мира и деревьев Игиды, они – дети Игидрейгсиль. Этой магией пропитаны листья и плоды, которыми в процессе обучения пользуются студенты. Часть силы в виде невидимой пыли после рассеивания знаков и семени пророчеств остается в воздухе даже после самых скрупулезных попыток сбора. Эта взвесь не опасна для живых, но постоянное воздействие микрочастиц на предметы, созданные вне мира Игиды, изменяет их, случайным образом преобразуя свойства.

– «Дама сдавала в багаж…» – хмыкнула Янка, припоминая знаменитую стихотворную историю Маршака о болонке, трансформировавшейся за время транспортной перевозки в здоровенную дворнягу.

Да уж, придется, наверное, сдать коменданту свою сумочку и пакет с документами, чтобы вместо личных вещей ко времени выпуска из этого волшебного циркового училища не получить какой-нибудь чудо-куст. Никаких особо трепетно любимых вещей у девушки не имелось, она вообще до странности равнодушно относилась к тряпкам. Было бы удобно, и расцветка не вырви глаз, а в остальном не принципиально, потому к информации об обязательной форме в АПП Янка отнеслась с полным пофигизмом.

У подъезда численность бабчека возросла еще на две

единицы, они проводили уходившую девушку и преподавателя самыми пристальными взглядами. А потом сплетня о разведчице Янке, подпитываясь богатой фантазией жадных до новостей старушек, продолжила набирать обороты. А чего бы иначе Донскую с вещами на выход такой строгий мужчина провожал? Сразу видно, не шпиён какой, а самый настоящий разведчик! Вот Янку-то в разведку точно-точно записали и будут учить так, чтоб Никита́ с Ларой Крофт обзавидовались.

Ничего не знающая о своей будущей карьере разведчика экстра-класса девушка и декан зашли за угол дома, свернули на тропинку в густых кустах зеленой сирени. А уж оттуда они благополучно исчезли благодаря очередной пластинке-листику из кошеля-сумки, извлеченной деканом с неблагозвучной кликухой то ли на ощупь, то ли наугад. Материализовались путешественники в небольшом холле башни, рядом с уходящей круто вверх лестницей. Той самой, которую утром обтирали рукавами Шаортан и Гадерикалинерос. В пустую стенку был вбит недлинный штырь, на котором висел здоровенный золоченый диск со странными закорючками. Цепочка с молотком на штырьке поменьше располагалась рядом. Больше ничего примечательного в помещении не оказалось.

Снаружи через приоткрытую дверь доносились голоса. Один сразу не понравился Янке. Какой-то гнусавый, надменно растягивающий звуки. Этот голос гундосил и, похоже, продолжал кого-то доводить:

– Тролле, а тролле, что же ты к лавке приклеился? Иль примерз, если к нам подойти, сыграть не желаешь?

– Я тебя и отсюда достану, – невозмутимо прогудел Хаг, Янка сразу узнала голос серокожего здоровяка.

– Доплюнешь? – насмешливо, с явным превосходством, уточнил гнусавый и захихикал. Его смех с угодливой готовностью шакалов подхватила еще парочка подпевал.

– А может, у него праща в сапоге? – едко предположил один из насмешников.

Гад неодобрительно нахмурился, поставил сумки с запасами бабушки Любы и рывком распахнул дверь башни. Действительно, на низкой скамье сидел утренний знакомый Янки Фагард Хагорсон, или, как он представился, просто Хаг. Причем не просто сидел, а, небрежно опустив руку, крутил в пальцах небольшой камень. Похоже, один из насмешников в своих предположениях не ошибся. За неимением пращи в сапоге Хаг собирался воспользоваться рукой и метким броском заткнуть рот кому-то из хамов, упражнявшихся в ослоумии. Уж кем-кем, а жертвой здоровяк быть не собирался, вот только сия очевидная

истина пока не дошла до насмешников.

Компашка из трех молодцов стояла поодаль. Смазливый шатен с длинными до плеч волосами и пара его подпевал были одеты в одинаковую одежду синего цвета с одинокой полоской красного канта на рукавах и вороте жилета. Жилет украшала маленькая брошь в форме листочка, на которой имелась цифра два и буква «П». Форма напоминала ту, в которой ходили в Янкиной школе. Брюки, рубашка, жилет. Только воротник рубашки был скроен иначе, а жилет, скорее, напоминал свободный пиджак без рукавов.

– Студент Дрий, как погляжу, вы любите раздражать окружающих, побуждая их к немедленным действиям? Что ж, у меня есть для вас работа по душе! Горнист академии, трубящий побудку! – объявил декан.

– Так здесь же колокол есть, чтобы народ поднимать, я утром слыхал, – поспешил вывернуться нахал, напоказ тряхнув густой каштановой челкой.

– А он сломался, старый артефакт все-таки, – любезно, с самым фальшивым сожалением объяснил Гад. – Хорошо еще тот, что время занятий отсчитывает, исправен.

– Вот-вот, – неожиданно поддержала декана ректор, совершенно незаметно не только для Янки, но и для всех присутствующих материализовавшаяся в холле башни вместе с юным дракончиком. – Так что, студент, начиная с завтрашнего дня и на две циклады – вряд ли колокол починят раньше – ты у нас назначаешься ответственным за побудку всех трех общежитий. Конечно, самому тебе придется подниматься на час раньше остальных студентов, но на какие жертвы не пойдешь ради любимого дела, правда?

– А если я сам просплю, госпожа ректор? – попытался вяло отбрехаться попавший в переплет негодник.

– Ничего страшного, я попрошу коменданта будить тебя вовремя. У старика все равно бессонница, ему не в тягость, – невозмутимо улыбнулась ректор, продемонстрировав очень острые белые клыки. Взгляд на них заставил студента нервно сглотнуть и склонить голову, принимая почетную обязанность горниста.

Пока вожак препирался с руководством, его подпевалы слиняли под шумок, растворившись среди прочих студентов в синем, заполонивших просторный двор. Форма отличалась лишь цветом канта на вороте и рукаве жилета, а так же маленькими, похожими на листики значками. Приглядевшись, Янка различила на них цифры от двух до пяти и буквы «П», «Л» или «БП». Похоже, значки на одежде – эмблемы, позволявшие определить номер

курса и факультет студента. Заодно девушка пригляделась к женской форме и не без облегчения отметила: юбки тут носили вполне приличной длины – до середины лодыжки. Что-то подобное зимой, чтобы не стыли ноги, таскала в универ и сама Янка.

Кстати, молодежь большей частью кучковалась в западной стороне площади, напрочь игнорируя или, что вернее, совершенно осознанно избегая восточной. Та заканчивалась не стенами зданий и арками-проходами куда-то вглубь территории академии, а высокой каменной стеной с совсем не декоративными острыми зубцами.

Гад коротко улыбнулся и взмахом руки велел Янке следовать за ним, Шаортан почти выволокла кудрявого дракончика с пухлой кожаной сумкой на плече.

– Отпустила бабушка-то? – подмигнул щуплому пареньку невозмутимый, как скальный утес в бушующем море, Хаг.

– Ректор Шаортан умеет быть очень убедительной, – вяло отозвался парень.

Похоже, бабуля не выпустила внучка без боя, и парень, впрочем, как и госпожа ректор, выглядел немного пожеванным. Поправив ремень сумки на плече, блондинчик тяжко вздохнул.

– А вещи зачем? – удивилась Янка. – Мне сказали ничего не брать. Все равно в негодность придет, да и форму выдают.

– Бабушка настояла. Я быстро расту, все равно выбрасывать, – криво улыбнулся Машьелис и, продемонстрировав похвальную наблюдательность, заметил: – Ты, между прочим, тоже с сумками!

– Это не вещи, а еда, у меня тоже есть бабушка, – оправдалась Янка, и они с блондинчиком понимающе переглянулись и синхронно вздохнули. Да уж, бабушки – они такие бабушки! Вне зависимости от мира проживания!

– Итак, абитуриенты, – закончив разбор полетов с проштрафившимся студентом, над которым теперь откровенно потешалась вся площадь, подуставшая в боях с бабушкой-драконом Шаортан встряхнулась и переключила свое внимание на утренние жертвы Прялки Судьбы. – Сейчас вы должны проследовать к Арке Выбора, дабы пройти процедуру распределения по факультетам.

– Где арка? – уточнил Хаг, подозрительно озираясь. Ничего архитектурно похожего в той стороне, куда махнула рукой ректор, не наблюдалось. – Она невидима?

– Идите, и она появится, – дала ценные указания дракесса.

– Значит, я отправлюсь туда, увижу арку и пройду под ней? – педантично уточнила Янка, не стремясь сломя голову кидаться в неизвестность.

– Совершенно верно, – нетерпеливо согласилась Шаортан, только что в спину не подталкивая «жертвы». – Давайте, идите по нужной дорожке!

– Про дорожки вы ничего не говорили, – застыла на месте землянка. – Здесь только плиты.

– Когда Арка Выбора возникает не для одного, а для нескольких абитуриентов, процедура распределения немного меняется, – терпеливо пояснил Гад, уже успевший убедиться в настойчивости девушки и понять – проще объяснить что к чему, нежели надавить и ждать, пока она поддастся. – Каждый из вас после возникновения арки увидит светящуюся дорожку, по которой ему захочется пройти. Ошибиться и пройти по чужой тропинке не получится, не волнуйтесь.

– Пошли, что ли? – встав со скамьи, предложил Лису и Янке здоровяк и первым направился в сторону высокой стены. Не пригодившийся в стычке камешек парень аккуратно убрал в один из мешочков на поясе.

Девушка вздохнула и пристроилась в кильватере у Хага, от всей души надеясь на то, что их не разыгрывают, устраивая что-нибудь вроде шуточной церемонии посвящения, и арка действительно появится. Волшебство – оно такое волшебство, сила еще более могучая, чем бабушки! Те, во всяком случае, более предсказуемы. Если имел дело с одной, то и других поймешь. А вот магия, как успела убедиться Янка за одно короткое утро, куда более разнообразна в своих проявлениях.

Площадь перед высоченной башней была выложена серыми плитами. В городе, где училась девушка, тротуары перед магазинами или вдоль центральных улиц часто мостили мелкими серыми или красноватыми плитками. Выглядело вполне прилично, но стоило ударить первым заморозкам, и ноги начинали скользить по этим плиткам так, что невольно закрадывалась мысль: а не состоят ли плитоукладчики в сговоре с травматологией местной больницы? Слишком уж повышалось их трудами число пациентов с вывихами, растяжениями и переломами. Сама Янка тоже пару раз падала на плитках. Хорошо еще – только синяками отделалась, да стала на остановку ходить дворами. Пусть асфальт побитый, в ямах и рытвинах, зато не скользко.

Впрочем, здешние плитки были побольше городских: размером с полметра и цветом посимпатичнее – серые, с едва заметным желтоватым отливом, как речной песок на пляже. Никаких светящихся тропинок в пределах видимости не наблюдалось, впрочем, как и арок.

Не наблюдалось ровно до того момента, когда трое

абитуриентов приблизились к стене еще на несколько метров. А потом – бац! – и она (арка) «наблюлась». Возникла из ниоткуда и засияла, разбрызгивая ярчайший свет переливами всего цветового спектра – от ярко-красного до темно-фиолетового. Магическое радужное коромысло оказалось огромным, минимум с двухэтажку.

Появление арки-радуги не прошло незамеченным для остальной, тусовавшейся на площадке публики. Среди студиозов послышался восхищенный гул. Очевидно, именно для того, чтобы поглазеть на сверхъестественную радугу, а вовсе не ради утреннего променада или встречи трех новых студентов публика и толклась на площади. Зрелище, Янка была готова согласиться, стоило того, чтобы его ждать и любоваться.

«Если бы я верила в ирландские приметы, точно ринулась бы с ломиком и лопатой на поиски горшка золота под основанием здешней арки», – успела подумать девушка и, невольно сощурившись, сделала очередной аккуратный шажок.

Плиты под ногами вспыхнули. Не загорелись обжигающим ступни пламенем, а засветились, засияли, переливаясь, как арка, но не всем спектральным великолепием, а разнообразием одного зеленого цвета. Зато он был представлен во всей полноте: от бледно-травянистого до насыщенно-изумрудного.

– Ух ты, малахитовая дорога, как для вождя выстелили, – восхищенно цокнул языком Хаг, и Янка оторвала взгляд от своей тропинки только для того, чтобы увидеть, как под ногами ее спутников светятся дорожки точно таких же оттенков.

Три дорожки одинакового цвета сияли и будто бы нетерпеливо подталкивали идущих по ним вперед, под арку. Понимая, что отступать все равно уже поздно, Янка набрала в грудь побольше воздуха, как если бы собиралась задержать дыхание, и пошла на поводу магии. Вперед, в странные сияющие ворота!

Момент самого прохода отложился в памяти покалывающим теплом, охватившим все тело от макушки до пяток, и светом, таким ярким, что пришлось заморгать и зажмуриться. А когда Янка открыла глаза, удивилась тому, как тускло, почти темно, стало на площади. Радуга исчезла, оставив на запястье щекочущую зеленую полоску – не то татуировка, не то браслет шириной в палец. Точно такие же браслеты рассматривали на руках дракончик и Хаг.

– Надо же, все трое – ко мне! Такого везения следовало ожидать. – Ироничный голос декана послышался совсем рядом, Янка даже не успела заметить, как тот подошел.

– К вам? – поспешил уточнить Лис.

– Факультет блюстителей пророчеств, – с каким-то философским смирением в голосе объяснил Гад и махнул троице рукой. – Первокурсники, за мной, помогу вам заселиться в общежитие. А то сами до вечера провозитесь, а завтра уже занятия.

Сумки, собранные бабушкой Янки, декан не забыл. Тащить все сам не стал, нагрузил студентов, распределив строго, но справедливо: три сумки силачу Хагу и по одной самой Донской и Машьелису. Девушка, покосившись на хрупкого сокурсника, взяла себе ношу потяжелее. И все равно Машьелис, вынужденный волочь чужие вещи, недовольно сморщил нос. Имел право! Свою-то сумку он нес сам и ни у кого помощи не просил, Янка вот тоже не стала бы просить, но коль декан велел… Впрочем, блондинчик не преминул возмущенно прошипеть для порядка:

– Чего же ты столько с собой тащишь?

– Бабушка вареньями и соленьями на дорожку нагрузила. Проще было взять, чем объяснить, почему не надо, – вздохнула девушка и пообещала: – Я вас грибочками и вареньем обязательно угощу!

– О, грибы есть! А какие? – добродушно уточнил Хаг.

– Опята и грузди, – отчиталась Янка, помогавшая в увлекательном деле сбора и нудном процессе закрутки.

– Лады, – причмокнул тролль.

– А я варенье больше, чем грибы, люблю, – признался Лис, с новым практичным интересом глянув на пять сумок подарков запасливой старушки. И сразу перестал изображать сломленного непосильной ношей страдальца. Вот притворщик!

– Две банки земляничного варенья – мои, – не оборачиваясь, предупредил Гад и вздрогнул от окрика ректора Шаортан, с легкостью перекрывшего шум, царивший на площади. Дама метнула в спину копье вопроса:

– Декан, а новую заявку по полной комплектации я за тебя рисовать буду?

Гад, будто в него и впрямь чем-то кинули, вздрогнул всем телом, обреченно вздохнул, огляделся и издал зычный крик:

– Стефаль!

Рядом с троицей новоявленных студентов и деканом факультета блюстителей пророчеств нарисовался высокий зеленоглазый блондин с заплетенными в сложную французскую косу волосами. Высокие скулы, тонкий нос, брови цвета темной пшеницы. На этаком красавце смотрелась как парадный мундир даже синяя форма с четырьмя полосками зеленого канта на манжетах и воротнике. Да обряди такого типа в рубище, и оно смотрелось бы нарядом от кутюр.

Янка украдкой вздохнула. Недолюбливала она слишком красивых парней из-за того, с каким высокомерием те порой на нее посматривали.

– Стеф, не в службу, а в дружбу, проводи новичков до общежития, помоги получить вещи и устроиться! – попросил Гад.

– Конечно, декан, как староста факультета я с удовольствием все сделаю, – педантично, пусть и без бросающейся в глаза особой радости, склонил причесанную голову парень. Прядки волос в районе ушей на мгновение разъехались, приоткрыв острые кончики.

Глава 3
Недолгие проводы

– Ясного дня. Я Стефаль Лаэрон, студент четвертого курса факультета блюстителей пророчеств и его староста, – первым делом представился привлеченный к работе парень. – Могу поинтересоваться вашими именами?

– Хаг, – кивнул тролль, стукнув себя по плечу сжатым кулаком.

– Машьелис о Либеларо, – едва заметно наклонил кудрявую голову блондинистый дракончик, представившись в отличие от тролля полным именем.

– Яна Донская. – Реверансам Яна обучена не была, потому просто назвалась.

– Отлично. Идемте за мной, общежитие недалеко, – велел Стефаль и, не оглядываясь, направился к проходу между башней и трехэтажным домом из светлого камня, оккупировавшим чуть ли не всю правую сторону площади.

– А что там? – уточнил диспозицию Хаг, кивнув на длинное здание, похожее на букву «Г». Оно окружало площадь так, что для высокой стены и огромных входных ворот с небольшой калиткой и невысокой башенкой оставалось немного места. Кстати, башенка из трехцветного светофорного кирпича очень напоминала КПП (или как у них тут это называется? – Яна не знала).

– Архив исполненных пророчеств на первых двух этажах, на третьем – картотека всех учащихся академии, как бывших, так и нынешних, – мимоходом бросил староста. – Я как раз сегодня данные по первому курсу из административного корпуса заносил. – Эльф махнул рукой на другую каменную трехэтажку. В Лапе на первом этаже большая карта академии с обозначениями. Захотите, посмотрите.

– В Лапе? – теперь уже переспросил дракончик.

– Общежитие так прозвали. Оно одно на три факультета, форма здания интересная, потому и Лапа, – с легкой полуулыбкой объяснил проводник.

– А наружу отсюда выпускают? – покосился на «КПП-светофор» Машьелис.

– В дни отдыха – конечно. В рабочую часть циклады – нет. В четвертый и шестой дни, отведенные для самостоятельной работы, только по разрешению декана или мастера-преподавателя – для посещения городского архива и

библиотеки, – спокойно разъяснил проводник и даже приостановился на несколько секунд, чтобы тройка первокурсников имела возможность в последний раз оглядеть площадь. – С разрешением подходите к мастеру-дежурному, и добро пожаловать в город Дрейгальт. Только делать там особенно нечего. Кормят в нашей столовой лучше, чем во многих городских кафе, ученические товары в лавке дешевле. Разве что на прогулку по историческим местам сходить.

– Стефаль, ясных дней! – защебетали, устремившись к старосте, две симпатичные девицы в форме, отделанной ярко-ярко-желтой каемочкой. Причем у одной красотки в кудряшках просматривались витые рожки, а у другой по щекам вились симпатичные узоры из мелких чешуек.

– Гала, Эльтира, – вежливо кивнул Стефаль, а девушки рассиялись так, словно им не студент улыбнулся, а как минимум известный актер. – Простите, но я вынужден покинуть ваше чудное общество и сопроводить первокурсников к общежитию.

Быстро, пока девушки не напросились в компанию, староста свернул обзорную экскурсию и летящим шагом устремился к арке. Новички, уж на что у Хага был широкий шаг, чуть ли не бегом ринулись следом. За аркой открывался настолько обыденно-университетский вид, что Янка даже немножко растерялась. Травка, кустики, деревья, клумбы, дорожки, скамейки вдоль них, разбросанные по территории корпуса – все было почти знакомо. Разве что зелень казалась чуть зеленей, чем любой газон в парке, да кое-каких цветов на клумбах землянка узнать не смогла. Другое дело экзотический вид студентов. Вот взять хотя бы сопровождающего.

Янка шла молча и украдкой бросала на старосту озадаченные взгляды, пытаясь сообразить, представителем какой расы является юноша. Машьелис приметил состояние девушки и не преминул подколоть:

– Остроухий понравился?

– А? – оторвалась Яна от мыслительного процесса, поудобнее пристраивая на плече ремень тяжелой сумки. – Нет, я думаю.

– О чем? – теперь уже изумился юный дракон, не ожидавший такого ответа.

– Какой он расы?

– Как какой, гоблин, конечно, – на голубом глазу объявил Лис.

– А почему кожа не зеленая? И где клыки? – простодушно озадачилась девушка, смутно припоминая гоблинов из фильмов.

– Болел в детстве, а клыки в драке выбили, – беспечно пожал плечами дракончик.

Хаг оглушительно захохотал, чуткое ухо Стефаля, прислушивающегося к разговору, дернулось, он смерил шутников взглядом врача, совершающего обход пациентов дома с желтыми стенами, и терпеливо объяснил:

– Я эльф, понятно, человек?

– Понятно, – миролюбиво согласилась Янка.

– У вас на первом курсе расоведение будет, все узнаешь, – покровительственно, с толикой превосходства, дарованного опытом старожила, улыбнулся Стефаль. – Начнете с основных рас, а на втором курсе уже редкие пойдут.

– Спасибо за информацию, – вежливо поблагодарила девушка и, решив вопрос с расой, спросила о другом.

Когда ее что-то озадачивало, Янка предпочитала спрашивать сразу, не боясь показаться смешной или глупой. С ее-то внешностью – не все ли равно? Лучше знать, чем не знать и из-за этого попадать впросак.

– Скажи, а зеленая кайма на форме означает студента факультета блюстителей?

– Конечно, цвет браслета и отделка формы, как и цвет рабочей мантии, которую мы только на лабораторные надеваем, зеленые, – удивился незнанию столь элементарных для любого абитуриента вещей староста. – По цвету полос на форме определяется факультет студента, а значок на жилете с цифрой и аббревиатурой указывает и курс, и факультет.

– Ага, понятно, значит, у нас – зеленые, у провидцев – красные, а у летописцев – желтые полосы? – шустро провел ориентировку по значкам и полоскам Лис.

– Да, – подтвердил Стефаль.

– А чему учат на факультете блюстителей? – продолжила допытываться девушка.

– Блюсти пророчества, конечно, – хихикнул Машьелис.

– Так и есть, – коротко улыбнулся эльф. – Нас учат следить за соблюдением пророчеств и корректировать их исполнение в случае необходимости. У вас завтра будет вводная лекция, там расскажут подробнее обо всех факультетах.

– Спасибо. – Уяснив смутную суть будущей профессии, Янка отложила рассуждения о ее практической пользе на потом и с удвоенным интересом закрутила головой, изучая местность.

Пройдя по дороге между зданиями, будущие студенты и староста оказались на открытом пространстве, в очередной раз напомнившем девушке родной университет, точнее, его сквер. Минимум деревьев, газонная, то есть какая-то приглаженная, травка, разноцветные кустики, скамеечки, несколько памятников, один фонтан и разбросанные по периметру, как кубики из

конструктора, разнокалиберные здания. Горстки студентов в синей форме хаотично перемещались по территории.

Смилостивившись над новичками, староста не стал отсылать их к плану академии, висящему где-то в общежитии со странным прозванием «Лапа». Стефаль щедро поделился информацией с бедолагами, опоздавшими на общефакультетский ликбез для первокурсников:

– Вот те несколько белых зданий дальше, по правую сторону, туда ведет отдельная дорожка, – апартаменты педагогов. Впереди по основной дороге, смотрите и запоминайте, учебные корпуса. Слева желтый дом – лечебница, там и занятия по лекарскому делу проходят. За лечебницей грядки и теплицы с лекарственными растениями. Справа от дороги – зеленый корпус с залами для физического совершенствования тела, площадками для нагрузки, для игры в дван, беговыми дорожками и полосой препятствий. Дальше расположен основной квадрат учебных корпусов. Направо от них здание из светло-серого камня – общежитие студентов. Библиотека в нем же. Рядом, слева от общежития, столовая, административный корпус и торговая лавка с мелочами. Лесок слева от квадрата учебных корпусов – это лесопарк академии. Без сопровождения старшекурсников туда лучше не ходить. Большие теплицы отсюда не увидите, они под защитной погодной завесой. Академия много овощей и фруктов выращивает сама. Господин Байон, мастер растительной магии, за этим неусыпно следит!

– А что за каменное дерево вот там, за общежитием и учебными корпусами? – Хаг махнул рукой вперед, туда, где высилась поистине монументальная скульптура. Не герой какой-нибудь или краса-девица в духе античности, а здоровенное дерево с листьями и шарообразными некрупными плодами, собранными в небольшие кисточки.

– Там самый большой сквер для прогулок. А это Игидрейгсиль – Великое Древо – символ Академии пророчеств и предсказаний. Вам подробно расскажут о нем на общей вводной лекции и на лекциях мастера Ясмера по основам Мироздания и истории Игиды, – с явственным уважением по отношению к символу и мастеру пояснил Стефаль.

– Симпатичное, – вяло пожала плечами девушка, пока не питающая к скульптуре древа-символа каких-либо особенных чувств. По счастью, благоговение перед памятниками в отличие от интуитивного понимания любого языка в адаптивных целях в голову студентов при попадании в академию не вкладывалось.

– Древо – основа основ не только нашей академии, но и Мироздания, – наставительно поправил староста факультета.

– Хм, понятно, – буркнул что-то для себя решивший Хаг.

– А у вас тепло тут, – блаженно прижмурился под лучами начавшего пригревать солнышка Машьелис и, поставив сумку на свободную скамью у дорожки, расстегнул и сбросил свою элегантную курточку, оставшись в кружевной белой рубашке.

Немного вспотевшая девушка решила последовать примеру дракончика. Примостив сумку, Янка вжикнула молнией свободной джинсовой куртки и перекинула ее через лямку сумки с припасами. Не удержавшись, потянулась, привстав на носочки, прогнулась всем телом.

Рядом кто-то поперхнулся воздухом и закашлялся. Янка резко раскрыла глаза. Зарозовевший, как яблочко-ранетка, Стефаль жадно ловил ртом воздух.

– Подавился, болезный? – сочувственно уточнил здоровяк Хаг у проводника и, не дожидаясь ответа, услужливо хлопнул эльфа по спине.

Бедного старосту отчетливо шатнуло. Волосы опять взметнулись, открыв розовые кончики ушей. Стефаль поспешно отпрыгнул от «доктора» и заверил «спасителя»:

– Нет-нет, больше не надо, все уже прошло.

Потом покосился на Янку и почему-то из розовой ранетки превратился в густо-красный делишес. Девушка сочувственно вздохнула, порылась в бабушкиных запасах и, достав бутылку с яблочным соком, отвинтила крышку.

– На, хлебни сочку яблочного! – от чистого сердца и широкой русской души предложила Донская бедному старосте.

– Благодарю. – Даже сип у эльфа вышел каким-то мелодичным. Стефаль с полупоклоном принял стеклотару и глотнул, потом глотнул еще раз и еще.

О чем-то напряженно размышляя, староста выхлебал литр сока, при этом ни с кем не говорил, а смотрел исключительно на газон.

– Ты как? Еще не оклемался или задумался о чем? – заботливо уточнил Хаг, когда Стефаль три раза подряд попытался глотнуть из опустевшей бутылки.

– Все в порядке, – глубоко вздохнул эльф, успевший вернуть себе нормальный цвет лица и ушей. Даже отступил на шажок от здоровяка, чтобы не нарваться ненароком на очередную лечебную процедуру. Вернув девушке бутылку, он еще раз поблагодарил поилицу и, отведя в сторону глаза, норовящие сползти с лица студентки куда-то пониже, снова повел компанию к общежитиям.

– Эк беднягу разобрало от твоей фигуры, а? – шепнул ухмыляющийся дракончик и украдкой пихнул девушку куда-то в район пышного бедра. Как только стресс от испуга прошел,

трусоватый пацан явил свою истинную сущность записного проказника.

– Скажешь тоже, болтун! Подавился человек, то бишь эльф воздухом. С кем не бывает? – отмахнулась девушка, аккуратно опуская бутылку в урну-колокольчик рядом со скамьей. Вторая, черная урна, была дальше, да еще и крышкой странной прикрыта. Наверное, предназначалась для других отходов. Мусор-то, он в любом мире встречается в изобилии, так что и сортировать его тоже могли научиться в любом мире. Задавать старосте вопросы на этот счет Янка не стала, подождет, пускай в себя придет, задохлик.

– Ну да, ну да, – снова хихикнул блондинчик в ответ на отмазку «подавился» и тут же, прервав веселье, удивленно выдал: – О, теперь понятно, почему «Лапа».

Общежитие трех факультетов представляло собой большое, не столько высокое, сколько длинное здание. Три корпуса сходились воедино. В основании ЛАПЫ имелось несколько дверей, ведущих в большущий холл. Туда, собственно, Стефаль и вел будущих студиозов.

В светлом высоком холле, годящемся больше для того, чтобы служить вратами в какой-нибудь храм культуры – театр или концертный зал, на худой конец, филармонию, – было довольно шумно и людно. Ясное дело, не все из снующих вокруг ребят и девушек являлись людьми, но, поскольку все передвигались на двух ногах, имели две руки и вполне человеческие черты лиц, Янка решила не углубляться в детали. Люди и люди, даже если эльфы, тролли, гоблины, орки или драконы, все одно – люди.

Пол был каменным, из широких, выложенных узором больших ромбовидных плит. Точно такие же ромбы на потолке горели как лампы дневного света, освещая пространство там, где не доставало света, льющегося из окон. Высокие колонны подпирали потолок. Несколько диванчиков и кресел стояли неподалеку от стен, их частично прикрывали кадки с живыми растениями, отгораживающими уголки отдыха от чужих взглядов.

Три широкие лестницы в конце холла расходились лучами: прямо, налево и направо. Стены рядом с каждой из лестниц служили еще и досками объявлений для студентов. Издалека Янка опознала только типичную для любого учебного заведения карту территории, о которой говорил староста.

Стефаль между тем не оставил троицу, а быстрым шагом повел прямо под центральную лестницу. Распахнул прикрытую дверь и вежливо позвал:

– Комендант Олхрокх, можно?

В ответ послышалось несколько щелчков, присвистов и,

наконец, последовало сварливое разрешение:

– Заходи, Стефаль, что у тебя?

– У нас. Еще три новых студента на факультет блюстителей, – уточнил староста, кивком головы предлагая спутникам следовать за собой.

– Еще трое, – некто устало присвистнул.

Спустившись по небольшой – всего с десяток широких ступеней – лесенке вниз, компания оказалась в нужном месте. Вопреки местонахождению подсобкой помещение не было. Скорее уж оно походило на большой и отлично организованный склад с многочисленными полками, полочками и шкафами. Слева от всего этого великолепия стояла вполне типичная с виду стойка, за которой виднелся стол. А вот уже за ним находился тот самый комендант Олхрокх. И уж он ничем на типичного гуманоида не смахивал, потому как гуманоидом вовсе не являлся. Больше всего обитатель склада напомнил Янке ярко-голубого осьминога. Большая голова с выпуклыми глазами, клюв, множество рук-щупалец с присосками, гибкое тело – все это очень походило на представителя головоногих.

Зато занятие осьминога вполне соответствовало званию коменданта: он сидел в высоком кресле, держал в щупальце ручку и что-то проворно строчил в гроссбухе.

– Ух ты, голубой осьминог! – непосредственно восхитился Хаг. Вот только что в этой непосредственности было искреннего, а что – провоцирующего коменданта на откровенность, осталось неясным для окружающих. Ну а Янка, оторопело разглядывающая странное создание, и вовсе никакого подвоха не заметила.

– С вашего позволения, юноша, силаторх, а не осьминог. К обитателям морским наша раса имеет самое отдаленное отношение. Куда более отдаленное, чем можно решить, руководствуясь внешним сходством. Ваше невежество не является поводом для оскорблений, – щелкнул клювом комендант и глянул на тролля так, что Янке невольно представился какой-нибудь профессор, взирающий на неуча-студента из-под очков.

– У него еще не было расоведения, господин комендант, – оправдал Хага Стефаль.

– Оно и видно, – хмыкнул силаторх и уже деловито осведомился: – Стало быть, три комплекта для новичков?

– Да, – коротко кивнул староста.

– Сам к комнатам проводишь, мне недосуг, – распорядился осьминог, осьминогом вовсе не являвшийся.

– Разумеется, – охотно смирился с «горькой» участью эльф.

Педантично поместив ручку в держатель, силаторх ловко оттолкнулся от стола щупальцем, и кресло повернулось вокруг

своей оси, открывая коменданту доступ к длинным рядам полок с разными разностями, среди которых имелись аккуратные стопки комплектов формы вплоть до курток, рассчитанных на прохладную погоду, шапок, обуви, постельного белья, полотенец, канцелярских товаров и прочих жизненно необходимых каждому студенту мелочей.

Янка задумчиво глянула на бойкий – в восемь щупалец – процесс компоновки «комплектов для новичков» и шепотом уточнила у Стефаля:

– А почему у нас размеров не спросили? Форму самим подгонять надо будет?

– Зачем мне ваши слова? – сварливо отозвался комендант вместо старосты. – Я глазам больше верю. И ты поверь! Вот коль примеришь, а что-то не впору окажется, тогда приходи с претензиями.

Щупальца осьминога живо сновали среди полок, водружая на широкую стойку рядом с письменным столом три аккуратные стопки. Оглядев набранное, силаторх оттолкнулся от кресла и взлетел. Пораженно ойкнул Лис. Комендант прямо по воздуху проплыл к дальним полкам, где продолжил методичную выборку.

– Он летает, – как-то заторможенно констатировал очевидное тролль. Похоже, его неколебимому спокойствию и устоявшимся представлениям об основах мироустройства только что был отвешен чувствительный пинок.

– Конечно, летаю, попробовали бы вы на щупальцах бегать, – проворчал комендант. Он плюхнул очередную кипу вещей поверх трех стопок, в шесть щупалец одновременно упаковал набор первокурсника в три объемных мешка с истершейся синей печатью «АПП» в левом углу и объявил: – Все, забирайте! Средняя стопка девушке, по краям для парней!

Почесав голую голову и совершенно по-человечески сморщив лоб, осьминог хлопнул себя щупальцем:

– Вот ведь! Чуть не забыл!

Комендант подплыл к резному деревянному шкафчику, висящему рядом с рабочим столом, приложил щупальце к створке. Шкафчик на миг вспыхнул золотым свечением и открылся. Осьминог вытащил из его недр три позвякивающих мешочка и три вполне заурядных ключа с бирками.

– Ваши подъемные и ключи от комнат. Троллю и дракону – номер восемнадцать, человечке – шестая.

– Мм, а разве отдельных апартаментов не предусмотрено? Я согласен доплатить, – вытянулось лицо Лиса, скептически изучающего ключ на маленькой цепочке с плоской деревянной биркой-номерком, у которой откололся нижний уголок.

– Не предусмотрено никому, кроме старосты факультета! – отрезал силаторх и ехидно уточнил: – Но раз ты такой богатый, то в единовременной стипендии на обзаведение не нуждаешься?

– Еще чего! Конечно, нуждаюсь! – замотал головой кудрявый блондинчик, быстро сцапал маленький звякнувший мешочек, лежавший рядом с ключом на стойке. И только затем стащил за шнурок мешок с вещами.

– Чтобы дракон да от денег отказался?! – хохотнул Хаг, подгребая свое имущество.

– Вещи сдавать на хранение будете? – деловито уточнил комендант, не спеша опускаться в удобное кресло.

– Буду, – тут же отреагировала Яна и выставила на стойку свою сумочку. Вынула из ушей золотые гвоздики – мамин подарок – и сняла с запястья часы. Все убрала под молнию в боковой кармашек.

Хаг и Машьелис щедрым предложением силаторха не воспользовались. У первого сдавать, окромя собственной одежды, было нечего, а бегать голышом перед новыми знакомыми парень не хотел. Второй заранее списал в расход все свое имущество, напиханное сверхзаботливой бабушкой, и теперь собирался выяснить экспериментально, что и сколько продержится.

– Вещи возвращаются по требованию и предъявлению номерка комнаты, – оповестил осьминог публику.

Янка благодарно кивнула и протянула руку к выданным пожиткам.

– Я помогу, – объявил Стефаль и буквально выхватил мешок, предназначенный Янке, из-под пальцев девушки. – Сейчас заселитесь, а потом до библиотеки провожу. Спасибо, комендант!

– Ступайте, – махнул щупальцем силаторх и отправился с Янкиной сумкой куда-то вглубь хранилища.

Будущие студенты, прибавившие к пяти сумкам еще три, вышли из совмещенного со складом кабинета осьминога и двинулись к центральной лестнице. Именно она вела в общежитие блюстителей.

– Эй, а значков-то студенческих нам не дали, – запоздало спохватился Машьелис и собрался было вернуться для вытряхивания положенных символических украшений из коменданта.

– Вам их завтра на вводной лекции дадут, – поспешил придержать ретивого дракончика староста и улыбнулся эдак загадочно, словно во вручении эмблемы АПП таилась некая тайна.

– Тогда ладно, – разом успокоился блондинчик, не видевший улыбочки эльфа, и легко, будто не тащил несколько сумок разом,

взбежал по лестнице наверх.

По сравнению с холлом в коридоре на втором этаже было почти тихо. Из-за отдельных дверей время от времени раздавались смех, звуки веселой болтовни или спора, но многоголосого неумолчного гула не слышалось. Ковровая дорожка симпатичного зеленого цвета, не изуродованная никакими узорами, устремлялась вдаль. Примерно посередине коридор расширялся, образуя овальный зал, достаточно просторный, чтобы вместить в себя несколько диванчиков, стульев и кресел. Там же имелись диск с прилагающимся к нему молотком на цепочке, очень похожие на те, что видела Янка в Башне Судьбы, и большая доска объявлений у панорамного окна. Вот тут активно общающихся девчонок и парней уже было где-то пятнадцать.

– Это зал собраний факультета, – пояснил эльф. – На доске дублируются все объявления по академии, расписание и сообщения по отдельным курсам. До зала – комнаты парней, дальше – девушек. После десяти вечера вход на девичью часть общежития для парней блокируется.

Янка приняла информацию к сведению, попробовала сосчитать мебель в зале и нахмурилась. Почему-то выходило маловато.

– А сколько всего студентов на факультете? – опережая девушку, уточнил тролль.

– Пятьдесят два, – ответил Стефаль. – Первокурсников сейчас нет в здании. Они на экскурсии по академии со старостой третьего курса Грахдом. Блюстителей пророчеств немного. Чаще всего Арка Выбора отправляет студентов учиться на летописцев и провидцев, на наш факультет приходится вдвое меньше. То, что вы, сразу трое, к нам попали – редкость. Да и процент отчислений у нас самый большой.

– Экзамены сложные? – насторожилась Донская.

Ей ужасно не понравилась новость про отчисление. Совсем не хотелось вылетать из этой академии ни за что ни про что, раз уж из другого института силком выдернули.

– Нет, если нормально заниматься, экзамены и зачеты сдать несложно. Часть студентов после практики отсеивается, – отозвался староста и чуть сдвинул тонкие брови, будто припомнил что-то неприятное.

– Надеюсь, не посмертно? – со смешком, но явно чуток струхнув, шустро уточнил Лис.

– Нет, браслет факультета с руки исчезает, и знак АПП на форме рассыпается в пыль, если Игидрейгсиль не сочло практику успешной, – пояснил Стефаль.

– Мм, ты сейчас про ту скульптуру? – осторожно уточнила Яна, не зная, то ли сомневаться в душевном здоровье эльфа, то ли списать и этот фокус с отсевом на непонятную магию академии.

– Нет, – покачал головой староста. – Я про Игидрейгсиль, истинное Древо, на чьих корнях воздвигнута Академия пророчеств и предсказаний.

– Хватит новеньких пугать, Стеф. – Яркая брюнетка со значком третьекурсницы перебила эльфа, соскочила с диванчика и, подлетев к компании, затараторила: – Вы его не слушайте! Практика – ерунда, на первом курсе ее вообще нет, на втором только в свидетелях побыть доведется! Скажите лучше, куда вас старик Олли заселил?

– Рованна, комендант Олхрокх не любит, когда коверкают его имя! – пожурил девушку староста.

– Ну так я к нему так обращаться и не собираюсь, а ты – зануда! Зря по тебе девчонки на других факультетах сохнут! Они не знают, какой ты нудный, Стеф! – пожала плечами тараторка, отмахнувшись от нравоучений, и повторно потребовала ответа: – Так куда?

– Нам с троллем – восемнадцатый, – Лис покачал номерком перед носом брюнетки, – а Яну в шестой.

– В шестой? К ифринг? – пораженно захлопала ресницами Рованна и тут же завопила, обращаясь к болтающим студентам: – Эй, народ, представляете, Олли поселил новенькую к Латте Иоле!

– Откажись, пока не поздно, проси свободную комнату! – из ближайшего кресла предложила Янке какая-то рыжая девица-второкурсница с капризным ртом, из-под верхней губки которого отчетливо проглядывала пара клыков.

– Почему? – удивилась землянка.

– Так ифринг же! – выпалила Рованна, округлив глаза.

– Не стоит навязывать свои предрассудки другим, – укоризненно нахмурился Стефаль. – Яна, не слушай их. Твоя будущая соседка, Иоле Латте, очень милая девушка.

При слове «девушка» Рованна показательно хмыкнула.

– Я предрассудками не страдаю, – безразлично повела плечом Донская, отчего уши у Стефаля снова начали менять свой колер. Сложно обзавестись расовыми предубеждениями, если еще несколько часов назад никаких рас, кроме человеческой, не встречала.

– Как знаешь, – фыркнула рыжая с клыками и безразлично отвернулась.

– Эй, тролль, ты в дван играешь? У нас на факультете три лучшие команды! – заорал вихрастый брюнет с чуть приплюснутым носом, стоявший у доски объявлений. Голосивший

был крупнее и выше Хага в плечах, вдобавок, как на лопате, подкидывал на широченной ладони овальный мяч.

– Играю, да не в ваш, мы камень кидаем, – охотно откликнулся тролль.

– Это почему? – Брюнет метнул через весь зал мяч в сторону говорившего. Никто из девушек даже не взвизгнул. Похоже, привыкли к подобным выходкам.

– А вот потому, – печально вздохнул поймавший мяч Хаг. Его пальцы рефлекторно сжались на кожаном боку мяча и оставили там три дыры, из которых со свистом вышел воздух.

– Однако, – искренне восхитился и столь же искренне пожалел о невозможности включения в команду перспективного игрока спортсмен. – Надо с Гадом обмозговать. Может, он какой состав для укрепления кожи подскажет. Или мастера Теобаля, как куратора и судью, напрячь. Вдруг чего придумает?

– А я тоже в дван играю! – гордо выпятил грудь Лис.

– В качестве мяча, что ли? – непосредственно удивился брюнет под общий гогот студиозов и тихий негодующий рык дракончика. – Ну, в общем, коли и вправду играешь, подходи на отбор послезавтра вечером. На третью площадку за спортивным корпусом. Рольд, наш капитан, отбор проводить будет, небось до самой ночи опять проторчим.

– Ребята, у меня руки от бабушкиных даров сейчас отвалятся, давайте уж поскорее сумки до комнаты донесем, – торопливо предложила Янка, пока Машьелис никому не нахамил и ни в какой конфликт не ввязался. Трусоватый-то он трусоватый, но, чувствуя молчаливую поддержку тролля, стоящего у правого плеча, вполне мог затеять перебранку. К счастью, слов девушки хватило, чтобы дракончик переключился на новую задачку.

Глава 4
Новая соседка и силаторхи в ассортименте

Комната под номером шесть была третьей с конца коридора справа. Староста добросовестно отконвоировал всю компанию до двери и вежливо постучал. Спустя полминуты створка открылась и наружу высунулась растрепанная серо-черная – в полоску – головка. По-анимешному огромные синие глазищи обвели явившихся удивленным взглядом, в котором плескался вполне закономерный вопрос: «И чего вы всей толпой ко мне приперлись?» Аккуратный розовый ротик тоже изумленно округлился.

– Ясного дня, Иоле, – вежливо склонил голову староста.

– Привет, я твоя новая соседка, Яна Донская, – вставила Янка, продемонстрировав в качестве доказательства ключ, покачивающийся на цепочке с номерком.

– А мы ее вещи принесли, – прогудел Хаг. – Куда положить-то, покажешь?

Этот элементарный бытовой вопрос вывел Иоле из ступора. Она отступила внутрь, махнула рукой и прочирикала:

– Там в комнате свободный шкаф.

Янка прошла первой, огляделась и издала довольное мычание. Эта комната на двоих студентов, пожалуй, побольше всей бабушкиной квартиры. Да, помещение было одно, но оно делилось на сектора столь умело, что оставалось вдоволь места и для спальной зоны с гардеробной, и для рабочего пространства, и для зоны отдыха.

В самом дальнем правом углу, у окна с симпатичными зелеными шторками, на которых порхали разноцветные бабочки, уголком стояли две кровати, аккуратно застеленные изумрудными покрывалами с золотистыми листочками по краям. Милые коврики с пейзажами лесного озера – в осеннем лесу справа и в весеннем слева – прикрывали стены спаленки, а на полу лежал третий коврик с летним мотивом. Кстати, бабочки, вытканные на шторах, действительно порхали прямо по занавескам, как живые.

«Магия», – меланхолично решила Янка и двинулась к большому шкафу, на который показала Иоле. Он был встроен в стену у правой кровати. Распахнув створки, девушка принялась методично составлять банки на длинную нижнюю, вероятно,

предназначенную для обуви, полку.

Парни приземлили остальные сумки рядом с первой и тут же были увлечены Стефалем заселяться в свои апартаменты. Напоследок эльф предупредил Янку, что зайдет через двадцать минут, чтобы отвести всех в библиотеку.

Янка, сосредоточенно сортирующая варенья-соленья, только угукнула в ответ, не отвлекаясь от работы. На несколько минут воцарилась тишина, которую нарушил робкий вопрос:

– Ты действительно хочешь со мной жить?

Донская подняла взгляд на худенькую большеглазую фигурку и снова угукнула.

– А тебе сказали, что я ифринг?

– Сказали. Только я все равно не знаю, кто это, – невозмутимо отозвалась Яна.

– А-а-а. – В голосе соседки прозвучали нотки разочарования и застарелого одиночества.

– Но мне все равно, – закончила свою мысль Донская и поменяла местами банки клубничного варенья и соленых корнишонов.

– Ифринги рождаются девочками и так живут всю жизнь, если не встретят своего единственного в женском обличье. Тогда мы можем превратиться в мужчину. Мы любим лишь раз и навсегда, только в союзе с любимым у нас появляются дети, – коротко объяснила соседка.

– Э-э-э, – протянула запутавшаяся Янка. – То есть ваши любимые всегда женщины? Или они бывают разного пола?

– Разного, – внесла ясность в физиологию ифринг Иоле. – Но если единственная окажется женщиной, мы меняем пол.

– Поня-а-а-тно. И часто вы своих единственных встречаете? – заинтересовалась статистикой Яна.

– Редко, – вздохнула Иоле. – Мы вымирающая раса.

– А в чем прикол? Почему к тебе никто селиться не пожелал? – не поняла Донская.

– Сочли это неприличным. Если я вдруг завтра превращусь в парня, окажется, что они жили в одной комнате с мужчиной. Урон для репутации, возможные женихи косо смотреть будут, – вздохнула Иоле и робко уточнила: – Теперь ты тоже пойдешь проситься в другую комнату?

– Не я, – мотнула головой Яна, принимаясь за последнюю сумку с бабулиными богатствами. – Ты!

– Что? – непонимающе захлопала длинными ресницами ифринг, а глаза ее начали наливаться непролитыми слезами обиды.

– Я говорю, если вдруг ты завтра встретишь свою

единственную, то уходить в другую комнату придется тебе. Мы ведь в женской части общежития, значит, парню тут жить нельзя, после десяти выпирают. А пока ты девушка, будем соседками, – обозначила свою позицию Яна.

– А-а-а… – Робкая улыбка прокралась на лицо Иоле.

– Красивые шторки, ковры, покрывала – это здесь было или сама покупала? – одобрительно уточнила землянка, кивнув на спальный уголок.

– Сама, – смутилась ифринг и только что ножкой пол не поковыряла. – Все равно стипендию девать некуда. Хотелось комнату украсить, и еще поначалу думала, если будет уютно, кто-нибудь решится ко мне переехать.

– Дуры! Небось как твою комнату после благоустройства увидели, так завидовать начали, потому и других отвадить пытались! – припечатала Янка, поднимаясь с корточек и с видимым облегчением захлопывая створку шкафа, потом вспомнила, что не разложила вещи из мешка, выданного комендантом, и открыла вновь.

А Иоле неожиданно рассмеялась звонким, как ветряные колокольчики, смехом и весело спросила:

– Тебе помочь?

– Не-а, с вещами не надо. Если сама не положила, потом искать тяжело. Но можешь помочь в уничтожении заготовок, которые мне бабушка в дорогу напихала? Декан Гад обещал две банки земляничного варенья забрать, Хаг за соленые грибы голосовал, но там еще немерено…

– С удовольствием, – снова улыбнулась Иоле, – я и варенье, и грибы люблю. Предлагаю на обед что-нибудь в столовую взять к общим блюдам.

– Идея! Заодно столовую покажешь, не все же время нам на хребте у старосты ездить, – одобрила Янка, раскладывая по полкам и развешивая два комплекта формы, две зеленые мантии, белье, туфли на невысоком каблучке, что-то вроде мокасин и прочее, и прочее. Когда дошла очередь до постельного белья и рыльно-мыльных принадлежностей, пришлось уточнить: – А душевая и туалет тут на этаже?

– Э-э-э… да… нет… – на миг впала в ступор ирфинг и ткнула пальцем в угол комнаты, за полубублик большого дивана с высокой спинкой. – Там!

– Что, в каждой комнате? – не поверила своему счастью Янка. Она вскочила и, со скоростью пушечного ядра промчавшись к неприметной дверке, сливающейся с ровным бледно-салатовым цветом обоев, распахнула ее. – Ого!

Ванна и вполне стандартный на вид унитаз имелись в

наличии! Комнатка, выложенная зеленой и белой плиткой, сверкала чистотой и большим зеркалом у раковины-тюльпанчика.

– Не знаю уж, как тут учить будут, но за удобства можно простить многое! – довольно констатировала неприхотливая, но это не значит, что не ценящая комфорта землянка, утягивая в ванную выданные комендантом полотенца.

– Учат интересно, – горячо заверила соседку Иоле и стеснительно предложила: – Я, правда, пока только на втором курсе, но если нужно будет помочь, обращайся!

– Спасибо! Пока за мной староста не пришел, про комнату расскажи. Что тут у тебя, где и как.

– У нас, – радостно поправила девушка соседку.

– У нас, – согласилась Донская, с сочувствием глядя на щупленькую Иоле, фактически ставшую изгоем только из-за особенностей физиологии расы. Нет, кажется, ее не травили всем коллективом, но слепое равнодушие подчас бывает поопаснее явной агрессии.

Ифринг, проворно тыкая тонким пальчиком по сторонам, принялась рассказывать, попутно помогая соседке размещаться. Тетради и письменные принадлежности, выданные комендантом, заняли свое место на свободном столе. А в шкафу на длинной полке осталось вдоволь места для учебников. На небольшой тумбочке у подоконника стояла эдакая плоская магическая плита. А в самой тумбочке обнаружились неплохой запас разных печенюшек, мешочки с травяными сборами для заварки и немного посуды.

Постельное белье, совершенно обычное, белое, приятно пахнущее свежестью, девушки сноровисто застилали уже в четыре руки, попутно Янка, чей взгляд упал на опустевший мешок со склада осьминога, уточнила у Иоле:

– Слушай, а все-таки почему свои вещи надо куда-то сдавать для сохранности? Правда, что ли, испортиться могут – протухнуть, как рыба?

– Протухнуть не протухнут… но… – Соседка нахмурила брови, добросовестно припоминая подробности лекционного материала первого семестра: – Тут все дело в Игиде. Нет, не в ней самой, а во взвеси мельчайших частиц, постоянно пребывающих в воздухе. Они нейтральны только к здешнему миру. Студентов защищает магия академии, а на иномирные вещи защита не распространяется. Под воздействием всепроникающей пыли Игиды свойства материи изменяются, и в большинстве случаев не в лучшую сторону. Одежда расползается на клочки, цвет меняется, все покрывается пятнами, даже иной металл может сделаться хрупким, как скорлупа, или мягким, как глина. И чем

дальше от спектрального цвета мира академии то пространство, откуда принесли предмет, тем скорее происходит порча. Поэтому лучше спрячь все, что хочешь сохранить, в мешок и отнеси коменданту. Ящики для сохранения защищены знаками самой Игиды, так что вещи не пропадут.

– Понятно, спасибо большое, – поблагодарила Янка лекторшу, сделав мысленную пометку: побыстрее умять все запасы, пока грибы вместе с банками не превратились в резину, а варенье в солидол или что похуже.

Землянка переоделась в синюю форму с зеленым кантом. Женский вариант состоял из блузки, жилетки и длинной, до середины икры, юбки. Переобулась в коричневые туфли-лодочки на низком каблуке. Попутно Янка удивилась, как точно подобрал размер осьминог-комендант. Все было впору и вполне удобно. Пригладила волосы и только теперь сообразила, что в число гигиенических принадлежностей, полученных от коменданта, никакого минимума косметики не входило. Наверное, желаемые мазилки следовало приобретать в лавке на подъемные средства.

– Ты чего? – чутко отреагировала на задумчивость соседки Иоле.

– Да вот про косметику думаю. Лак для ногтей, карандаш маскировочный, помаду или блеск в лавке можно купить? – поделилась сомнениями Янка.

– Кое-что можно, – осторожно ответила ифринг и явственно замялась.

– Что, дорого очень? – по-своему истолковала замешательство собеседница.

– Нн-нет, а зачем тебе косметика, ты же сейчас с чистым лицом? – неловко ушла от ответа Иоле.

– Чуток косметики есть. Блеск, чтобы губы не шелушились, прыщи пудрой замазаны, – честно перечислила землянка. – А ногти без лака жутко ломаются, потому бесцветным крашу. Я вообще мазаться не люблю. Времени жаль. Глаза не крашу, сразу от любых средств красными становятся, как у кролика, да и ресницы, если с тушью, вечно в глаза лезут, загибаются, заразы, и моргать неудобно. Это уж совсем светлым блондинкам, у кого ни бровей, ни ресниц не видно, надо сильно пачкаться, а мне и так сойдет, пока молодая. Пусть не очень красивая, зато отмывать меньше приходится!

– А-а-а, – Иоле улыбнулась уже бодрее и полезла в свой шкаф, поясняя в процессе: – Здесь косметикой почти никто не пользуется. В АПП слишком много разных рас, потому надо соблюдать осторожность. Накрасишься как-нибудь не так, и кто-то может решить, что ты объявляешь кровную вражду, кто-то, что

желаешь встретить пару или, – ифринг порозовела, – ищешь развлечений. Были прецеденты, теперь старосты в первый же день новичков предостерегают.

– Н-да, – хмыкнула Янка. – То-то я гляжу, у девчат здешних мордашки такие чистые. Думала, что они красотки, поэтому в косметике не нуждаются. А оно вот как…

– Еще и физкультура часто, а после нее все лучше смыть, чем с тем, что осталось, ходить, – заключила Иоле и выложила перед соседкой пяток вполне земных на вид «патронов» с почти бесцветной помадой. – Мне в лавке целый набор дали, возьми себе любые, не жалко.

– Спасибо большущее, свои люди, сочтемся, – выбрала самый нейтральный оттенок Янка и принялась кидать в мешок для коменданта оставшиеся земные шмотки. Даже часы с руки сняла. После короткого объяснения Иоле насчет «распада имущества» стало ясно, почему студентам на обзаведение хозяйством в обязательном порядке выделяются средства и выдается такой обширный минимум вещей. Проще позаботиться о новичках один раз, нежели постоянно устранять последствия использования личных предметов каждым, притащившим в общежитие кучу вещей. А так вся вина за порчу имущества ложится на плечи студента. Вещи пришли в негодность? Поделом, надевай форму и в следующий раз слушай мудрые советы преподавателей.

Янка мысленно улыбнулась, пытаясь вообразить, как скоро и во что преобразуется одежда Лиса. Мысленно она уже только так и называла Машьелиса. Хрупкий, блондинистый, трусоватый и шкодливый парень упорно ассоциировался у девушки с лисенком. Дракон он там или не дракон, а только Лис, и все тут.

Когда Стефаль с двумя парнями, из которых в форме оказался лишь Хаг, зашли за Янкой, та уже была готова. Иоле решила проводить новую подругу в библиотеку и заодно взять себе парочку справочников.

– Кстати, ты бы сдал вещи на хранение, – заботливо посоветовала Янка худосочному дракончику. – Иоле сказала, вещи могут очень быстро испортиться. Даже поносить не успеешь. Не жаль?

– Не-а, да не переживай, я и доставать-то все это не буду, а коль испортится, на каникулах бабушке непременно все верну, пусть поглядит – может, больше с собой ничего совать не станет, – отмахнулся Лис, по-видимому затюканный заботой старшей родственницы пополам с ее авторитетом куда больше, чем Янка всеми своими домочадцами.

Так что вещи в личные сейфы, расположенные где-то в глубинах комендантского подземелья, укладывали только

Донская и Хаг.

А самым приятным сюрпризом оказалось местоположение библиотеки с огромным читальным залом. Если комнаты студентов Лапы располагались на втором этаже, то под царство книг был отведен весь первый этаж общежития. В первой Лапе имелся огромный читальный зал, во второй размещались редкие экземпляры, предназначенные лишь для чтения в этом зале, в третьей же располагалась, собственно, библиотека – высоченные ряды, целые лабиринты книжных шкафов и стойка выдачи литературы у входа. Там сидел силаторх.

– Комендант Олхрокх? – удивленно прогудел тролль.

– Библиотекарь Холоротх, – сварливо, похоже, этой отличительной чертой обладали все осьминоги, проскрипел силаторх.

– Новичкам блюстителям первого курса нужна подборка учебных материалов, библиотекарь, – вежливо и поспешно, пока никто из спутников не сморозил очередной глупости, вмешался Стефаль. А на ухо Хагу прошипел:

– Его нельзя обижать! Злопамятный – жуть, и с нашим комендантом в ссоре! Теперь продержит долго и выдаст самые старые книги, будешь три циклады извиняться, пока заменит!

– Предупреждать надо, – невозмутимо буркнул тролль, которого, похоже, было не прошибить ни насмешками, ни ожиданием, ни перспективой дрянных учебников.

– А тебе чего? – подтверждая слова эльфа о злопамятности, первым делом обратился силаторх к Иоле.

– Хотела хороший справочник по лекарственным растениям и расширенный по знакам. Подберете что-нибудь для второго курса, уважаемый библиотекарь Холоротх? – спросила девушка, виновато глянув на подружку.

– Будет, – не то хмыкнул, не то хрюкнул осьминог и уже привычно взлетел из кресла за стойкой.

Библиотекарь профланировал куда-то в дебри высоченных книжных шкафов, взмывающих почти к самому потолку. Лишь шелест страниц и стук корешков свидетельствовали о том, что силаторх улетел работать, а не гонять чаи с вареньем и плюшками.

– Теперь надолго, – вздохнул староста и укоризненно покосился на тролля, разговорившегося не в добрую минуту. Тот просто пожал широкими плечами. Дескать, ну лоханулся, так с кем не бывает? Подождем!

– А силаторхи нашу еду едят? – тихо поинтересовалась Янка, склонившись к эльфу и стараясь, чтобы ее не услышал обидчивый осьминог.

Стефаль в очередной раз продемонстрировал резкую смену окраски кончиков ушей и столь же тихо ответил, слегка поморщившись:

– Едят. Очень любят соленое.

– А помидоры или огурцы едят? – уточнила девушка.

– Огурцы, – дал справку эльф.

– Тогда я скоро приду, – пообещала Яна и бочком, бочком (при ее комплекции двигаться изящно было затруднительно) попятилась к двери.

– Помочь? – добродушно поинтересовался Хаг.

– Не надо, – отмахнулась она. – Не переломлюсь. Я быстро!

Явилась землянка через шесть минут. Ровно столько ей потребовалось, чтобы подняться в комнату на второй этаж, забрать нужное и вернуться. Силаторх все еще шуршал и стучал где-то в глубинах библиотеки.

– Вот, – довольно отдуваясь, Янка бухнула на стойку трехлитровую банку с солеными огурчиками, сняла металлический зажим, потянула за язычок и не без усилия приподняла стеклянную крышку.

По библиотеке поплыл ни с чем не сравнимый запах бабушкиных солений, укропа, эстрагона, тмина и огуречного рассола. Хаг шумно сглотнул набежавшую слюну, а Лис и Стефаль синхронно сморщили носы. Крепкий аромат домашних заготовок вышибал дух!

– В библиотеке нельзя есть!!! – Над дальним шкафом приподнялась голова осьминога и негодующе махнуло щупальце.

– Мы не едим, – чистосердечно отчиталась Янка. – Вот слыхали, вы огурчики соленые любите, занесли баночку. Будете? А то мне самой никак столько не съесть.

– Огурчики? – В сердитом голосе поубавилось негодования.

– Трехлитровая банка. Мы с бабушкой сами растили – и огурцы в парнике, и приправы на огороде, сами засаливали, – продолжила соблазнять силаторха девушка, обстоятельно повествуя о технологическом процессе получения вкусного продукта.

– Сейчас. – Голова силаторха исчезла, и уже буквально через тридцать секунд перед каждым студентом возвышалась стопка новеньких, словно только из типографии, книг. А трехлитровую банку огурчиков со стойки словно корова языком слизала.

– Вот, приложите номерок комнаты к формуляру и убирайтесь! – сварливо велел библиотекарь, которому, похоже, не терпелось остаться наедине с вожделенным трофеем.

Четыре маленькие, с ладошку, зеленые книжицы шлепнулись рядом со стопками. Студенты полезли за ключами с бирками от

комнат, оказывается, по совместительству являвшимися еще и личными печатями. Янка аккуратно приложила бирку к плотному картону пустого формуляра. Тотчас же на чистом листе возникли ее имя и данные: Донская Яна Ивановна, первый курс, факультет блюстителей пророчеств, шестая комната. Любопытства ради девушка заглянула внутрь формуляра. Там уже красовался четкий, словно отпечатанный на принтере, список взятых учебников. «Путевой лекарь. Лекарское дело. Первый курс», «Основы медитации – путь силы», «Расоведение», «Основные знаки Игиды. Справочник», «Риторика как искусство», «Основы Мироздания», «Пророчества: классификация, особенности изречения и осуществления», «Основы и многообразие магии»… – какие-то названия выглядели странно, какие-то вполне знакомо. Но полистать книги, вникая в суть, можно было и позже, а пока Яну интересовала сама волшебная система заполнения формуляра.

«Какая удобная магия!» – успела подумать девушка, вспомнив, сколько приходилось стоять перед поселковой библиотекаршей, пока она занесет в компьютер и запишет вручную на карточке все взятые книги.

Выполнив распоряжение силаторха, студенты подхватили тяжелые стопки и вымелись за дверь, на которой словно по волшебству появилась знакомая каждому землянину надпись: «Технический перерыв».

– Янка! Я тебя люблю! – пылко признался Лис, облизывая взглядом новенькие томики учебников.

– Главное, что библиотекарь соленые огурцы любит, – добродушно улыбнулась девушка. – Спасибо за подсказку, Стефаль!

– Надо же, в первый раз такие новые учебники вижу, – покачал головой пораженный эльф, со смесью удивления и толикой зависти разглядывая корешки выданных книг. Он опять галантно забрал весь груз у девушки.

– А всего-то и надо было поднести осьминогу банку огурцов, – хихикнул Машьелис. – О чем ты, староста, узнал на пятом курсе академии.

– Да где бы я ему их нашел? – беспомощно пожал плечами эльф.

– Теперь знаешь где, – уже привычно пихнув в бок Янку, осклабился дракончик и получил в отместку шутливый подзатыльник.

– Если надо, у меня еще одна большая банка и пара двухлитровых есть, – щедро предложила землянка, разумно полагая, что продукты, пока не испортились, должны успеть

принести максимальную пользу. – Бери!

– Нет-нет, но благодарю за щедрость, – смутился эльф и опять отвел взгляд, так и норовивший прилипнуть к персям Янки.

– Давайте-ка учебники отнесем и пойдем поедим, – одновременно с громким урчанием, раздавшимся из живота, предложил тролль.

Дуэт Хага и его желудка вызвал очередной смешок у Лиса, а вот Янкин живот решил голосовать за разумное предложение согласным бульком. Поддерживая организм, девушка энергично поддакнула:

– Не мешало бы пообедать! Заодно столовую посмотрим! Иоле, ты нас отведешь?

– Конечно, – радостно согласилась ифринг, истосковавшаяся по обществу.

Первым делом парни сгрузили книги в свою комнату. А Янка так и застыла у порога, окидывая взглядом просторное, как и у них с соседкой, но удивительно пустое и какое-то неустроенное помещение. Казалось бы, все тот же большой диван, два кресла, рабочие столы, шкаф, стулья и кровати, поставленные уголком, но уюта нет. Все познается в сравнении! Сейчас вот Янка в полной мере поняла, какое замечательное гнездышко умудрилась свить Иоле и как повезло ей, студентке Донской, когда осьминог выдал именно шестой номерок!

Компания занесла книги в комнаты, Янка прихватила баночку груздей, и студенты всей гурьбой отправились в столовую. Почему-то староста Стефаль тоже оказался в числе проголодавшихся, на чем никто заострять внимания не стал. Если пищу духовную студенты должны были принимать по месту проживания, то хлеб насущный выдавался в другом здании, стоявшем как раз напротив главного входа в Лапу. Здание было круглым в периметре. Оно состояло из высоких каменных плит, чередующихся с прозрачными стеклянными панелями. На потолке в темное время зажигались лампы. Но обычно внутри кафетерия и без дополнительного освещения было светло.

В центре помещения виднелась круговая стойка, уставленная в три этажа судками и кастрюлями, а внутри ее, как в осажденной крепости, отбивался от голодных студиозов половниками, лопаточками и ложками… силаторх.

«Как гигиенично, – одобрительно подумала Янка. – Никакие волосы в еду не падают за их полным отсутствием. И скорость обслуживания на высоте!»

В студенческой столовой, к примеру, девушку всегда раздражали работники общепита, трясущие над тарелками своими патлами. Отчего и так не особо вкусная пища становилась

еще менее привлекательной.

Народу внутри хватало, но силаторх работал столь оперативно, что очередь умирала в зачатке, не успев народиться. Пройдя к стойке и вооружившись подносом, Янка на миг замерла, принюхиваясь к вполне соблазнительным ароматам, тогда как остальные уже вовсю забрасывали многорукого, то есть многощупальцевого, повара названиями выбранных блюд, или, не мудрствуя лукаво, как Хаг, просто тыкали в них пальцами.

– Чего будешь есть? – не слишком вежливо осведомился у Янки повелитель раздачи.

– Комплексный обед, хорошо бы с рыбой, остальное на ваш выбор, – определилась Донская, за что неожиданно удостоилась одобрительного взгляда выпуклых глаз силаторха и нового вопроса:

– Жидкое употребляешь?

– Суп люблю, – согласилась девушка и облизнула взглядом кастрюльку, из которой явственно тянуло хорошей ухой.

– Молодец! – похвалил повар и шустро нагрузил на поднос Янки большую тарелку с ухой, блюдце с горкой чего-то явно травянистого, вроде салата, поставил широкое блюдо с жареной рыбой и неожиданно фиолетовым гарниром к ней, а в довершение бухнул высокий стакан с чем-то зеленым.

– Спасибо, – поблагодарила Яна и пошла вместе с новыми друзьями к свободному столику на шесть персон. Стефаля, правда, пытались зазвать к себе несколько девушек и даже парочка парней, но староста-эльф остался верен своим обязанностям. С вежливой полуулыбкой эльф игнорировал посторонние предложения.

Столовые приборы – ножи, четырехзубые вилки, ложки, как букеты, стояли на каждом столе в больших чашках в окружении лепестков-салфеток. Выловив ложку и выставив на стол банку обещанных грибов, проголодавшаяся землянка наперегонки с троллем, тоже попросившим ухи, приступила к оперативному уничтожению первого блюда.

Остальные тоже ели охотно, с удовольствием дегустировали бабулины грибочки, однако конкурировать с парой таких основательных едоков, как Хаг и Яна, не могли. Хотя Лис честно пытался. Как в щуплого парня влезает столько, сколько он притаранил на своем подносе, Донская могла только гадать. В конце концов, она решила, что все дело в расе соседа. Драконам положен драконий аппетит, на том землянка полностью успокоилась. И вообще. В чужой рот заглядывать невежливо!

– Это ж сколько она себе положила! – с соседнего стола, где сидели две стройные девушки, донеслось ядовитое шипение,

претендующее на то, чтобы считаться шепотом, но шепотом такой нарочитой громкости, чтобы его было слышно как минимум половине посетителей столовой. – Неужто все влезет?

– В такую толстомясую? Влезет! – столь же тихо ответила еще одна змейка.

Поскольку рядом с девицами сидели лишь Янка и Иоле, землянка совершенно справедливо решила, что поиздеваться хотят именно над ней. Однако злости не возникло. Ну да, фигуристая она, такая уж уродилась, что ж, из-за этого не кушать?

– Худая корова никогда не станет газелью, – громко констатировала Донская и, отодвинув опустевшую тарелку с ухой, потянулась ко второму блюду.

В ответ по столовой пронесся смех, переросший в громовой хохот, ерничающие соседки, резко отодвинув стулья, понеслись к выходу, шипя что-то об оскорблениях, которые смываются лишь кровью, и о скорой мести.

– Как ты их срезала! – рыдал от хохота Машьелис, прятала улыбку Иоле, подрагивали губы Стефаля, а Хаг одобрительно стучал по столу пудовым кулаком – так, что подпрыгивала и звенела посуда.

Янка в недоумении подняла взгляд от фиолетового пюре, весьма напоминавшего по вкусу картошку, и захлопала глазами.

Изящные витые рожки убегающих девиц, их негодующе хлещущие по ногам хвостики и оставленные на столе мисочки с салатом сказали ей больше всех прочих объяснений. Может, в силу флегматичного склада характера Яна и не соображала со скоростью холерика, но делать выводы на основе имеющихся фактов умела.

– Вообще-то я себя имела в виду, – несколько растерянно призналась девушка и вздохнула. – Меня еще бабушка от диет новомодных отговорила. Не та конституция, чтобы сидеть впроголодь. Неловко-то как получилось, надо будет перед девочками извиниться. Они небось себя ради красоты мучают, вот и позавидовали, когда я с аппетитом есть начала. Бедняжки!

– М-да, опустила и растерла, – хмыкнул Лис, гордясь Янкой.

Больше никто к обедающей группе не приставал и аппетит испортить не пытался. Когда все поели, Стефаль по обязанности куратора вежливо уточнил планы новеньких. Машьелис хотел прогуляться по территории академии, а Яна попросила для начала сходить в лавку.

– Стипендия руки жжет? – ухмыльнулся дракончик, подмигнув девушке. – Нам же вроде как все необходимое осьминог на складе выдал.

– Часы, чтобы на уроки не опаздывать, домашние тапочки, халат и пижаму не давал, – смущенно перечислила Янка. – Вам, парням, может, и все равно, а я не могу дома в уличной одежде ходить, и тем паче – спать. Так что вы, Лис, можете погулять, мне же в магазин надо.

– Как ты меня назвала? – не то удивился, не то оскорбился блондинчик.

– Кхм, извини, – смутилась девушка. Иоле и Стефаль пытались скрыть улыбки, а Хаг лыбился совершенно открыто, демонстрируя выступающие клыки. – Лис. Машьелис очень длинно, вот и сократила.

– А почему не Маш? – кажется, ничуть не обиделся парень.

– У нас это женское имя, – улыбнулась Янка. – А Лис… Ты ведь худой, юркий, остроносый, как лисенок, и имя на моем языке звучит похоже, вот и вырвалось. Цветом, правда, не очень похож. У нас лисы большей частью рыжие, реже черные. Зато… – Янка улыбнулась. – Есть редкий вид полярных лис – песец называется.

О том, что название хищной зверушки созвучно с ругательством и является символом больших неприятностей, девушка промолчала.

– Дракон по имени Лис, – покатал на языке прозвище Машьелис о Либеларо. Родословная у парня была длиннее хвоста той змеи, что, по мифам троллей, плавает в Великом Океане Миров, а бесконечные уроки грозной ба, заставляющей учить имена великих предков, сидели в печенках. – Знаешь, мне нравится! Друзья, зовите меня так!

– Лис – это звучит гордо, – хихикнула Янка.

– А то! – высокомерно поддакнул Машьелис о Либеларо, получивший прозвище на третьем часу студенческой жизни.

Сдав грязную посуду в окошко мойки, компания покинула столовую и направилась по маршруту, предложенному Яной Донской. По здравом размышлении приобрести домашнюю обувь и одежду решили все. Форма – она, конечно, штука хорошая, но круглые сутки ходить в форменном платье любому осточертеет! Это еще хорошо, что им, блюстителям, зеленый цвет, успокаивающий нервишки, достался, а не красный или желтый, как другим факультетам.

Лавка, где могли потратить подъемные и стипендию студенты АПП, располагалась рядом со столовой и общежитиями. Янка ожидала увидеть что-то вроде магазинчика с канцтоварами и мелочевкой, такого, какой был у нее на первом этаже института, с добавлением текстильной продукции, но ожидания опять не оправдались. И, пожалуй, опять в лучшую сторону.

Снаружи магазин для студентов казался именно лавкой с

мелочовкой, но стоило войти внутрь, и взгляд терялся среди массивов многочисленных шкафов, шкафчиков, полок и вешалок.

– Чем могу помочь? – заботливо осведомились у посетителей из-за скопления вешалок слева.

Янка думала застать в огромном магазине еще одного силаторха, орудующего своими щупальцами с универсальной скоростью автомата, но увидела симпатичную низенькую толстушку в синем платье с аккуратной белой наколкой в копне рыжих кудряшек и в кружевном фартучке. Так могла бы выглядеть лучшая в мире няня – мечта дошкольника.

– Часы, тапочки, пижаму и халат – ей! – бойко выдал за притормозившую подружку Лис. Освоившись и убедившись, что в АПП ему ничего не грозит, парень стал натуральным нахалом. Янка только вздохнула. Она так быстро обычно не действовала. И в магазинах, да и на базаре, покупки никогда с ходу не делала. Сначала ходила, смотрела, приценивалась и, наконец, определившись с выбором, покупала. Все-таки белобрысый оказался слишком стремительным для флегматичной девушки.

– Часы какие? Одежду в каких тонах? – улыбнулась покупательнице толстушка. Ямочки заиграли на румяных щеках, затанцевали кудряшки.

– Часы – главное, чтобы надежные. Тапочки и халат желтые, а пижаму зеленую, – вздохнув еще разок, ответила Яна, – размер у меня… – начала она говорить, но ее опять никто не слушал.

Толстенькая тетенька расправила прозрачные крылышки за спиной и вспорхнула, устремившись куда-то вглубь помещения. Причем Янка готова была поклясться, летела она сквозь шкафы и вещи.

– Она что, привидение? – заметил странность перемещения тетеньки Хаг и уточнил у Стефаля.

– Нет, она феера, – пожал плечами эльф. – Сильфида пространств и желаний! Никто другой с магазином в АПП не управился бы! Так с материей работать только они могут. Для каждой группы клиентов создавать свой вариант магазина и одновременно обслуживать, угадывая самое необходимое.

– То-то я смотрю, мы тут одни, – почесал затылок тролль и выдал на удивление философскую для туповатого на вид здоровяка сентенцию: – Чего только в мирах не бывает, каких только созданий не встретишь!

– Это АПП, – коротко ответил Стефаль, будто своими словами дал исчерпывающее объяснение всему происходящему.

– Вот, милочка, погляди! Подходит? – Кудрявая и крылатая толстушка материализовалась у прилавка с кулоном-часами на тонком плетеном шнурке, желтыми пушистыми тапочками без

задников, столь же ярким халатом на вешалке и зеленой, как молодая травка, широкой пижамой. К этим нужным вещичкам прилагались несколько комплектов белья и прокладки. Янка мысленно поблагодарила фееру и дала себе щелбан за оплошность. Хороша бы она была без всех этих совершенно необходимых вещей!

– Да, – только и осталось сказать Яне. – Сколько с меня?

– Три золотых и пять серебряных листочков за все, – снова улыбнулась феера, не озвучивая перечень предложенного товара.

В стоимость покупки заботливая толстушка включила все, в чем нуждалась покупательница, и благоразумно не стала поднимать щекотливый вопрос комплектации в присутствии парней.

Чем именно придется расплачиваться, девушка не очень представляла, так же, как не знала, стоит ли торговаться, как на базаре, или нужно оплачивать покупки, как в обычном магазине. Но поскольку торговаться Яна никогда не любила, слишком этот процесс напоминал ей ссору, она молча развязала завязку на кошельке и высыпала на ладонь несколько монеток. Сразу стало понятно, о каких листочках говорила продавщица. Монетки, выданные студентам в качестве подъемных, не были привычными кругляшами, а имели овальную форму листа. Чем-то желтые монетки (неужто и впрямь настоящее золото?) напоминали те самые листики, за которыми то и дело лазил в сумочку, чтобы превратить в порошок, декан Гад.

Вот только серебряных листиков на ладошке у Яны не было. Девушка не поленилась заглянуть в кошелек и убедиться: там остались только желтые монеты. Спрашивать о соотношении курса золотого листочка к серебряному почему-то было неловко, поэтому, понадеявшись на то, что в одном желтом листике точно больше, чем пять серебряных, землянка протянула феере четыре золотых монеты. Пухленькая продавщица одарила покупательницу еще одной добродушной улыбкой, сложила все покупки в большой бумажный мешок и отсчитала десять серебряных листочков сдачи из кармашка передника.

«Значит, в одном золотом листике пятнадцать серебряных», – мысленно поставила галочку Янка, принимая покупки и аккуратно ссыпая сдачу в кармашек формы. В мешок не стала класть специально, чтобы не вылавливать потом серебряные листики среди золотых. А часы, с виду самые обычные, каких и в земных магазинах тысячи – циферблат с черточками да две стрелки, – девушка сразу повесила на шею. Заводить не пришлось, тикали.

– А вам, студенты, ничего не требуется? – склонила голову

набок феера, окидывая Иоле, Лиса, Хага и Стефаля взыскующим взором. Иоле сразу покачала головой.

– Мм, пожалуй, тетрадь на двести листов для записей, – припомнил Стефаль и тронул щеку.

Лис же, лукаво посверкивая глазами, спросил:

– А у вас такие же тапочки, как для Яны принесли, есть? Хочу! Только красные!

– Найдем, – пообещала толстушка, не пряча улыбки.

– Ковер на пол у кровати хочу. Не лесное озеро, как у девушек, а море с чайками, – подумав, выпалил Хаг и почему-то потупился и позеленел. – Есть у вас?

– Найдем, – снова повторила с улыбкой феера, и за обычной вежливостью продавца на ее лице мелькнуло истинное одобрение того, что кто-то пожелал воплотить в жизнь кусочек собственной мечты.

– О-о-о, да ты романтик, тролль! – удивился Лис.

– Не люблю босыми пятками на холодный пол вставать, – неловко оправдался Хаг, ну да сосед не стал его больше подкалывать, потому что вернулась, будто и не улетала никуда, хозяйка магазина и выгрузила запрошенные товары перед покупателями.

Красно-черные тапки Машьелис сгреб с урчанием и прижал к груди как великое сокровище. Наверное, ему тоже не улыбалось топать босиком по холодному полу, а строгой бабули для закаливания внучка трудностями под боком не оказалось. Большие руки тролля, разворачивающего скатку ковра, едва заметно подрагивали, а из глотки вырвался восхищенный рык, тогда Хаг увидел тканое великолепие сине-фиолетового бушующего моря и парящих над волнами чаек.

– Берете? – утвердительно уточнила феера и назвала цену.

Громадная тетрадка с замком и на кольцах стоила четверть серебряной монеты, тапочки половину золотого, а за шикарный ковер с тролля запросили всего одну золотую монетку. Соотношением цен заинтересовался Лис, чья драконья сущность не давала проигнорировать этакую странность.

Крылатая хозяйка глянула на Машьелиса и загадочно ответила:

– Исполнение мечты всегда важнее прихоти.

И что-то такое было в ее интонации, что готовый возражать дракончик захлопнул рот, молча заплатил за тапки и так же молча вышел из магазина. Довольный Хаг, взваливший ковер на плечо, и все прочие последовали за ним.

До вечера компания еще побродила по территории, но не всей толпой, а разделившись. Иоле рассказывала Яне об

академии, а с парнями вел общеобразовательные беседы Стефаль. Время от времени староста замолкал и о чем-то тихо вздыхал, но ни Хаг, ни Лис, переполненные впечатлениями от экскурсии, расспрашивать о причинах огорчений эльфа не спешили.

Тихий мирный вечер Яны, проводимый за разглядыванием новых учебников и беседой с Иоле, нарушил громкий стук в дверь. Девушки переглянулись и пошли открывать вместе. Иоле привыкла открывать сама, а Янка полагала, что это решили заглянуть на огонек тролль с драконом.

Но в коридоре стояли совсем не собратья-студенты, а уже знакомый тип в черной мантии. Стоял и нетерпеливо притопывал ногой. Стоило девушкам открыть, как послышалось требование:

– Мое варенье, студентка Донцова!

– Сейчас, – невольно заулыбалась Яна несоответствию строгого вида декана и его желания заполучить банки с земляничным лакомством, выторгованным в обмен за помощь с доставкой продукта.

Яна вовсе не собиралась зажимать варенье. Она даже оставила банки в сумке, которую и вручила преподавателю с пожеланием:

– Кушайте на здоровье!

– Непременно, – пообещал Гад и удалился с на удивление умиротворенно-мечтательной улыбкой на лице.

– Первый раз его таким довольным вижу, – почему-то шепотом поделилась Иоле с новой подругой.

– Вареньем земляничным надо чаще кормить, – выдала рецепт Янка и зевнула столь заразительно, что соседка подхватила зевок.

А через полчаса девушки уже спали, пожелав друг другу сладких снов. Вот только землянке совершенно ничего не снилось, или она совсем не запомнила сновидений. Слишком много всего случилось в реальности, чтобы еще и во сне переживать приключения.

Глава 5
Обещанная экскурсия

Разбудил студенток пронзительный и противный, как зубная боль, звук трубы. Все, как и обещали неумолимые декан с ректором: проштрафившийся студент играл побудку, навлекая на свою голову ненависть всех обитателей Лапы.

Янка застонала и попыталась спрятать голову под подушку, но звук тише не стал. Кажется, труба играла не где-то во дворе или коридоре, а прямо в голове. Издав еще по паре синхронных стонов, девушки встали. А условно-музыкальный инструмент, одарив их напоследок еще одним туше и душераздирающим пассажем, наконец смолк, позволив начать утро, не трясясь и не кривясь от уникальных по своей отвратительности звуков.

– Скорей бы уж ваш колокол починили, – в сердцах пожелала Янка, раздирая свалявшиеся за ночь вьющиеся волосы и пытаясь соорудить их них подобие аккуратной косы. Получалось плохо, упрямые завитки лезли всюду и никак не желали заплетаться. Порой девушка очень завидовала овечкам, которых стригли под машинку, избавляя разом от всех проблем с жарким кудрявым непотребством.

– Знаешь, я весь год думала, что хуже утреннего колокола ничего быть не может, как же я ошибалась, – нахмурила тонкие бровки Иоле и потерла виски.

– Ага, это как в анекдоте про пессимиста и оптимиста, – кисло согласилась землянка и в ответ на непонимающий взгляд новой подруги поведала ей сакраментальную шутку:

– Пессимист обреченно вздыхает: «Хуже уже не будет». Оптимист радостно возражает: «Нет, будет, будет!»

Иоле прыснула в ладошку и стала одеваться веселее. Улыбнулась, наконец совладав с непослушными волосами, и Яна. Стоило поспешить на завтрак, а потом на занятия. Опаздывать в первый день – не лучший способ произвести благоприятное впечатление на преподавателей.

Вчера девушка не только гуляла по территории и знакомилась с расположением корпусов, она еще посмотрела и переписала в тетрадку расписание на доске в общей гостиной. Первыми для первокурсников стояли традиционная вводная лекция и экскурсия с грозной пометкой: «Посещение обязательно». Соседка в ответ на вопрос Яны, с чего такая строгость, только загадочно улыбнулась и пообещала, что будет интересно и жалеть не придется.

На обещанную лекцию в третий учебный корпус сразу после завтрака из вполне заурядной яичницы с беконом и чего-то вроде синего кофе двинулись всей вчерашней компанией. Аудитория, отведенная для вводного занятия, оказалась поистине огромной. Первокурсники со всех трех факультетов, человек пятьдесят, не меньше, смотрелись на этих просторах жалкой кучкой мурашей. Впрочем, студенты не унывали. Они переглядывались, перемигивались, пересмеивались и начинали понемногу знакомиться.

Яна и Хаг с Лисом устроились примерно посередине огромного лектория, похожего на половинку цирка, с той лишь разницей, что вместо кресел тут были лавки с тонкими подушечками, а за арену могла сойти небольшая сцена с высокой трибуной в правом углу.

Ровный гул в помещении стоял ровно до того момента, пока на трибуну не взошла ректор Шаортан. Дракесса в роскошной фиолетовой мантии обвела лекторий внимательным взглядом чуть прищуренных глаз с вертикальными зрачками, и шум смолк.

– Рада приветствовать всех вас, господа студенты нашей Академии пророчеств и предсказаний! – начала женщина. – Традиционно напоминаю о том, что в нашей академии нет неважных предметов или факультетов, всё важно, всё нужно, все и всё взаимосвязано! Без предсказателей нет пророчеств, без летописцев нет указания на место, время и суть пророчества, без блюстителей нет возможности для вариативного и истинного осуществления сужденного и предсказанного! Я говорю это, и знающие соглашаются со мной! А не ведающим еще предстоит убедиться в истинности моих слов! Внимайте же!

И ректор хорошо поставленным голосом продолжила лекцию, четко, кратко и в то же время живо раскрывая суть озвученных ею вначале постулатов. Шаортан говорила о том, что радуга миров, раскинувшаяся во вселенной, бесконечна в своем многообразии, академия же, воздвигнутая в незапамятные времена на костях титанов-предсказателей среди корней первого Древа Миров – великой Игидрейгсиль, породившей и сам мир Игиды, – предназначена для того, чтобы сияние радуги миров не померкло до срока.

Миры, близкие в своем сиянии к Игиде, легки для предсказаний и влияния, но чем меньше цвет мира походит на сияние мира Первого Древа, тем сложнее влиять на него, видеть его события и вносить коррективы.

На факультете пророков студенты учатся настраивать сознание на вибрацию сфер, подбирают наилучший для себя способ и систему предсказания. Там озвучиваются истинные

пророчества. Предсказатели предрекают то, что должно произойти в мирах, ради их гармоничного развития.

Предназначение летописцев – записать пророчество, изреченное и воплощенное. Талант летописцев помогает установить суть, мир и срок изреченного пророчества.

Блюстители же наблюдают и, коль есть на то нужда, помогают осуществляться пророчествам, используя листья великих деревьев.

Янка слушала и гадала, куда же девалось то самое первое дерево? Умерло от старости или его срубили какие-нибудь черные маги-лесорубы?

«Давайте же воззрим и отдадим дань уважения Игиде, на ветвях которой держится гармония мира!» – такими словами, опровергающими версию Янки о кончине Игидрейгсиль под топорами браконьеров-древорубов, закончила вводную часть лекции ректор. Она повела рукой, словно отодвигала кулису за своей спиной.

И ведь действительно отодвинула! Стена исчезла, открыв высоченную арку большого прохода. Ступени широкой лестницы, по которой бок о бок могли бы, не теснясь, идти сразу человек пять, уходили вниз, золотистый свет лился оттуда, но никаких ламп Янка не увидела. Свет просто тек, как патока, густой и плотный, совсем не похожий на тот, что давали обычные лампы, да и на необычный – вроде света шаров в общежитии – он тоже не походил.

Яна покосилась на сидящих рядом парней и удивилась выражению торжественного предвкушения на их лицах. Похоже, они о происходящем знали несколько больше землянки. А ректор Шаортан между тем скомандовала:

– Первый курс, блюстители – за мной, следом летописцы, за ними предсказатели. Предупреждаю, в саду должно быть тихо! Нарушивший правила будет драить лестницы в Башне Судьбы до конца семестра!

Куда идем и в какой сад – из-за приказа о соблюдении тишины Яна переспрашивать не стала. Мыть лестницу ей было совершенно неохота. Потому девушка послушно присоединилась к Лису и Хагу, спускавшимся вниз, к лестнице, вместе с другими первокурсниками-блюстителями, среди которых, как удалось разглядеть, находились парни и девушки разных рас. Исполненная гордого достоинства ректор ожидала студентов на первой из ступенек пологой лестницы, возникшей в лектории как по волшебству. Ступеней было много, и уходили они вниз настолько далеко, что разглядеть конец пути не получалось.

Крупный парень-блюститель с большим горбатым носом,

сросшимися бровями и желтыми глазами с вертикальными зрачками выдохнул:

– Вэй-хо, вот и первое чудо!

– Тихо ты, Авзугар, сказали ж, – шикнула на него толстощекая, лупоглазая и настолько низенькая, что казалась почти квадратной, девушка с аккуратными локонами и опасливо покосилась на дракессу.

– Да я ж тихо, Тита, – извиняясь, шепнул горбоносый однокурснице.

Каменная лестница, серые каменные стены, сложенные из больших блоков, из звуков – осторожные шаги, шорох одежд и дыхание студентов – вот и все разнообразие впечатлений от спуска, длившегося, по ощущениям Янки, не меньше семи минут. Что удивительно, никто рекомендованной ректором тишины не нарушал. Здесь и сейчас почему-то не хотелось шуметь, а душу переполняло удивительное чувство свидания с Чудом. Именно так – с большой буквы.

Золотого света становилось все больше, казалось, лестница и студенты плывут в сияющем киселе, как угодившие в жидкость мухи. Янка мельком подумала, что здесь и заблудиться можно, если лестница, не дай бог, с ответвлениями. Однако лапа Хага подхватила замешкавшуюся девушку под локоть, а пальцы другой руки сжала чуть влажная ладонь Лиса. Похоже, дракончику было несколько не по себе под землей и в таком густом свете, мешающем ориентироваться в пространстве.

Но все имеет свойство заканчиваться. Представлявшийся бесконечным спуск тоже кончился, лестница раскрылась пещерой, настолько огромной, что стены и потолок терялись в потоках света. И пещера эта не была пуста. Все ее пространство занимал диковинный сад. Здесь высились величественные, громадные, как корабельные сосны, лиственные деревья, не похожие ни на какие из виденных Янкой прежде. Во всяком случае, в реальности. Что-то подобное девушка встречала на обложке книги, которую мельком видела у Степки. Кажется, книга та носила заковыристое название, походившее на упражнения для дикторов – «Сильмар…» чего-то там.

Деревья-гиганты имели золотые стволы, на которых замысловатым узором выступали серебряные прожилки, а вверху простирались густые бело-золотые кроны. В них одновременно шумели продолговатые листики, благоухали кисти прозрачно-белых округлых цветов и зрели крупные, с хороший гранат или даже больше, золотые плоды. Каждое из деревьев огромного сада, если представить его в белом камне, в точности соответствовало скульптурному изображению Игидрейгсиль, установленному в

АПП.

Оправдывая Янкино предположение, ректор негромко промолвила:

– Вот они, отпрыски великой Игидрейгсиль – деревья Игиды! Сердце и суть нашей академии, то, без чего ее воздвижение не имело бы смысла!

– Глянь, тут еще и статуя! – едва слышно шепнул Лис, толкнул Янку в бок и мотнул головой в сторону ближайшего дерева.

Под ним и впрямь стояла статуя из какого-то серовато-оливкового материала, изображающая глубоко задумавшегося человека в широком плаще. Вот только вместо нормального носа у зелененькой скульптуры был почти свинячий пятачок. Как раз в момент тычка «статуя» открыла глаза и пошевелилась. Машьелис совершенно по-девчоночьи взвизгнул и шмыгнул за широкую спину Хага, который тихо рыкнул:

– Дурень, это ж дриадан!

– Тишина в саду! – строго напомнила ректор, смерив дракончика неодобрительным взглядом, обещавшим много-много пыльных лестниц для усердных упражнений с тряпкой. – Плодородных дней, Хранитель Тэйв!

– Ректор, студенты, – прошелестела статуя, оказавшаяся совсем не статуей, и забавно хрюкнула носом. – Плодородных дней. Пришли поклониться детям Игидрейгсиль?

– Да, Хранитель. Вы покажете нам сад?

– Не сходите с дорожек, – вместо ответа велел зелененький тип и пошел вперед, вдоль довольно широкой, рассчитанной человека на три, дорожки, убегающей вглубь диковинного сада. Ни одна оливково-серая, для контраста с золотым великолепием деревьев, травинка не примялась от поступи Хранителя.

– Вот оно – сердце академии, – негромко продолжила рассказ Шаортан. – Именно благодаря листьям, цветам и плодам поросли Игидрейгсиль, именуемым «Игиды», существует наша Академия пророчеств и предсказаний!

Янка озадаченно моргнула: почему это? Может, академия приторговывает продуктами сада и тем живет? Но тогда к чему столь сильное благоговение? К счастью, долго мучиться в поисках отгадки никому из студентов не пришлось.

Шаортан и Хранитель Тэйв привели студентов к месту, где дорожка расширялась полумесяцем площадки, на которой разместились все экскурсанты. Дракесса протянула руку к ветке, низко клонящейся над дорожкой, и сорвала прозрачно-белый шарик-цветок. Сейчас этот шарик, по мнению Янки, больше всего походил на мячик-прыгун из магазинного автомата, из тех,

стоимостью по десятке, которыми одно время играли маленькие ребятишки в поселке.

– Это – цветок Игиды, способный вобрать в себя изреченное пророчество и хранить до той поры, пока летописец не перенесет его на свиток. Пророки и предсказатели! С этого дня и далее вас будут учить погружаться в медитацию, открывать себя великому сиянию радуги миров и озвучивать пророчества, в которых нуждается вселенная. Каждый из вас постоянно будет носить при себе цветы Игиды. Если пророчество изречено полностью, цветок примет золотой оттенок. Чем правильнее вы сформулируете воспринятое, тем ярче будет сияние.

«Индикатор. Понятно, что ничего не понятно», – хмыкнула про себя Янка, от всей души порадовавшись тому, что вчера арка не зачислила ее в пророки. Озадаченные и растерянные физиономии студентов в форме с красной каемкой подтверждали тайную радость девушки и будили искреннее сочувствие к невезучим бедолагам.

– Летописцы, для вас Игиды даруют свои плоды! – Шаортан просительно глянула на смотрителя. Тот кивнул, погладил ствол дерева и, протянув руку, легко сорвал большой, с пару апельсинов, золотой шар, ничуть не похожий на съедобный плод. Скорее, он напоминал гадальные шары из оккультных магазинчиков. – Использовать их вы научитесь на занятиях в этом году.

Донская в очередной раз порадовалась тому, что не носит форму с желтой каемкой, и начала терзаться недобрыми предчувствиями насчет участи, уготованной Игидрейгсиль и ректором для тех, на чьей форме красовался зеленый кант. Разумеется, все недобрые ожидания тут же сбылись.

– Листва Игиды, – торжественно промолвила дракесса, – есть великое средоточие знаков! Учиться читать, познавать и использовать их в мирах все вы будете в академии! Блюстители же займутся изучением знаков детальней, чем студенты иных факультетов. От применения знаков Игиды зачастую зависит воплощение пророчеств в мирах!

«Что же мы будем делать с листьями? Курить, как коноплю, чтобы распознать какие-то знаки?» – в очередной раз запуталась в рассказе ректора землянка и со вздохом запрокинула голову, разглядывая крону невозмутимо шелестящего дерева. Запрокинула и замерла, потому что на отдельных листьях, столь похожих по форме на пластинки, которые доставал из мешочка на поясе Гад, ей почудились крохотные, разнообразные, переливающиеся серебром закорючки. Они словно плясали на листиках, отпечатывались на сетчатке глаз и звенели в голове.

Янка аж зажмурилась и замотала головой.

– Ты тоже их видишь? – шепнул на ухо девушке Лис.

– Кого? – тем же едва слышным шепотом уточнила Янка.

– Символы на листьях или у меня мельтешение в глазах от недосыпа? – уточнил вопрос блондинчик.

– Что-то вижу, кажется, – с облегчением из разряда «не я одна тут сумасшедшая» призналась девушка.

– Хранители сада, а также направленные им на помощь студенты-старшекурсники собирают листья, плоды и цветы Игиды, благодаря коим нам даруется сила нести предсказания в миры, – торжественно заключила Шаортан свою малопонятную речь. – А теперь я обращаюсь с просьбой к детям Игидрейгсиль, произрастающим на корнях Великого Древа! Властью и долгом ректора Академии пророчеств и предсказаний, Силой Судьбы, воплощенной в знаках Древа и Нитях Мироздания, взываю и прошу о покровительстве для студентов!

– Свидетельствую! – подхватил Хранитель Тэйв самым торжественным тоном, и его лицо с пятачком сейчас ничуть не казалось комичным.

Голос ректора заполнил собой все пространство и зазвенел под невидимыми сводами пещеры. В ответ послышался нарастающий шум – не то шелест, не то стук, не то одобрительный шепот – и по саду пронесся ветер. Он подхватывал с ветвей маленькие листочки, собирал в вихрь и гнал на студентов. Вот золотисто-серое облако накрыло всех ребят и рассеялось. Когда Янка проморгалась, только удивленно ахнула. Впрочем, не она одна. На жилетке у девушки, как и у каждого из первокурсников, теперь красовался маленький серебристый листик со знаком курса и факультета. Донская удостоилась циферки один и аббревиатуры «БП». Аналогичные значки украсили жилеты Хага и Лиса.

– Вот теперь вы с полным правом можете именоваться студентами АПП и в случае необходимости пользоваться гонгом зова, расположенным в каждом здании! О правилах его использования вам расскажут чуть позже, – порадовала общественность очередным загадочным сообщением ректор и предложила: – А сейчас мы покинем сад, где произрастают дети Игидрейгсиль, и вернемся в лекторий. Там для вас состоится демонстрация! Ибо, господа студенты, лучше увидеть и почувствовать один раз, чем выслушать тысячу и одно объяснение!

«Да-да, – мысленно согласилась Яна, – лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. Может, после обещанной демонстрации мне станет более понятно, чему вообще, как и

зачем будут учить в этой странной академии».

Девушка еще разок мысленно вздохнула, на миг прикрыла глаза и почувствовала, как что-то коснулось ее носа. Машинально поднеся руку к лицу, Янка поймала в ладонь кожистый лист золотого дерева, ничуть не похожий на серебристый значок, занявший место на жилетке. На ощупь лист походил на листок яблони или груши. Так в первый миг показалось студентке, но буквально через несколько секунд живой, светло-светло-желтый, казавшийся почти белым листик застыл в ладони слюдяной пластинкой. Он больше не являлся живым, скорее, холодил пальцы, как камешек. На светлой, теперь уже ставшей окончательно белой пластинке проступала занятная завитушка.

– Знак ЕЗУ, – хрюкнул совсем рядом с Яной подошедший Хранитель. – Знак судьбы. Древо Игиды, должно быть, ответило на твой вопрос. Повезло!

– Но я ничего не спрашивала, – пожала плечами растерявшаяся девушка.

– Вспомни, о чем думала, – просветил студентку местный садовник и неспешно двинулся куда-то в глубины сада.

– О том, чему и зачем тут будут учить, – растерянно прошептала девушка.

– Вот за твои раздумья ты по носу от судьбы и получила, – ухмыльнулся Хаг.

– Тогда хорошо еще, что листиком, а не плодом, – откликнулась Янка и, крутя в пальцах пластину с закорючкой, похожей на овальный клубок, неуверенно спросила у ректора: – Что мне с ним делать?

– Храни как талисман. Игидрейгсиль не часто одаряет новичков, тебе повезло, – поощрительно улыбнулась Шаортан.

– Почему же ей подарок сунула? – шепнул с явственной завистью кто-то из толпы.

– Иной раз судьба делает подарки просто так и очень не любит тех, кто завидует, – строго ответила дракесса, услышав этот комментарий.

– Значит, просто повезло, – согласилась Яна, не зная, куда положить этот самый дар судьбы, и на всякий случай спрятала его в карман жилетки. Помня о том, насколько хрупки эти листики со значками, девушка решила для пущей сохранности спрятать подарок в какой-нибудь учебник, заложив между страницами, если, конечно, бедный листик доживет до этого момента.

Толпа студентов, то ли возглавляемая, то ли конвоируемая ректором и Хранителем Тэйвом, побродила по саду еще несколько минут, благоговейно взирая на основу основ академии,

о которой до сегодняшнего дня не слышала ничего, кроме обрывков таинственных легенд и еще более диковинных сплетен. Густой золотой свет уже стал привычным, и Янка начала любоваться экзотическими растениями. Эндемиками, как догадывалась девушка.

Вдруг слева раздались оглушительный хруст яичной скорлупы и испуганный сдавленный возглас «уйкс!». На траву рядом с дорожкой ступил студент-пророк, судя по красной кайме на форме, он же был источником крика, а хрустела трава. Она буквально раскрошилась под ногой-копытом «оступника» – так мелко, будто была не растением, а хрустящим печеньем. Практически в тот же миг, когда пострадавшая трава хрустнула, обращаясь в труху, с дерева сорвался шарообразный плод Игиды и приложил студента-вредителя по маковке. «Уйкс!» тут же стал болезненным «ой-ой-ейксом!».

– Вернитесь на дорожку, студент! – рассерженной змеей зашипела дракесса.

– М-м-меня толкнули, – буквально впрыгивая в толпу, то ли пожаловался, то ли оправдался козлоногий растяпа и пряданул развесистыми ушами.

– Это не имеет значения, сходить с дорожек нельзя, если, конечно, вы не задумали провести весь семестр в лечебнице. Дети Игидрейгсиль не терпят бесцеремонных вторжений и защищают себя. Лишь Хранители и те, за кого Хранитель поручится перед садом, могут свободно ходить меж деревьев.

– М-м-мне все понятно, – жалобно мемекнул нарушитель правил, потирая голову и болезненно морщась.

Хранитель, смерив негодника неодобрительным взглядом, молча поднял с травы откатившийся плод и спрятал в складках своего плаща, внешне напоминающего кору. Никаких выпуклостей на ткани, свидетельствующих о месте хранения шара, не появилось. Наверное, плащ, как и многое другое в академии, был магическим.

– А для закрепления усвоенного вас, студент, ждут сегодня вечером, после лекций, в Башне Судьбы – для мытья пяти лестничных пролетов! – сурово заключила Шаортан.

– Суровая система упражнений, – передернуло Лиса.

Янка только неопределенно пожала плечами, не спеша соглашаться с приятелем. Что какие-то пять жалких пролетов лестницы для простой девушки из поселка? Сколько она их, этих пролетов, за свою жизнь в доме перемыла! Дежурство по лестничным клеткам у жильцов дома было регулярным. Свою часть ступенек подметала даже восьмидесятилетняя баба Шура, никому не уступая очереди и ругаясь с желающими помочь ей

ретивыми молодками, в каковые бабушка записывала всех моложе шестидесяти.

Больше никто травы не мял, и ничего волшебного в Саду Игиды не происходило. В лекторий студенты возвращались тем же путем, которым пришли – ножками, вверх, почти на ощупь, потому что золотой свет по мере удаления от сада становился все тусклее. И вот первокурсники всех трех факультетов снова расселись в зале.

Глава 6
Демонстрация и последствия одного хулиганства

Шаортан повела рукой, превращая арку прохода в глухую монолитную стену. Дорога в чудесный сад закрылась. Ректор обвела взглядом студентов, будто считала их по головам, проверяя, не остался ли кто под землей среди деревьев, объявила:

– Дальнейшее можете считать вводной лекцией для всех курсов по профилирующему предмету. Соответственно для каждого из факультетов это будут: особенности предсказаний, техника летописи и закономерности коррекции пророчеств. Где чей курс, – позволила себе легкую полуулыбку дракесса, – думаю, рассказывать не надо.

Народ защелкал замочками сумок, зашуршал тетрадями, а ректор позвала:

– Студентка Цирецция, позвольте пригласить вас для демонстрации первокурсникам процесса прорицания!

Из-за стола в первом ряду поднялась светловолосая девушка в форме с красным кантом прорицательницы и значком третьекурсницы. А вот почему до этого момента никто из первокурсников не замечал ее присутствия, об этом Янка хорошенько задуматься не успела. (Небось опять какая-то местная магия сработала!)

Девушка-пророчица заправила прядь распущенных волос за ушко с забавной бежевой пушистой кисточкой на конце, улыбнулась куда-то в пространство и просеменила к кафедре. Там стоял самый обычный стул. Блондинка присела на него и достала из кармашка формы пять разноцветных шариков. Еще раз улыбнулась и, откинувшись на спинку стула, стала перебирать шарики в горсти, действуя одной рукой. Взгляд ее по-прежнему был несколько расфокусированным.

– У каждого предсказателя свой способ погружения в медитативное состояние, раскрывающее пророческий дар. Кто-то вдыхает аромат любимого цветка, кто-то разглядывает чаинки в чашке, кто-то вглядывается в зеркало или глубины хрустального шара, раскладывает карты, кидает кости или камешки, просто гуляет, следит за облаками или бегущей водой. Путей для подготовки к изречению предсказания или пророчества множество, но один ключевой момент в любом процессе присутствует.

– А чем отличается предсказание от пророчества? – махнув в воздухе растопыренной пятерней и дождавшись кивка ректора, спросила с места симпатичная девочка с темно-серыми умными глазами, прячущимися в невероятной густоты ресницах. Вот у нее волосы в отличие от землянки Донской не клубились над головой сумасшедшей тучкой, а лежали ровными аккуратными волнами.

Янка отметила зеленую кайму на форме. Значит, эта умница с ее курса. Может, списать когда-нибудь даст, если припечет.

– Пророчества и предсказания – феномены одного порядка, но разные по уровню: пророчество выше по источнику и по масштабности событий, – дала загадочный ответ ректор и собралась было продолжить умные речи, но вдруг расслабленно постукивающая шариками Цирецция заговорила. В такт ее словам начал мигать желтым светом один из шариков, в котором Янка с запозданием узнала цветок древа Игиды.

Цирецция шептала, но шепот ее был слышен в каждом уголке замершего в предвкушении чуда лектория:

– Средь тех, кто отмечен Древом,

чьи нити прялка свила… – Провидица споткнулась, неуверенно шепнула: – Проси?

Шарик не отозвался яркой вспышкой, провидица поспешно заменила слово:

– Ищи у друзей ответа…

И свет снова засиял в прежнем ритме, совпадающем с ритмом речи бойко заговорившей Цирецции:

– Им знак Судьба подала!

Спасение АПП в их силах.

Пусть новый соткется узор,

Любовь пусть камень заменит,

Двух душ прозвучит разговор…

Шарик вспыхнул как золотое солнышко и не погас. Цирецция осторожно отложила его на край стола и расслабленно откинулась на спинку стула. Привычно ссыпала остальные камешки в мешочек на поясе и, нашарив там же маленькую фляжку, открутила крышку. Жадно присосалась к горлышку.

– Хм, очень интересное пророчество, – откашлявшись, заговорила ректор, не давая гримаске хмурой озадаченности, мелькнувшей было на лице, занять там прочную позицию. – Вы, первокурсники, имели возможность наблюдать за процессом медитации и изречения пророчества, а также за компенсаторной паузой, позволяющей провидцу восстановить силы. Восстановление, замечу, у каждого – процесс индивидуальный. Кто-то нуждается в питье, кто-то в еде, есть те, кому требуется сон или нечто более экзотическое. Ваши особенности,

прорицатели, вы определите вместе с преподавателями и, если желаете сохранить дар и здоровье, строго следуйте рекомендациям, данным мастерами.

– А о чем пророчество-то было? – выкрикнул с задних рядов какой-то пацан.

– Толкование и координация пророчеств – забота факультета блюстителей. Могу лишь сказать, что загадка и угроза – обычные составляющие большинства пророчеств и драматизировать ситуацию нет нужды. Разумеется, поскольку пророчество имеет отношение к нашей академии, его изучением после переноса на свиток займутся не только студенты-блюстители, но и мои коллеги. Мы же с вами сейчас поблагодарим студентку Цирецию за увлекательную демонстрацию и понаблюдаем за процессом составления свитка пророчества. Лестор, будьте любезны, ваша очередь!

Пророчица с прежней отсутствующей улыбкой уплыла со сцены, и на стул приземлился самый обычный на вид добродушный толстяк в форме с желтым кантом, свидетельствующим о его принадлежности к летописцам, и значком четверокурсника.

Из сумочки на боку пузанчик извлек плод Игиды, сейчас походивший на шар, отлитый из мутного грязно-желтого стекла. Тяжело плюхнувшийся на скрипнувший стул толстяк поставил шар прямо на золотистый шарик с пророчеством. Трюк в жанре эквилибра удался. Ни один из предметов не упал, не покатился со стола. Каким-то странным образом маленький шарик оказался внутри большого. Из сумочки летописец неторопливо, почти с ленцой, извлек совершенно обычного вида тетрадь на кольцах в ядовито-красной обложке и карандаш. Тетрадка была раскрыта на первой же пустой странице, пузанчик почесал кончик крупного носа карандашом и приложил свободную ладонь к шару. Замер в такой позе на несколько секунд. Вся желейная расхлябанность ушла из тела летописца, он стал походить уже не на груду желе, в которую поскупились добавить желатина, а на сжатую до предела пружину. На лбу появилось несколько морщинок сосредоточения, глаза превратились в щелочки, губы как-то странно перекрутились и словно бы связались забавным узлом. Карандаш запорхал по бумаге с бешеной скоростью. Это длилось не дольше минуты, Шаортан только успела прокомментировать:

– Студент записывает пророчество, звучащее сейчас для него из-за контакта с плодом и цветком Игиды! Это помогает дополнять пророчества координатами.

Начертав несколько строчек, Лестор отбросил карандаш, словно раскаленный уголек, рванул лист бумаги из тетради и,

скатав его в трубочку каким-то хитрым образом, сунул внутрь шара. Если шарик пророчества он подсовывал снизу, то бумагу запихивал сверху. И на сей раз Янка была совершенно уверена, что никаких дырочек в большом шаре не имелось. Не имелось, однако же лист, как и маленький желтый шарик цветка, оказался внутри. Тут же мутно-стеклянный плод стал прозрачным, как хрусталь. Соприкоснувшись с золотым шариком, лист сам засверкал золотом. Последовала вспышка яркого белого света, в которой, осыпавшись сверкающей пылью, исчезли большой плод и маленький шарик-цветок. Сам же белый лист из тетради остался и несколько мгновений светился четко различимым желтым светом, затем с совершенно типичным для бумаги звуком хлопнулся на стол, свернулся в трубочку и застыл. Свечение угасло.

– Спасибо за впечатляющую демонстрацию, Лестор, можешь быть свободен, – благосклонно похвалила студента Шаортан, тот неожиданно смутился от похвалы, едва заметно покраснел и, как показалось Янке (кажется, не только ей), громко пустил ветры. Тем самым парень смазал все благоговейное впечатление от собственной работы, сложившееся у первогодков.

Окончательно смешавшись от пролетевших по аудитории смешков, студент покраснел до корней волос, схватил в охапку свою тетрадь и почти выбежал из аудитории. Даже Яна невольно улыбнулась, хоть и жалела бедного Лестора – уж больно комичным было его бегство.

– Недостойно смеяться над особенностями расы других студентов, – гневно раздула ноздри ректор и собралась, вероятно, прочесть молодежи лекцию о правилах хорошего тона. Но, глянув налево, туда, где стоял пюпитр с чем-то, накрытым непрозрачной темно-синей тканью, оставила мысль о воспитательных мерах и провозгласила: – А теперь мы с вами станем свидетелями работы блюстителей по воплощению пророчества. Рованна, Налин, поднимитесь сюда.

Пока вызванные студенты со значками третьекурсников шли, жевавший губу Хаг внезапно тихо хлопнул себя по лбу и прошептал:

– Точно, он же феох!

– Кто? Ты о чем? – тут же заинтересованно завертел головой Лис.

– Толстяк! У его расы, коли понравилась какая девица, ее первым делом своим нутряным запахом обдают. Из специального кожного мешочка, запрятанного внутри тела, выпускается газ. Говорят, для феохчанок это как предложение познакомиться получше да поухаживать, – объяснил тролль.

– Ага, стало быть, парню наша ректор по сердцу? Губа не дура! – присвистнул и захихикал молодой дракон. – Да только у него, похоже, аромат выходит не приворотный, а рвотный, если судить по запаху, долетевшему даже сюда.

– Бедолага, – от всей широкой русской души посочувствовала талантливому, но невезучему в любви студенту землянка.

Тем временем к кафедре вышли уже знакомые Яне болтушка-сплетница Рованна и тот самый парень, который кидался мячом и спрашивал у Хага про дван.

– Перед вами, студенты, команда блюстителей, которым предстоит проследить за исполнением одного из несложных пророчеств. И, если будет необходимость, скорректировать некоторые обстоятельства его воплощения, – объяснила Шаортан, покровительственно улыбаясь третьекурсникам. Затем ректор многозначительно кивнула на нечто, завернутое в ткань, и велела: – Приступайте!

Парень резким движением сдернул покрывало, и студенческая аудитория, заинтригованная обещанием ректора, застыла. На пюпитре лежал закрепленный свиток. Скрученный в трубочку лист бумаги был развернут. Оказалось, что внизу листа справа имеется толстая блямба печати. Не из обычного сургуча, который используют на почте, – овальная блямба переливалась желтым светом, и еще по ней ползли какие-то закорючки. У Янки сразу возникли ассоциации с бомбой и таймером.

Несколько секунд третьекурсники изучали написанное в свитке, а потом начали действовать. Они синхронно полезли в мешочки на поясе, очень похожие формой на те, из которых вчера таскали пластинки-листочки Шаортан и декан Гад. Видно было, что парень сосредоточен только на деле и напарнице. Девушка же еще и играла на публику, кокетливо встряхивала волосами и изящно оттопыривала пальчик рабочей руки, когда извлекала из мешочка листик.

На листике, приглядевшись, Янка увидела уже знакомый символ АДИ в виде мотка веревки. Вчера сломавшего такой листик Гада обсыпало серой пылью, а потом на декане поменялась одежда, что превратило странного мужика в мантии во вполне обычного человека в модном деловом костюме. Да и причудливый нос декана, и черно-фиолетовый ежик волос, как сейчас вспомнила Яна, перестали бросаться в глаза. Вот она, сила магической мимикрии!

Второй значок, извлеченный парнем, походил на облачко тумана. И вроде бы Донская тоже видела его вчера, когда путешествовала на Землю за документами. Кажется, именно этот шедевр детского творчества помогал перемещаться Шаортан и

Гаду.

Студенты взялись свободными руками за свиток и сломали печать. Желтая дымка окутала лист бумаги и пару блюстителей. Как и в прошлый раз, Янка увидела только две осыпающиеся разноцветной пылью пластинки. Сначала серая, а потом янтарная дымка накрыла третьекурсников. Поднялась локализованная в пространстве вьюга, которая унесла студентов навстречу неизвестности.

Однако ректор тоже не дремала. Ее пластинка добавила в общую вьюгу несколько голубых крупинок и развернулась в большой экран, как в хорошем городском кинотеатре.

– На печати свитка, нанесенной летописцем при правильном запечатлении пророчества, всегда проявляется цифровой идентификатор – указание на мир и час исполнения пророчества. Блюстители воспользовались знаками Игиды, чтобы придать себе облик, естественный для мира, которому адресовано пророчество, и перенестись в точку его воплощения. Они возложили длани на печать, тем самым взяв на себя обязательства по его исполнению. Сейчас мы с вами понаблюдаем за процессом исполнения через созданный мною визуальный портал. Подобный постоянный портал-артефакт, способный отражать миры пророчеств, имеется в корпусе летописцев. Дежурный летописец наблюдает за исполнением пророчества и фиксирует факт его свершения. Поскольку студент Лестор удалился столь поспешно, что не успел получить нового задания, оно будет возложено на первокурсников-летописцев и станет их первой курсовой работой. Ее куратором я назначу третьекурсника Лестора, которого вам, веселые первокурсники, придется вежливо попросить о помощи.

Раздался групповой стон ужаса, а Янка одобрительно кивнула. Правильный человек, то есть дракесса, Шаортан. Так и надо воспитывать, чтоб из маленьких поросят большие свиньи не выросли!

– А какое пророчество-то? – не выдержав, выкрикнул кто-то с места.

– «*Судьбы своей принц след найдет. Коль не упустит, счастье обретет»,* – зачитала ректор, снизойдя до любопытства первокурсников. – Тишина в аудитории, смотрим. Все прочие вопросы зададите потом.

Увещеваний и иных, более драконовских мер наведения порядка не потребовалось. Студенты, затаив дыхание, смотрели «кино». Даже Янка, уж на что была привычна к телевизорам и кинотеатрам, и та вылупилась на потрясающий фильм, транслируемый прямо в аудитории из неведомо какого места.

Место, сразу надо сказать, даже в вечернем свете было

красивым. Студенты узрели дворцовый парк. Не Версальский, где кусты и деревья подстрижены и расставлены по линейке и изображают все что угодно, кроме собственно кустов-деревьев. Но явно дворцовый, потому что сам дворец имелся в наличии где-то на заднем плане, в конце весьма живописной аллеи с неизвестными деревьями, клонящими кроны друг к другу так, чтобы аллея походила на живой зеленый тоннель, подсвеченный разноцветными огоньками-фонариками, прячущимися в листве.

Вот по этой романтичной аллее на всех парах, подобрав пышные юбки бального платья, неслась премиленькая девчонка. Прядки светлых волос выбились из-под бриллиантовой диадемы, грудь бурно вздымалась, глазки испуганно таращились.

В какой-то момент девушка оступилась, с ножки слетела и, взмыв по дуге вверх, шлепнулась куда-то в придорожные живописные густые кусты изящная туфелька. Беглянка вынужденно притормозила, очевидно, решая, как выловить обувку. Но тут позади раздался громкий крик:

– Стойте, прекрасная незнакомка! Куда же вы!

Незнакомка решительно сдернула с ноги вторую туфельку и, зажав ее в руке, прямо в чулочках быстрее прежнего драпанула вперед по аллее. Над парком полился звучный бой часов.

«Полночь», – машинально сосчитала двенадцать ударов Янка и нахмурилась. Пусть она отродясь не бывала во дворцах и в парках при этих заведениях, но все происходящее казалось землянке подозрительно знакомым. Додумать мысль Янка не успела – отвлеклась на бормотание любопытствующего Лиса:

– Что она из дворца-то драпанула? Стибрила чего?

А потом уже строить предположения было некогда, стоило посмотреть на разворачивающееся действо. Парочка блюстителей, материализовавшихся в тени ближайшего дерева, ломая ветки и туша фонарики, полезла в кусты. Те самые, куда полетела туфля сбежавшей девицы. Треща кустарником и чертыхаясь из-за того, что руки царапали ветки, ребята достали обувку и метко перебросили ее точно на середину дорожки. Затаились.

Тут-то туфельку и нашел споткнувшийся о нее юноша в роскошных одеяниях и с весьма напоминающим корону ободком в волосах. Опустившись на одно колено перед туфлей, парень поднял ее к глазам и патетически воскликнул:

– Пусть ты скрылась, покорительница моего сердца, но я отыщу тебя непременно! Каждая из дев королевства примерит туфельку, и та, кому она придется впору, станет моей невестой!

Лис сделал вид, что его тошнит от всего сказанного, и пробормотал себе под нос:

– Ну и сироп!

– Дурень, это романтика, – шепотом объяснил тролль.

– Пойду к придворному магу. Пусть сплетет заклятье, чтобы лишь та, что носила туфельку, смогла ее надеть, – помолчав, закончил красавчик-юноша и, прижав туфлю к сердцу, поспешил в сторону сияющего огнями дворца.

А Хаг уважительно добавил:

– Практичная романтика!

Парочка в кустах, выполнившая свою задачу, завозилась, ломая листик для возвращения в родные пенаты. И вот уже немного потрепанные и очень гордые (как они первакам класс показали!) блюстители предстали перед ректором Шаортан. А Янка обратила внимание на печать свитка. Та больше не сияла, не переливалась, а выглядела как застывший сургуч неопределенно-серого цвета.

– Благодарю, прекрасная демонстрация! Пророчество исполнено! – милостиво кивнула студентам дракесса.

Довольно ухмыляющиеся блюстители покинули аудиторию. Ректор приосанилась, намереваясь дать пояснения, но тут в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, торопливо позвали:

– Ректор Шаортан, можно вас на секундочку! Возникли проблемы с расписанием!

– Иду, – рыкнула дракесса, гневаясь явно не на отвлекающего ее коллегу, а на сам факт вынужденного прерывания важной лекции.

Не успела ректор выйти, как первые ряды в лектории покинула парочка студентов. Один кучерявый темноволосый живчик, чертами лица больше всего похожий на представителя африканского континента, по недоразумению окрашенного в бледно-голубой цвет, с ходу устремился к оставленному на столе учебному пособию – то есть свитку со свежей записью пророчества, сделанного на лекции. Выражение его физиономия при этом имела самое проказливое.

Второй студент не хилой комплекции, тоже носящий форму с зеленым кантом, с несвойственной крупным людям грацией прыгнул следом за голубокожим, громогласно требуя:

– Картен, не трогай свиток! Ректор сейчас вернется, всем ведь влетит!

– Да ладно тебе, Максимус, я только гляну! Чего случиться-то может? Эти третьекурсники свободно трогали, – отмахнулся проказник, схватил свиток со стола и развернул бумагу, внизу которой оказалась такая же желтая блямба с рядом значков, как и на пророчестве для принца.

И разумеется, как оно обычно случается с бойкими хулиганами, Картен умудрился случайно чиркнуть ногтем по

блямбе. Та хрустнула и рассыпалась уже знакомыми светящимися искорками, обдав ими кучерявого любителя попроказничать и его дружка. Вслед за этим вспыхнул желтым светом и сам свиток. Хулиган тут же отбросил свиток на стол и отскочил подальше. Бумага светилась еще некоторое время, достаточное, чтобы ректор вернулась из коридора и замерла на пороге статуей воплощенного негодования, настолько горячего, что из ноздрей дракессы сыпались искры, а глаза с вертикальными зрачками сияли изумрудным огнем.

– Кто сорвал печать со свитка? Ты? – свистящим шепотом, почему-то прозвучавшим громче крика и разнесшимся эхом по всему лекторию, осведомилась Шаортан.

– Я ничего не знаю, только рядом встал, хотел поближе посмотреть, а он как вспыхнет! Вон, Максимус тоже видел! – нахально соврал Картен, пятясь подальше от стола и грозного ректора.

Дракесса недоверчиво сузила глаза и почему-то потребовала ответа у Лиса, наверное, потому, что его единственного пока знала по имени:

– Машьелис о Либеларо, ты видел, кто развернул свиток и сорвал печать исполнения до срока?

– Простите, мастер ректор, я лекцию перечитывал, – подрагивая всей щуплой тушкой, отпинался от вопроса Лис.

– Дети, – Шаортан издала усталый вздох, – вы не понимаете, что творите! Пророчество при исполнении нуждается в корректировке и присмотре, об этом свидетельствовал желтый свет, изливавшийся от свитка. Но кто-то сорвал печать, завязав на себя право присмотра за фигурами пророчества. Вторично активировать и установить личности, на которых завязано пророчество, невозможно. Печать указания места и срока распалась. Ей не дали затвердеть. Теперь мне как можно скорее нужно установить того, кто назначил себя блюстителем пророчества до срока его исполнения. От этого зависит, успеем ли мы что-то предпринять или придется положиться на судьбу и удачу.

Глаза голубокожего предательски забегали, но на откровенность он не решился. Все продолжал бормотать себе под нос, что только свиток посмотреть вышел, а тут все само по себе – и вообще, он не при делах, так, погулять хотел. А тут всякие свитки ни с того ни с сего огнем пыхают, студентов до полусмерти пугают, заиками оставляют…

Его товарищ Максимус – очевидец виновности Картена – молчал. Верность дружбе явственно боролась в душе парня с желанием помочь ректору и предотвратить что-то ужасное.

Аудитория бурлила, многие видели, как курчавый студент схватил свиток, но выдать его и ябедничать никто пока не желал или, может быть, собирался с духом. Впрочем, студенты могли бояться мести виновников.

– Так значит? – прошипела рассерженная Шаортан и полезла в сумочку на поясе. Она быстро, на ощупь, вытащила очередной превратившийся в минерал листок с древа Игиды и сломала его недрогнувшими пальцами. Тотчас же ярко-красный ореол окружил виновника взлома свитка и бледно-желтым обозначился контур Максимуса, по мнению Янки, виновного лишь в том, что не успел остановить ретивого дружка.

– Ты и ты! – ткнула пальцами в студентов дракесса. – Живо ко мне! У нас еще много дел!

– Наказывать будете? – с невероятным облегчением из-за того, что все само выяснилось и не пришлось выдавать друга, спросил Максимус, охотно подходя к ректору.

– Потом, – нетерпеливо отмахнулась женщина. – Вы у меня все лестницы в Башне Судьбы языком вымоете, а сейчас за дело! – Тут Шаортан обратилась ко всем студентам с короткой лекцией: – В редчайших случаях по недоразумению или злому умыслу печать, содержащая сведения о мире, месте и времени предсказанных событий, срывают со свитка пророчества до срока. Почему в редчайших? Потому что никто, кроме блюстителя, пусть даже необученного, печать потревожить не способен.

– И что делать? – совсем растерялся и даже, пожалуй, испугался Картен. Во всяком случае, на щеках его выступил лихорадочный синий румянец.

– Все, что можно сделать сейчас, – это постараться определить фигурантов пророчества, – ответила Шаортан. – Хорошо еще, что летописцы помнят все печати, поставленные на своих свитках, и данные о поврежденной записи пророчества Лестор обязан сегодня же занести в архив.

– А мы вам зачем? – обреченно вздохнул Максимус, косвенный виновник катаклизма, седалищным нервом предчувствуя очередные экзекуции.

– Разумеется, искать фигурантов пророчества, студент. Никому, кроме сломавшего печать, это сделать не по силам. Идемте же! Время не терпит! На все осталось не больше часа! А вы, студенты, можете поблагодарить своих приятелей за первый в семестре реферат на тему «Особенности маркировки фигур пророчеств». Объем не менее двадцати пяти листов, сдать своему декану к концу шестидневки! Список литературы перепишете – и все свободны!

Шаортан прищелкнула пальцами, и в воздухе соткалась

черная как ночь доска с огненными письменами – список из более чем тридцати книг – источников будущего реферата. Лекторий схватился за письменные принадлежности, зашуршал бумагой и недовольно загудел. Взгляды, скрестившиеся на Картене, не обещали хулигану легкой жизни. Похоже, несколько особо возмущенных студентов собирались именно его курчавой головой помыть те лестницы, убирать которые назначит олуха ректор.

Дракесса тем временем спрятала свиток с «пророчеством преткновения» в сумочку и, подхватив за шкирки виновников повреждения печати, практически понесла их к двери. Остолопы обвисли трупиками и не вырывались. Но уже у самого выхода ректор притормозила и, развернув жертвы лицом к аудитории, грозно рыкнула:

– А ну-ка приглядитесь хорошенько, есть тут кто-то в светящемся желтом ореоле?

– Есть, – после паузы, отпущенной на сканирование помещения, послушным хором выдохнули Картен и Максимус.

– Показывайте! Живо! – скомандовала дракесса, и пальцы двух студентов синхронно ткнулись в Хага, Лиса и Янку.

– Вон те трое, – виновато шмыгнул носом здоровяк.

Янка просто онемела от негодования. Они-то тут при чем? А еще промолчала, когда о виновниках спрашивали. Может, стоило этих подлюк заложить? Как они только посмели обвинить невесть в чем ее новых приятелей?! В груди разгоралось пламя праведного возмущения, вылившееся в громкий возглас:

– Ректор Шаортан, мы не трогали свиток! Мы вообще сидели на месте!

– Верю, – иронично хмыкнула дракесса и уточнила у парочки ябедников: – Все? Больше никто не сияет?

Те дружно помотали головами и были вынесены за дверь с мотивационным лозунгом: «Идем дальше! Нам за полчаса надо успеть обойти всю академию!» Створки двери дружно хлопнули, а Янка, Лис и Хаг столь же дружно переглянулись с совершенно одинаковым недоумением на лицах.

– О каких она ореолах вещала? – прогудел озадаченный Хаг, и в случайно наступившей тишине его голос прозвучал особенно громко.

Шум в аудитории начал набирать новую силу. Тихо переписывать с доски, даже если доска сотворена из живой черноты, а письмена на ней пламенные, ни один студент органически не способен. Такова уж природа юности! Вдобавок народ весьма заинтриговал загадочный желтый ореол на трех ни к чему не причастных первокурсниках, который почему-то видели два проштрафившихся студента. Открывался простор для догадок

и сплетен.

Ответ на вопрос, вырвавшийся из недр троллье души, пришел, откуда не ждали. Тихий мечтательный голос Цирецции, о которой позабыли все, в том числе сама ректор Шаортан, раздался с передних рядов. Что удивительно, в паузу между разговорами да спорами голосок не попал, однако девушку услышали все. А едва она начала говорить, рты захлопнули поплотнее, чтобы расслышать получше. Настоящая прорицательница, пусть еще и студентка – вещала!

– Я реферат на первом курсе писала по пророчествам. – Чуточку сонный голос, растягивающий гласные, стал для студентов подобен откровению небес. – Вы не волнуйтесь, академии каждый год предсказывают великие потрясения. Мир Игиды и сама АПП – такое место, слишком значительное. Но пока обходилось. Со свитками все просто. В назначенный срок блюстители пророчества с помощью печати на свитке перемещаются в ключевую точку пророчества. Могут, коли нужда есть, корректировать, то есть оказывать влияние на его ход. Правильность действий сверяется по цвету свитка и фигур пророчества. Интенсивность и цвет свечения определяют степень необходимого вмешательства. Коли желтым горит – пророчество может и само исполниться, но лучше немного подтолкнуть фигуры или объекты, а зеленый свет означает, что вмешательства вовсе не требуется. Блюстители выступают лишь в качестве свидетелей. Красный же ореол ясно показывает – потребуется помощь в исполнении предначертанного.

Лишь для глаз того, кто снимал печать в срок исполнения, свиток светится, существа, причастные к пророчеству, и предметы важные – тоже сияют. Именно так блюстители сегодня нашли туфлю. Коль свиток распечатан до срока – плохо. В нужный час нельзя проверить – верные ли действия совершаются – свечения не будет. Остается только одно – постараться отыскать всех, на кого распространяется пророчество, пока есть ореол. Силы свитка хватает, чтобы для повредившего печать причастные некоторое время светились. Их надо отыскать и отгадать, какое отношение к пророчеству имеют эти фигуры.

– Так значит, сейчас ректор таскает этих ушлепков по всей академии, чтобы они всех светящихся разглядеть успели? – уточнил желтоглазый Авзугар и почесал свой колоритный нос, напоминавший Янке о гостях с юга.

– Точно, – снова рассеянно улыбнулась Цирецция, встала и, перебирая в ладошке камешки, поплыла к выходу из аудитории.

– Выходит, мы чем-то академии навредить можем? – растерянно вякнула Янка.

– Или спасти, или еще что-то… Факторов причастности много, я все не помню, давно реферат писала, да вы не волнуйтесь так сильно. Фигур пророчеств в АПП обычно бывает несколько десятков, – обронила провидица и выплыла из лектория, безмятежно игнорируя обрушившуюся на нее волну вопросов.

Янка сердито запыхтела и с утроенным усердием стала переписывать список литературы для реферата. Не то чтобы девушка была законченной лентяйкой. Училась она вполне прилежно, но перенапрягаться более необходимого никогда не стремилась, если только это не было нужно лично ей. Доклад готовила, только если за него обещали поблажки на зачете или экзамене, на семинарах отвечала за баллы или галочки, дающие льготы при сдаче.

Вот и сейчас злополучный желтый ореол, который разглядели на ней и паре приятелей вредители ценных свитков, изрядно стимулировал интерес Донской к учебному процессу в целом и конкретному реферату в частности. Разобраться, что такое эти свитки и с чем их едят, для Яны стало делом принципа. Ручка поскрипывала по бумаге. Рядом сопели, скрипели зубами и письменными принадлежностями товарищи по несчастью, обуреваемые аналогичными мыслями.

Глава 7
Первая лекция и знакомство

Переливчатый звон колокола возвестил студентам об окончании лекции примерно тогда, когда они закончили переписывать список книг и мрачно оценивали его величину. Почему-то список на доске и список в свежей лекционной тетради воспринимались совершенно по-разному. Вникать в столь обширную тему хотелось поменьше.

– Что у нас там дальше? – перегнувшись через локоть Янки, глянул в ее расписание Хаг.

– Расоведение, – сверившись с тыльной стороной тетрадной обложки, на которую вчера перекатала расписание со стенда, ответила девушка. – Потом большая перемена на обед, медитация и основные знаки Игиды.

– И то ладно, хорошо еще спортивную подготовку сразу после обеда не поставили. С полным брюхом мышцы напрягать негоже, – одобрительно покивал тролль, кидая свои вещи в стандартную, выданную вчера осьминогом-комендантом сумку.

– А медитировать с полным брюхом тебе в удовольствие? – ехидно хмыкнул Лис. – После еды в сон клонить будет и к земле тянуть, а не в высокие сферы.

– Дык медитируй с закрытыми глазами, и фиг кто узнает, в каких ты сферах, – хохотнул практичный Хаг.

Так же втроем, как пришли на лекцию и вообще попали в это «цирковое училище», студенты смешались с толпой и потопали на выход из лектория.

– Эм-м-м, Кудряшка, мм-ме, ты мм-мене на ногу наступил! – окликнул Лиса сзади голос того самого неуклюжего типа, заработавшего на экскурсии взыскание за порчу газона.

Янка обернулась, поглядела в наглые, с треугольными зрачками, зенки копытного и с ходу сообразила: Машьелис ничьи ноги не отдавливал, это мемекалка пытается после фиаско на экскурсии утвердить свой авторитет за счет более слабого с виду студента. А юного дракончика он, скорее всего, выбрал потому, что тот успел прославиться из-за происшествия со свитком и имел куда более худосочную комплекцию, чем тролль. Не сказать чтобы Янка была метеором по скорости мышления, но таких типов в родном поселке навидалась достаточно и умела с ходу определять скверную породу трусливого задиры. Такого сразу не уймешь, как репей прицепится и всю жизнь отравит.

Простая русская девушка тяжко вздохнула, развернулась и,

прежде чем обычно не лезущий за словом в карман Лис успел выдать достойный ответ, размахнулась и залепила козлу в нос. Тот завизжал, отлетел на пару метров и шлепнулся на попу. Потирая кулак, Яна хмуро спросила:

– Еще претензии есть? Или добавить?

– За слабака заступаешься, мм-ме-да? – прижимая вытянутый из кармана платок к расквашенному носу, попытался похорохориться «козлик», но вставать и просить добавки не спешил.

– У него на родине за такие слова, как ты брякнул, сразу убивают, а я большой крови с утра не люблю, вот и дала в морду, пока на бой до смерти не вызвали, – буркнула Янка и отвернулась.

Копытный заткнулся. То ли понял, что за счет Лиса и его бешеной спутницы авторитета не наработаешь, скорее, последний растеряешь (вон студенты вокруг похохатывать начали), то ли банально испугался.

Лис тихо шепнул Янке:

– Спасибо, что помогла не довести до вызова!

– Вообще-то я шутила, – немного растерялась девушка.

– А я нет, – пожал плечами Машьелис, и взгляд у него при этом был удивительно серьезным. От пугливого шутника, которому симпатизировала Янка, не осталось и следа.

– У них, драконов, с оскорблением чести строго. Это мы с тобой кулак в харю – и нет проблемы, а у них – нет оскорбителя и нет проблемы, – вставил на удивление образованный тролль.

– А разве в академии это не запрещено? – забеспокоилась девушка, не станет ли предполагаемая мирная учеба в АПП войной за выживание.

– Скорее всего, запрещено. Надо в уставе на стенде посмотреть или Стефа спросить, – вполне здраво согласился юный дракон и столь же здраво с легким сожалением закончил: – Пришлось бы поединок до выпуска отложить. Он, конечно, мне не соперник, слабый, страхом воняет, но честь рода обязывает.

«Так вот почему Лис сейчас не испугался, он по запаху угрозу оценивает. Ясное дело, неуклюжий и задиристый козел даже молодому дракону не опасен в отличие от дракессы Шаортан или ректора Гада», – восхитилась Янка загадочности драконов, почти не жалея, что полезла защищать вовсе не такого уж слабого, как показалось вначале, паренька.

– Да уж, пока плохой прорицатель из задиры выходит, – снисходительно хмыкнул Хаг. – Не научился жертву по зубам выбирать. Говорят, у пророков вообще с продолжительностью жизни не очень. Больно профессия опасная, а уж у плохих

прорицателей небось и вовсе шансы на выживание нулевые. Это только шарлатаны припеваючи живут.

– Естественный отбор, – согласилась девушка, разглядывая широкий коридор.

По левую сторону располагались двери в кабинеты. По правую находились большие окна с широкими деревянными подоконниками, которые так и манили присесть да поглазеть наружу или даже забраться на них с ногами. Но сначала стоило отыскать лекторий под номером семь. Если верить часикам-кулону, до расоведения – предмета, стоящего в расписании вторым после вводной лекции, – оставался какой-то жалкий десяток минут.

– Сюда! – радостно заорал кто-то далеко впереди и повторил с уточнением: – Вэй-о, сюда, блюстители! Вот наш кабинет!

– Авзугар орет, – на слух определил Лис личность крикуна.

Доверившись выбору горца, студенты перестали изучать коридор и быстро добрались до двери, на которой присутствовал искомый номер семь и имелась табличка, подтверждающая правильность выбора: «Кабинет расоведения».

Дверь не была заперта, потому первокурсники ввалились внутрь и замерли в восхищенном изумлении. Кабинет, вернее, его оформление, был наглядным пособием по предмету. Картины, скульптуры, витражи, мозаики, барельефы – каких только изображений, каких только созданий, каких только рас тут не имелось! У Янки зарябило в глазах. Девушка даже засомневалась, что сможет нормально заниматься в таких условиях. Народ вокруг гомонил, проводя опознание по изображениям и играя в угадайку.

– О, дриада, прямо как ты, Ольса!

– Ого, оборотень из горных! И глаза как у тебя, Авзугар!

– Вэй-хо, тут эльф…

Дезориентированная пестрым круговоротом Яна, не глядя, шлепнула сумку на ближайшую парту и села, Хаг пристроился рядом, а Лис, которому не досталось места рядом с друзьями, шмыгнул на следующую, за их спины. Как оказалось, очень вовремя. Практически сразу зазвучал веселый мужской голос:

– Вижу, вы, первокурсники, уже начали знакомство с пособиями в кабинете. Похвальный энтузиазм! Чудесно! Но не будем торопиться!

Раздался хлопок в ладоши, и помещение приняло невинный вид обычного учебного кабинета со светло-салатовыми стенами, белым ровным потолком и темно-коричневой доской.

К массивной кафедре процокал, а потом и уютно расположился за ней самый натуральный кентавр гнедого окраса.

То есть лошадиная часть у него была гнедой, красновато-рыжей, а волосы на голове, собранные в аккуратный хвост, в точности повторяющий формой хвост на крупе, имели черный, как и положено гнедой масти, цвет. Вот только смоляные пряди перемежались тонкими нитями седины. Но это не портило общего впечатления. Не считая копытной части, преподаватель выглядел вполне импозантно. Чем-то он напомнил Янке мамкиного любимого актера Шона Коннери. Мантия на нем смотрелась бы нелепо, потому лектор удовлетворился легкой синей туникой на человеческом торсе и чем-то вроде короткой юбки-попоны на крупе.

– Доброй скачки, студенты! Я Быстрый Ветер, буду вести у вас курс расоведения, – показал в улыбке по-лошадиному крупные зубы преподаватель. – Сегодня я приветствую вас по обычаю своей расы. В следующий раз мое приветствие окажется иным, в зависимости от того, какой народ мы будем изучать.

– Хм, а «ясного дня» – это чье приветствие? – с ходу заинтересовался Машьелис и прошептал вопрос в спины Янке и Хагу.

– Приветствие «ясного дня» не относится к расовым, – не только обратил внимание на вопрос, но и счел нужным ответить на него кентавр. – Это издавна принятое приветствие Академии пророчеств и предсказаний. Истоки его, думается мне, следует искать в том, что ясность – качество, равно необходимое пророкам, летописцам и блюстителям. Вернемся, однако, к нашему предмету. Ваш учебник, написанный уважаемым гномом Еффором Розенгардом, отличная книга, но на занятия его можете не носить. Он понадобится вам лишь в качестве пособия по тем расам, о которых мы не будем беседовать на лекциях. Для начала вопрос: зачем вам, будущим блюстителям, предмет расоведение? У кого какие соображения?

Янка пожала плечами. Она испытывала недоумение не столько из-за незнания ответа на вопрос, сколько из-за его очевидности.

– Итак, кто желает высказаться? Пожалуйста, прошу, только представьтесь нам для начала!

– Ольса Саа-ма-каар, дриада, – представилась та самая девушка с умными глазками, чьи волосы так восхитили Янку. – Мы, блюстители пророчеств, должны будем действовать в мирах, где живет множество рас, потому нам важно иметь представление об особенностях народов вселенной. Невозможно корректировать действия фигур пророчества, если не имеешь хотя бы минимум представлений об их расе.

– В целом верно. У кого еще есть мысли? – весело

прищурился лектор.

– Как личину создать, если о расе не ведать? – с места буркнул Хаг.

– Чудесно, юноша! Кстати, не откроете ли нам свое имя? – совершенно искренне восхитился преподаватель.

– Хаг, тролль, – коротко отчитался Янкин приятель.

– Вы нас не уважаете или просто не любите формальности? – с искренним интересом уточнил кентавр, склонив голову набок.

– Не люблю, – вздохнул тролль и исправился. Он сложил правую руку в пудовый кулак и, с чувством стукнув им по левому плечу, прогудел: – Фагард Хагорсон.

– Фагард, господа студенты, совершенно прав. В первую очередь расоведение изучается с целью минимизирования затрат энергии для мимикрии при активации АДИ – знака личины. Именно знание выбранного обличья вкупе с равным объемом вложенной в знак силы дает качественное улучшение личины и увеличение срока ее поддержания. Понимаете?

«Я понимаю, что ничего не понимаю, – страдальчески поморщилась Янка, уставившись в тетрадь, где пыталась записать слова лектора. – Вложенная сила, активация знака…»

По-видимому, печать страданий легла не только на чело несчастной землянки. Быстрый Ветер смерил аудиторию скептическим взглядом и дал короткое пояснение:

– Сегодня на экскурсии в Сад Игиды вы видели знаки на листьях. Мы собираем дарованные деревьями листья со знаками и пустые листки, на которые знаки наносятся специальным образом. Для активации, то есть для того, чтобы магия знака сработала, необходимо перелить в знак часть личной силы и надломить лист, удерживая в сознании цель, в данном случае образец иллюзорного облика. О знаках, а также о том, как рассчитать нужный объем силы и влить его в лист Игиды, вам гораздо подробнее поведают декан Гадерикалинерос и мастер Тайса. А создавать и надевать достоверные иллюзии вы на практических занятиях будете обязательно, в том числе и на моих семинарах – во второй год обучения. Итак, мы выяснили, что расоведение – предмет, нужный для блюстителей пророчеств, и изучать его следует. А теперь перекличка! Прежде чем перейти непосредственно к теме урока, предлагаю познакомиться.

Быстрый Ветер открыл принесенный с собой толстый журнал в шоколадно-коричневом переплете со списком группы на первой странице и удивленно хмыкнул:

– Четырнадцать голов! Чудесно! В этом семестре у нас большой курс блюстителей! Редко когда на этот факультет приходит больше десятка студентов! С Ольсой Саа-ма-каар и

Фагардом Хагорсоном мы уже познакомились. Идем дальше. Давайте-ка, представляйтесь, господа студенты, в той последовательности, как сели, – и кентавр кивнул Янке, шлепнувшейся за первую парту не из-за учебного рвения, а исключительно из-за сенсорной атаки академических пособий кабинета. – Да, сразу предупреждаю, титулы опускаем. На весь период обучения вы равны между собой. Поскакали!

– Яна Ивановна Донская, человек, – представилась девушка, взяв за образец речь дриады.

– Машьелис о Либеларо, дракон, – подхватил эстафету за спинами приятелей Лис.

– Авзугар Кагар, оборотень, горный медведь, – в свою очередь назвался желтоглазый парень с колоритным носом и столь же колоритным акцентом.

Янка бы его, скорее, в горцы записала. Но, наверное, можно быть и горцем, и оборотнем одновременно. Скорее всего, так даже удобнее. Лазать по камням на четырех лапах все легче, чем на двух.

– Тита Елбаст из семьи Узкар, пещерник, – заговорила та самая геометрически-квадратная, толстощекая, лупоглазая девушка с тугими локонами, которая на экскурсии призывала Авзугара к порядку.

– Гномка, – перевел тихонько за спиной у Янки Лис.

– Гномы – раса, близкая к пещерникам, но не тождественная ей. В первую очередь тем, что у женщин расы пещерников не растет борода, – услышал и внес коррективу лектор и кивнул, давая сигнал к продолжению знакомства.

– Пит Цицелир, сирéн, – нежным тенором представился совершенно девоподобный экземпляр студента и тряхнул головой. Длинные голубые волосы заколыхались живописной волной. Нос сирена задрался к потолку, пухлые губки сложились бантиком.

Лис за спиной Янки втихую сделал вид, что его тошнит.

– Таата Голвин из Тол, полурослик, – скромно потупилась низенькая румяная блондиночка комплекции «колобок обыкновенный», стрельнув из-под ресниц зелеными глазками.

Про полурослико (они же хоббиты, половинчики и невысоклики) Яна немало наслушалась от своего школьного друга Саньки. Тот просто бредил фэнтези и старательно, пока не ушел служить в армию, пытался привить подруге детства эту любовь. Получалось плохо. Янка больше любила читать детективы и про природу. Но кое-что поневоле в голове осело и сейчас худо-бедно помогало ориентироваться в фэнтезийной обстановке.

– Кайрай Раход, гоблин, – назвался худой низкорослый парень с зеленоватой кожей, крючковатым носом, ушами-лопухами и совершенно лысой головой.

– Юнина Ройзетсильм, полуэльфийка. – Красавица с острыми ушками и толстой пшеничной косой, уложенной вокруг головы, открыто улыбнулась не только преподавателю, а и всем однокурсникам разом. Точно солнышко засияло.

– А вторая половина? – нарушил красоту момента иезуитский вопрос Лиса.

– Мама не знает, это был обряд Тайной Ночи в Праздник Священного Древа, – привычно пожала плечами красавица. – Магия поиска не срабатывает, а кровные ритуалы Светом Аэрилина запрещены.

– Ириаль Шойтарэль, – постаралась скопировать улыбку Юнины следующая девица, но вышел хищный оскал. – Мать – из детей ночи Клана Сумрака Нагиры, отец – светлый эльф.

– Ого. – Дракончик, к которому Янка старалась прислушиваться, чтобы не пропустить ценный, пусть и ехидный комментарий, издал тихий удивленный присвист. – Вампиры-то эльфов, оказывается, не только едят.

«Это что ж, – землянка с легкой настороженностью покосилась на оскалившуюся красотку, – она и укусить может?»

– Еремил Надалик, человек, – приветственно помахал всем рукой самый обычный по меркам Янки шатен.

– Хм, или я не умею считать, или у нас кого-то не хватает? – обратился к аудитории кентавр, покрутив в пальцах тонкий карандаш, которым отмечал присутствующих.

– Не хватает, – согласился гоблин Кайрай и дипломатично доложил: – Двоих студентов. Их сняла с занятий ректор Шаортан в связи со вновь открывшимися обстоятельствами пророчества.

– Ну что ж, значит, отложим знакомство с ними до следующего раза. Кстати, коль вы такой осведомленный студент, попрошу вас, пока не выбран староста курса, забрать журнал и отнести на следующее занятие. Бремя знаний – благородное бремя! А теперь давайте определимся с темой лекции. Есть ли среди вас тот, кто до зачисления в академию жил в мире одной расы? Встаньте, пожалуйста! – хитро прищурился Быстрый Ветер.

Народ завозился, заозирался, а Янка задумчиво наморщила лоб. С одной стороны, на Земле, как учили на биологии, люди на расы делились, с другой, по меркам АПП, люди все-таки были одной расой. Решившись, девушка вздохнула и встала.

– Яна, человек! Чудесно! – захлопал в ладоши кентавр с каким-то нездоровым энтузиазмом, и девушка с удивлением отметила, что оказалась единственной поднявшейся. – А

назовите-ка нам, студентка, любую расу на свой выбор.

Янка как раз смотрела на сидящего рядом Хага, поэтому машинально выпалила:

– Тролль.

– Чудесно! – вновь неизвестно чему обрадовался оптимист-преподаватель, явно испытывавший слабость к слову «чудесно», и снова хлопнул в ладоши. – Значит, сегодня мы изучаем троллей! А то, признаться честно, мне уже поднадоело разбирать на первой лекции светлых эльфов или вампиров. Почему-то четыре из пяти девушек-студенток заказывают лекцию именно по этой расе.

По хлопку лектора слева от доски выступили из стен пособия – здоровенная статуя серого тролля в натуральную величину, вооруженная натуральным топором. Несколько картин, живописующих быт и воинственные наклонности, стенды с оружием и предметами обихода проявились на стенах помещения. А Быстрый Ветер продолжил допрос, кося на аудиторию хитрым карим глазом:

– Какие самые очевидные визуальные признаки изучаемой расы вы можете назвать, Яна? Желательно не один, а три-четыре.

– Уши в форме рожка, серая кожа, клыки, – старательно принялась перечислять землянка, которой как-то не приходило в голову детально изучать внешность собрата-студента.

– Верно. Оригинальная форма ушной раковины, кожный покров серого, зеленого или фиолетового цвета, выдающиеся вперед клыки на нижней челюсти, – подтвердил кентавр, кивком головы разрешая Янке сесть. – Именно эти визуальные признаки в первую очередь задаются при активации знака мимикрии. Но чтобы поддерживать обличие тролля долговременно, следует опираться и на ряд других, не столь явных признаков. Кто подскажет, что я имею в виду?

Руку поднял Кайрай, назначенный почетным носителем классного журнала, и, чуть смущаясь, ответил:

– Шкура у троллей особая, каменной ее не зря кличут. Обычным клинком не разрежешь. К заклятьям многим устойчива. Только огненных чар тролли боятся.

– Спасибо, студент Раход, пусть и с несколько агрессивной позиции, но вы нам поведали об иммунитете представителей изучаемой расы к большинству внешних воздействий. Еще один важный момент стоит запомнить при активации знака мимикрии. У троллей особое строение связок и мышц конечностей. Они только внешне подобны иным расам, но не тождественны. Именно из-за эффекта смычки тролль никогда не выпустит из руки оружие или врага – до тех пор, пока намерен его держать.

Вещая, кентавр процокал к Фагарду и, используя его в

качестве живого наглядного пособия, вложил в руку студента топор, позаимствованный у экспоната. Хаг рефлекторно, с едва слышным щелчком сомкнул пальцы на топорище. Быстрый Ветер, явственно прилагая значительные усилия, попытался забрать оружие. Не тут-то было! Тролль держался за нежданный подарок крепко-накрепко, да еще и улыбался, как младенец, заполучивший любимую погремушку. Очень большой и очень опасный младенец со смертельно опасной погремушкой. Отчаявшись отобрать топор, лектор сдался и тихо попросил:

– Довольно, студент, верните учебное пособие.

С явственной неохотой Хаг расстался с топором. Мастер вернул музейную ценность в лапы статуи и продолжил урок:

– А теперь перейдем к детальному изучению расы. Селятся тролли большей частью обособленно. В основном в густых лесах и горах. Приморские поселения встречаются редко. Тролли предпочитают мясную пищу. Длинные руки, могучие ноги и быстрота делают их отличными охотниками и воинами. Этому также способствует великолепная регенерация. Цвет кожи тролля варьируется в зависимости от его местожительства и позволяет превосходно маскироваться в природной среде…

Быстрый Ветер рассказывал, студенты старательно и торопливо конспектировали, нет-нет да и поглядывая на Хага, сверяя сказанное лектором и личные впечатления. Тот же был совершенно невозмутим. При упоминании о древних обычаях поедания плоти врагов, бытовавших среди ряда племен троллей, заскучавший Лис не выдержал и шепнул в спину приятелю:

– Эй, чур, меня не есть!

Хаг медленно повернул голову, смерил болтуна оценивающим взглядом и скорбно вздохнул:

– Что тут есть-то? Только зубы о кости ломать. Я лучше в столовую схожу.

По лекторию загулял смех, заулыбался и преподаватель. Впрочем, почти тут же возобновил лекцию и особое внимание уделил вопросу о том, каких именно врагов, в каком виде и с какими ритуальными целями предпочитают употреблять в пищу суровые горные тролли.

Когда раздался звон колокола, возвещающий об окончании урока, коварный лектор объявил:

– К следующему занятию, студенты, подготовьте одну легенду, песню или любое другое произведение устного народного творчества троллей, можно танец. Совпадения будут караться дополнительным вопросом на экзамене для всех, совпавших в выборе. Договаривайтесь заранее, а лучше составьте общий список! Лекция закончена, до встречи через день!

– Хаг, с тебя легенда! – тут же ткнул ручкой в спину товарища Лис, застолбив самый верный источник знаний – собственно носителя фольклора. А Янка подумала, что надо бы попросить у серокожего какую-нибудь не очень длинную песню. Петь Донская любила, особенно что-нибудь печальное и протяжное, про любовь, или наоборот, боевое.

Глава 8
Трудности медитации

Студенты выползали из аудитории с очумелым видом. Головы пухли от потоков информации, щедро вылитой на молодежь Быстрым Ветром, а пальцы, уставшие от скоростного конспектирования, не гнулись.

Еремил, бедолага, так и вовсе поддерживал гудящую башку обеими руками и жаловался:

– Тринадцать страниц конспекта! Я за эти два часа узнал о троллях больше, чем сами тролли за всю свою жизнь.

– Потрясающе! Феноменальные кругозор и память! Следует учесть, что кентавр к лекции предварительно не готовился, – восхищенно, с пиететом стопроцентной отличницы, вставила Юнина. – Лекция-импровизация! А какое разнообразие учебных пособий!

– Считаешь, коли следующую тему нам объявили заранее, то под драконов надо новую тетрадь прикупить, этой не хватит? – взвыл шатен, и в страдальческом вопле была лишь часть шутки.

– Что-то кушать хочется, – скромно вставила хоббит Таата и погладила натягивающий форму животик. – Айда в столовую? До медитации сорок минут, должны успеть, если поторопимся!

– Ребята, девушки, вы не против, если я список составлю, кто что по троллям берет? – вежливо уточнил Кайрай, аккуратно утрамбовывая в сумку журнал курса.

– Пиши, – великодушно разрешил ему Хаг. Остальные тоже возражать не стали. А чего спорить, если кто-то хочет взять на себя работу? Главное, чтобы этот «кто-то» был не ты.

Как-то незаметно за время вчерашней экскурсии по академии, организованной Быстрым Ветром переклички и лекции, разбавленной вопросами на сообразительность, студенты успели перезнакомиться и даже начали чуть-чуть притираться друг к другу. Вот и в столовую двинулись гурьбой. Даже рассаживались с подносами недалеко друг от друга. Авзугар же и вовсе плюхнулся на свободное место к Янке, Хагу и Лису, занявшим свой столик. Откусив от двух мясных пирогов разом, оборотень громогласно обратился к девушке:

– У тебя хороший удар! Уважаю!

Янка только кивнула, принимая комплимент, поскольку рот был занят супом, да и что отвечать, когда тебя хвалят за драку, было непонятно.

– У меня невеста есть, а вот мой брат пока достойной не

сыскал. Не хочешь с ним познакомиться?

Вот тут девушка пожалела о супе во рту. Он как-то резко пошел не в то горло. Янка с трудом прокашлялась под тихий ехидный комментарий дракончика:

– От радости дыхание сперло!

И хрипло ответила:

– Нет, спасибо, я до окончания учебы замуж не собираюсь.

– Так я заранее. Пока принюхаетесь друг к другу… – начал уговаривать Авзугар, не прекращая жевать. Он не давился, и говорить ему еда почему-то совершенно не мешала.

– Спасибо, но нет. Если передумаю, скажу, – отказалась от потенциального перспективного жениха «невестушка». Янка решила для себя, что перед выбором пары надо послушать лекции о расах у Быстрого Ветра, а потом уж определяться, если сто́ящие предложения будут. Да, она не красавица, но, оказывается, не всем фотомодель с обложки подавай, оборотни вот хороший удар в женах ценят.

Разочарованный Авзугар отстал и целиком сосредоточился на еде. Судя по упрямо нахмуренному лбу, он не обиделся, но намерения свести Яну с братом не оставил, только отступил на время.

Со Стефалем и Иоле встретиться в столовой не удалось. Как Янка ни крутила головой, так их и не увидела. Искать дольше возможности не было. Большой зеленый шар, подвешенный к потолку, оказался аналогом циферблата, одинаково видным из любой точки столовой. Стрелки на приборе недвусмысленно намекали на дефицит оставшегося до урока времени. Заглотнув удивительно вкусный кекс и запив его компотом, девушка вместе со студентами своего курса поспешила на медитацию. Хорошо долго искать место проведения занятий не пришлось. Вечером Иоле рассказала, где они проходят.

На третьем этаже учебного корпуса блюстителей располагались залы для медитаций. За каждым курсом факультета были закреплены свои помещения, там студенты могли заниматься как с преподавателем, так и индивидуально. Свой зал студенты нашли по одинокой зеленой полоске, украшавшей приоткрытую дверь.

Прежде Яна не занималась йогой или чем-то подобным, потому и с медитацией была знакома лишь в той степени, что могла без ошибок написать само это слово. Еще в голове крутилось какое-то нелепое словечко «Ом-м-м!», но девушка не была уверена, что оно имеет отношение к процессу.

Да и вообще, землянка сомневалась, что название «медитация» в полной мере раскрывает сущность занятия.

Наверное, сказывалась сложность магического перевода на русский язык. «Медитация», «основы самопознания», «пути владения и постижения силы» – слова и образы при наименовании предмета настолько плотно наслаивались друг на друга, что вычленить что-то одно было сложно. В конце концов, нетренированный ум пошел по пути наименьшего сопротивления. Выудил самое краткое и привычное слуху – медитация, – тем и ограничился. Так что Янка решила не париться, а раз и навсегда закрепить за предметом знакомое название.

Войдя в помещение, девушка с любопытством огляделась. Здесь было всего одно большое окно, задернутое бледно-зеленым тюлем без рисунка. За освещение отвечали парившие в воздухе шарики нежно-голубого, зеленого, желтого и белого цвета, в совокупности дававшие свет, близкий к дневному, но какой-то более умиротворяющий, что ли. Было вполне уютно, пахло деревом от стропил, балок или как их там называют (Яна в строительстве разбиралась немногим больше, чем в медитациях), словом, от досок крыши, сходящихся под широким углом. Их темно-медовый цвет хорошо гармонировал с бледным, как липовый медок, цветом пола из широких и гладких досок. На полу солнышком были разбросаны коричневые матрасики с зелеными плоскими подушками. Рядом с каждым матрасом стоял маленький столик, чем-то похожий не то на японский, не то на китайский. Из тех, на которых можно писать, встав на колени: две дощечки стоят, третья под легким наклоном лежит сверху. Девушка только понадеялась, что много писать не придется. В скрюченной позе это вряд ли удобно. Некрупным азиатам-то или гоблину запросто, а ей в три погибели скорчиться придется, не говоря уже о Хаге или Авзугаре.

– Покоя вам в чувствах и ясности в мыслях, студенты. – Мелодичный голос раздался словно из ниоткуда.

Только тогда все заметили, что центр помещения не пуст. Аккурат в середине круга матрасиков лежала большая желтая, как сердцевина яичка, подушка. На ней, скрестив ноги, в традиционной позе для медитации сидела девушка, облаченная в белое просторное платье. Или женщина. Яна запуталась. Каштановые, чуть ниже плеч, свободно падающие волосы без единой седой ниточки, лицо вроде молодое, без глубоких складок морщин, возраста вовсе не имело. Благожелательная улыбка приподнимала кончики губ, ямочки играли на щеках, карие глаза осматривали молодежь.

– Я мастер Тайса. Здесь на протяжении всего учебного года мы будем заниматься с вами познанием возможностей, внутреннего состояния и силы. Постепенно мы подберем

упражнения, необходимые для наилучшего раскрытия способностей каждого из вас. Сегодняшнее занятие будет посвящено измерению объема вашей личной силы и уточнению ее характеристик. Для начала выбирайте себе коврик по вкусу, снимайте обувь и присаживайтесь, дорогие мои.

Тайса подождала, пока студенты рассядутся по ковриками, благо споров за место под стропилами не возникло – все подушки, столики и коврики выглядели совершенно одинаково. Даже спорить за место, чтобы сидеть лицом к учителю, не имело смысла. Пока студенты усаживались, учитель взлетела над полом в той же позе, в какой сидела, и с самым невозмутимым видом поворачивалась вокруг своей оси, следя за обстановкой.

Единственный вопрос, который задали парящему лектору студиозы, поступил от Титы, топтавшейся рядом с ковриком Авзугара.

– Мастер Тайса, а можно нам с другом сесть вместе?

– Если вы сможете после этого с удобством лечь на один коврик, пожалуйста, – милостиво дозволила Тайса, чуть заметно приподняв бровь в немеке на иронию.

Габариты оборотня и ему одному не очень-то позволяли комфортно разместиться на средних размеров матрасике, потому Тита нехотя пересела на соседний. Пока студенты пристраивались, в дверь торопливо забарабанили, не дождавшись ответа, распахнули створку и ввалились внутрь.

На сей раз Тайса приподняла обе тонкие брови и послала Максимусу и Картену вопросительный взгляд.

– Простите, мастер, нас ректор Шаортан задержала, – оправдался Максимус.

Его голубокожий спутник энергично закивал и пробормотал под нос какую-то не поддающуюся расшифровке околесицу, как показалось Янке, нечто про болтуна, который болтал болтунью.

– Полагаю, вы пообещали ректору хранить причину задержки в секрете, – обозначила на лице улыбку Тайса. – Что ж, проходите и занимайте места. На будущее сразу скажу для всех: опозданий на урок быть не должно. Не потому, что я сторонник жесткой дисциплины, но потому, что концентрация на задачах занятия у ваших товарищей будет нарушена бесцеремонным вторжением. Опоздавшим надлежит пройти в соседний зал и индивидуально работать над уже освоенными упражнениями.

Начнем же наше занятие, студенты, с определения объема вашей личной силы и составления карты ее характеристик. Это необходимо, чтобы вы могли рассчитать интенсивность потока для активации знаков Игиды и по желанию выбрать магический факультатив. Зачем? АПП не магическая академия, но даже

основы владения врожденным талантом, не говоря о возможности его совершенствования под руководством мастеров, станут отличным бонусом и пригодятся в работе блюстителя, дополнят работу со знаками в тех мирах радуги Игиды, где это возможно. Итак, приступим!

Тайса простерла руку по направлению к стене. Открылась ниша, и на ладонь учителю спланировал стробоскоп. Именно так Янка в первое мгновение обозвала шарообразный предмет, тускло поблескивающий множеством мелких шестиугольных, как ячейки сот, граней.

– Это малый шэ-дар, – объяснила учитель. – Сейчас вы по очереди будете брать его в обе руки, держать некоторое время и передавать другому студенту тогда, когда я скажу слово «следующий». Вопросы?

Студенты промолчали, Тайса кивнула и кинула шэ-дар опоздавшему Картену. Тот рефлекторно поймал и сжал предмет. У тусклого шарика засветилось нежно-голубым с пяток граней. А учитель скомандовала:

– Следующий!

Картен сунул шар в руки друга. Максимус вызвал желто-коричневое свечение десятка стеклышек. Очередным подопытным кроликом стала Ольса. Правда, шар в нее не метнули, а любезно передали из рук в руки. У умницы-дриады интенсивный сине-зеленый свет залил чуть ли не четверть шара. Так и пошло дальше. У кого-то загоралось всего несколько стеклышек, у кого-то часть или даже, как у Машьелиса, чуть ли не вся поверхность шэ-дара. Причем у кудрявого дракончика волшебный стробоскоп заиграл всеми цветами радуги, вызвав у девушек и сирена восхищенный вздох. У Хага красным, голубым и серо-коричневым окрасило примерно пятую часть шэ-дара. Что заставило Тайсу, делавшую быстрые пометки в тетради, с легким удивлением приподнять бровь, хотя сияющий шар Лиса учителя совсем не удивил.

Когда дошла очередь до Яны, она сжала в пальцах прохладный, удивительно легкий, будто пластмассовый, многогранник и едва не захихикала от ощущения щекотки. Волшебный прибор в руках землянки оставался тусклым довольно долгое, как показалось девушке, время, потом на нем беспорядочно засветилось несколько бесцветных слабых огоньков.

– Следующий, – раздалась команда, и Янка передала шэ-дар Еремилу.

У парня шар тоже довольно долго отказывался сиять, и вдруг, будто тумблером щелкнули, сразу половина поверхности, если не больше, зажглась густым кармином.

Невозмутимая маска на лице учителя Тайсы на долю мгновения дрогнула, что говорило о легкой озабоченности, но тут же вернулась на место, и прозвучала команда передачи шэ-дара. В среднем на испытание каждого студента ушло не более двух минут, чаще шарик справлялся быстрее.

Парящая женщина в белом четко следила за работой артефакта, еще и какие-то заметки черкать в блокнотике успевала. За двадцать минут сканирование прошли все четырнадцать студиозов. У последнего, вернее, последней вампиро-эльфийки с причудливой фамилией и именем Ириаль, кристалл красиво проблескивал красным, фиолетовым и зеленым. Тайса забрала артефакт из рук студентки, просто поманив.

Шэ-дар как послушный зверек скакнул в ее ладонь, но надолго там не задержался. Учитель подбросила его вверх и выпалила скороговоркой:

– Нефтехим!

«При чем здесь нефть и химия?» – успела задаться вопросом Янка, а волшебный предмет завертелся вокруг своей оси, на мелких гранях заиграл свет, будто и впрямь шэ-дар решил превратиться в стробоскоп и устроить заскучавшим студентам дискотеку. Из его серединки вырвались пучки разноцветных лучей, ярких, как от лазерной указки, включенной в темноте. Они светились несколько секунд, потом отделились от кристалла, который потух и покорно приземлился на ладонь Тайсы. А лучи остались. Теперь они жили своей жизнью. Отделившись от шэ-дара, световые линии соединили сидящих студентов. Синий треугольник составили Яна, Лис и Хаг, голубой образовали Авзугар, его подруга-пещерница Тита и гоблин Кайрай. Еще одна голубая ленточка протянулась между полурослико м Таатой и Еремилом. Золотую девочку Юнину связало с клыкастой Ириаль тем же цветом. А Максимуса с дриадой Ольсой соединил зеленый ручеек. Голубокожий авантюрист Картен и манерный Пит оказались на концах желтого луча. Яна украдкой попыталась потрогать свой синий луч, тот от прикосновения проблеснул густо-синим, почти фиолетовым, но никакой плотности под пальцами девушка не ощутила.

– Запомните хорошенько, студенты, с кем соединил вас шэ-дар. Он считал вашу суть, измерил силы и разбил на тройки и пары для всей дальнейшей учебы и практики, – начала вещать Тайса, послав драгоценный артефакт куда-то в сторону стены, туда, откуда вызвала его в начале занятия.

– А если я не хочу? – выкрикнул Картен, брезгливо косясь на длинноволосого Цицелира, хлопающего длинными ресницами и задумчиво разглядывающего грубого хулигана.

– Не хотите, – спокойно разрешила женщина и как ни в чем не бывало продолжила: – Цвет луча указывает на степень гармоничности ваших групп. Идеальным считается фиолетовое соединение, но за все время существования академии такое случалось считаные разы. Синий цвет – знак очень удачной рабочей команды, голубой – тоже хорошо, зеленый – символизирует возможность нормально сработаться, желтый – минимально допустимый контакт. Вас не обязывают работать над учебными проектами и заданиями именно со своей группой, но для деятельности блюстителя пророчеств такое распределение обязательно. Или в одиночку – или так. Я бы рекомендовала не пренебрегать возможностью сработаться. В качестве информации к размышлению: большинство пренебрегших советом шэ-дара и решившихся действовать в одиночку не доживали до пятого свитка.

– А меньшинство? – хмуро уточнил Картен, бросив еще один неприязненный взгляд на напарника поневоле.

– Погибало раньше, – любезно просветила бунтаря Тайса и невозмутимо продолжила: – Что касается объема личной силы и выявленных талантов, изучайте. – Женщина повела ладонью, и из ее, казалось бы, пустой руки вылетели четырнадцать карточек, закончивших свой вояж в пальцах студентов.

– Я никогда не провожу публичного подробного оглашения результатов на курсе. Каждый волен сохранить их в секрете ото всех, поделиться лишь со своей командой или объявить во всеуслышание.

Яна посмотрела на белый листик – карточку с данными волшебного теста. Радоваться было особо нечему. Никаких скрытых склонностей к волшебству шэ-дар у нее ожидаемо не обнаружил. Объем личной силы был указан в ноль целых три десятых от максимума. Не полный ноль – и то ладно.

– Имейте в виду, параметр личной силы можно увеличить систематическими тренировками. Но и с малым объемом удается активировать необходимые знаки. Все зависит от способности к концентрации, а также от своевременного и правильного выбора знаков.

– Правильности и своевременности вы нас тоже учить будете? – не утерпев, выпалил Картен, чуть ли не подскакивая над матрасиком. Неугомонный парень успел засидеться, тело требовало движения.

– О значениях знаков и особенностях их действия вам поведает мастер Гадерикалинерос, – начала объяснять преподавательница, без малейших усилий воспроизведя имя декана в полной транскрипции. – Что же касается правильности и

своевременности – в каждом конкретном случае выбор будет за вами и только за вами. Я могу дать лишь один совет: доверяйте себе и занимайтесь. Развивайте интуицию на занятиях по предсказаниям. Логическое и творческое мышление тренируйте, решая задачи с применением знаков на лабораторных и семинарах декана Гадерикалинероса. Лишними знания и умения никогда не бывают, вам пригодится все. Знаки на листьях Игиды универсальное средство, одинаково проявляющее себя в любом из миров, даже там, где не действует никакая иная магия. Именно поэтому внимание, уделяющееся работе со знаками, столь велико.

Тайса на несколько мгновений замолчала, давая студентам возможность переварить услышанное, а потом сказала:

– Продолжаем занятие! Итак, способность к сосредоточению и управлению энергией напрямую зависит от способности концентрировать внимание. Задание на следующее занятие – оценить степень личной способности к концентрации. Выполните простенькое упражнение: обратный счет на протяжении десяти минут. Считая, постарайтесь не отвлекаться, каждое отвлечение фиксируйте. Если удастся не отвлекаться или отвлечетесь не более двух-трех раз – у вас хороший результат. В других случаях рекомендую взять в библиотеке методичку «Концентрация – как основа» под редакцией Гауфра и заниматься до достижения приемлемого результата.

Студенты зашуршали тетрадями, записывая название книги, а мастер объявила:

– Теперь, дорогие мои, займемся освоением элементарного упражнения на концентрацию энергии и ее направление. Мы будем работать с пустыми листьями Игиды.

Снова по мановению руки Тайсы к студентам откуда-то сверху (может, там тоже какая-нибудь хорошо замаскированная полочка имелась?) слетели овальные пластинки. Да, они были очень похожи на листики Игиды – не свежие, кожистые и гнущиеся, а уже успевшие превратиться в легкие, напоминающие пластмассу, штуковины.

Яна сжала в пальцах странное пособие и нахмурилась. Каким образом работать с листьями, на чем именно концентрироваться и где брать непонятную энергию, девушка пока не представляла. Никаких дополнительных приспособлений ребятам не выдали. А еще Донская серьезно опасалась случайно сломать пластинку. Впрочем, не она одна. Хаг и Авзугар опасливо растопырили ладони, боясь пошевелиться, чтобы не испортить выданный лист. Оборотень кашлянул и проворчал:

– Мастер, а если я его ненароком сломаю, новый дадите?

– Нечаянно сломать листок Игиды невозможно, – успокоила

первокурсников Тайса. – Лишь наполненный энергией и насыщенный мысленным посылом-целью лист ломается, высвобождая силу знака Игиды. Пока на пустышку не нанесен символ, ее невозможно случайно уничтожить.

Студенты успокоенно выдохнули и завозились, уже увереннее придерживая и щупая неуничтожимые учебные пособия.

– Устраивайтесь поудобнее, – велела тем временем учитель и начала раздавать указания, напомнившие землянке руководство к самым обычным дыхательным упражнениям, слышанное когда-то по радио. – Принимайте максимально расслабленную позу, но сидячее положение сохраняйте. Можете прикрыть или полузакрыть глаза. Дышите размеренно, почувствуйте приятное тепло. Ощутите каждую частицу своего тела, отыщите в центре своего тела точку силы. У большинства рас она располагается на два пальца ниже пупка. Вкусите течение чистой энергии в теле, осторожно направьте ее от центра сущего к листу в ладони. Постарайтесь узреть результат! Время работы над упражнением пошло!

Выдав глубокомысленные ценные указания, женщина в белом натурально испарилась из центра залы. Это произошло в полном соответствии с буквой и духом академии – АПП! – и нет. Только круглая подушечка осталась. Сосредоточенные, задумчивые или откровенно беспомощные взгляды студентов скрестились на пустом пятачке.

Таата беспомощно шмыгнула носом и призналась, сжав листок в маленькой ладошке:

– Я совсем-совсем не поняла, что и как делать.

– Бестолочь, никогда не медитировала? – пренебрежительно фыркнула Ириаль, принимая элегантную позу.

– Нет, – помотала головой хоббит. – Я вообще в магии ничего не понимаю. У нас магов нет, только старенькая травница, да фокусники бродячие и устроители фейерверков в деревню иногда забредают.

– Как же ты сюда угодила? – грубовато, хоть и не зло, удивился Картен, пытаясь пристроиться на тощем матрасе с максимальным удобством.

– Неурожай второй год. Папа приехал за пророчеством, а ворота академии были открыты. На площади такая красивая радуга сияла. Ноги сами понесли… вот и оказалась, – растерянно и виновато улыбнулась толстушка.

– Ну и дура, – высокомерно отрезала Шойтарэль и полуприкрыла глаза, то ли сосредотачиваясь на задании, то ли делая вид, что погрузилась в работу. На Таату, сиявшую весь день веселой улыбкой, стало жалко смотреть.

– Зачем ты так грубо, – укорила красотку добросердечная Юнина и утешающе улыбнулась толстушке, у которой дрожали губы, а глаза блестели от непролитых слезинок.

– Вообще-то я тоже плохо поняла, чего делать, – громко поддержала сокурсницу Янка – не только в знак солидарности. Она и впрямь сомневалась, что получится сделать хоть что-то. – Про медитации только слышала и ни разу не пробовала.

– У вас все получится, – раньше, чем Лис или Хаг стали подбадривать напарницу, заговорил Еремил. Парень продолжил с обаятельной полуулыбкой: – Это проще, чем грибы собирать. Надо только вообразить, что сидите вы под солнышком. А когда дышите, вдыхаете и воздух, и частички света. А выдыхаете только воздух, весь свет внутри остается, там собирается в шарик под грудью или пупком. А оттуда ниточка тянется по руке до ладони, в которой листок лежит. В него частички света через вас текут понемножку.

– И все? – изумленная внешней простотой задания, переспросила Таата.

– Все! Дыши, ощущай, направляй, – уверенно кивнул парень. – Попробуешь?

– Ага, так, кажется, понятнее, – согласилась пышечка и, зажмурив глаза, старательно засопела носом-кнопкой.

Прикрыла веки и Янка, решившая последовать совету Еремила Надалика. Уж больно уверенно он говорил, а последние три слова – «дыши, ощущай, направляй» – показались очень разумными. Попытка – не пытка! Тем паче, что парень тоже человек, пусть и из другого мира, а значит, его метод вполне может сгодиться и землянке. Хорошо еще сегодня ночью Яна выспалась, потому над ней не висела дамокловым мечом угроза заснуть во время упражнения.

Как и хоббит Таата, Донская сроду не пробовала колдовать. На весь поселок была одна старуха, считавшаяся ведьмой, и ведьмовала она исключительно в силу склочности характера, никакими потусторонними способностями при этом не обладая. Но сейчас у Янки оказалось преимущество перед большинством землян – она не просто верила, она четко знала, что магия есть, и успела вдоволь насмотреться на ее проявления.

В зале дышалось легко, запахи дерева и луга приятно щекотали ноздри. Мелкие шарики в воздухе давали достаточно света, чтобы вообразить солнечную полянку и напекающие макушку лучи. Мало-помалу приятное тепло разлилось по всему телу. Девушка расслабилась, представив золотой пушистый комок света не внизу живота, под пупком, а прямо под грудью. Почему-то Яне казалось, что ее комочек именно там. Когда девушка

решила, что надышала достаточно, чтобы воображаемый шарик вырос в приличного размера клубочек, отделила от него тонюсенькую (толще никак не выходило) ниточку и потянула. Сначала ниточка упрямилась и почему-то хотела пролезть не в руку, а в пузо и дальше, в ногу, но Яна ее переупрямила. Ниточка сдалась и нехотя скользнула вверх, к плечу, а потом и вниз по руке, прямо в ладонь. Янке даже стало щекотно, и глаза невольно распахнулись.

В ладони тусклым ночником светилось пятнышко – не больше ягодки смородины – на самом кончике тренировочной пластинки. У Тааты тоже получилось. У ее листика тонкая полоска сияла точно в серединке, да так ярко, как фара машины, и яркость продолжала возрастать.

– Достаточно, закончили упражнение, – прозвучал голос Тайсы.

Учитель появилась в круге, словно и не покидала студентов. Кто ее знает, может, и не покидала. Янка быстро оглядела однокурсников. Пластины светились у всех. Но странно и очень по-разному! У кого-то ярче, у кого-то более тускло, пятнами, полосками, по краям или только в центре, и самое большее – наполовину. А еще кое у кого они оказались цветными! Красноватые, голубые, желтые, однотонные и пестрые, да каких только цветов не попадалось! Только у Авзугара пластинка была тускло-серой, будто потухшей, или… Янке пришло в голову сравнение с перегоревшей лампочкой.

– Сегодня вы начали отрабатывать технику передачи частицы силы листу Игиды для активации знака. Постарайтесь запомнить свои ощущения, чтобы иметь возможность повторять и корректировать процесс. Тебе, – тонкий пальчик учителя ткнул в грудь оборотня-медведя, надо учиться контролировать объем силы. Поток слишком велик. Лист со знаком рассыпался бы в руке до момента активации. У кого пластины стали цветными, обратите внимание на характер силы, напитывающей лист. Энергия должна идти чистая, без примеси личной магии, чтобы не искажать суть знака. Передавать ее в лист следует равномерным непрерывным потоком. Если пластина не засветилась вся – стоит увеличить объем текущей энергии. Каждому найдется, над чем потрудиться! В течение этого учебного года мы должны освоить работу с пустыми листьями до такой степени, чтобы к концу последнего семестра вы смогли активировать листья Игиды со знаками. Вы будете корректировать объем передаваемой энергии и ее чистоту, чтобы пластина приобрела вот такой вид. – В ладони учительницы появился пустой листок и мгновенно засветился целиком, ровным

и неярким светом, как лампочка ватт на сорок. – Вам важно научиться передавать четко заданный объем силы за максимально короткое время, не сосредотачивая все внимание на процессе передачи, ведь нужно концентрировать внимание на значении знака.

– Вливать столько чистой силы, сколько нужно, не думая, как дышишь, – тихо перевел Еремил своей напарнице Таате, чей взгляд опять начал стекленеть.

– Браво, дорогой мой! – Тайса благосклонно кивнула студенту. – Теоретическую часть ты усвоил. Посмотрим, как пойдет работа с практическим аспектом!

Парень ответил зеркальным вежливым кивком, принимая завуалированное замечание – не лезь поперек батьки в пекло. Яна задумалась: наверное, мастер медитации хотела проверить на первом занятии не просто возможности студентов к накачиванию пустышек Игиды энергией, но и их способность самостоятельно разобраться с инструкцией для работы. А Надалик из благородных побуждений нарушил ход учебного процесса, за что лично Яна была ему глубоко благодарна.

– Вопросы? – вполне доброжелательно, в отличие от прохладного тона, каким выдавала задание, осведомилась у аудитории мастер.

– Видал я, как другие мастера используют настоящие листья Игиды со знаками. Они не светятся, – нахмурился оборотень, крутя в лапах мало-помалу снова становящийся светлым пустой лист. – Или издалека не видно?

– Светятся лишь пустышки Игиды, где нет знака для активации. Сила становится светом, – поведала Тайса и, не дожидаясь нового вопроса, добавила: – После должных тренировок вы научитесь безотчетно чувствовать, сколько вашей энергии нужно для насыщения знака Игиды силой. А теперь положите листья на свои столы. Занятие окончено!

– Извините, а можно листик с собой забрать, я бы вечером потренировалась, – робко попросила Таата и отчаянно зарозовела.

– Можно, – дала разрешение Тайса с благосклонным кивком, – но я сомневаюсь в том, что время на систематические тренировки найдется. Давайте условимся: если сможешь тренироваться всю цикладу по полчаса в день или больше, лист оставишь себе для занятий. Нет – вернешь.

– Спасибо, – поблагодарила девушка. – А я его точно не испорчу нечаянно?

– Точно. Нечаянно ни лист Игиды со знаком, ни пустой лист испортить, так же как и сломать, невозможно, – успокоила Таату

преподавательница и, указав пальцем на Яну, предложила: – Если желаешь, тоже можешь взять лист.

– Почему это ей можно, а мне нет? – взвилась буквально на пустом месте Ириаль, оскалив клыки.

– Потому что таково решение мастера, проанализировавшего ваши способности, – с вежливой улыбочкой, наполненной холодком, объяснила Тайса. – Желаете поспорить, студентка?

– Нет, – буркнула эльфо-вампирша, хотя скорее вампирша, чем эльфа, и подарила землянке на удивление злобный взгляд.

Вообще-то до этого мига Янка соображала, как бы ей повежливее отказаться от права на дополнительные занятия во внеурочное время. Ну не любила она напрягаться больше минимально необходимого! Вот только портить отношения со своеобразным педагогом не хотелось. А возмущение Ириаль сыграло роль катализатора. Яна из принципа убрала тренажер в сумку и поблагодарила учительницу. Звон колокола возвестил о завершении занятия.

Глава 9
Знаки Игиды и тайна Декана

Шумным табором студенты спускались по лестнице на второй этаж. Его занимали помещения для изучения знаков. Здесь располагались лектории, лабораторные и кабинеты для семинаров. Яна успела вчера мельком услыхать от соседки, что декан ведет свой предмет у всех курсов всех факультетов, только на лабораторных ему помогают студенты-старшекурсники и аспиранты. Как же насыщенно, наверное, у него учебное расписание! Может, потому Гад такой худой и варенье любит? В варенье витамины и сахар, а сахар – источник глюкозы – самого важного продукта для головы.

От размышлений Донскую отвлек смешок Лиса. Тот пихнул напарницу локтем и показал подбородком на сирена. Цицелир плыл вниз причудливо-вихляющей походкой, чем-то напоминающей манекенщиц на подиуме. У синеволосого красавца странно дергались бедра, словно он не шел, а пытался танцевать, причем нечто в высшей степени неприличное. Яна уже начала втихую краснеть, когда дракончик шепнул:

– Вот бедолага сирен мучается с непривычки! Ногами-то ходить – это тебе не хвостом в воде загребать!

Так стыдно девушке не было уже давно! Подумать плохо об однокурснике только потому, что тот, водный житель, не освоился с ходьбой на двух ногах! Пит Цицелир вовсе не пытался выделиться или эпатировать публику, он просто не умел пока ходить по суше и мучился на ступеньках. Яна тайком ущипнула себя за руку, ставя метку на память: здесь, в академии, все слишком другие. Землянка решила впредь не судить сгоряча, по первому негативному впечатлению, а пытаться для начала разобраться в ситуации. Девушка ответила Лису:

– А его, наверное, наши попытки плавать до смерти насмешат.

– Это точно, – философски согласился дракончик и все равно еще разок ухмыльнулся, наблюдая за «танцем» сирена на ступеньках. К Цицелирову счастью, пролеты между этажами не были чрезмерно длинными, и совсем скоро студенты уже шли по коридору. На ровной поверхности шаг сирена выровнялся и стал почти неотличим от людского.

В ожидании начала занятия и самого явления Гадерикалинероса ребята негромко переговаривались.

– Странная у нас учительница медитации! У нее так

настроение скачет, – пожаловалась дриада, массируя виски кончиками пальцев.

– Да ладно, – не согласился Картен, откинувшийся на спинку стула. – Она ж все время спокойна, лишь улыбается чуток приморожено.

– Улыбка – только маска на лице, а внутри то веселая, то раздраженная, то сердится, то негодует, то снова радуется, – объяснила Ольса и, бросив признательный взгляд на Донскую, продолжила: – Если бы не Яна, я бы вообще заниматься не смогла.

– Что ты хочешь от Тайсы, она же сильфида! – брезгливо фыркнула Ириаль, увлеченно подтачивающая карандаши миниатюрным ножичком. – Этот цветочный аромат крылатых бестий ни с чем не спутаешь!

– При чем тут Яна? – вместо землянки удивился Хаг.

– Она почти всегда спокойная, как береза. Я на нее настраиваюсь и могу от всех отстраниться, – немного виновато пожала плечами Ольса и уточнила у Яны: – Ты ведь не против?

– Хм, так дубиной меня еще не обзывали, но, раз тебе это помогает, пользуйся, – с добродушным смешком разрешила великодушная землянка. – А кто такие сильфиды?

– Элементали воздуха, обретшие телесное воплощение, – дал справку Хагорсон, в который уж раз выходя за рамки образа простоватой дубины-тролля. – Говорят, они самые лучшие маги и бойцы. А что настроение скачет – так зато непредсказуемы для противника. Но нам, пожалуй, повезло, коль мастер Тайса себя настолько в руках держать умеет, что лишь на уровне ментала Ольсу пугает.

Согласный гудеж студентов поддержал мнение докладчика, а Янка в очередной раз поняла, как много ей еще предстоит узнать. Выставлять себя полной дурой перед однокурсниками не хотелось, поэтому приставать с вопросами про элементалей девушка решила к подруге.

– А я тебе не подхожу для настройки? – с неловкой заботой уточнил Максимус, выбранный шэ-даром в напарники тихоне Ольсе.

– Ты тоже спокойный, хороший, но все-таки мужчина, на тебя настраиваться сложнее, – чуть смущенно встрепенула длинными ресницами дриада. – Во всяком случае, пока.

– Эй, а если Тайса сильфида, где ее крылья? – запоздало удивился Лис.

– Крылья госпожи Тайсы скрыты, дабы не отвлекать студентов от учебного процесса. Если кто не знает, мерцание крыл сильфиды и их пыльца вызывают эйфорический и

рассеивающий внимание эффект. Потому мастер Тайса не визуализирует крыльев на уроках, – с порога начал отвечать Гад, решительно шагая к своему рабочему столу. – Мне, как декану и куратору курса, все результаты тестирования шэ-даром уже предоставлены, на их основании я предложу вам выбрать факультативные занятия, дополняющие теоретический курс «Основы и многообразие магии», который будут вести у вас мастера Мельговирх и Брэдок. Впрочем, если в общежитии вы откроете учебник под авторством прославленного дуэта Ульягатхара и Иоллель на странице четыреста пятьдесят третьей, то найдете приложение «Цветовой спектр магии». Соотнеся цвета, сиявшие для вас на тестировании шэ-даром, с названиями основных магических направлений, вы и без моего участия и записок мастера Тайсы сможете детально выяснить, талантом к какому виду магии обладаете.

Но ближе к теме нашего занятия. На медитации вы учились насыщать пустой лист Игиды силой, на моих уроках вы начнете изучать смысловые значения знаков и их зримую форму. Позже, совместив умения, приобретенные в зале мастера Тайсы, с пониманием знаков, станете осваивать применение знаков Игиды и создавать знаки на пустых листьях.

– Не понимаю, – горестно шепнула несчастная Таата, и во время случайной паузы в речи декана ее голосок прозвучал неожиданно громко.

– Сейчас поясню, – не стал раздражаться, ругать бедняжку или прикидываться глухим Гад. – Недостаточно просто перелить часть своей силы в лист Игиды, одномоментно с насыщением пластины энергией вам надо будет активировать знак листа.

Декан достал из поясного кошеля настоящий лист со значком, больше всего, на взгляд Яны, напоминающим раздвоенный кривоватый сучок.

– Это знак ТАЙР, именуемый «Дорога». Активируется знак, как и все прочие знаки Игиды, надломом листа. Но, прежде чем сломать пластину, надо четко знать, какой результат желаете получить: найти верный путь, запутать противника, увидеть все возможные дороги или нечто иное. Важно не просто сломать лист, насыщенный вашей силой, важно держать в голове, – Гад стукнул себя по высокому лбу пальцем, – четкий образ выбранного смысла знака. Потому так важны не только словари с описанием знаков и их толкованием, но и ваши собственные размышления над значением знаков Игиды.

– То есть я беру знак ДОРОГА и, коль думаю над тем, как найти клад, так что меня – к сокровищу приведет? – азартно выпалил Машьелис, вызвав в рядах студентов изрядное

оживление вперемешку со смешками.

– Дракон, – с интонацией «что взять с больного клептомана» вздохнул Хаг, оценивая энтузиазм напарника.

– Не исключено, – коротко усмехнулся декан. – Но для поиска сокровищ лучше использовать знак СИЛЬ. Возможны и иные варианты. Давайте рассмотрим…

И потекла лекция по знакам, их смыслу и особенностям начертания. Студенты старательно копировали в тетради изображенные Гадом на доске знаки и делали пометки, касающиеся их значений. Заранее, как велел учитель, оставляли достаточно места для личных записей, которые в идеале должны были появиться в процессе познания символа.

Не то чтобы понятно было абсолютно все, но Янка чувствовала: если хорошенько посидеть с учебником и конспектом, то в теме разберется. Вот и на личике Тааты плакатным шрифтом проявилось выражение облегчения: «Я не тупица, я понимаю».

Как-то незаметно промелькнуло время, отведенное на лекцию. Удар колокола прозвучал неожиданно громко, заставив студентов непроизвольно вздрогнуть. Гадерикалинерос закончил рассказ о знаке ХАОР, символизирующем свет, и объявил:

– Занятие окончено. К следующей лекции новых знаков не задаю. Пока не задаю! Займитесь анализом уже изученных. Как декан факультета напоминаю: в течение первых пяти дней циклады вам следует выбрать постоянного старосту курса, а временного уже завтра. Имя сообщите мне и старосте факультета Стефалю Лаэрону. Студентам Максимусу и Картену надлежит прибыть после четырех часов вечера для мытья лестниц в Башне Судьбы. С первого по пятнадцатый пролеты – ваш участок.

– За что? – взвыл Картен и тут же заработал чувствительный тычок локтем в бок от сидящего рядом друга.

– Неужели за полдня вы успели подзабыть обещание ректора? Какая старческая рассеянность в столь юном возрасте! – иронично посетовал декан. – Благо ваш товарищ помнит и, думается мне, не откажется поделиться подробностями.

– Не забыл я ничего, – хмуро пробормотал голубокожий, в сердцах швырнул тетрадь в сумку и злобно клацнул застежкой, ладно хоть ногами как капризуля-карапуз не затопал.

– Лестницы в полном вашем распоряжении на весь семестр, – щедро поведал Гад с такой улыбкой, что вот сейчас он, пожалуй, оправдывал смысл своего краткого имени на все сто. – Ступайте! Все свободны, кроме студенток Тааты Голвин и Яны Донской. Девушки, пожалуйста, задержитесь.

Машьелис, Хаг и Еремил, собрав вещи, почему-то остались в

лектории после того, как удалились остальные студенты.

– Надо же, сколько у меня на курсе Таат и Ян, целых пять штук, – восхитился декан, скрестив на груди руки.

– Мы напарниц ждем, – вежливо, но твердо объяснил тролль.

– Одобряю, – поощрительно закивал Гад, – особенно если вы продолжите ожидание с другой стороны двери.

Студенты заколебались. Декан уже без иронии и с настоящим одобрением оглядел всю компанию и снисходительно заверил:

– Не съем я ваших девушек, не бойтесь. Если они захотят, потом обо всем сами расскажут.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы парни перестали упираться и вышли за дверь. Декан, жестом предложив студенткам присесть, опустился на стул напротив и деловито заговорил:

– Вам выдали пустые листья Игиды для тренировки.

– Нельзя было? – заробела Таата.

– Можно, – поспешил успокоить трусишку Гад. – Я всего лишь посчитал нужным дать вам некоторые пояснения, дабы исключить недоразумения. Во-первых, свои пособия вы даже на время никому передать не сможете – они, как и все пустышки листьев Игиды, используются студентами единолично на протяжении всего времени обучения. Во-вторых, почему листья выдали только вам. Догадались?

– Я самая тупая, – горестно вздохнула пышечка, а Яна лишь нахмурилась. Быть самой тупой на пару с Таатой совсем не хотелось, впрочем, как и самой умной. Первых презирают, со вторых спрос больше.

– Неверное, – с укором покачал головой декан. – Вы – самые безобидные из студентов, по мнению мастера Тайсы и результатам тестирования шэ-дара. Объясняю почему. Вы не обладаете ярко выраженным сильным талантом в какой-либо области магии, то есть не способны случайно вызвать пожар, землетрясение или поднять зомби, да и коэффициент личной силы, которую можете одномоментно перелить в лист, пока невелик. Потому тренироваться и увеличивать свои возможности вы можете вне зала медитаций, гасящего спонтанные магические всплески. Работайте усердно и при желании сумеете к концу обучения по объему личной силы обогнать многих менее прилежных, пусть и более одаренных сокурсников. Это все, что я хотел сказать вам обеим. До встречи, Таата!

Гад многозначительно замолчал, указывая глазами на дверь. Толстушка, доказывая, что вовсе не является тупой, намек уловила. Подхватилась и практически выкатилась из лектория, успев при этом долбануть широко распахнувшейся дверью кого-то

из сторожевших в коридоре.

– Яна, мне поступила жалоба на избиение тобой после вводной лекции студента-первокурсника факультета провидцев Койза Реагиса. Что-то можешь сказать в свое оправдание?

Вроде бы Гад говорил сурово, но почему-то Янке показалось, что в темных глазах декана пляшут смешинки и губы чуть заметно кривятся в усмешке. Неужели он одобряет ее поступок?

– Если вы про того Козла Рогатого, то я не дралась. Только стукнула его, чтобы Машьелиса не задирал, а продолжит, еще разок с удовольствием стукну! – честно и прямо ответила девушка, без зазрения совести перевирая имя скандалиста и ябеды.

– Хм, за удовольствие, как известно, надо платить, – чуть укоризненно качнул головой декан и тихо, словно бы сам для себя, прибавил: – Или получать его без свидетелей.

Яна приняла правила игры и спокойно спросила:

– Мне чего помыть?

– Четыре большие плитки перед башней твои, – выдал разнарядку Гад.

– Хорошо. Швабру, веник и ведро где брать? – деловито поинтересовалась землянка вопросом, который почему-то совершенно не озаботил Максимуса и Кайрая.

– Слева от лестницы на первом этаже чулан. Там найдешь все, что нужно. На отработку даю пять дней. Учти только, дверь в Башню Судьбы для всех, кроме ректора и преподавателей, открывается не раньше четырех часов вечера. Сделали это специально, чтобы студенты во время занятий отработкой не вздумали заниматься.

– Хорошо, учту. Все пять дней мыть? – уточнила Яна. Плиты перед дверью в башню были квадратами – самое большее метр на метр, так что объем работ землянку совсем не пугал.

– Нет, в любой из дней, пока козел ро… тьфу, вот прицепилось, то есть Койза Реагис будет трудиться в парниках мастеров-лекарей под присмотром мастера Байона, отрабатывая свою неуклюжесть, – теперь уже открыто усмехнулся декан, и девушка улыбнулась в ответ. Назначить отработку Гад обязан был, но сделал это так, что само назначение превратилось в насмешку над задирой и жалобщиком.

– Спасибо, до свидания, – еще раз улыбнулась напоследок Яна симпатичному, несмотря на экзотический нос и странный оттенок волос, декану и вышла к поджидающим ее ребятам.

Хаг и Лис, подпиравшие стенку напротив двумя разнокалиберными скульптурами, выжидательно уставились на напарницу.

– Объяснил, как работать с листом и почему его мне дали. Я сильным магическим талантом не обладаю, поэтому могу спокойно тренироваться и ничего при этом не разрушить. Назначил отработку за то, что после экскурсии долбанула того козла в пятак, – коротко отчиталась Яна. – Плитки перед башней разок помыть надо будет.

– Интересно, а заранее нельзя ничего помыть, чтобы потом спокойно кому надо в пятак постучать? – вслух помечтал тролль, пытаясь по примеру благородного эльфийского старосты отобрать у напарницы сумку. Яна крепко держала ремешки.

– Заранее нельзя, объем отработки назначается по итогам стука и зависит от его причин, мощности стучания и выбранного для приложения силы объекта, – серьезно объяснил декан, закрывая за собой дверь в лекторий. Он присоединился к студентам и, склонив голову набок, заинтригованно уточнил:

– Студент Фагард, вы сейчас в порядке эксперимента напрашиваетесь на отработку, отнимая вещи сокурсницы, или?..

– Дык помочь донести ее вещи хотел, мы же теперь команда, – растерянно ответил Хаг.

– А Яне вы о своем намерении сказали?

– Нет, – смутился тролль, перестал отбирать сумку и начал озадаченно лохматить затылок. Очень неглупый парень тонкостям галантного обращения с девушками обучен не был. – А надо было?

– Если не хотите стать вторым студентом, заработавшим сегодня в пятак от Яны, то желательно, – с самым серьезным видом посоветовал Гад, использовав только что употребленное самим Хагом словечко.

– Можно помочь? – вежливо попросил девушку исправившийся тролль.

Смущенная Яна только кивнула. До АПП ей никто и никогда сумки носить не помогал, даже друг Степка. Он вообще был пониже и настолько похлипче своей подруги, что уж скорее ей стоило бы носить Степкин рюкзак вместе с самим парнем, перекинув обоих через плечо. То ли дело Хаг! На его фоне Яна Донская выглядела какой-то изящной и почти хрупкой.

Обрадованный проявленным доверием, Хаг поспешил уточнить у декана еще один вопрос:

– А с мытьем плиток помогать можно?

– Да я и сама справлюсь. Что там мыть-то? – пробормотала удивленная девушка. Чтобы парень, да по собственной инициативе, решился что-то помыть? Воистину сразу становилось ясно: Хаг точно не человеческий парень, мозги у него по-другому работают.

– Не знаю, – очень странно ответил на вопрос студента декан, потер лоб, приподнял бровь и все-таки снизошел до объяснения: – Учет отработки наказания ведет дейсор.

– Демон мучений? – Возглас удивленно округлившего глаза и пустившего петуха Лиса перебил рассуждения Гада.

– Лет семь назад его на факультативе призвали студенты-демонологи из блюстителей и летописцев, пока мастер Брэдок с другой группой работал. А назад отправить порталом отзыва не смогли, сбежал, тварь. Пять дней пытались найти сами, только потом ко мне каяться явились. Дейсор к тому времени уже адаптировался в академии и нашел занятие по душе – мешал отработкам. Когда поймали, умолял, чтобы его не изгоняли в бездну, очень уж ему понравилось за студентами наблюдать. Договор мы с ним заключили, с тех пор демон наряды принимает и следит, чтобы каждый честно и добросовестно провинность отрабатывал. Сам! Но, поскольку вы с сегодняшнего дня одной командой действовать должны, дейсор может зачесть отработку при совместных действиях, а может и не зачесть.

– Круто! – аж помотал головой впечатленный Хаг.

– А ребята-то не знают, – хихикнул успокоенный относительной безобидностью инфернальной твари дракончик.

– Надо бы сказать, – пожалела парочку неудачников сострадательная землянка.

– Не надо! Они и не должны знать. Старшие курсы и молчат, чтобы каждый на собственной шкуре все почувствовал. Я рассказал лишь потому, что не в моих правилах наказывать за благие порывы, – усмехнулся декан, лукаво покосившись на тролля с двумя сумками.

Тут же задумчиво принюхался и, торопливо кивнув напоследок студентам, почти бегом устремился по коридору в противоположном направлении. Все трое тоже начали нюхать воздух, но так ничего и не нанюхали.

– Вроде ничем не пахнет, – озвучил общие соображения Хаг.

– Это для нас не пахнет, даже для меня, – с искренней завистью посетовал никогда не жаловавшийся на тонкость обоняния блондинистый дракончик, – а для дэора…

– Для кого? – переспросила Яна одновременно с троллем, который вытаращился на Лиса и, притормозив, выпалил:

– Брешешь! Они ж – миф!

– Тогда ты два часа слушал мифическую лекцию, да и отработку Янке тоже этот самый миф носатый назначил, – с насмешливым превосходством объявил Лис. – Вы же видели, как у него нос менялся!

– Ничего мы не видели, – возразил тролль. – Носяра как

носяра, длинноват для человека, так у гоблинов, к примеру, поболее бывает.

– Не видели? – вскинулся заинтригованный блондин и тут же протянул: – Ага, теперь ясно. Значит, за завесой укрыл, а мне сквозь нее видать…

– А кто такой дэор? – даже не шокированная очередным откровением по части расовых разновидностей преподавателей (слишком многому удивляться пришлось в последнее время!), почти спокойно справилась Яна.

– Легендарная, почти исчезнувшая раса, знаменитые отравители, – торжественно оповестил напарницу Лис и небрежно пожал плечами. – Раньше так считалось. У дэоров есть несколько уникальных способностей. И первая – распознавание запахов и вкусов. Они даже лучше драконов чуют, а уж мы-то на нюх отродясь не жаловались! У них и нос меняется, в длину и ширину увеличивается, когда получше учуять надобно.

– Язык тоже удлиняется? – машинально поинтересовалась землянка, у которой в голове не укладывалось, что ворчливый, но заботливый декан со смешным ежиком волос на голове и забавным носом на самом деле под иллюзией – чудовище с хоботом слона и ртом муравьеда.

– А язык-то почему? – озадачился Лис.

– Для лучшего ощущения вкуса, – пожала плечами Яна, что-то помнившая из биологии насчет вкусовых сосочков на языке.

– Насчет языка не знаю. Кажется, обычный он у них. В общем, расовый талант дэорам счастья не принес. Других-то убийственных способностей, чтобы себя защитить, у них не оказалось. Мало-помалу их, почитай, всех истребили, чтобы неповадно было других травить и яды изобретать всяческие, – растолковал девушке дракончик. – Может, наш декан Гад вообще один из последних дэоров, потому и прячется в академии под личиной. К чему слухи-то лишние плодить и убийц на свою голову искать?

– Тогда и мы должны молчать, – серьезно констатировал тролль, – а то без декана остаться недолго. Гад – мужик толковый, объясняет интересно, своих не прессует, мне нравится.

– Да я что, против разве? Делать мне больше нечего, чтобы проблемы на свою чешую изобретать? Мне и так с бабушкой как-то объясняться придется по поводу простолюдинов-напарников. И ладно бы демон какой попался или эльф, так тролль и человек! – протараторил Машьелис и, поправив сумку на плече, двинулся по коридору.

– А в пятак? – мрачно спросил спину дракончика Хаг.

– За что? – резко обернувшись, возмутился Лис, пряча

озорные смешинки в глазах.

Впрочем, прятал не очень умело, потому что тролль вдруг сокрушенно вздохнул и, нарочито по-простецки почесав рукой затылок, трагическим басом объявил:

– В чем-то ты прав. Ума не приложу, как мне объясняться с отцом-вождем касательно худосочного недоросля-дракона и человеческой девушки, оказавшихся в компаньонах у достойного тролля. Меня же наследства лишат или вовсе отрекутся!

«Кажется, я теперь более глубоко понимаю значение слова «троллить», – заулыбалась Янка, глядя на оторопевшую мордаху Машьелиса о Либеларо, которого ухитрились с ходу приложить его же оружием.

Прыснув в ладошку, девушка решила поддержать благое начинание Хага и печально протянула:

– А как мне-то бабушке, папе да маме про тролля и дракона сказать, когда на каникулы приеду? Вы же вообще для моего мира – выдумка! Послушают и сдадут переучившуюся дочку в психушку!

Переглянувшись, троица, оценившая шутки друг друга, громко расхохоталась. Отсмеявшись, Хаг констатировал:

– Может, и впрямь эта круглая штука зазря не выбирает? Или еще приколдовывает чего? Мне и с друзьями детства так легко не бывало, как с вами, напарники. А ведь знакомы всего ничего, второй день только идет.

– Не-а, это не магия принуждения. Чего-то другое, вроде умения почувствовать друг друга. Пускай, – беспечно отмахнулся Лис и с шутливым испугом попросил, нарочито вжимая голову в плечи: – Только в пятак не бейте!

– В пятак не будем, а вот подзатыльник я тебе сейчас дам, – угрожающе пообещал Хаг, притопнув могучей ногой.

– За что? – возопил возмущенный блондинчик.

– На будущее! Чтобы напарников уважал! – пригрозил тролль, продемонстрировав кулак.

А дальше начались обычные мальчишеские догонялки с хохотом и грохотом. Благо остальные студенты либо разошлись по кабинетам на очередные занятия, либо, как первокурсники, давно покинули коридор. Потому они не видели, как развлекаются сын вождя и юный благородный дракон, увеселяя потасовкой обычную простолюдинку-человека. Яна Донская взирала на ребят с добродушной снисходительной улыбкой кошки, наблюдающей за играми котят. Пусть детки развлекаются.

А потом и вовсе отвернулась к широкому окну, любуясь не по-осеннему погожим деньком. Впрочем, вполне типичным для тех мест, где стояла академия. Вчера Яна уточнила у Иоле насчет

здешнего климата, чтобы знать, стоит ли покупать теплые вещи. Оказалось, нет. Никакой зимы в представлении привыкшей к сугробам да метелям Янки здесь не было и в помине, даже снег не шел. Щедрая на солнце и тепло осень длилась дюжину циклад. Потом на шесть циклад наступал прохладный сезон ненастья со слякотью под ногами, ветрами и дождями. Обильными и холодными они бывали. Но чаще погода «радовала» мелкой моросью. И зонт без надобности, а все же неприятно. Зато потом снова возвращалось тепло, пора зелени и цветения. Следом шел сезон, благодатный для грибов и ягод, жаркий, сдобренный обильными ливнями. Самые длительные каникулы у студентов – шесть циклад – как раз приходились на пик и окончание жаркого сезона. Так что стипендию и подъемные Яна решила пока придержать, осмотреться, самой на здешнюю непогоду глянуть, а уж потом приобрести или плащ с широким капюшоном, или длинную куртку. Зонтам девушка не доверяла, слишком часто они ломались у нее в руках, или гнулись спицы. Жмотиной Донская не была, но уже мечтала выкроить что-нибудь на подарки своим. Это ж какая роскошь – деньги иметь, которые можно на родных и друзей потратить!

Пока Донская размышляла о погоде, парни успели немного сбросить напряжение. Вдоволь попихавшись и покидавшись собственными сумками (Янкину умудрились ни разу не пнуть и не уронить), троица чинно двинулась дальше по коридору. Из-за одной из дверей по левую сторону донесся голос декана, вещающий что-то заковыристое о значении знака КЕИТО.

Тройка студентов сделала еще несколько шагов от двери, когда Хаг не только встал как вкопанный, а еще и раскорячился, перекрывая дорогу всей компании.

– Не понял! Декан в другую сторону умчался. Как он тут оказался?

– Может, между кабинетами служебный проход для мастеров есть или Гад перенесся знаком на листе Игиды? – небрежно и даже не слишком удивленно предположил Лис. Привычный к причудливым проявлениям магии, он с гораздо большим интересом наблюдал за тем, как шевелит ушами Хаг. Тролль развернул их из трубочек в оригинального вида симпатичные серые лопушки, которые, в свою очередь, без всякой синхронности начали поворачиваться в разные стороны, как локаторы.

– Тогда он очень уж странно перенесся, – в итоге выпалил Хаг и, потряхивая ушами да бесцеремонно тыча пальцем в стороны, принялся перечислять:

– Туда! Туда и еще вон туда! Я его везде слышу!

– М-да. – Теперь настал черед блондинчика прислушиваться и чесать кудрявый затылок. Привычка нового друга оказалась страсть какой заразительной. – Ух ты! И правда!

Янка тоже постаралась услышать хоть что-то из того, что слышали напарники, да без толку. До чуткости слуха тролля и дракона обычной земной девушке было ой как далеко.

– Значит, не врали древние летописи! – восторженно выдохнул Машьелис. – Умеют дэоры творить подобия!

– Чего? Ну-ка объясняй! – заинтересовался Хаг. Он вернул ушам прежний трубчатый вид и навис над юрким напарником, припирая его к стенке, чтобы не вздумал удрать без объяснений.

Дракончик стрельнул глазами по сторонам и оставил мысль о бегстве. Наморщив лоб, Лис начал припоминать сведения, добытые из старинных ветхих свитков фамильной библиотеки:

– Мне на старокрайском перевод учитель для упражнения задавал. В одном списке со старой книги про дэоров и прочел. Говорилось там, что им Творцом дарован был не только талант уникальный к составлению снадобий, будь то лекарство иль отрава, но и способность к созданию эфирных помощников. То есть собственного подобия из энергии чистой. Да не единого, а нескольких разом, пусть и ненадолго. А еще написано было, что соприкасаться этим подобиям друг с другом нельзя, в одно сольются сей же час. И самое главное: изначальное тело из плоти и подобия из чистой силы у дэоров хоть и действуют порознь, но каждое знает, что с остальными в любой миг происходит, как если бы один дэор одновременно в разных местах действовал. А потом, как минет срок, отпущенный творению, подобия исчезают, а вся память про действия в исходном теле сохраняется.

– Ого! – пораженно крякнул Хаг и неспешно побрел к лестнице. На ходу тролль усиленно собирал лоб в крупные складки. Наверное, пытался представить, каково это – быть дэором.

– Небось для декана специально расписание так составляют, чтобы он свой дар по максимуму использовал. Проведет пяток занятий разом – и полдня свободно. Удобно! – беспечно заключил Машьелис, вприпрыжку спускаясь по лестнице.

– Жуть! – положив руку на перила, по-своему оценила Янка не без невольной дрожи и неподдельного уважения. – Вы подумайте только, ребята, ему же к каждому занятию отдельно готовиться приходится. А какой строгий порядок нужно в голове иметь, чтобы все помнить про все уроки в отдельности – все по полочкам разложить и не путаться? У меня и без подобий после сегодняшней лекции каша из мыслей…

– Дисциплина рассудка считалась одним из ключевых качеств

дэоров, они были не только творцами ядов, но и ходячими справочниками, – процитировал Лис строчки из старого свитка.

– М-да, какой декан у нас редкий, – подвел итог Хаг, а Яна простодушно отметила:

– По-моему, у нас тут все учителя и студенты уникальные и редкие.

– Не сказать чтобы твари, – хихикнул дракончик, первым выпрыгивая из корпуса во все еще хранящий остатки летнего тепла осенний денек, и так же легко, как скакал, перепрыгнул на другую тему: – А ты правда сын вождя? – подкинул Машьелис вопрос троллю.

– Правда, – признался Хаг и, скривившись, как от зубной боли, уточнил: – Младший. Нас в семье семеро.

– Седьмой сын – это хороший знак, – поспорил напарник.

– Это когда сыновья подряд идут, а нас мама через одного рожала. У меня три сестры и три брата, – гордясь мамой настолько же, насколько стыдился положения самого младшего в семье, объяснил бугай-тролль и придержал дверь перед Янкой, чтобы напарница вышла из корпуса.

– Эй, Янка, а ты точно не принцесса? – уточнил блондинчик, отбросив сумку на траву аккуратного газона и от души потянувшись всем телом. Гибкости Лис был невероятной. Легко прогнулся назад, достал землю ладонями, сделал обратное сальто, еще одно и замер, ожидая ответа от завороженной импровизированным цирковым представлением девушки.

– Точно, я своих предков на четыре поколения знаю. Все крестьяне, рабочие, агрономы и учителя. Ни капли голубой крови, – честно ответила Яна, добавив мысленно: «Да и в зеркало регулярно смотрюсь. Если я принцесса, с такими-то формами, то только минотавров, вот правда копыт и рогов нет!»

– Это хорошо, – деловито объявил Машьелис.

– Чем? – не поняла странной логики напарника Яна.

– Бабушка не будет пытаться тебя за меня сосватать.

– Чего, такие проблемы с поиском пары? – удивился Хаг. Он плюхнулся на траву и, закинув руки за голову, уставился в облака. Скакать блохой тролль не собирался.

– У бабушки. Если знатность рода, внешность и размеры приданого невесты бабулю устраивают, так обязательно совместимость душ получается отрицательная. Все никак подобрать кандидатуру не может, ну да у нее еще лет сто пятьдесят – двести в запасе есть, – с философским смирением объяснил Машьелис, еще разок с удовольствием потянулся и приземлился на газон рядом с троллем.

– И ты женишься на той, кого тебе бабушка выберет? –

удивилась Яна, впервые так близко столкнувшаяся с фактом договорного брака по расчету.

– Наверное, – с ленцой зевнул блондинчик, демонстрируя не по-человечески острые зубки. – Она, сколько я себя помню, почитай с пеленок, мне все кого-то выбрать норовит. Портреты подсовывает с отпечатками аур. Да без толку, слияние не идет. Потому и радуюсь, что Янка не знатного рода, ауры-то у нас, коль в одну команду попали, хоть сколько-нибудь, да гармонируют.

Глава 10
Важные разговоры и ужин

Где-то в корпусе раздалось звучное БУММ! Звук заставил компанию прервать пустой треп и насторожиться. Криков, клубов дыма и бегства из дверей или окон здания не последовало. Значит, «бум» был запланированным и опасных последствий не имел. Рассматривать версию об отсутствии выживших свидетелей и участников шума ребята не стали. Все-таки там, внутри, имеется декан-дэор один во множестве лиц. Уж как-нибудь он за обстановкой приглядит. Тем не менее друзья свернули разговор и предпочли откочевать от взрывоопасного корпуса к общежитию. К тому же первого домашнего задания, рефератов, упражнений, ужина, а для Янки еще и отработки никто не отменял. Саму девушку из немаленького перечня дел, если честно признаться, радовал только предпоследний пункт.

Иоле уже была в комнате, деловито копалась на книжной полке, то ли выстраивала томики по ранжиру, то ли странная маньячка просто наслаждалась, поглаживала корешки учебников. Она встретила соседку открытой улыбкой, кружкой какого-то оранжевого морса с подноса на подоконнике и вопросом:

– Как первый учебный денек, понравилось?

– Не знаю, – немного подумав, честно призналась Яна, любуясь обновкой на ногах – пушистыми тапочками цвета солнца. – Столько всего было! Голова пухнет и гудит, как улей. Для меня это все немного слишком или даже много… Лес подземный со странной подсветкой, волшебные листья со знаками, превратившиеся в студенческие значки, рассказ ректора. Нам сегодня показали, как работают предсказатели, летописцы и блюстители.

– Что предсказали? – заискрились любопытством глаза Иоле.

– Что-то про опасность для академии, – примостившись на стуле, стала вспоминать Яна, прихлебывая морс. – Пророчица еще говорила, что предсказания об угрозах академии каждый год появляются. Это правда?

– Ага. А какое на этот раз было, ты запомнила? – принялась допытываться посерьезневшая соседка.

– В точности нет. Кажется, что-то про любовь, ткачество, судьбу и спасение АПП. – Нахмурившись, Донская покачала тапочкой и честно постаралась вспомнить пророчество поточнее, но, как оказалось, в голове почти ничего не задержалось. Словно ветерком мусор выдуло или водой сквозь пальцы ушло.

Недавнюю лекцию Быстрого Ветра о троллях она помнила неплохо, а вот эффектное пророчество Цирецции нет. Какой-то выборочный склероз напал! Вкусный ягодный напиток, кисло-сладкий, чуть-чуть пощипывающий язык, сосредоточиться не помог. – Это важно?

– Не особенно, наверное, – пожала плечами Иоле и тряхнула полосатой головкой. – Чем ближе место осуществления пророчества к изрекающему его, тем более неопределенно оно звучит и тем хуже запоминается. Таков один из эффективных способов защиты Мироздания от тех, кто думает, что знает все лучше других, и хочет всех спасти, даже если все будут сопротивляться. Мы-то, я про АПП, исполняем те пророчества, которые помогают мирам развиваться в гармонии. Иных у корней Первого Древа и детей Игидрейгсиль, выросших на костях великих гигантов-пророков, не изрекается. Только не все в мирах это понимают и не всем такое по нраву.

– Ты столько всего знаешь! Этому тоже учат? – поразилась Яна масштабности картины, развернутой перед ней худенькой девушкой с синими глазищами.

– Конечно, и ты выучишься, – «обрадовала» соседка, многозначительно ткнув пальцем в учебник, лежащий на Янкиной полке. На корешке толстой фиолетовой книги значилось: Кес о Ардор «Пророчества, их классификация, особенности изречения и осуществления».

Землянка прикинула толщину учебника, затем размеры прочих пособий на своей полке, печально вздохнула и перевела тему:

– Ректор на экскурсии после вручения значков что-то про гонг говорила. Знаешь, как им пользоваться?

– Функция перемещения действует только для преподавателей АПП. Для вызова нужного мастера студенту надо приложить значок с жилета к гонгу рядом со знаком того, кого желаешь вызвать, и ударить билом в центр гонга, – четко объяснила Иоле и простодушно закончила: – Только я никого еще не вызывала.

– Вряд ли это сложно, иначе бы тренировку устроили, – пожала плечами землянка и погладила прохладный значок-листик с цифрой «1» и аббревиатурой «БП» на груди.

Отвлекая загрустившую соседку, Иоле спросила:

– А что еще у вас на вводной лекции было?

– Больше ничего не предсказывали. Блюстители за пять минут нашли туфлю красавицы, сбежавшей от принца, и подкинули ему, – улыбнулась Янка, увидевшая в исполненном пророчестве вольную версию знаменитой сказки. – Зато, когда

Шаортан на минутку вызвали, два хулигана с нашего курса умудрились сорвать печать со свитка того самого пророчества об угрозе АПП…

Наверное, Янке самой хотелось поделиться с кем-то яркими впечатлениями от академии, которая сегодня не раз казалась похожей на цирк. Потому рассказывала она обстоятельно и с удовольствием. Услышав о происшествии с сорванной печатью, навлекшей на головы всех факультетов внеплановый реферат, Иоле в утешение подсунула в руки соседки новую кружку с морсом, сладко пахнущим ягодами, и сказала:

– Не переживай, Цирецция права. Мы тоже такой писали, все пишут. Правда, задавал его декан и попозже, к концу второго семестра. Я заказала копии с кое-каких особенно интересных книг. Тебе для реферата пригодятся, в библиотеке сидеть не придется. – Иоле кивком указала на очередную полку книжного шкафа. – Кстати, у вас ведь сегодня медитация была. Напарников и таланты определяли?

– Ага. Таланта у меня к магии нет, силы ноль целых, хрен десятых, вон даже листок для упражнений на дом выдали. Зато в команду я попала с Машьелисом и Хагом. Как сюда вместе угодили, так и дальше втроем будем. Повезло, хорошие они ребята! Ой, Иоле, а у тебя напарники есть?

Янка спросила и только потом сообразила, что могла задеть неприятную для девушки тему.

– Есть. Сайно Вальт, он метаморф. Для работы блюстителя очень удобная раса, – к счастью, ничуть не обиделась и вполне спокойно ответила ифринг, добавив со смешком: – Ему совершенно все равно, девушка я или парень, потому что он может стать вообще чем угодно: хоть веником, хоть креслом. Мы не друзья, Сайно гораздо старше меня, но в паре над заданиями работаем успешно. Шэ-дар соединил нас голубым лучом.

– А нас с ребятами синим, – припомнила Яна.

– Здорово! Это большая редкость! – обрадовалась за новую и единственную подругу ифринг.

– Наверное, – повела плечом Яна, пока не понимающая, насколько ей повезло. С одной стороны, парни были ей симпатичны, с другой, наверное, в команде с Юниной или Ольсой оказалось бы более уютно. Но опять же, если блюстители с напарниками должны вместе чего-то делать для исполнения пророчеств, то там как раз мужская сила понадобиться может, и тогда два парня в команде не так уж и плохо. Девушка мотнула головой, прогоняя посторонние мысли, и закончила рассказ: – А потом была лекция про знаки от Гада, и мне назначили отработку.

– За что? – воскликнула Иоле, и Яна невозмутимо поведала о Рогатом Козле. Взгляд соседки из озадаченно-испуганного стал откровенно восторженным: – Я бы так не смогла! Но ты правильно сделала! Хорошо, что декан все понял как надо!

Янка только кивнула в знак признательности. Допив напиток и вымыв кружку, девушка стала разгружать сумку. Стоило свериться с расписанием и приготовить вещи на завтра. Толстый том в бледно-зеленой обложке с выдавленными на ней рисунками растений, именуемый «Путевой лекарь», еще более толстый учебник по пророчествам и снова том по знакам Игиды, плюс в небольшую сумку поразительно легко влезла форма для спортивных занятий вместе с обувкой.

Предстоящая отработка не пугала, но точно сказать, сколько она займет времени, Янка пока не могла, потому хотела все приготовить заблаговременно. Метаться и все делать в последнюю минуту Донская ненавидела настолько, насколько при своем флегматичном и в принципе миролюбивом характере могла испытывать подобные чувства. Когда она сильно торопилась, все так и норовило выпасть из рук, ноги спотыкались на ровном месте, а синяки по всему телу набивались с феноменальной быстротой.

Пока Яна выкладывала тетради с конспектами и изучала расписание, вспомнила про листок, спрятанный в кармане.

– Ой, совсем забыла! – с восклицанием вытащила она подарок пещерного дерева Игиды. – Мне в руки сегодня на экскурсии лист упал. Хранитель Тэйв и ректор сказали сохранить. Хочу в учебник положить, чтобы не сломать случайно. Это пустышки не ломаются, а тут… вдруг ненароком кончик отломлю?

– Яна, – и без того большие глаза Иоле Латте смешно округлились, а носик забавно сморщился, – это же лист Игиды. Знак ЕЗУ, символ судьбы! Он никогда не упадет случайно, только под песню Хранителя, и не сломается просто так, лишь в свой срок, при активации! Носи его с собой!

– Мм, ладно, поняла, положу в сумку, – даже растерялась немного от такого напора Янка.

– Никаких сумок! – отрезала соседка и, подскочив к своему рабочему столу, открыла небольшую деревянную шкатулку. Позвякивание, шуршание и шелест раздавались почти минуту. Наконец, Иоле издала довольное «Йо, нашла!» и предъявила подруге маленький, поблескивающий серебром кулончик на тонком кожаном шнурке. – Вот, держи! Туда лист положи!

– Иоле, ты меня прости, но мне кажется, он туда не влезет. Мы пытаемся впихнуть невпихуемое! – озадаченно смерив взглядом предложенный кулон и лист, призналась землянка.

– А ты проверь! – прыснув над словечком «невпихуемое», Латте щелкнула ногтем по бочку овальной капельки, и кулон раскрылся, распахнув две свои одинаковые половинки. – Давай! Положи сюда листик! Это же медальон-хран!

– Можно подумать, мне это все объясняет, – добродушно подсмеиваясь над собственным неведением, пробурчала Яна, однако же листок к медальону приблизила и чуть не ойкнула от удивления, когда ощутила притяжение. Словно раскрытые створки украшения были намагничены или работали как пылесос. Листок со знаком ЕЗУ – причудливым завитком наподобие бухты перепутанной веревки – сам собой втянулся внутрь медальона, створки пришли в движение и захлопнулись с каким-то сытым щелчком. Капелька вновь стала целой.

– Влезло, – растерянно констатировала девушка.

– Я же говорила, – довольно поддакнула Иоле и накрыла ладошкой руку подруги вместе с вещицей. – Держи, я тебе его дарю!

– Дорого, наверное, он же волшебный, – вздохнула землянка. Мысленно она пересчитала монетки подъемных, соображая, что второкурснице Иоле таких средств «на обзаведение», как первокурсникам, точно не выделили, и предложила: – Давай я тебе хоть деньги за него отдам, а?

– Ты со мной хочешь поссориться? – как-то враз посерьезнев, огорченно спросила соседка, даже отступила на шаг. Выражение разочарования проступило на личике и боль, словно ее ударили неожиданно, да еще та, от кого удара никак не ждала, потому не успела защититься.

– Нет, что ты, – выпалила встревоженная такой реакцией подруги Яна. – Просто подумала…

– Яна, у нас принято предлагать оплату за подарок, только если собираешься окончательно разорвать дружбу, – напряженно пояснила Иоле, хмуря тонкие брови и нервно дергая серую прядку волос.

– Больше не буду, прости, не хотела обидеть! У нас таких обычаев нет, – порывисто обняв и чмокнув подругу в щеку, горячо пообещала землянка. Она тут же повесила кулон на шею, к часам, а себе мысленно пообещала выяснить, что именно хотелось бы иметь соседке, и подарить. – Тогда с меня варенье к сегодняшнему ужину. На твой выбор!

– Смородиновое! А огурцы захватишь? – захлопала густыми ресницами враз повеселевшая Иоле, собираясь в столовую.

– Конечно, я их парням обещала. Надо же команду подкармливать, а заодно от бабулиных гостинчиков избавляться, пока не протухли! – откликнулась Яна, уже наклоняясь к нижней

дверце шкафа и стуча банками с припасами.

На ужин соседки собрались быстро. Очень уж хотелось Донской побыстрее подзаправиться и отделаться от отработки. Пусть чисто формальное, а все-таки наказание. Заслуженное, если судить по правилам, а все равно не очень приятное.

За ужином девушки снова оказались за одним столом не только с Лисом и Хагом, а и со Стефалем. Напарники присоединились еще в коридоре, как мыши мелодией волшебной дудочки, выманенные позвякиванием емкостей с домашними солениями, а староста как раз «совершенно случайно» встретился всей компании по дороге в столовую.

Эльф был одет очень нарядно. Наверное, решила Яна, по случаю первого учебного дня семестра. Кружево на рубашке и вышивка на жилете явно стоили немало. Наверное, Стефаль, как и дракон Машьелис, нужды в деньгах никогда не испытывал и ему ничего не стоило прихватить из дома несколько комплектов одежды только для того, чтобы выкинуть их в мусорницу спустя цикладу-другую. Или, может, он покупал местные шмотки, расплачиваясь со стипендии? У старосты она должна быть повышенной.

– Экий ты сегодня красивый, Стеф! – проорал эльфу в резко дернувшееся острое ухо тот парень, что вчера кидал Хагу мяч. – Неужто решил потратить стипендию на что-то, кроме пыльных книг?

– Меня твои комплименты заставляют нервничать, Иган. Я был уверен, что тебе нравятся девушки, – как-то резковато огрызнулся Стефаль. – Неужто на каникулах произошло нечто, круто изменившее твои вкусы? Стоит огорчить твою невесту Зиадирру?

– Эй-эй, Стеф, уже и шуток не понимаешь, – нервно дернулся при упоминании невесты хохмач и заозирался, будто прямо сейчас ждал прилета в лоб сковородки. – Носи, чего хочешь, хоть скатерку из столовки вместо штанов, я тебе и слова не скажу!

– Договорились, – царственно склонил голову староста и перестал обращать внимание на шутника.

Лис с Хагом обменялись понимающими улыбками, а Янка подвинула эльфу открытую банку с солениями и предложила:

– Огурчик для аппетита?

– Спасибо… – Стефаль признательно улыбнулся и ловко подцепил вилкой соленый огурец.

«Сижу за одним столом с эльфом, троллем, драконом и загадочной ифринг, они трескают бабулины огурцы. Какая странная сказка», – уплетая тушеное мясо с овощами мирно-голубого цвета, подумала Янка, испытывая искреннюю и

глубокую благодарность к волшебной атмосфере академии, которая, по словам декана, облегчала адаптацию иномирян и способствовала взаимопониманию студентов. Адекватно оценивая свои способности к учебе и готовность к усвоению и принятию нового, землянка отчетливо понимала – без этой помощи она оказалась бы не за столом в лектории, а в комнате с мягкими стенами.

«Удивительное все-таки место АПП!» – умиротворенно отметила девушка и запила свое приятное удивление чаем.

Чай, конечно, ничуть не походил на привычный байховый, скорее, это был отвар каких-то травок. Однако вкус землянка одобрила, потому ничего другого из напитков брать не стала.

– Как прошел первый день? Понравилась экскурсия в Сад Игиды? – с задумчивой полуулыбкой осведомился Стефаль у троицы первокурсников.

– Нормально. Мы теперь тройка напарников, шарик на медитации синими лучиками связал, – коротко отчитался тролль. – А экскурсия… впечатляет.

Янка согласно кивнула, молча и тщательно пережевывая пищу. Лис же, почуяв подходящий объект для диалога, принялся засыпать бедолагу старосту вопросами:

– Слушай, Стеф, эти дети Игидрейгсиль все такие красивые, полезные и могущественные, листочки, цветочки, плоды дают. Но, Первый Дракон и Покровитель меня побери, если я понимаю, почему на таком месте построили академию. Это что же, всеми пророчествами недоучки занимаются? Коли так, то нет ничего удивительного в бардаке, что царит в мирах, – развалившись на стуле и помахивая насаженной на вилку отбивной, выдал спич Машьелис.

– Ты не прав. На курсе лекций по основам Мироздания и истории Игиды мастер Ясмер расскажет вам подробнее. Но знай, в мире Первого Древа Игидрейгсиль несколько священных мест, где произрастают деревья Игиды. Самыми известными считаются наша АПП, храм Древа и Институт пророчеств.

– Потом еще и в институте учиться? – простонала испуганная Янка, испытывая неодолимое желание подолбиться головой о стол. Пожалуй, только опасение разбить посуду остановило девушку от демонстрации отчаяния.

– Нет, ИИП – Исследовательский институт пророчеств. Туда уходят работать многие из выпускников академии, – мягко успокоил эльф, шинкуя салат и мясо с изысканным изяществом японца, складывающего оригами. – Что до твоего вопроса, Машьелис… Почему пророчествами занимаются в АПП, как ты выразился, недоучки? Потому что в наши руки, по воле Первого

Древа, даются лишь те пророчества, кои по силам соблюсти студентам.

– Ага, выходит, мы тренируемся на чем попроще, – довольно констатировал Хаг, предполагавший что-то подобное. В его картину мира такая система укладывалась.

Яна же как раз раздумывала о другом – о практической пользе образования в АПП для девушки с Земли. Приободренная готовностью Стефаля к беседе и вдохновленная той простотой, с которой эльф объяснял сложное, девушка прожевала и практично осведомилась:

– А кроме как в ИИП работу по профессии найти реально?

– Разумеется, – широко распахнул глаза староста. – Блюстители – самый престижный факультет академии! Если ты не захочешь работать в институте, блюстителю, как советнику, будут рады везде: в любом клане, при дворе или торговом доме. За время обучения у нас сильно обостряется интуиция. К суждениям блюстителя выгодно прислушиваться.

– Ага, а если блюститель в чем-то ошибется, то пойди, докажи, что иной выбор в перспективе катастрофы не вызвал бы, – хихикнул коварный дракончик.

– Понятно, – задумчиво подергала себя за косу землянка, сильно сомневающаяся в том, что ей на родине при предъявлении диплома АПП предложат пост консультанта в какой-нибудь даже самой завалящей конторе, не то что в правительстве. К счастью, до момента трудоустройства еще оставалось достаточно времени.

– А где сейчас это ваше Игидрей… – девушка споткнулась, но все-таки закончила и произнесла правильно, – Игидрейгсиль?

– Здесь, – безмятежно ответил староста, с симпатией взирая на Яну.

– Здесь? – Янка заозиралась в тщетной попытке увидеть хоть что-то, напоминающее легендарное растение. Вот в городском кафе, в парке, вокруг дерева и впрямь столы расставляли и в крыше дырку делали, чтобы сосну не рубить, а тут, в столовой, не то что деревьев, даже кустов или кадок с цветами по углам не стояло.

Переливчатый, совсем необидный смех Стефаля стал наградой за ее труды. Отсмеявшись, эльф объяснил:

– Лишь изначально, на заре времен, Игидрейгсиль выглядело как древо, доступное обычному оку. Сейчас же его не узреть запросто, как Игиды. Первое Древо – само есть и мир, что зовется Игида, и ось миров нашей ячейки, его ветви и корни держат множество миров, из плодов же родятся новые миры. Ныне Игидрейгсиль есть архетип всех древ и прообраз множественности миров.

«М-да, объяснил по-простому», – понурилась Яна.

Еще обиднее было видеть физиономии Хага и Лиса, явно понимающих, о чем ведет речь премудрый Стефаль. Землянка же, плавающая в философии, как топор в болоте, уяснила лишь одно – дерево вовсе не дерево, а чего-то большое и важное, которое есть и без которого нельзя, но хрен увидишь. Накрутив на палец вьющуюся прядку, девушка в сердцах отбросила косу за спину, расправила плечи, вызвав очередной приступ розовения кончиков ушек у старосты, и брякнула новый вопрос, ожидая получить ответ попроще, как в случае с Иоле:

– Стеф, а у тебя напарники есть?

– Нет, – как-то разом потускнел золотой свет эльфийского старосты. Даже глаза из светло-зеленых, цвета молодой весенней листвы, стали темными, опустились уголки губ.

– Ты в одиночку работаешь? – уважительно удивился Лис.

– Теперь да. На третьем курсе мой напарник ушел из АПП после одного из заданий, – повесил голову Стефаль, светлый водопад волос заслонил лицо.

– Как же так? А нам говорили, из академии нельзя уйти, если не отчислили, – растерялась Янка, всплеснула руками и едва не опрокинула чашку с чаем.

– Я виноват, – глухо объяснил эльф, плетя из собственных тонких пальцев какую-то не то корзинку, не то колыбельку для кошки. Кружева, попавшие под ногти, безжалостно мялись. – Было дано пророчество «*Черный враг в мир придет. Врата отворятся в Бездну, Тьму выпуская. Лишь истинный герой со звездным клинком остановит тварь и в единое царство земли соберет».* Оказалось, наше задание относилось к решающей битве с демоном разрушений. Нам следовало дать герою время для удара-изгнания клинком из метеоритного железа. Враг выбил оружие из рук бойца. Клиг бросился за мечом, чтобы вернуть его, я решил придержать демона знаком Оков Места. Он застыл, но преобразил свой меч в кнут и ударил Клига, когда тот перекидывал клинок герою. Мы соблюли пророчество, но удар кнута едва не разрубил моего напарника надвое. Мастер-лекарь Лесариус боролся за его жизнь трое суток. А потом… потом Клиг пришел к скульптуре Игидрейгсиль и попросил отпустить его. Древо стерло с его руки браслет и сняло с жилета знак академии.

– И в чем ты виноват? – удивилась Яна.

– В том, что твой напарник оказался трусом? – прогудел Хаг.

– Я не успел сковать демона полностью, – выдавил из себя Стефаль.

– А пророчество не нарушилось бы? – осторожно спросила Иоле, ранее не слышавшая трагических подробностей истории,

лишь туманные и жуткие слухи.

– Что? – удивленно моргнул эльф, немного оттаивая.

– Герой должен был сам остановить демона. Если бы это сделал ты, то и победа была бы твоей, и править всеми тамошними землями тоже пришлось бы тебе, – иезуитски вставил Лис, объясняя мысль ифринг.

– А какого цвета у вас нить была из шэ-дара? – зачем-то спросил тролль, копаясь ногтем в трубочке-ухе.

– Зеленая, – растерянно ответил эльф.

– Значит, вы еще и не особо друг другу подходили как напарники и нормально скоординировать действия не смогли. Оба виноваты. Только ты остался, а твой напарник признал поражение и драпанул, – припечатал Хаг, пристукнув кулаком по ладони. Звук вышел такой, будто кувалда по камню долбанула. Хорошо еще не по столу стучал, а то бы весь чай расплескался.

– Не надо так. Это жестоко. – Яна дотянулась и погладила эльфа по переплетенным пальцам. – Ты себя не вини, Стефаль, так сложилось. Нет виноватых. Но жаль, что ты один теперь с пророчествами разбираться должен. Нам говорили, это опасно!

Млея под ладонью девушки, как большой кот, эльф неуверенно ей улыбнулся.

Пусть это был лишь призрак улыбки. Но все-таки даже тень ее больше, чем ничего. И из искры может разгореться огонь.

– А нового напарника можно выбрать? – неожиданно спросил Машьелис.

– Как? – удивленно вскинул брови Стефаль. – Шэ-дар связал лишь меня и Клига.

– Ну так он соединял вас, первокурсников, а с тех пор еще три курса блюстителей поступило. Среди них у тебя напарника быть не может? – прищелкнул пальцами Машьелис.

– Я не знаю, – качнул головой Стефаль, – но даже если так… Такого никогда прежде не было и… Я не хочу больше никем рисковать.

– Ладно, не хочешь как хочешь, – беспечно ответил Лис. Однако глаза блондинистого дракончика при этом блестели так азартно, что ни Яна, ни Хаг ни на грош не поверили в намерение напарника окончательно оставить тему. Что-то о Либеларо задумал.

Янка тоже кивнула, откупорила банку с вареньем и пододвинула в сторону опечаленного эльфа с вопросом:

– Ты смородиновое варенье ешь?

– Ем, спасибо, – признательно улыбнулся Стеф.

– А какое больше всего любишь? – не оставила кулинарных расспросов девушка.

– Вишневое, – аж зажмурился староста, выныривая из неприятных воспоминаний. Положил себе на булочку ложку смородинового варенья и аккуратно откусил.

Янка одобрительно кивнула, принимая запрос к сведению для включения в меню, и вернулась к сосредоточенному изничтожению содержимого тарелки.

– Ты торопишься? – заметил ее борьбу с ужином староста.

– Да, хочу перекусить, сходить на отработку, а потом еще разок основательно поужинать, – честно ответила Яна.

– Мы с тобой! Пусть помогать нельзя, зато компанию составим, – благородно объявили Хаг и Лис.

– И я с вами, Яна все-таки моя подруга! – гордо, почти нарочито громко, присоединила голос к парням Иоле, явно гордящаяся самим фактом дружбы с соседкой.

– Отработку? За что? Кто назначил? – уловив главное, очень удивился и даже немного заволновался Стефаль. Надкушенная булочка застыла в руке.

– За защиту моей чести наш декан наградил Яну привилегией вымыть четыре плиты перед Башней Судьбы, – напыщенно объявил дракончик и тут же, сменив тон, полуприкрыл глаза и мечтательно протянул: – Ты бы видел, Стеф, как она врезала по морде тому козлу, задиравшему меня! Я жалею, что не умею рисовать достаточно искусно, чтобы запечатлеть этот момент для потомков на масштабном батальном полотне!

– О… мгм… ты ведь из крайтарских радужных драконов, которые оскорбление смывают лишь смертной кровью обидчика? – быстро все просчитал и осторожно уточнил Стеф.

– Ага, – мирно согласился щупленький Лис с самой невинной улыбкой. – Не дала мне напарница открыть лист мести. Да не дергайся так, я уже знаю, что в академии дуэли запрещены, правила почитал. Всех оскорбителей я буду лишь заносить в список. До конца обучения я совершенно безвреден! И вообще я не обидчивый.

Лис еще раз ухмыльнулся и похлопал ресничками, демонстрируя свою безобидность. Залез в банку с вареньем самой большой ложкой из тех, что имелись на столе, и отправил ее целиком в рот. А Янка в очередной раз озадачилась. Хрупкий и трусоватый Машьелис не казался ей сильным и опасным, но, глядя на то, как серьезно его воспринимают тролль и эльф, землянка начинала осознавать, что чего-то не понимает, упускает из виду или попросту не знает. А еще она никак не могла решить, какой из этих двух Машьелисов настоящий: осторожный и опасливый Лис или надменно-кровожадный о Либеларо.

– Спасибо, Яна, я, пожалуй, тоже прогуляюсь с вами до

башни, если ты не против, – попросил староста.

– Я не против, только к чему? Может, я одна схожу, а вы спокойно доедите? – Янке стало неловко.

– Нет, мы хотим с тобой, – прогудел Хаг, отвечая за всех разом, а Стефаль солидно прибавил:

– Кроме тебя сегодня были наказаны еще двое студентов, и за куда более серьезный проступок. Меня известил декан. Я как староста факультета должен проконтролировать ход отработки первокурсников Максимуса Сара и Картена Роса.

– Тогда хорошо. Я быстренько все вымою, – согласилась девушка, забрасывая в рот несколько последних кусочков оладьи, щедро политых сметаной. Оладушки и блинчики на сладкое к чаю Яна очень уважала. На раздаче еще была масса вкусного, и Донская очень надеялась на то, что голодные студенты не успеют съесть все заинтересовавшие ее желудок блюда.

Торопливо заработали ложки парней, опустошающих баночку со смородиновым вареньем с поистине феноменальной скоростью. Худенький Лис и его большая ложка лидировали в этом необъявленном соревновании. Вскоре стол был освобожден от еды. А грязная посуда сдана в мойку.

В дверях столовой как нельзя кстати землянка столкнулась с парочкой тех самых «газелей», которые смертельно разобиделись вчера на обычную поговорку. Помня свое намерение извиниться, Яна попросила свою компанию: «Подождите чуток», – преградила девушкам дорогу и вежливо позвала:

– Можно вас на минутку?

Девицы оскорбленно зафыркали, сузили глазки и умилительно забили хвостиками по ногам, точно рассерженные кошки. Но все-таки просьбу первокурсницы удовлетворили. Отошли вместе с Яной в сторонку и с вызовом спросили хором:

– Чего тебе?

– Извиниться хотела, – спокойно объяснила девушка. – Вы вчера меня неправильно поняли. Я поговорку своей родины сказала соседям по столу. От бабушки ее услышала, когда разок пыталась на диету сесть. Я крупная, кость широкая, даже если одна кожа останется, лучше выглядеть не стану. Вот баба Люба мне мозги и вправила. С тех пор я на диетах не сижу. Этой поговоркой я хотела объяснить, почему так ем, а вы, девушки, обиделись, на свой счет приняли. Наверное, потому, что очень о фигуре беспокоитесь. Зря! Вы изящные, и не надо о внешности переживать и нервы тратить. Нервные клетки не восстанавливаются.

Договорив, Яна спокойно отвернулась от оторопевших «газелей» и зашагала к своим друзьям.

– М-да, вот так извинениями опустить, сказав: «Сами идиотки!» – надо уметь, – шепнул насмешник-дракончик на ухо напарнице.

– Да ну тебя, умеешь же все с ног на голову перевернуть, – отмахнулась Янка от дракончика. Тот довольно закивал, дескать, умею, и в доказательство действительно встал на руки, прошелся вниз головой по дорожке, а потом колесом.

Восхищенная Иоле захлопала в ладоши, а Хаг продемонстрировал напарнику два вскинутых вверх кулака.

– Циркач, – беззлобно ругнулась землянка.

– Так в АПП же учимся, – подмигнул девушке довольный Машьелис и принял нормальное положение тела.

Глава 11
Отработка и ее непредвиденные результаты

Поход от столовой до башни по центральной дороге академии ничем выдающимся отмечен не был. Даже на Янку девушки не зыркали так ревниво, как вчера утром, когда она одна шла в обществе сразу трех парней. Теперь-то со стороны их путь выглядел обычной деловой прогулкой. Мало ли по какому поводу блюстителям приспичило пройтись? Основную массу народа сейчас интересовал ужин. Ручейки студентов подтягивались к столовой.

На главной площади АПП было почти тихо и пустынно. Разве что в архив предсказаний зашла тройка четверокурсников-летописцев и вышла одна погруженная в свои мысли предсказательница-третьекурсница. Потом тяжелая дверь с замысловатой резьбой, копирующей листья Игиды и знаки на них, хлопнула, выпуская ректора. Выглядела дракесса какой-то озабоченно-озадаченной, но не злой или яростной, как на лекции. Когда два придурка испортили пророчество, Янка думала, Шаортан на них огнем дыхнет или просто шеи свернет, как курятам. Обошлось.

Группу студентов-блюстителей дракесса заметила, приостановилась и с легким удивлением нахмурилась.

– Ясного вечера, ректор. Провожаю студентов на отработку. – Приостановившись, Стефаль вежливо поприветствовал самого главного начальника академии галантным поклоном.

Шаортан только кивнула, дескать, поняла, и неспешно пошла прочь. Пока староста объяснялся, Янка уже почти добралась до входа в башню и удивленно ойкнула. Стоило ей подойти, как контур четырех массивных плит вспыхнул алым кантом и призывно замигал, обозначая границы назначенного деканом фронта работы. Видать, демон-смотритель скрупулезно отслеживал перемещения наказанных студентов. Поскольку землянка в отличие от Машьелиса демонов ни разу не видела, то и страха не испытывала, скорее, легкий интерес.

– Поняла, мыть эти. Сейчас налью воды и начну, – не зная, слышит ли ее контролер, на всякий случай объяснила Яна, обращаясь к светящимся полосам-разделителям.

Следуя указаниям декана, она собиралась найти каморку на первом этаже башни и обзавестись орудиями труда: тряпкой,

ведром, возможно, щеткой и каким-нибудь порошком. Плиты, конечно, сильно грязными не выглядели – обычная каменная серость, но мало ли.

Внутри башни, практически под лестницей, Янка сразу заметила открытую дверь в небольшую подсобку. Она была до умиления похожа на всех своих земных родственниц. Откуда-то сверху доносились звонкие голоса. Картен с Максимусом, похоже, явились на отработку еще раньше и теперь громко спорили кто, что и где моет. Все настолько напомнило Янке обычные коридоры родного сельскохозяйственного института, что девушка не удержалась от ностальгического вздоха. Кричать «привет» однокурсникам она не стала, пусть разбираются и драят лестницу, а у нее работа снаружи имеется.

Причиндалы для уборки студентка выбрала быстро и тихо. Наполнила ведро водой на две трети и вышла на площадь, туда, где ее поджидала компания.

– Может, все-таки помочь? – замялся Хаг. И мыть ему не хотелось, все-таки не мужское это дело – полы драить, и оставлять девушку без помощи казалось не комильфо. Отработку-то назначили Янке за защиту их общего напарника.

Стефаль и Иоле, подтверждая слова декана, на два голоса принялись объяснять, что из-за демона замена и помощь в отработке, скорее всего, не пройдут, даже если помогать будет кто-то из команды. Бдительный дейсор обычно засчитывал командную работу только тогда, когда и отработка назначалась всей компании. Вот тогда действительно не особенно придирался к тому, кто и какую часть общего фронта работ на себя принял.

Пока все препирались, Янка щедрой рукой сыпанула на плитки порошка, обмакнула щетку в воду и шустро принялась тереть все четыре плитки. Инструмент порхал по камням с удивительной легкостью, будто пальцы девушки лишь подталкивали его в нужном направлении, а уж тер и чистил он своими силами. Отложив щетку, студентка намочила тряпку, вымыла плитки мутноватым от порошка раствором и довольно констатировала:

– Еще разок чистой водой сполоснуть, протереть насухо, и все.

Остальные молчали, переводя взгляд с плит на Янку и обратно. А алый контур-контролер мигнул пару раз и исчез. Не дожидаясь, пока странно замолчавшие ребята заговорят снова, девушка подхватила ведро и шагнула в башню. Следовало сменить воду. Практически сразу изнутри донесся громкий одинокий «бамц», а за ним «вздынь, бдзинь, вбзинь, банг».

– Что случилось? – первым в башню ворвался эльф. В

последнюю минуту он сумел увернуться и каким-то чудом не сбить замершую с полным ведром Яну.

– Не знаю, кажется, у парней на лестнице что-то упало, – предположила девушка и объяснила уже Хагу с Лисом: – Там наверху вредители свитка ступеньки мыли.

– Эй, ребята, вы живые? Ведром не зашибло? – недолго думая громогласно заорал тролль во всю мощь неслабых легких.

Гулкое эхо загуляло по просторам башни. Лишь оно было ответом.

«Разыгрывают, шутники?» – предположила Янка, заходя в коморку и опорожняя грязное ведро в воронку слива. Никакой трагедии девушка не ожидала. Все-таки они все находились в академии, где за безопасность студентов отвечала куча взрослых и могущественных педагогов. Да и вниз никто не падал, не звал на помощь и ничего не бросал.

Донская наполнила ведро водой и вышла из башни. Оставалось нанести последний штрих – промыть и протереть плитки чистой тряпкой. Девушка совершенно невозмутимо заканчивала работу, а ее друзья толпой ринулись в башню и шумно понеслись вверх по лестнице разбираться с причинами странных звуков и загадочного молчания.

Из-за полуприкрытой двери никаких панических воплей не доносилось. Яна как раз вытирала плиты насухо, когда Лис вылетел наружу, словно умел летать. Выглядел Машьелис перепуганным: глаза навыкате, кудряшки дыбом, пятна румянца на скулах, пальцы то и дело сжимались в кулаки, весь дрожал.

– Они не шевелятся и не дышат! Стеф с Хагом их вниз отнести пытаются, Иоле на стреме. Я учителей звать побежал! – выпалил юный дракон и действительно сломя голову понесся по площади.

Яна охнула вслед парню:

– Убили?

– Не зна… – начал кричать в ответ Лис, обернувшись к девушке, и со всего разгона впечатался в госпожу ректора, на свою беду покинувшую административный корпус.

Хрупкая внешне женщина даже не покачнулась. Она поймала дракончика за шиворот и, чуть склонив голову, потребовала ответа:

– Куда бежим?

– За помощью! – выпалил взволнованный студент. – В башне что-то случилось со студентами на отработке! Картен и Макс. То ли померли, то ли заснули, то ли…

Больше Лис ничего объяснить не успел. Вот стояла Шаортан на площади, а в следующий миг мимо Янки стрелой мелькнуло

чешуйчатое тело гигантской, с человека толщиной, черно-зеленой змеи. Хлопнула дверь, изнутри раздался звук, напоминающий двойной удар гонга.

– Резко! – выпалил дракончик, восторгаясь метаморфозами дракессы. Весь его страх ушел, как не бывало. Лис снова стал бодр и любопытен. Вернувшись к Янке, он азартно предложил: – Пошли, глянем, что там творится.

Внутри башни снова ударил гонг, и дракончик поторопил подругу:

– Быстрей, вдруг всех посторонних оттуда выгонят! Так ничего интересного не узнаем!

«И пускай бы. Хреновый это интерес», – подумала Яна, которой вовсе не хотелось глазеть на «то ли померших, то ли не померших» однокурсников. Она дома даже канал криминальных новостей никогда не включала. Настырный Лис взял девушку на буксир и, откуда только силы появились, буквально волоком втащил за собой внутрь здания. Туда, где случилось нечто загадочное или даже страшное.

На первом этаже башни было почти тесно. Хаг, Иоле и Стефаль кучковались справа. По центру на ковровой дорожке лежали бревнами два тела. Шаортан и какой-то мелкий, тощий, обряженный в серый халат старикашка с тонкими длинными усами и бороденкой стояли по левую сторону.

– Они точно живы, Лесариус? – первым делом услышала Янка вопрос ректора.

Она наблюдала, как дедок обстукивает неподвижных студентов крохотным деревянным молоточком с металлической рукоятью, увитой чеканными символами.

– Живы. Попали под чары паралича. Ничего, еще минут семь, и очнутся, – невозмутимо ответил старик, названный Лесариусом, и продолжил свою молоточковую терапию.

Спустя пяток минут с лестницы спустился Гад и отчитался о результатах экспертизы:

– Никаких следов, кроме оставленных ребятами. Чисто.

– Я на жертвах заклятий не вижу, – нахмурилась дракесса, обменялась взглядами с деканом, тот кивнул, подтверждая, и ректор поправилась: – Мы не видим.

– Правильно, не видите. Нет заклятий. Чары есть, наведенные, узнаваемые, а сплетенного заклятья нет, – добродушно согласился доктор, продолжавший настойчиво постукивать по телам так, будто искал там полезные ископаемые.

– Как же тогда? – недоуменно выпалил Хаг, чутко прислушивавшийся к беседе.

– Вот так, юноша, – усмехнулся в усы старичок и свободной

рукой огладил бороденку. – Думается мне, кто-то природный дар на ребятках пробовал. Василисковы это чары или горгоны, женской особи. Может, иные похожие, о которых мне слыхивать не довелось.

– А разве василиски жертвы не в камень обращают? – нахмурилась Иоле, тогда как Лис принялся ежиться и опасливо зыркать по сторонам. Будто ждал, что вот сейчас сверху или из подсобки персонально на него прыгнет жуткая тварь.

– Чему вас только учили на расоведении, студентка? – укоризненно цокнул языком Гад. – Как, по-вашему, питаются василиски? Не камень же они глодают!

– Мы горгон и василисков еще не проходили, они в следующем семестре, – смутилась и зарозовела девушка. – Они же редкие. У нас на курсе студенток этих рас нет, знаю на пятом горгону, и только.

– Когда зачет сдавать будете, я вместе с Быстрым Ветром приду, послушаем, – великодушно пообещал декан и распорядился: – Рассказывайте, как вы этих оболтусов нашли, что заметили, услышали. С чего вообще вздумали их искать?

– Я зашла воду поменять и услышала сверху звуки, как будто ведро упало и покатилось, – вынужденно, по долгу свидетельницы, начала докладывать землянка. – Ребята с площади тоже грохот услышали.

– Мы подумали, с Янкой чего случилось, в башню следом вбежали, – подхватил Хаг. – Тогда и поняли, что звуки сверху раздавались, оттуда, где ребята лестницу мыли. Мы им кричим, а в ответ тишина. Вот и решили глянуть, не случилось ли чего. Поднялись, ведро валяется на площадке, вода разлита, и они, – тролль мотнул головой в сторону параличных Картена с Максимусом, – тоже лежат. Стали на помощь звать. Потом вы все пришли.

– Никого чужого в башне и вокруг вы не обнаружили? – проформы ради уточнила Шаортан.

– Нет, – сразу замотали головами студенты. – При нас, пока Яна плиты мыла, никто в башню не заходил, даже не приближался.

– …мыть надоело, – задергавшись на дорожке, раздраженно рявкнул голубокожий, прерывая расспросы учителей. Он говорил так, как если бы продолжал начатую секунду назад беседу с товарищем.

– Не будешь в другой раз чего попало руками хватать! А… – с неменьшим раздражением отозвался Максимус, резко сел и, изумленно вытаращившись на обступившую его толпу, выпалил: – А как мы сюда попали?

– Что стряслось-то? – закрутив головой по сторонам, поддержал товарища вопросом нетрадиционно окрашенный Картен.

– Поверьте, голубчик, мы хотели бы это знать не меньше вашего, – меланхолично ответил старичок Лесариус и от души стукнул сидящего пациента молоточком по коленке. Та дернулась, дедок переключился на Максимуса и саданул его по чашечке, получил очередное нервическое подергивание ноги и довольно заявил: – Рефлексы в норме, ребятки здоровы. Воспоминаний об эпизоде применения чар, как и прогнозировалось, не сохранилось. Касательно провалов памяти, относящихся к иным периодам времени, ничего не скажу. Надо проводить дополнительное обследование.

– Вы кого-нибудь видели в башне? Слышали что-нибудь подозрительное? – строго сдвинув брови, потребовала от студентов ответа Шаортан, начисто игнорируя все возмущенные возгласы и вопросы жертв неизвестного злодея.

– Ничего мы не видели, кроме ступенек, – набычился Картен. – Мыли их, терли, с перил пыль стирали и чего-то сразу тут очутились. Что вообще происходит?

– Разберемся, – мрачно пообещала Шаортан и не приказала, попросила, оставляя право на окончательное решение за специалистом: – Лесариус, вы их в лекарском корпусе пока подержите и память проверьте. Есть ли еще лакуны воспоминаний.

– Коли надо, сейчас и отправимся проверять, – прищурившись, согласился старичок с предложением ректора.

Дедок в сером халате, высокопарно именуемом в академии мантией, поманил к себе пару студентов. Те, покосившись на зловеще прищурившуюся дракессу, рты захлопнули, и ретивые призывы дать немедленные объяснения происходящему безобразию попридержали. Смирно приблизились к отошедшему к стенке лекарю. Лесариус цепкими пальцами схватил за рубашки обоих парней и свободной конечностью долбанул в гонг. Молоток для этого доктор использовал специальный, висевший тут же на цепочке. А свой, которым обстукивал болезных паралитиков, уже прицепил на пояс, к куче всякого рода вещичек и мешочков.

Гонг после удара не только зазвучал, а вдобавок еще и полыхнул золотой вспышкой, унося из башни троих. Когда Янка проморгалась, присмотрелась к металлической тарелке повнимательнее. Золоченый диск с закорючками и надписями больше не выглядел декоративным элементом обстановки. Теперь, став студенткой академии, девушка ясно различала на нем не только загадочные значки, весьма похожие на те, что

украшали листья Игиды в подземном лесу. От центра «тарелки» лучами отходили вполне читабельные надписи: «мастер-лекарь», «мастер медитации», «наставник расоведения», «ректор академии», «декан факультета прорицателей» и так далее. Кроме перечня мастеров имелся и перечень основных построек академии, как то: столовая, общежитие, лекарский корпус, учебный корпус номер один и прочее. Каждый из множества лучей оканчивался кругляшом, диаметр которого совпадал с площадью ударной поверхности молоточка.

Очевидно, с помощью этого загадочного устройства в башню можно было как вызвать всех педагогов, указанных в перечне, так и отправить их в указанные на гонге пункты назначения. Удобно, особенно если опаздываешь на лекцию.

– Это что же, парней напугать пытались, память стереть или съесть? А может, просто убить? Да из-за ведра загрохотавшего не успели? – озвучил ворох витающих в воздухе подозрений Лис, опасливо поежился и тут же громогласно озадачился: – А зачем? Неужто из-за пророчества?

Декан и ректор так синхронно промолчали под лавиной вопросов дракончика, что ответ «возможно» сам собой завис в разделе наиболее вероятных версий.

– Они же печать испортили, значит, остались единственными свидетелями фигур пророчества, а то и блюстителями, – глубокомысленно подтвердила Иоле и чуть-чуть покраснела, смущаясь от собственной храбрости. – Если кому память и стирать, то только им.

– Так, студенты, мы расследуем происшествие и разберемся, покушение это было или очередная выходка шутников, из-за которой они сами и пострадали. – Ректор решительно пресекла развертывающуюся дискуссию сыщиков-любителей. – Ваша задача – молчать о случившемся в башне, дабы не спугнуть врага, если он существует где-либо, кроме мира страшных фантазий. Ясно?

– Да, ректор Шаортан, – ответил за всех староста. Строгий взгляд дракессы держал ценных свидетелей до тех пор, пока каждый не кивнул (Яна), сжал кулак (Хаг), скрутил двойную фигу (Лис), высунула язык (Иоле) в знак понимания и обещания.

– Свободны, – вежливо отпустила компанию ректор и первой направилась к двери.

Однако застыла на пороге вместе с деканом. Подозрительный взгляд женщины был устремлен на вымытые Янкой плиты.

– Они сменили цвет. – Подозрение в голосе ректора было нешуточным. – Остальные камни на площади остались прежними.

– Потому что я мыла только эти, – не дала развиться версии о

великом заговоре землянка.

– Это что ж, выходит, на нашей площади все плиты из желтого камня? – поразился декан, потирая свой длинный нос. – Сколько раз поручал их мыть, цвет не менялся.

– Если тряпкой воду возить, въевшуюся грязь и пыль не отмыть, порошком надо, – вежливо объяснила девушка элементарные правила уборки, непостижимые для великих умов преподавательского состава академии и нерадивых студентов. Глумливое, пусть и немного нервическое хихиканье Лиса сопровождало сии откровения.

– Учтем, инструкцию напишем, – благодарно кивнула дракесса и окинула площадь взглядом, обещающим будущим штрафникам-студенткам массу незабываемых минут отработки на свежем воздухе, а старым плиткам исторической площади постепенное приведение к изначально-желтому цвету. Уж дейсор-то об этом точно позаботится!

Преподаватели направились к административному корпусу. Возможно, собирались провести экстренное совещание или именно там ждать вестей от лекаря. Результаты проверки памяти Картена и Максимуса могли изменить многое или не дать ничего.

Глава 12
Следствие ведут… или Первые подозреваемые

– Куда мы сейчас? – поставил вопрос ребром тролль, едва студенты остались на площади в одиночестве.

– Лично я ужинать, – в унисон бурчанию живота объявила проголодавшаяся после работы и волнений Янка.

– Отличная идея! Айда в столовую, – не дурак лишний раз пожрать, согласился Лис и азартно предложил: – Заодно обсудим, как будем искать преступника.

– Нам же запретили! – нахмурилась встревоженная Иоле.

– Не-не-нет, Полосочка, – помахал пальцем перед носом девушки блондинчик и процитировал: – Нам всего лишь велели молчать о случившемся в башне!

– Почему Полосочка? – удивилась прозвищу девушка.

– По волосам. Меня вон Яна вообще Лисом обозвала, я же не плачу, – выдал вполне логичное объяснение дракончик. – Ну так будем искать-то, а? Это же интересно!

– В первую очередь это может быть опасно, – громким шепотом наставительно возразил Стефаль. Причем было видно, как тяжело дается эльфу роль здравомыслящего старшего товарища. Зеленые глаза посверкивали, и даже одно ухо подергивалось. Старосте до зуда хотелось отложить поднадоевшие нудные обязанности и ввязаться в какую-нибудь авантюру. Особенно если ввязываться придется в компании девушки, чьи пышные формы, отличные от стройно-тощих эльфиек, произвели на скучающего представителя Дивного народа неизгладимое впечатление.

– С чего бы? Мы рисковать не будем, попробуем только втихую чего-нибудь разнюхать, а если получится, сразу декана позовем, – принялся убеждать компанию Лис, скача вокруг друзей. – Решайтесь же! Чего вы такие скучные?!

– М-да, если звать ректора, то как бы она тебя на сотню маленьких дракончиков не порвала за нарушение не буквы, но духа запрета, – резюмировал Хаг и снова почесал затылок. Он являл собой воплощение знаменитой поговорки «и хочется, и колется».

– Если только разнюхать… – начала сомневаться Латте, поддаваясь на провокацию. В кои-то веки, впервые за целый год обучения, ее приняли в компанию не для того, чтобы дала

списать сложную контрольную, а просто так. Юной ифринг все было интересно не меньше, чем Лису.

– Думаю, первым делом стоит составить список учащихся с кровью горгон и василисков, обучающихся в академии, и понаблюдать за каждым. Если получится, осторожно побеседовать, – предложил Стефаль, давая тем самым согласие на авантюру. – У меня как у старосты есть допуск к картотеке в архиве академии. Я смогу разузнать про нужных нам студентов.

– Дело, – сдался наконец и Хаг. Его уговорил логичный и относительно безобидный план действий.

– Эй, Янка, ты с нами? – пристал к подруге Машьелис.

– Это может быть опасно, – нахмурилась девушка и недоуменно выпалила: – Слушай, Лис, ты такой странный! То тени шарахаешься, то в следующую минуту в рисковое дело ввязаться готов. Не пойму я тебя.

– Я знаю, что трус! Когда ты еще толком ходить не умеешь, а при тебе родителям глотки режут и тебе череп грозят о стенку размозжить, сложно остаться храбрым, – с отчаянной яростью выкрикнул белый как смерть Машьелис. Он отскочил от компании, нервно сжав кулаки, тощая грудь ходила ходуном. Парень почти задыхался, готовясь обрушить на собеседников волну проклятий. Но не вышло.

Янка охнула и, шагнув к дракончику, обняла его, прижала к себе крепко-крепко, насколько хватало сил русской девицы из тех, о которых еще классик писал, что они есть в селениях.

– Ты… ты чего? – неожиданно тонко пискнул полузадушенный, смущенный, дезориентированный блондин, разом утративший весь запал.

Вздохнув всей грудью, Яна, покачивая друга в объятиях, проникновенно и как-то напевно, что ли, заговорила:

– Сочувствую я тебе и уважаю. Вот. У меня-то родители есть, дядьки, тетки, племянники, бабушка, а ты почти одинок. И такого страха маленьким натерпелся, что мне и представить невозможно. Но ты не трус, ты храбрый, у тебя это… у нас психологическая травма называют… а ты не сдаешься, со страхами борешься. Боишься, а все равно делаешь. Ты – молодец! Не тот храбр, кто страха не знал, а тот, кто поперек его шел! Так мой папка мне сказал, когда я гадюки в лесу до икоты испугалась.

– Это точно! Уважаю! Молодца! – нарочито грубовато поддакнул тролль и саданул дракончика по свободному от богатырских объятий Яны плечу.

Что-то хрустнуло. Лис жалобно пискнул и взмолился:

– Спасибо, конечно, ей-ей, Первый Дракон свидетель, я тронут, только если меня еще кто-то из вас зауважал, умоляю, не

надо темпераментных признаний. Еще одно, и я не дойду на своих двоих до столовой.

– Мы не будем, – хихикнула Иоле, прикрыв ротик ладошкой.

– Но ты знай, мы тебя все равно уважаем, – по-доброму и вполне серьезно подтвердил Стефаль, сопроводив свои слова поклоном.

Янка выпустила блондинчика из объятий, и Машьелис поспешил демонстративно отпрыгнуть от сочувствующей девушки на пару метров, так сказать, во избежание новой волны сочувствия. И ткнулся лодыжкой в овальную урну с причудливой сетчатой крышкой. Ушиб ногу, сдавленно чертыхнулся сквозь зубы.

– Похоже, мусорка тебе тоже сочувствует, – хохотнул Хаг. – Вон как накинулась!

– Это не урна, а ловушка для частичек листьев Игиды, – автоматически поправил тролля староста и нагнулся, чтобы поправить пострадавший от столкновения прибор.

– Это из-за которых все иномирное портится? – деловито уточнила Яна, по-новому оглядывая урну, вокруг которой сгрудилась компания. – Значит, полностью частицы собрать не получается. Жалко, свои привычные вещи менять не всем хочется.

– Насчет вещей ты, конечно, права, только ловушки для частиц не для того ставят, чтобы имущество оберегать. Частицы Игиды входят в состав специальных смесей, которыми наносятся знаки Игиды на предметы и пустые листья Игиды. На пустышке появляется нужный рисовальщику знак, пригодный для использования его создателем. На втором курсе вы этим будете заниматься.

– А что с предметами? – заинтересовался ушибленный дракончик.

– Знаки, нанесенные на них определенным образом, придают предметам свойства артефакта, – пояснил Стефаль. – Это подраздел изучения знаков Игиды, именуемый артефакторикой.

– Нам ни о чем таком пока не говорили, – почти обиделся тролль.

– Всему свое время. Сначала малыш ползать учится, дальше ходить, а уж потом бегать, – наставительно объяснил эльф, невольно переключаясь на менторский тон старосты, применяемый в беседах с младшекурсниками. – Как я уже сказал, об этом вам лишь на втором курсе говорить будут, когда созданием знаков на лабораторных займетесь. А к артефакторике раньше третьего-четвертого курса приступать и вовсе смысла нет. Пока изображения и смысл основных знаков постигайте.

– Гонг в башне из артефактов? – тут же сделал

предположение Лис.

– Конечно, – согласился староста. – Таких предметов в академии и за ее пределами, в мире Игиды и сопредельных мирах, много. Мастера достигли невероятных вершин в искусстве нанесения и комбинирования знаков.

– Не поняла. В академии три факультета: пророки, летописцы и блюстители пророчеств. Где учатся на артефакторов? – практично заинтересовалась Яна.

– На любом из факультетов. К работе со знаками для сотворения артефактов не у каждого душа лежит. Особые склонности нужны, чтобы силу свою в знаки влить, в нужное русло ее направить, четкий замысел воплотить в реальность. Я, к примеру, и простенького медальона-храна, как у тебя на шее, сделать не смогу, – спокойно, без горечи из-за отсутствия таланта, объяснил Стефаль. – Слишком много значений вижу для знаков и должного длительного сосредоточения на простой комбинации не удержу.

– А как узнать, есть ли у нас такой талант? – оживился Лис, чуя возможную выгоду.

– Только попробовав. Наш декан на втором курсе индивидуальный рецепт чернил для вас подберет, сами их сварите, будете сначала знаки на пустышках делать, потом, как освоитесь, на предметах попробуете. Тогда и поймете, выйдет из кого-то мастер-артефактор или нет, – изящно повел растопыренными пальцами эльф и чистосердечно прибавил: – Кропотливая работа, порой нудная. Я рад, что лишен дара. На пустышку листа знак нанести способен, но не более того. Активировать и блюсти пророчества сложнее, опаснее, но куда интереснее.

– Оно-то так, а денежки лишними никогда не бывают, – задумчиво пожевал губами дракончик, быстро переключившийся от переживания застарелой душевной травмы к меркантильным подсчетам вероятностной выгоды.

Янка молча кивнула, соглашаясь с мнением Лиса. Такая профессия показалась девушке более подходящей для добывания верного куска хлеба, чем блюдение непонятных пророчеств. Бегать где-то и чего-то совершать ей совсем не хотелось, а вот если бы удалось получить эдакую доходную специальность, то перспективы в жизни недоучившегося животновода открылись бы неплохие. Во всяком случае, если в чернила декан не совал каких-нибудь немыслимо вонючих ингредиентов, работа обещала стать более спокойной, чистой и денежной. А что еще нужно для нормальной жизни? Разве что семья. Так с родными никто видеться не запрещал, вот отучится, а там и в поселок благодаря

местной магии, то есть чудесным листикам Игиды, ходить можно будет, как в соседнюю комнату. Сломал листочек с нужной закорючкой и шагай. Одно плохо, с рисованием, особенно с черчением, у Янки всегда беда была. Ни таланта, ни склонности, но, может, для артефакторики они не очень важны?

На этом собрание вокруг «урны» друзья сочли законченным и двинулись дальше. Так за познавательной и даже местами душещипательной (если вспомнить про откровения Лиса) беседой компания добралась до столовой. Оказалось, физическая работа и нервные переживания здорово стимулируют аппетит. Даже силаторх на раздаче и тот малость повыпучил и без того выпуклые глаза, когда пятерка студентов, вторично явившихся в столовую, нагрузила подносы изрядными горами еды. Тролль же кроме обычной снеди прихватил миску с горкой серых камешков.

– Странное печенье, – сунул нос в поднос напарника любопытный Машьелис.

– Потому что не печенье, а камни, – усмехнулся Хаг и, закинув в рот несколько штук, смачно захрустел гравием.

– Фу, – сморщил нос разочарованный в лучших гастрономических чувствах дракончик.

Янка, напротив, отнеслась к причудам тролля с пониманием. Требует организм напарника толченые камни, и пусть. Мало ли чего и кому надо? Потому и такое разнообразие блюд в столовой, часть из которых предусмотрительно прикрыта плотными непрозрачными крышками, чтобы аппетит традиционному большинству не портить. Краем глаза девушка видела, как вчера кто-то в дальнем углу зала хрумкал нечто червеобразное и шевелящееся. Приглядываться, заботясь о собственном аппетите, не стала. Сейчас же, вступаясь за Хага, рассеянно заметила:

– А я в школе все время мел ела, с доски брала и грызла потихоньку. Мама мне кальция глюконат купить предлагала, только он невкусный, мел лучше.

– Точно, мел вкусный, хотя кремний вкуснее, – одобрительно согласился Хагорсон и закинул в рот очередную порцию гравия.

– О, Привратник Покровитель, с кем я связался! – закатил глаза дракончик, Стефаль лишь улыбнулся.

– С кем судьба спутала, с тем и связался, – цинично объяснил Хаг, со стуком приземляя поднос на столешницу под тихий смешок Иоле.

Выбранный еще вчера стол снова пустовал, потому ребята заняли традиционное место и вдохновенно погрузились во второй по счету, но не по значимости ужин. Поначалу они даже не разговаривали. Только какой-то занудный долговязый вервольф – староста третьего курса, и сине-зеленая дриада – начальствующая

на четвертом, пытались переманить Стефа за свой стол с меркантильной целью. Все нудели о необходимости обсудить важные вопросы, касающиеся факультета.

Стефаль, разумеется, вежливо отказался, чем заслужил два укоризненных взгляда и упрек в стиле: «И охота тебе, наш великий начальник, возиться с малышней!»

– Грахд, Иви! Я просто ем, и они едят, а вы со своими вопросами накинетесь так, что еда комом в горле станет. Вот будет первое собрание старост, все обсудим, – ответил терпеливый эльф.

Домогавшиеся его длинноухого тела удалились с тяжкими вздохами и более не приставали, так же как и несколько симпатичных девиц. Те лишь стреляли в красавчика-эльфа глазками, хихикали, улыбались, томно вздыхали и краснели.

– И правда, чего ты с малышней связался? А Стеф? Тебе же с нами ску-у-учно! – подколол старосту Машьелис, многозначительно покосившись на Янку. Девушку, вернее, ее формы он считал основной причиной, приведшей Стефаля за стол первокурсников и отверженной ифринг.

– Лучше ваше расследование буду контролировать я, чем вы ввяжетесь в какие-нибудь неприятности, – аккуратно отложив вилку, здраво ответил эльф, а потом вздохнул и неожиданно откровенно (наверное, недавняя спонтанная исповедь Лиса повлияла) признался: – Надоело! Думал, банально устал от ответственности, отдохну в родном лесу, сольюсь сознанием с Великим Древом, поброжу по потаенным тропам, пройдет. Не помогло. Раздражение вернулось сразу, стоило ступить за врата АПП. Здесь слишком шумно, лезут с делами без перерыва все, кому не лень, или на шею вешаются! Я уже к своей комнате в общежитии без пары сокурсников вечером боюсь подходить, чтобы в домогательстве никто не обвинил. Вы – первые, кому от меня ничего, кроме общества, не надо. Я чувствую!

– Мы рады твоей компании, а староста ты там или первокурсник – не важно, – тут же откликнулась Янка, преисполнившись самого жаркого сочувствия к замотанному жизнью, таящему застарелую боль от потери напарника юноше. Разве что, к великому огорчению эльфа, прижимать его к пышной груди не стала.

– Точно, – тут же поддакнула Иоле, радующаяся обществу.

Предрассудки из-за особенностей ифринг и сплетни на факультете за целый год успели изрядно подпортить жизнь оптимистичной девушке. Стеф, конечно, всегда общался с ней благожелательно, утихомиривал особенно вредных девиц, но дружить даже не пытался, чтобы не быть превратно

истолкованным и не навлечь на голову бедняжки еще больших бедствий в виде ревнивых пустоголовых студенток.

– А мы тебя до дверей комнаты совершенно безвозмездно готовы провожать, – хихикнул Лис, наверное, предвкушая шуточки над рьяными поклонницами старосты.

– Благодарю вас всех, – улыбнулся эльф, обвел заканчивающую ужин компанию внимательным взглядом, полез в поясной кошель за пластинкой листа Игиды и сломал его. – Я купол тишины поставил. Силы залил немного, на полчасика должно хватить.

– А когда нам такие сумки дадут? И как ты не путаешься, выбирая листок? – тут же сыпанул вопросами Лис.

– На втором курсе, – коротко улыбнулся эльф. – А выбирая лист в своем кошеле, никто не путается. Такова сила Игиды. Я использовал листок, чтобы мы могли спокойно прикинуть план действий и разработать стратегию. Итак, нам пока известна одна горгона – Дайла Фальрейн с пятого курса нашего факультета. Сегодня, завтра я поработаю в архиве с информацией по студентам и составлю список всех обладателей дара василиска и горгоны.

– А с горгоной что делать? Надо бы как-то узнать, где она была, когда на ребят в башне напали. У тебя с ней какие отношения? – подбросил вопрос Хаг, побарабанив когтями по ровной плитке стола, застеленного голубой скатертью.

– Никаких романтических или дружеских отношений, – с честным облегчением признался Стефаль. – Она очень вздорная особа, к кругу ее поклонников я не принадлежу.

– Хм, значит, запросто подкатить не удастся, – прикинул Лис и бросил взгляд на Иоле.

– Я с ней ни разу не разговаривала. Такие как Дайла, едва меня завидят, сразу морщиться начинают, словно я чем-то воняю, – сказала девушка, тщательно расправляя складочки на той самой скатерти, которую простукивал тролль. Обиды в ее голосе отрепетированно не звучало, но и без того было понятно, насколько неприятно ифринг такое предвзятое отношение.

– Дуры они все! – снова решительно объявила Яна, потянулась и погладила подругу по плечу: – Плюнь на них и разотри! Ты красивая, умная и добрая!

Парни дружно поддакнули.

– Спасибо, – расчувствовавшись, хлюпнула носом Иоле, не избалованная добрым отношением, и дернула за уголок скатерки так, что вазочка со столовыми приборами бумкнула на стол и веером рассыпала содержимое по скатерти. Попадись в компании студент-предсказатель, небось не упустил бы шанса погадать на

столовых приборах, толкуя их расположение. Но поскольку девушки-блюстители были лишены пророческих талантов, им осталось лишь устранить результаты нечаянной диверсии. Зато звон и стук посуды простимулировал и без того изрядную фантазию дракончика. Он прищелкнул пальцами и залихватски выпалил:

– Коли так, Стеф, представь меня горгоне сегодня. Прикинусь лишившимся мозгов поклонником, может, что и сумею выведать у Дайлы.

– Ты не боишься? А вдруг она настоящая преступница? – осторожно спросила Иоле и замерла с лишней вилкой, не донесенной до вазочки.

– Конечно, страшно, – чистосердечно, чего уж там, все за столом были в курсе его психологической проблемы, признался Машьелис, – но знакомиться надо. Я же вас в это дело втянул. К тому же кому, если не мне? Хаг не красавец, Стефу от девиц и так тошно, а другого симпатяги, готового на все ради крупицы информации, у нас под рукой нет. И вас, девчата, под парней не замаскируешь. Ты, Иоле, слишком щупленькая, а Янка, напротив, хм, слишком выпуклая.

– Да, до молодого дракона Дайла может снизойти, – порозовев при откровенном намеке на прелести землянки, торопливо согласился эльф, высоко оценив перспективность затеи блондинчика.

Янка на «выпуклую» не обиделась вовсе. Только посмотрела на Лиса гордым взором мамаши, чей карапуз самостоятельно сделал первую пару шагов. Учуявший вспышку материнского инстинкта дракончик опасливо отодвинулся от подруги и торопливо зачастил:

– Я знаю, что ты мною гордишься, Донская, я сам собой горжусь, только больше не обнимай и не прижимай к своим… мм… выпуклостям, а то я расчувствуюсь, сломаю стол, и тогда уж нас точно из столовки выпрут. Тот силаторх с раздачи и так посматривает подозрительно.

– Он магию Игиды чует, вот и проверяет, чтобы мы ничего не учудили, – со смешком объяснил Стеф, а Янка добродушно усмехнулась и отвесила Лису ласковый подзатыльник.

– Значит, сегодня постараемся проверить горгону, потом узнать про других и… чего еще? – подытожил Хаг и обвел взглядом сотрапезников.

– Хорошо бы в лечебницу заглянуть, узнать, как ребята. Может, у них еще что-то из памяти выпало… и вообще… – находчиво предложила Иоле. Переборов изначальную стеснительность перед малознакомыми парнями, она вела себя

довольно бойко, только старалась держаться поближе к Яне.

– Отличная идея, Полосочка! – одобрил Лис. – А нас пустят?

– Навестить сокурсников? Должны, наверное. Если только особый режим в изоляторе не установили, – задумался Стефаль. – Тогда не пустят.

– Самострел, – степенно предложила Яна.

– Чего? – удивился Лис.

– Я могу обо что-нибудь удариться, синяк будет сразу и большой, а лекарств с собой у меня нет. Чем не повод, чтобы навестить врача? – растолковала девушка.

– Простая аптечка есть на этаже общежития в общем зале, рядом с гонгом вызова, я упустил вчера этот момент, – поспешно, пресекая травмоопасную затею, возразил староста. – Не надо себя травмировать, Яна! Мы придумаем другой способ или подождем, пока первокурсников выпустят, и только тогда попытаемся их разговорить.

– Давайте сначала с горгоной разберемся. Глядишь, к тому времени с лекарским корпусом чего-нибудь сообразим, – прогудел Хаг. – Куда нам идти-то, покажешь?

– Обычно компания Дайлы собирается в сквере за Лапой, занимает зеленую беседку рядом с музыкальным кругом. Там желающие выступают до отбоя, – дал справку Стефаль, следящий за времяпрепровождением блюстителей, так сказать, по долгу старосты. – Для Дайлы Фальрейн поют многие поклонники.

– Значит, нам туда, – объявил Лис. – Пошли знакомиться! Может, и я так проникнусь, что сам запою романтические куплеты.

На этой ноте ужин, совмещенный с совещанием, подошел к концу. Юные следователи покинули полупустую столовую. Не забыв, разумеется, поблагодарить силаторха за стряпню. Хотя Янка, уходя, вздохнула украдкой. Но «украдка» была замечена глазастым Лисом, который стребовал с подруги пояснений:

– Что приуныла? Не наелась?

– Каши хочу молочной. Овсянки! Может, на завтрак будет? – мечтательно причмокнула девушка. – Вкусно тут кормят, но я кашку по утрам очень уважаю.

– Освянка? Никогда не ел, – помотал головой дракончик, энергично прыгавший вокруг друзей. Идти точно по дорожке к скверу ему казалось скучным, нерастраченная энергия требовала выхода. Потому Лис легко балансировал на бордюре, потом, перепрыгнув на скамью, прошелся по ее спинке, слез, сделал колесо на газоне и снова вернулся к компании.

– Овсянка, а не освянка, – солидно поправила Яна. – Вкусная питательная каша, очень полезная для желудка! Завтра погляжу,

если ее сварят, обязательно тебе покажу.

– Договорились, – кивнул Машьелис, фанатом гастрономии не являвшийся, зато жуть до чего любопытный, какой бы темы его любопытство ни касалось.

За Лапой в живописном сквере, куда Стефаль привел компанию, оказалось многолюдно и шумно. Студенты располагались на все еще зеленой газонной траве замечательной густоты, на ковриках или деревянных скамейках, частью в беседках. Молодежь вела разговоры, смеялась и слушала разнообразную музыку. Из пяти уголков сквера доносилось пять разных мелодий, они каким-то чудом умудрялись не мешать друг другу, а, перекликаясь, создавать шестую. В западной стороне сквера, куда указал друзьям староста, на невысокой круглой сцене сидел длинноволосый парень с завивающимися колечками рогами и тренькал то ли на арфе, то ли на гуслях.

Яна плохо разбиралась в музыкальных инструментах. Своей музыкальной школы в поселке не было, а на уроках в обычной школе вечно пьяный баянист разучивал со всеми классами одну и ту же песню про любителя-рыболова. Если же был совсем хорош, то ставил пластинку с Моцартом и тихонько похрапывал в уголке, пока ребятишки стояли на ушах под мажорную музыку бессмертного классика.

Беседка из обычного дерева, густо увитая каким-то разлапистым плющом до зеленого состояния, располагалась метрах в семи от сцены. С одной стороны она дополнительно закрывалась высокими кустами с ярко-алыми и темно-зелеными пятипалыми листьями. Благодаря тому что плющ уже начал увядать, внутри хорошо просматривалась горстка студентов: несколько ребят и пара девушек. Одна из них явно была дриадой – слишком много зеленого в волосах и платье из цветов никак не могли принадлежать искомой горгоне. А вот вторая отличалась роскошной гривой черных волос. Поскольку девушка сидела спиной к публике, больше ничего разглядеть не удавалось.

– Это Дайла, – шепотом, указав головой на брюнетку, определил цель староста.

– У меня есть план! Стеф, официальных представлений не надо, ничему не удивляйся и подыгрывай мне! – оживился Лис и потянул эльфа за собой, делая при этом вид, что лениво прогуливается.

Глава 13
Проверка на вшивость

Остальная часть коллектива юных следователей наблюдала за грядущим представлением из безопасного далека. Студенты даже заняли скамейку, которую освободила влюбленная парочка. Не успела Янка сесть и сосредоточиться на слежке за Лисом, как слева над головой кто-то заговорил, гнусаво растягивая звуки:

– Компания неудачников! Серокожий увалень, отверженная гермафродитка и толстая корова. Чего же в вас нашел Стефаль? Пожалел, что ли? Наш староста такой чувствительный!

Яна подняла взгляд на изящную до состояния полупрозрачности девушку с длинными распущенными волосами цвета розовой жвачки. Таких тощеньких, как эта сомнительной прелести дева, на Земле признавали больными анорексией и лечили в больницах. Синяя форма с зеленым кантом делала «красавицу», четверокурсницу еще более бледной и придавала ей вид трупа не первой свежести, уже почти успевшего покрыться пятнами. Позади, чуть в отдалении, за девицей стояла парочка чуть более откормленных подружек, вероятно, прихваченных в качестве группы поддержки. (Зелененькую старосту, домогавшуюся эльфийского тела «для консультации» прямо в столовой, Янка узнала.) Девицы улыбались, предвкушая унижение новеньких студентов. Иоле тяжело вздохнула и поморщилась, как от зубной боли, Хаг почесал затылок, сжал руку в кулак, глянул, разжал и тоже обреченно вздохнул. Драться с девушками, которых и соплей перешибешь, и оскорблять оных, пусть даже в ответ, не позволяло троллье воспитание.

– Что нашел? Наверное, то, чего нет у плоских стиральных досок, – отрезала Яна.

Обычно Донская не сразу подыскивала достойный ответ острячкам, точившим языки о крупную миролюбивую девушку, но тут пантомима, разыгранная Хагом, и обида не столько за себя, сколько за новых друзей стала мощным стимулятором мыслительных процессов.

– Ты-ы-ы…. – начала было девушка-жвачка, но Яна предупредительно подняла руку с растопыренными пальцами и скомандовала: – Ша, стоп. Прежде чем ты или кто-то из твоих подружек еще ляпнет какую-нибудь глупость, подумай. Вот этим, – Донская сжала руку в крупный кулак и подняла его к остренькому носику ревнивицы, – я сегодня врезала за оскорбление моего напарника в один пятак. То есть в лицо.

– Тебе за это отработку назначат! – снова перебила чуть отступившая, но до конца не внявшая худышка.

– Назначили, я уже отработала. Люблю наводить чистоту! Хобби у меня такое. И снова с удовольствием чего-нибудь помою. А вот ты на вид хлипче того козла рогатого, так что чего-нибудь сломать могу. Тебе оно надо?

– Я декану пожалуюсь! – взвизгнула розовенькая.

– Давай, – беспечно согласилась Яна, откинувшись на спинку скамьи. – Только прежде чем чего-нибудь оскорбительное сказать мне, Иоле или Хагу с Машьелисом, сама десять раз подумай и другим передай: я полы мою с удовольствием, а нос у каждого на лице один, и волосы у девушек обычно красивые, длинные. За них так удобно хвататься и дергать!

Посылая в адрес Янки грозные обещания насчет жалоб декану, ректору и студенческому совету до кучи, розовенькая и ее подружки предпочли ретироваться, пока здоровенная девица (точно какая-то помесь с минотавром!) и в самом деле не встала со скамьи и не начала кулаками размахивать.

– Спасибо, – признательно шепнула подруге Латте. – Я обычно не знаю, что ответить, когда они начинают так…

– Я и сама редко когда сразу соображаю, сейчас просто повезло, – с неловкостью повела плечом Яна и, прежде чем ее еще и Хаг начал благодарить, заметила: – О, наш Лис уже у цели.

Прогулка по скверу мало-помалу приближала Лиса и Стефа к заветной беседке. Не доходя до точки икс нескольких шагов, дракончик начал громко, перекрывая треньканье арфо-гуслей, вещать:

– Может, она? Волосы похожи, кажется. Или все-таки не она? Она была такой… такой… я прямо сразу влюбился. Стеф, может, это она? Девушка, да-да, вы, чернокудрая, дивный алмаз цвета великой владычицы ночи, умоляю, скажите, вы сегодня вечером были у Башни Судьбы на площади?

Конечно же Дайла обернулась. Как тут не обернуться, когда тебя или кого-то другого именуют алмазом ночи, да еще с таким придыханием в голосе, исполненным неудержимой надежды и чувства.

Горгона была прекрасна. Черные густые брови ровными дугами, стрелы длиннющих ресниц, черная бездна блестящих очей, точеный нос с хищно раздувающимися ноздрями, высокие скулы, матовой белизны кожа, пухлые, четко очерченные губы, грива волос чернее ночи. И все-таки эта краса была исполнена такого высокомерия и льда, что невольно отталкивала. Хотя, судя по числу увивающихся вокруг красотки ухажеров, отталкивала далеко не всех.

– Ты, придурочный, сгинь, ни на какой площади Дайла не была, мы тут с ужина сидим, – лениво процедил сквозь острые зубы парень, выглядевший как явный вампир.

– Не была? – разочарованно, почти убито уточнил Лис.

И Дайла снизошла до легкой усмешки и покачивания головой.

– Значит, я не в нее влюбился, – совершенно безразличным тоном, не вязавшимся с недавними романтическими завываниями, заключил дракончик. – Со спины так похоже было на мою красотку, а спереди точно не она. Не она… Моя красивее и точно добрее.

Густые брови горгоны нахмурились, сочные губы скривила гримаса неудовольствия, что оказалось спусковым крючком для одного из пылких и чрезмерно мускулистых поклонников Дайлы. Здоровяк в форме пятикурсника-блюстителя вылетел из беседки и, сцапав худощавого дракончика за рубашку на груди, приподнял в воздух, грозно зарычав:

– Ты, сосунок, возьми свои слова о Дайле обратно. Или я их тебе в глотку затолкаю.

– Чего обратно? Дайла добрая, что ли? – искренне, насколько можно было быть искренним в подвешенном состоянии, изумился похрипывающий Машьелис. Дракончик сбледнул до синевы, но все еще пытался хорохориться.

– Аргх, – зарычал разозленный и растерявшийся воздыхатель, имевший в виду красоту своей обоже. А проклятый придурок загнал его в угол! С одной стороны, Дайла-то была какой угодно, только не доброй. С другой, парень не знал, как отреагирует горгона, если он начнет отрицать ее доброту. С нее станется еще пуще обидеться.

– Отпусти малявку, Рольд, – лениво взмахнула ресницами Дайла, решая проблему. Не в ее интересах было чрезмерно раздувать перешедший в странное русло конфликт и выставлять себя на посмешище. Так и популярность потерять можно!

Рольд думал недолго. Он сделал так, как ему велели: размахнулся и отпустил Лиса в полет, метя в сторону кустиков погуще и помягче – чуть левее эстрады. На свою беду юный дракон в полете как-то изогнулся, развернулся и со всего маху впечатался в ступеньки сцены. Что-то хрустнуло. Рогатый арфолютнист испуганно вздрогнул, выронил инструмент себе на ногу и совершенно по-девичьи взвизгнул, баюкая ушибленную конечность.

К летуну Машьелису, неловко скорчившемуся у эстрады, тут же ринулись Стефаль и вся компания со скамейки запасных, включающая Янку, Хага и Иоле. Что удивительно, к дракончику

побежал и Рольд с выражением неописуемого ужаса на звероподобной физиономии.

Недавний обидчик успел к жертве первым, бухнулся рядом на колени и принялся потряхивать Лиса за плечо:

– Эй, хлюпик, ты как? Ты чего вообще в другую сторону полетел? Я ж тебя в кусты… Там мягко, а ты…

– Я не хлюпик, я сильный, – выдохнул Лис, приоткрывая один глаз и с задумчивой осторожностью ощупывая рукой свои ребра.

– Но легкий, – машинально продолжила за друга Яна и присела на корточки, оттесняя растерянного здоровяка. Приобняв друга за плечи, девушка деловито уточнила: – Где болит? Сломал чего-то или отбил?

– Сломал, – печально шепнул блондинчик с самым трагическим видом.

Покаянный вид Рольда стал из виноватого глубоко похоронным.

– Ступеньку, – признался Лис, пододвигаясь достаточно для того, чтобы все увидели отколовшийся от длинной доски кусок дерева. – А ребра просто чуток отшиб.

Рядом раздалось какое-то странное хрюканье, фырканье, всхрапывание, перешедшее в здоровый мужской гогот. Ржали на пару Хаг и Рольд. Утирая заслезившиеся глаза, тролль между очередными приступами здорового хохота повторял: «Сильный, но легкий, сломал ступеньку». Облегченно улыбались Иоле и Стефаль, переволновавшийся за Лиса и винивший себя за промедление, помешавшее пресечь затевавшуюся расправу.

– Я, между прочим, из-за вас палец отшиб! – капризно пожаловался забытый музыкант. То ли рассчитывал на сочувствие, то ли хотел поболтать.

– Иди к Дайле, признайся, что пострадал за ее добрый нрав. Может, поцелует? – находчиво предложил Лис, пряча в уголках губ глумливую ухмылочку.

– Дайла-то? Скорее, укусит, – обреченно махнул рукой травмированный парень и осторожно сполз со сцены. Так и похромал из сквера, бережно придерживая рукой инструмент.

– Тебя надо обязательно показать врачу! – категорично объявила Яна дракончику.

Тот собрался было возразить, даже рот приоткрыл, потом захлопнул его, открыл снова и согласился:

– Надо, обязательно! Нас, сильных и легких, надо беречь! И вообще, чего-то ребра сильнее ныть начали. Вдруг где трещина или даже перелом?!

– Я отнесу тебя к мастеру Лесариусу! – испуганно объявил Рольд, мигом растеряв всю свою веселость. Парень как вспыхнул

легко, подогреваемый влюбленностью в горгону, так и остыл. Сейчас его искренне заботило состояние первокурсника.

– Отнеси, только бережно, а то вдруг и впрямь у него какое-то ребро треснуло? – Стефаль мигом сообразил, куда клонит дракончик.

Здоровяк, не крякнув, бережно, как мамаша непутевого сынишку, подхватил на руки Машьелиса и плавно зашагал по траве до дорожки. Остальные члены компании потянулись следом. Из сквера вышли на дорогу, ведущую влево, к желтому зданию, виднеющемуся вдалеке. Из вчерашнего рассказа старосты первокурсники помнили: именно там располагается лечебный корпус. У Янки в поселке «желтым домом» именовали областную психушку, которая стояла на трассе, но здесь-то не Земля, так что лечить должны были именно ребра, а не голову. Хотя ее бедняге Лису, если хорошенько подумать, наверное, тоже стоило бы подлечить.

Рольд, может, и не являлся самым добрым, тактичным и милым парнем, но свою вину чувствовал и Машьелиса нес аккуратно. У привередливого дракончика даже не появилось повода позакатывать глазки, поныть, поохать и еще каким-нибудь образом поприкалываться над обидчиком. Хотя силачу и так досталось от остроумных студентов, выражающих искреннее недоумение в вопросах: куда ж это старина Ро несет кудрявого паренька, точно красну девицу? Не любовь ли это с первого взгляда?

Носильщик тихо рычал на шутников, однако в перепалки не вступал. Ловко огрызаться у него никогда не получалось. Вот навешать плюх – это да. А как их навешать, коль руки заняты? Зато Лис от такого внимания просто расцвел и вовсю демонстрировал остроумие, ехидно осведомляясь у шутников, кого именно они ревнуют: его ли такого красивого приметили или к Рольду чего испытывали, да скрывали до сих пор, пока ревность изо всех дыр не поперла?

Рольду оставалось только довольно посмеиваться, наслаждаясь тем, что шутники остаются в дураках. А Лис тем временем припомнил вчерашний разговор в общежитии и уточнил:

– Слушай, я только сообразил, это ты – капитан команды по двану?

– Я, – гордо, вот уж этим он точно гордился, подтвердил здоровяк. – А че?

– Меня на отбор завтра пригласили, – объяснил дракончик.

– Мячом работать, что ли? – повторив вчерашнюю шутку студента, выпалил капитан, аж притормозив от удивления. – Нет,

летаешь ты и впрямь здорово, только приземляешься хреново.

– Я сильный, пусть и легкий, – возмущенно сморщил нос Машьелис, которому пришлось по сердцу Янкино замечание. – Такие игроки тоже нужны.

– Мм, – наморщил лоб Рольд, и в самом деле основательно задумавшись. Потом усмехнулся и кивнул: – А и впрямь, приходи, если мяч держать в руках умеешь, найдем, куда тебя пристроить. Новую тактику разработаем! Хотя… я бы еще твоего друга, – носильщик указал головой на идущего рядом Хага, – попробовал в заградную тройку поставить.

В ответ раздухарившийся Лис в красках поведал своему живому транспортному средству трагическую историю о когтях, дырках, мяче и надеждах на декана Гада, вернее, его способность подобрать какой-нибудь состав для укрепления кожи мяча. Так вся компания за деловым разговором добралась до двухэтажного лечебного корпуса. Ярко-желтый камень делал здание похожим на большой одуванчик, жаль, мягкостью камень цветку уступал.

Хаг вежливо, для проформы, постучал дверным молоточком и с силой дернул на себя дверь. Открыть не получилось.

– В обратную сторону, – торопливо подсказал Стеф, пока тролль не решил сделать проход кулаками.

Совет помог, и дверь охотно распахнулась. Ее придержали, пропуская Рольда с Лисом на руках в недлинный коридорчик. В носу у Янки защекотало от аромата трав. Наверное, здесь микробов изничтожали не хлоркой и кварцеванием, а какими-нибудь настоями или курениями. Пахло, во всяком случае, куда приятнее, чем в типичной больнице. И светло было не из-за медицинской белизны, а как-то уютно и по-домашнему. На полу в коридорчике лежала забавная темно-зеленая дорожка, на поверку оказавшаяся натуральным рулонным газоном с жесткой низкорослой травой специального назначения, очищавшей и ноги вошедших, и заодно воздух. Зато плакаты на стенах цвета яркого яичного желтка от деревенской несушки показались землянке вполне знакомыми. Тут был даже сакраментальный призыв к мытью рук и закалке как основе здорового образа жизни. Правда, обращение к оборотням, пропагандирующее обязательную обработку шерсти от блох, в обычной земной больнице встретить вряд ли удалось бы. Янка так засмотрелась на образцы плакатного творчества местных эскулапов, что сама не заметила, как вошла в просторный приемный покой. Пустой! В дальнем углу виднелись низкая стойка, стол с папками для бумаг, рабочее кресло. Вдоль стен примостились несколько лавок, кушетка и диванчик для пациентов.

– Эгей, а где все? – закрутил головой Хаг.

Стефаль решительно прошел к еще одной двери и открыл ее, прислушиваясь. Из-за двери напротив раздавались голоса.

– …Не выявлено. Можно отпускать, – вещал уже знакомый ребятам скрипучий тенорок дедушки Лесариуса.

Что именно не выявлено и кого отпускать, подслушать студентам не удалось, потому что Рольд аккуратно сгрузил травмированного Лиса на диванчик и громогласно заявил:

– Чего? Никого нет? Дежурный целитель на обходе, что ли? Надо пойти поискать!

Разумеется, по закону подлости его услышали не только спутники, а и, пожалуй, весь персонал и пациенты желтого дома. Неплотно прикрытая дверь распахнулась, являя студентам декана, ректора, старичка-целителя и парочку студентов, пострадавших сегодня в башне.

– Опять вы! У меня такое чувство, что вы здесь не два дня, а все пять курсов отучиться успели, все время на глаза попадаетесь, – вздохнула Шаортан.

Уперев руки в бока, дракесса недобро и устало разглядывала студентов в смотровой. Картен же с Максимусом просто заухмылялись и засемафорили однокурсникам. Похоже, после пары часов изоляции в больничке они кому угодно из ребят были рады как родным. Гад же иронично хмыкнул:

– А у них, гляжу, в компании друзей прибыло. Рольд, каким ветром тебя сюда занесло?

– Этого принес, – замялся здоровяк, но не стал поправлять декана по поводу причисления себя к друзьям первокурсников. Парень мотнул головой в сторону Лиса, раскинувшегося на диванчике в позе «лебедь умирающий, одна штука». – Гляньте, мастер Лесариус, ребра у него целы?

– Хм, погляжу, погляжу, – согласился старичок, снимая с пояса свой любимый молоточек.

От чего Лис вздрогнул всем телом и попятился, как лежал, на попе, пытаясь забиться в угол дивана. Не успел! Прытким оказался старикашка. Раз – и уже стоит рядом, два – и уже молоточек в руке шустрого дедка обстукивает тело пациента. Причем, что удивительно, от этого стука никакой боли, лишь приятное, чуть щекотное тепло разливается.

– И почему же ты студента принес? Помощь первокурснику решил оказать? Или вы его со студентом Хагорсоном по очереди несли с предгорий Ирнора, тренируясь перед игрой? – заинтересовался декан.

– Ну… я… как бы… того… – замялся Рольд, потупившись, только что носочком пол не поскреб. – Это ж я его… того… кинул ненароком.

– Кости целы, трещин нет. Небольшой ушиб мягких тканей имеется, мазь возьми, на ночь намажешь – утром здоровым встанешь, – повесив молоточек на пояс, вынес вердикт Лесариус. Старичок достал из мешочка на поясе маленькую баночку и всучил ее дракончику.

Не интересуясь более легко травмированным пациентом, старик развернулся к Рольду и объявил:

– А вот твои глаза, парень, мне не нравятся. Ну-ка, пойди сюда.

– А может, я того, пойду уже, меня небось друганы и Дайла ждут, – попытался отбояриться здоровяк, попятившись к дверям.

– Дайла, стало быть, – сердито нахмурился декан, что-то для себя уяснивший, и практически потребовал: – Мастер Лесариус, осмотрите-ка Рольда хорошенько! А ты, парень, стой смирно, будешь дергаться, мы тебя к кушетке привяжем, чтобы осмотру не препятствовал.

– Стою, смиряюсь, а только здоров я, как минотавр, – забухтел Рольд, передернув плечами.

Как многие крупные и здоровые люди, он подсознательно опасался докторов, не потому, что боялся боли, скорее, медики страшили его из-за своей близости ко всевозможным недугам.

Старый лекарь не стал бить студента любимым молоточком, он снял с пояса другой аксессуар – небольшое зеркальце, поймал маленький зайчик от розового закатного солнышка и направил прямо в глаз парню. Проделал ту же процедуру со вторым оком и сокрушенно покачал головой.

– Опять? – процедила дракесса, молча, как и все остальные, наблюдавшая за тем, как Лесариус изучает зрачки стоящего навытяжку парня.

– Доигралась девочка. Два тихих предупреждения у нее уже имеются, завтра будет общее оповещение о наказании, – хмуро пообещал начальнице декан. Гад потер свой длинный нос-сосиску и, будто только заметив столпившихся в смотровой студиозов, скомандовал: – А вы почему еще здесь? Марш в общежитие! И да, Рольд, Машьелис, завтра на отработку! По шесть плиток на площади – ваши! Чтобы не кидали больше никого и не падали где ни попадя! А будут по цвету отличаться от тех, что студентка Донская мыла, назначу еще по десять и все перемывать заставлю! Максимус, Картен, недомытая лестница в башне, так уж и быть, подождет ваших усердных рук до завтра! Марш, марш, или еще кто-то отработку получить хочет?

– Могу оздоровительную клизму поставить, – поглаживая жидкую бороденку, предложил добрый дедушка Лесариус и заулыбался.

Всю компанию после таких щедрых авансов из лечебного корпуса как ветром сдуло. Только входная дверь грохнула. Очухался народ лишь на полпути к общежитию, Иоле с Хагом даже пару раз опасливо оглянулись, не пустился ли за ними в погоню кто-то из учителей-лекарей, и только после этого стали переставлять ноги помедленнее. Чем незамедлительно воспользовался Машьелис, буквально изгрызаемый чудовищным любопытством:

– Интересно, а на чем таком декан с ректором красотку Дайлу поймали, что так сильно разгневались?

– Завтра наверняка узнаем, в чем дело, и о Дайле ли шел разговор, – серьезно ответил Стефаль. – Тихое предупреждение делают студенту с глазу на глаз, общее оповещение – сразу после сигнала подъема, так, чтобы слышал каждый.

– Ну а если о ней? – подтолкнул Стефаля Лис, не замечая или делая вид, что не замечает, как хмурится и морщит лоб Рольд.

– Полагаю, Дайла могла использовать способности горгоны и воздействовать на очарованных ее красотой поклонников. У влюбленных снижается критичность восприятия и слабеет ментальный щит. Не исключено, Машьелис, что Рольд столь сильно разгневался на тебя не по собственной воле, а с подачи Фальрейн.

– Брешешь, Стеф, я сам осерчал, – набычившись, принялся возражать капитан команды по двану. Он упрямо отказывался верить, что играл роль марионетки. Да и какому парню такое пришлось бы по вкусу?

– Не буду спорить, – миролюбиво уступил эльф. – Завтра утром все узнаем, а пока я посоветовал бы тебе держаться подальше от девушки. На всякий случай.

– Корки-кочерыжки, это что ж за академия такая? – уныло помотал головой прислушивавшийся к беседе Максимус. – Нас на лестнице тварь какая-то в параличные беспамятные статуи обратила и следов не оставила, теперь это… Знал бы, что так будет, в военное училище пошел бы, и пусть бы мамка ворчала!

– Ничего, приятель, зато здесь веселее, чем в армейской шараге, будет! – попробовал взбодрить его голубокожий Картен.

– Вот этого я и боюсь, – пробормотал себе под нос Максимус, тоскуя об утраченном шансе на упорядоченность, размеренность и дисциплину. Вот что ему стоило не поддаться на уговоры родительницы и последовать совету отца? Не смог, теперь расплачивайся!

– Экий ты скучный, Макс, не грусти, лучше скажи, куда вас ректор таскала утром, вы даже расоведение прогуляли и на медитацию опоздали? – снова принялся выдаивать ценную

информацию из окружающих Лис.

– По академии, – кратко и неохотно ответил студент.

– А чего делали-то? – полюбопытствовал Хаг.

– Болотный болтун болтом болтунью болтал, – выдал в ответ Картен, да так и застыл посреди дороги с отвисшей челюстью. Со столь же удивленным видом на него уставились все студенты.

– Чего-чего болтал? – на всякий случай переспросил тролль, пытаясь сообразить, а не ослышался ли он.

Картен тряхнул головой, поднатужился и добросовестно повторил поговорку. Голубая морда студента при этом стала еще более удивленной и пошла загадочными синими пятнами.

– Опять какую-то хрень горожу, – растерянно признал парень.

– Похоже, на вас наложили защиту от болтовни, – мигом сообразил Стефаль. – Вместо ответа, чтобы лишнее не сболтнуть, одну фразу повторять будете.

– Вот так всегда, как что интересное, так и не узнать сразу. А если написать попробуете? – находчиво предложил выход дракончик, прищелкнув пальцами. Но прежде чем жертвы нашли, у кого одолжить карандаш и бумагу, эльф ответил:

– Разницы нет: устная речь, письменная или жестовая. Даже телепатия не сработает.

– Жаль, – сморщил нос блондинчик.

– Вы сейчас вообще о чем треплетесь? – заинтересовался Рольд.

– О пророчестве, печать на нем эти бравые парни сломали до срока, утром на лекции, – похвастался Машьелис и в красках расписал событие дня, умолчав, впрочем, об ореолах, увиденных вандалами на нем самом, Хаге и Янке. Кажется, Картен, запыхтевший особо возмущенно, хотел выдать эту пикантную подробность, но, увы… ничего, кроме очередного шедевра про болтуна и болото, не родил. Зато заставил посвященных в тайну переглянуться. Выходит, то, что они светились – важная и секретная информация? Экспериментатор-блондинчик тут же решил проверить степень секретности секрета и… Вся компания в очередной раз насладилась историей на букву «Б».

– О как! – поразился пятикурсник. – Выходит, теперь у нас все перваки под антиболтушкой ходят. – Во что же вы там на вводной лекции вляпались?

– Похоже, во что-то, связанное с тем взломанным пророчеством, – вставила Иоле.

– М-да, похоже. – Рольд с уважением глянул на хрупкую и тихую, как мышка, девчушку. – А у тебя соображалка работает.

– Это же очевидно, – повела плечиком ифринг, а капитан доблестных игроков в дван неожиданно смутился и отвел взгляд.

– Лучше бы нашим учителям было очевидно, кто со студентами всякие дурацкие шутки вытворяет! – хмуро заметил Максимус и замкнулся в себе. Шел молча, пиная редкие хохолки травы, ухитрившиеся пробиться между плитами дороги.

– Найдут и накажут, ты, главное, учись, – попытался подбодрить первокурсника староста, а Яна почему-то вдруг вспомнила про задание кентавра и попросила:

– Хаг, пока до общежития идем, ты меня какой-нибудь вашей песне не научишь, чтобы задание Быстрого Ветра выполнить? Про любовь бы…

– Хм, у нас приличных песен про любовь не бывает, все больше про битвы, про походы, про героев, – замялся седьмой сын вождя и немного позеленел.

– Давай про войну. Это тоже должно быть здорово! Я наши старые песни патриотические очень люблю, – возразила Янка и тут же для примера мощным грудным голосом пропела первый куплет легендарной «Вставай, страна огромная…».

– Сильно! – проникся тролль, почесал затылок и в обмен на полный текст патриотической русской песни предложил разучить землянке троллью «Орочью смерть», имя доблестного автора коей затерялось в веках.

Так что всю оставшуюся дорогу до общежития Яна, а с ней заодно и остальные чисто для развлечения прочувствованно горланили:

Орков коварных разил я без счета,
Ярой зарею топор мой блистал.
Я их валил и рубил до рассвета,
Бился отважно, битвой дышал…

Правда, пара студентов-летописцев орочьей национальности пыталась качать права, но Яна честно призналась, что выполняет задание по расоведению, и заблаговременно взяла с возмущенных клыкастиков слово научить ее орочьей песне про битву с троллями, когда на расоведении дойдет очередь до изучения их расы.

Глава 14
Разговор по душам

Отработка, хороший ужин, прогулка в лечебницу и песня дня на закуску – вечер, по мнению Лиса, определенно удался. А вот Янка думала только о том, как поскорее добраться до своей комнаты и записать боевую песню троллей.

Но едва девушка закончила конспектирование и неохотно взяла с полки Иоле одну из книг для реферата, тех, которые купила соседка, в дверь комнаты постучали. На пороге (Яна даже не удивилась) стояли Машьелис и Хаг.

– Соскучились? – удивленно уточнила Яна.

– Это она спрашивает: «Чего приперлись?» – шутливо перевел для напарника Лис и ответил девушке: – Конечно, соскучились, мы же теперь шэ-даром так связаны, так связаны, полчаса разлуки – и тянет к тебе как на веревке: прийти и сесть рядом, вот хоть на коврик у порога. А у вас тут даже коврика перед порогом нет, вы его за дверью положили. Вот и пришлось стучаться.

– Что, правда? – испугалась наивная землянка.

Нет, она подозревала, что блондинчик порой врет, как дышит, но уж больно у него был вдохновенный вид, и слишком серьезно смотрел тролль, чьей основательности и здравости суждений Яна начала доверять.

– Правда, коврика нет, в остальном брешет, – успокоил Янку серокожий гость.

– Проходите, вы чего в дверях застыли? – подошла к компании Иоле. Вот она была ребятам так рада, как может радоваться любому обществу человек, слишком долго ходивший в париях.

– Не хотели стеснять, – замялся Хаг и предложил: – Тебе же заниматься надо, а мы бы Янку к себе позвали.

Светящееся радостью личико Иоле резко поскучнело:

– А? Да, идите. – Девушка отступила.

– Ты не только серокожий, ты еще и толстокожий, – Лис бесцеремонно пихнул тролля в бок, выставил перед собой на уровне груди книгу и объявил: – Иоле, ты на него, грубияна, внимания не обращай. Мы хотели с Янкой насчет расшифровки талантов по этой вот книжище за авторством, как подсказала мастер Тайса, прославленного и труднопроизносимого дуэта Ульягатхара и Иоллель, потрепаться. Нам Стефаль посоветовал все поскорее выяснить насчет возможностей друг друга, чтобы

срабатываться было легче. Если мы тебе не помешаем, так прямо тут и обоснуемся. Вдруг ты нам еще и присоветуешь чего здравого. А если ты занята и наш треп раздражать будет, отвесь нам по одному пинку на брата, и мы скоренько уберемся.

– Вы меня не раздражаете, и заданий нам пока не давали, это перваков сразу грузить начинают, чтобы поскорее в учебную колею вошли, – снова весело заулыбалась ифринг. Кажется, даже комната засветилась от ее радости. – А таланты обсудить надо обязательно, заходите! На диванчике и креслах уютно будет.

– Хотите чаю с вареньем? – спросила Яна, когда поняла, что от парней сегодня не отделаться, да и бабулины припасы подъедать надо.

– Обязательно, – согласился Хаг, с удовольствием усаживаясь в уютный уголок, устроенный Иоле. – Вдобавок к беседе самое то будет!

Ифринг отошла к тумбочке, чтобы активировать пластину подогрева – тонкий лист-артефакт всего с двумя знаками Игиды, который мог разогревать продукты. Эту волшебную микроволновку соседка продемонстрировала подруге еще вчера и объяснила принцип действия, сводящийся к элементарному – если на плиту что-то поставить, то оно будет нагреваться до тех пор, пока не снимешь или пока внутри посуды ничего не останется. Тогда пластинка сразу остынет. Чай, кстати, у Латте был не привычный черный, а сбор трав, но, сняв пробу, землянка одобрила вкус. Напиток немного походил на мятно-земляничный зеленый чай.

Янка занялась извлечением из шкафа баночки с вареньем и посуды для чаепития. Когда руки работают, голова обычно освобождается, и в нее так и норовят забрести посторонние мысли и всякие вопросы. Вот и сейчас девушка, неспешные мысли которой двигались порой странными тропами, озадачила блондинчика:

– Лис, а ты ведь из какой-то очень знатной семьи, раз тебе в невесты чуть ли не принцессу подыскивают?

– Ну… да… – напрягся дракон и нехотя пояснил: – Из Князей Полета. А что?

– Удивляюсь, почему ты как обычный пацан с улицы разговариваешь, – пожала плечами Янка, разом прихлопнув все закопошившиеся было у Машьелиса мыслишки насчет матримониальной диверсии.

– Телохранитель у меня был хороший, – расплылся в мечтательной улыбке дракончик. – Он меня не только защищал, он мне жизнь показывал. Мы с ним в город под колдовскими личинами часто ходили. Я с обычными парнями и девчонками

дружбу водил. Знаю я весь этот этикет, знаю, но любить-то и следовать всем этим прибамбасам вне официальных семейных приемов и визитов не обязан. Не хочу!

– А почему был-то телохранитель? Неужто убили? – озаботился Хаг, заподозривший очередную кровавую драму, оставившую несмываемое пятно на психике юного о Либеларо.

– Зачем убили? Он и сейчас живехонек. В отставку ушел, женился, у него уже пятеро своих спиногрызов, – по-доброму улыбнулся Лис. – Жена в первый год двойню родила, на третий еще троих. Теперь у нас ставки делают, ждать ли четверку отпрысков.

– Ого, – присвистнул, оценивая плодовитость матери семейства, Хаг.

– Здорово, наверное, в большой семье расти, я вот у мамы одна, – позавидовала Иоле, водружая на стол чайник.

– Все от семьи зависит, – рассудила Янка, навидавшаяся в селе всякого. – Где и с одним ребенком счастье будет, а где и пятеро радости не принесут.

Девушка расставила перед ребятами посуду и присела на диван. Лис с удовольствием отхлебнул из чашки и зашелестел страницами, выискивая ту самую четыреста пятьдесят третью, где скрывалось приложение «Цветовой спектр магии». Нашел и ткнул пальцем в первый цвет, открыл рот, чтобы с преувеличенной торжественностью начать оглашать результаты, и резко захлопнул, поскольку в дверь скромно постучали.

– Вы кого-нибудь ждете? – удивился дракончик и с подозрением оглядел всех членов компании.

Девушки синхронно помотали головами, а Иоле по праву старожила двинулась открывать. Все-таки Янка всего второй день в общежитии, вряд ли пришли к ней, а вот забежать за конспектом первых пропущенных лекций кто-нибудь из второкурсников мог. Латте почти никогда не отказывала в помощи, надеясь если не на дружбу, то хотя бы на ее видимость.

На пороге стоял смущенный Стефаль. Не будь он эльфом, небось еще и переминался бы с ноги на ногу.

Вопрос «а тебе чего?» не прозвучал, лишь повис невысказанным в воздухе. Нежный румянец украсил кончики ушей старосты, когда он озвучил причину визита:

– Лис и Хаг говорили, что вы собираетесь предварительно обсудить тактику взаимодействия в группе. Я хотел предложить помощь и, возможно, совет… как старшекурсник, – прикрылся благопристойным поводом Стефаль.

– О, здорово, заходи! – обрадовался Хаг, хлопнув по дивану рядом с собой. – Нас тут еще и чаем с вареньем угощают!

Иоле отступила, пропуская в комнату третьего гостя. Староста с сожалением покосился на свободное кресло рядом с Яной. Увы, та никакого знака-приглашения не сделала. Наоборот, встала, подошла к шкафу и повернулась к гостю спиной. Бедный эльф опустил было ушки и голову. Но характерное звяканье вернуло парню все радости жизни – девушка доставала еще одну баночку с темно-вишневым содержимым вдобавок к имеющейся на столе ярко-красной. Запомнила, что эльф говорил о своей любви к вишневому варенью! Латте сняла с подогревательной пластины большой чайник.

Осталось только долить чая парням, успевшим выхлебать свой до донышка, выделить посуду Стефалю и углубиться в будоражащее душу обсуждение цветового спектра.

– Значит, так, – с чувством облизнул Лис ложку от вишневого варенья и пульнул косточку на салфетку. – Я тут табличку поглядел: каждый цвет соответствует определенному таланту в магии. Стеф говорил, чем больше граней шэ-дара светилось, тем дар сильнее.

– У тебя весь шарик радугой сиял, – с восхищением припомнила Яна. Она не завидовала дракончику, только радовалась за него.

– Так я же из рода крайтарских радужных драконов, нам все виды магии подвластны, кроме… – тут Машьелис заметно помрачнел, возможно, вспоминал о том, каким способом враги разделались с его семьей, – тьмы.

– Ты обучен? – деловито уточнил практичный Хаг.

– До первого совершеннолетия нельзя много магичить, разрешены только элементарная работа с первоосновами – огонь, вода, земля, воздух – да самые простенькие заклятья. Мы же могучие. Структура основных магических каналов ауры формируется лишь к ста пятидесяти. А полная – к тремстам созревает.

– Ой, а сколько тебе сейчас? – вылупила глаза Яна, на вскидку она не дала бы мелкому напарнику больше шестнадцати. Потому и относилась к нему чуть покровительственно, как к непутевому младшему приятелю.

– Тридцать восемь, – нехотя буркнул дракончик.

Янка икнула, превратно истолковавший ее поведение Машьелис с ходу набычился:

– Чего, мало? Вот только попробуй погремушку предложить!

– Скорее, наоборот, или мы годы по-разному измеряем, – ответила девушка, заметив, насколько серьезно собрался обидеться парень. – Мне-то всего двадцать.

Теперь настал черед Лиса справляться с икотой. Исправил

ситуацию Хаг. Покровительственно похлопав по спине напарника, он пробасил:

– Стало быть, мне сорок семь, потому, детки, будете слушаться дядю Хагорсона.

– Вот еще, – зафырчал рассерженным котом блондинчик, а Стефаль, пряча улыбку в уголках губ и смешинки в зеленых глазах, принялся объяснять:

– АПП делает понятными для студентов и мастеров любые речи, она же переводит их возраст в доступные для восприятия величины. Но на расоведении вам будут объяснять: тридцать восемь лет для дракона – возраст подростковый. Так же, как и сорок семь для тролля – порог юности. Хаг чуть старше Машьелиса, да и твой человеческий возраст, Яна, делает тебя ровесницей Фагарда. То есть, по сути, вы однолетки. Так же, кстати, как и ифринг Иоле.

– Уболтал, – фыркнул успокоенный дракончик. – Чем еще порадуешь, о мудрый эльф? Ты нам тоже ровесник?

– Я немного старше, – ушел от прямого ответа Стефаль и продолжил, возвращаясь к вопросам магии. – Знание и владение первоосновами стихий, да с твоей силой дракона, Машьелис, это очень неплохо.

Лис умиротворенно кивнул и, наставив палец на Хага, объявил:

– А наш общий друг-ровесник Хагорсон, между прочим, тоже силой магической не обделен. У него умеренно-сильный дар огня, воздуха и одного из подразделов магии земли – дар власти над камнями. Что дельного посоветуешь, Стеф?

– Отличное сочетание, – прокомментировал староста. – Для работы в тройке блюстителей пророчеств Хаг может сосредоточиться на магии атаки, совмещенной с физическим воздействием, а ты, Машьелис, на защите. В академии есть нужный факультатив, называется «Комплексная магия элементарных стихий в защите и атаке». Мастер Чемиртак дерет со своих подопечных три шкуры, но натаскивает быстро.

– Это почему Хага в атаку, а меня лишь на защиту? – попытался вновь возмутиться дракон. Может, он и был бы не прочь постоять в стороне, пока большой напарник разносит все и вся вдребезги, да врожденное упрямство и стремление перебороть страх мешали.

– Мы уже знаем, что ты сильный, – успокаивающе заметил эльф. – Но со стороны ты, Машьелис, выглядишь только легким. А для блюстителей важно не вбить субъектам пророчеств мысль о своей исключительности, а, собственно, исполнить предначертанное. Потому лучше, если самые недалекие сразу

увидят массивную фигуру Хага и не ввяжутся в бой.

– Ты так говоришь, будто нам придется не следить за тем, как сбываются пророчества, а то и дело драться, – озадачилась девушка, потеряв аппетит.

– Всякое бывает. Мы не только свидетели, но и блюстители пророчеств, – невозмутимо согласился Стефаль, подкладывая себе в блюдечко еще вишневого варенья, исчезавшего со стола с поразительной быстротой. – У меня обычно из пяти практических одно-два с боями, у кого-то больше, правда, и такие везунчики встречаются, которые до сих пор только надзором занимаются. Тут уж как Силы Удачи да Судьбы распорядятся. Когда по факультету свитки распределяют, дежурный пророк тянет жребий с номером курса и группы. Но вас до середины второго курса даже к зеленым свиткам подпускать не будут.

– Нет, надзор – это скучно, хоть и безопасно, – наморщил нос Лис, в очередной раз перешагивая через фирменный набор своих детских страхов.

– Что же мне тогда делать? Я не воин, да и к магии-то у меня никакого таланта нет. Только и останется, что за спинами парней прятаться? – встревоженно вздохнула Яна, машинально болтая ложечкой в пустой чашке.

Оторвавшись от соблазнительного колыхания округлостей вопрошающей, Стефаль капнул вареньем на стол и принялся утешать девушку, попутно вытирая красное пятнышко салфеткой:

– Не унывай! Есть и одиночки, работающие совсем без магии, только с листьями Игиды. Даже объем энергии принципиальной роли не играет, конечно, если отработана четкость наполнения пластины! Тебе же дали муляж для работы, Яна, если будешь заниматься, то все получится! Пока ребята обеспечивают прикрытие, ты всегда успеешь применить нужный знак.

– Так-то оно так, – мрачное выражение не сошло с лица девушки.

– А что не так? – потребовал ответа Лис.

– Медленно я соображаю порой. Когда все пойму, действую быстро, но на «понять» мне срок нужен, – еще раз вздохнула Яна и не стала углубляться в воспоминания о результатах тестов, регулярно выдававших ей практически семидесятипроцентное попадание в ряды представителей флегматичного типа темперамента.

– Это, пожалуй, проблема, – согласился дракончик, стукнув по ободку чашки ложкой. – Одна радость, что твое «порой» случается редко. Я за два дня ни разу не увидел. Ты вон меня с первой встречи раскусила, кулак о морду наглую почесать не стесняешься, нахалкам языкастым укорот даешь.

– Случайно же все получилось, – призналась Яна, опустив покрасневшее, наверное, от горячего напитка лицо к чашке. – Просто повезло. Я же не за себя тогда переживала…

– А за кого? – навострил уши эльф. – Припомни, пожалуйста, все случаи!

– Сначала за родных – как они будут, если я исчезну без предупреждения, потом за ребят, за Лиса, Хага, Иоле, – скрупулезно начала перечислять Яна, для надежности загибая пальцы.

– Значит, в проблемной для небезразличных тебе людей ситуации ты реагируешь быстро и удачно, – заключил Стефаль с довольной полуулыбкой. – Потому трудностей с активацией нужных знаков Игиды на задании я не предвижу. Ведь от успешности твоих действий будет зависеть благополучие всей команды. Надо только освоить саму систему применения знаков и зазубрить их значения.

– Главное, ты помни, если не успеешь нужный знак активировать, я ужасно испугаюсь, буду биться в истерике, может быть, меня даже поймают и чуток побьют… больно, – подмигнул девушке Машьелис, посмеиваясь над собственными страхами.

– Или я кого-нибудь важного прибью, и мы задание завалим, пересдавать придется, – буднично добавил Хаг в перерыве между поглощением остатков вишневого и малинового варенья.

– Я постараюсь, – хмуро пообещала Яна, без всякого удовольствия принимая как данность факт – кое-что учить и зубрить все-таки придется усердно. Не хочется, конечно, но чтобы не подставлять ребят… Совесть, противная зараза, откровенно халтурить не позволит. Быстрый взгляд на серьезную Иоле намекнул Янке, что и соседка не даст ей лениться, исключительно по дружбе.

Ребята еще немного потрепались о пустяках, поделились подозрениями насчет горгон и василисков, договорились встретиться завтра перед завтраком, доели варенье из двух банок, выпили чай и разошлись.

Янка помогла Иоле помыть посуду. Потом, подперев кулаком щеку, пристроилась в уголке дивана и попыталась считать, как велела Тайса, не отвлекаясь. Конечно, почти сразу отвлеклась. Печально посмотрела на книги для реферата. Читать нужную и при этом ужасно нудную литературу о печатях на свитках пророчеств не хотелось ужасно. Все, изложенное пророчицей Цирецией утром на лекции меньше чем за пять минут, в этой книге было сдобрено столь щедрой порцией воды, что неконтролируемая зевота поневоле раздирала рот. В конце концов, девушка выбрала наименее противное и, кажется, самое

полезное из необходимых занятий, еще разок вздохнула и попросила:

– Я хочу попробовать потренироваться с листом. Подскажешь, если что не так делать буду?

– Конечно, – обрадовалась предложению подруга. – Доставай его, садись в кресло, там спинка пожестче, сидеть удобно, в сон клонить не будет.

Советы Иоле походили на уроки госпожи Тайсы, но заботы и душевности в них было куда больше. Может, еще уютная обстановка девчачьей комнаты помогла, или во второй раз само по себе должно было получаться хоть что-то. В общем, после получаса упражнений, когда волосы у Янки слиплись от пота, а голова походила на набитую соломой пополам с иголками башку Страшилы Мудрого из детской сказки, кончик листа стал периодически отсвечивать белым светом, реагируя на каждую третью-четвертую попытку девушки перелить энергию.

Поначалу-то практически ничего не получалось, ровно до тех пор, пока успокоенная и подбодренная соседкой Янка не решила относиться к листку-тренажеру как к аккумулятору, требующему зарядки. Себя девушка воображала розеткой, шнуром и тем самым штырьком на конце шнура, который втыкается в мобильник.

– У тебя нормально получается. Может, хватит на сегодня, Яна? Ты уже вся мокрая! – с сочувствием и одобрением спросила Иоле, дотрагиваясь до локтя подруги.

– Хватит, – с чувством согласилась Янка, пряча листок, и объявила: – Пошла мыть голову, а то за ночь волосы так сваляются, что ни одна щетка не расчешет.

– У тебя очень красивые волосы и длинные… – по-белому позавидовала ифринг.

– У тебя тоже красивые. Слушай, а полоски – это мелирование или сами по себе разные волосы растут? – заинтересовалась Яна, принимаясь расчесывать перед мытьем косу. Зеркалом девушка не пользовалась, не на что любоваться.

– Сами, – улыбнулась Иоле, расстилающая кровать.

– Здорово, а ты длинные специально не отращиваешь или они не растут?

– До выбора пары ифринг носят такую прическу, – поморщилась Латте и, мечтательно зажмурившись, вздохнула: – Но я хотела бы такие же длинные волосы, как у Дайлы.

– Когда свою пару встретишь, отрастишь, – оптимистично подбодрила соседку Яна.

– Если встречу, – печально поправила поникшая Иоле, обнимая взбитую подушку.

– Нет, когда, – настояла на своем землянка. – Ты же в пророческой академии учишься, неужели тут для своей же студентки даже завалящего пророчества не сделают, с подсказкой, где отыскать нужного парня?

– О… – Латте зависла, обрабатывая запрос, подушка, выпавшая из рук, плюхнулась на кровать. – Я о таком никогда не думала, у нас никто не думал, но, наверное, ты права. Я маме напишу, посоветуюсь.

– А твоя мама здесь училась? – сквозь зубы, не потому что сердилась, а потому что зубья расчески опять намертво завязли в косе, уточнила Яна.

– Нет, – растерянно отозвалась ифринг. – Она мне только рассказывала про академию.

– Тогда лучше спроси вон хотя бы у декана нашего. Он умный мужик, а уж потом у мамы, – рассудила землянка, припоминая оперативность, с какой декан Гад решал все вопросы. – Может, мама тебе про академию потому и рассказывала, что надеялась – ты здесь разузнаешь, как пару отыскать.

– Я подумаю, – вроде бы согласилась Иоле, вот только Янке отчетливо послышался щелчок, с которым сошлись створки раковины вновь замыкающейся в себе девушки.

Не зная, как с этим бороться, да и стоит ли, может, дать возможность Иоле все обмозговать, Янка решила не настаивать на продолжении беседы. Тем более что волосы нужно было не только вымыть, но и успеть расчесать и заплести до отбоя. Засыпая, девушка снова попробовала посчитать, как велела Тайса. Но отрубилась, сама не заметив как, где-то в процессе упражнения и в очередной раз провалила его.

Глава 15
Новый день. Головоломная лекция и прочие уроки

Утро началось с очередного противного сигнала дудки в исполнении проштрафившегося хама. Янка недовольно замычала и попыталась спрятаться под подушку. За этим безнадежным процессом ее и застала речь ректора Шаортан. Она звучала так, будто радиоточка находилась прямо в комнате у изголовья кровати. Разумеется, никакого радио в АПП не было и в помине, зато имелись волшебные деревья со знаками, артефакты на основе мельчайших частиц Игиды и до черта прочей магии. Чем именно пользовалась ректор, Яна не знала, да и не особенно хотела знать. Куда любопытнее оказалось содержание речи дракессы:

«Утра вам ясного, студенты. Я вынуждена сделать сообщение. За троекратное злоупотребление врожденными способностями на студентку пятого курса факультета блюстителей пророчеств Дайлу Фальрейн налагаются оковы. Отныне свой дар на территории академии нарушительница использовать не сможет. Снятие оков будет осуществляться лишь на время исполнения обязанностей блюстительницы пророчеств и на период каникул, совмещенных с отбытием из стен АПП. Полное снятие оков будет осуществлено после завершения обучения или в случае отчисления. Пусть это наказание послужит Дайле и вам, студенты, напоминанием о необходимости контроля как над врожденной, так и над обретенной силой и уроком на будущее!»

Строгий голос Шаортан смолк, соседки переглянулись. Значит, верны оказались предположения Стефаля. Красавица-горгона каким-то образом натравила вчера верзилу Рольда на надерзившего ей Лиса. За что и поплатилась.

– Так ей и надо, негоднице! – встав пышной грудью на защиту друга, припечатала Яна и решительно откинула одеяло. Спать расхотелось, в крови бурлила жажда деятельности, но громче крови бурлил живот. Чай с вареньем был хорош, но он *был* и остался лишь воспоминанием.

– Жестко, – задумчиво сморщила носик Иоле. – Хотя… если она уже в третий раз нарушает, то по-другому не поймет.

– А ребята целее будут, – энергично кивнула землянка и тряхнула одеялом, как флагом на баррикаде. Живот еще раз взбурлил, и Янка призналась: – Каши хочу, помираю!

– Столовая через полчаса откроется, как раз успеем собраться, – сочувственно улыбнулась Иоле. – Пока можно чаю согреть. Хочешь?

– Я есть хочу, а не пить. Варенье и чай не помогут, надо будет вкусняшек каких-нибудь для НЗ с собой прихватить. Печенек лучше всего. Пошли в столовку. Если вовремя не откроются, я дверь сгрызу, – мрачно пообещала Янка, расправила покрывало на кровати и поплелась в ванную.

Флегматичная и не особо торопливая Яна Ивановна Донская все-таки умела действовать быстро в нескольких случаях. Во-первых, если несправедливо обижали кого-то, кого она считала своим и нуждающимся в защите, во-вторых, если очень хотела есть. Потому у дверей столовой Яна с Иоле оказались раньше своих приятелей и, пожалуй, раньше большинства студентов академии. Мало находилось охотников немедленно нестись на завтрак в павильон по утреннему осеннему прохладному воздуху, лучше уж лишние полчасика проваландаться. Многие вообще, как рассказала ифринг, прихватывали какую-нибудь сдобу на ужине и утром перекусывали прямо в общежитии, предпочитая лишний час в кровати полноценному завтраку. Сама Латте клевала, как птичка, потому и не сообразила сделать в комнате запасы, способные спасти оголодавшую соседку.

Любимый столик девушек, как и практически вся столовая в целом, был свободен, у раздачи с неизменными башнями из кастрюль, судков и тарелок орудовал столь же неизменный осьминог, то есть силаторх. Позевывающий народец неторопливо выбирал еду. Парочка самых голодных однокурсников (Авзугар и Еремил) вяло махнула Янке руками. Девушка махнула в ответ, не отвлекаясь от дела. Она трижды обошла по кругу стойку, изучая ассортимент, принюхиваясь и все более печалясь. Овсянки не было! Молочных каш не было вообще!

– Чего-то хотела? – соизволил заметить расстройство девушки осьминог.

– Каши овсяной на молоке, – поведала о своем горе девушка.

– Каши молочные редко готовим. Не едят их студенты. А из овса-то и подавно, – отрезал силаторх.

– Спасибо, – окончательно взгрустнула Янка и потянулась к пышному омлету с ветчиной и фиолетовыми помидорками.

– Как овес-то запаривают, целиком или измельченный? – сварливо уточнил осьминог, пояснив: – Возьму чуток на конюшне, завтра приходи.

– Измельченный, немного соли и сахара добавляют. Спасибо большое! – просияла девушка и, дотянувшись, от всей широкой русской души чмокнула силаторха в макушку.

Резиновый и в то же время теплый на ощупь, повар вылупил на нее и так выпуклые глаза и растроганно махнул щупальцем:

– Ступай, девица, завтра будет тебе каша.

– В первый раз вижу, чтобы он студенту на заказ чего-то приготовить пообещал, – изумленным шепотом поведала Иоле подруге.

– Наверное, ему нравятся студенты с хорошим аппетитом и интересно попробовать приготовить новое блюдо, – выдвинула версию Яна, наворачивая омлет. За отсутствием любимой каши и он пошел как миленький.

– Привет, девчата! – Звонкий голос Лиса, обеими руками сигналящего подругам от дверей, прервал гастрономическую беседу.

Тролль с дракончиком, не мудрствуя лукаво, набрали побольше овощей да мяса и, приземлившись рядом, принялись за хищническое истребление завтрака.

– Ясного дня, студенты, – раздалось над головами приветствие неизвестно откуда возникшего декана. В двери столовой Гад точно не входил. – Приятного аппетита!

– Спасибо, и вам того же, – дружно отозвалась компания.

Дэор окинул сидящих испытующим взглядом и неожиданно одобрительно улыбнулся ифринг:

– Студентка Латте, вижу, ты нашла себе друзей.

– Да, – неуверенно согласилась та, покосившись на улыбающуюся Янку. А вдруг землянка скажет, что никакие они не подруги и все было ошибкой? Но та энергично закивала и заулыбалась, подтверждая слова Иоле.

– Рад за тебя, – кивнул Гад.

– Декан, а вы ведь знали, что однокурсники избегают Латте? – вдруг задал вопрос Лис.

– Знал, – спокойно согласился мужчина.

– Почему же тогда не помогли? – строго нахмурилась Янка. – Ей было плохо!!!

– Студентка Донская, кого ты сейчас видишь рядом с собой? – спросил Гад, кивком головы указывая на ифринг.

– Мою подругу, Иоле, – недоуменно ляпнула девушка. Не советовать же декану протереть глаза?

– А я вижу лучшую студентку второго курса, – наставительно объяснил старший и, как оказалось, более мудрый собеседник. – Обычно у юных ифринг из-за особенностей расы все силы уходят на поиск партнера, инстинктивный перебор возможных вариантов контакта. Но Иоле оказалась почти изолирована от коллектива, и ей не оставалось ничего другого, как сосредоточиться на учебе, поскольку это было единственным способом влиться в среду

однокурсников и осуществить поиск партнера.

– То есть вы хитростью заставили ее учиться? – уточнил Хаг. Тролль еще выбирал: сердиться на начальство или простить в силу необходимости не слишком благовидного поступка.

Декан с достоинством склонил голову, а Янка хмуро припечатала:

– Вы и правда Гад!

А Лис присвистнул и выдал:

– Вот не знаю, мастер декан, восхищаюсь я вашей интригой или злюсь.

– Главное, чтобы не он на тебя злился, – добродушно хмыкнул тролль, – а то в присутствии нашего декана не то что есть, дышать опасно станет.

Искреннее возмущение и ярость отразились на лице дэора Гадерикалинероса.

– Я никогда не причиню вреда ученику, студент Хагорсон! Ученики неприкосновенны!

Хаг осознал свою вину, серая кожа стала светлой, почти мраморной, и поспешил извиниться, опустив голову и уши:

– Простите, господин декан, я крайне неудачно пошутил.

– Простите, я плохо о вас думала, – извинилась покрасневшая Иоле, крутя в пальцах ложку. – Я полагала, что вы тоже испытываете предубеждение против ифринг, потому и…

Декан усмехнулся, потер свой длинный нос-сосиску и щелкнул понурившуюся девушку по лбу.

– Прощаю, только учиться не бросай!

– Не брошу, – энергично замотала головой Иоле, поедая Гада преданным взглядом. – Мне нравится! Я теперь Яне могу помогать. А вы не знаете – нет, не прямо сейчас, а после академии, – можно будет попросить кого-то подобрать мне знаки для поиска партнера?

– Почему нет? – подмигнул студентке Гад и, несмотря на длинную сосиску носа и фиолетовый ежик вместо приличной прически, сразу стал обаятельным, почти красивым. – Обязательно подберем. А сейчас ешьте и бегом на занятия, чтобы хоть сегодня ни в какие неприятности не влипли. А то ректор Шаортан вас до конца учебы в мойщики главной площади и лестниц Башни Судьбы назначит – и академии польза, и вы при деле.

– За что она нас так невзлюбила? – печально пожаловался Лис, сделав нарочито обиженные, чуть ли не налитые слезами глазки невинно пнутого за кражу сосисок котенка.

– Меньше бабушкам жаловаться надо было, – уже удаляясь, через плечо бросил напоследок Гад.

– У меня самая лучшая бабушка в мире, – гордо согласился белокурый дракончик, принимая обычный невинно-нахальный вид.

– Самой ректору АПП нервы потрепала и довела до жажды мести, – закончил за соседа Хаг.

– Ага, – поддакнул дракончик, засовывая в рот еще кусок мяса.

Вот уж кому не хотелось с утра никакой каши, лучше отбивную, да побольше. Впрочем, тролль недалеко ушел от напарника в своих вкусовых предпочтениях. Мясные груды на их тарелках отличались лишь способом приготовления и разновидностями. Если Хаг выбирал мясо с румяной корочкой, сочащееся соком и жирком, то полупрожаренные пласты у Лиса едва кровью не капали. Влезало же в дракончика едва ли не больше, чем в напарника.

– Ой, у меня первым лекарское дело, я в корпус побежала, счастливо! – спохватившись, вскочила из-за стола Иоле, позавтракавшая лишь салатом, чаем и парой печенюшек.

– А у нас первым что? – беспечно уточнил Лис, не потрудившийся досконально изучить расписание.

– Основы Мироздания, – скривился Хаг.

А Машьелис так и вовсе сморщился и принялся интенсивно тереть лоб.

– Вы чего, ребята? Голова болит? – не на шутку заволновалась Янка.

– Как учебник открыл, так заболела. Теперь стоит только вспомнить, снова болеть начинает. Если у нас по этой пакости будет экзамен, меня сразу отчислять можно, не сдам, – честно признался дракончик, а тролль отмолчался, мрачно полосуя свой бифштекс с таким ожесточенным видом, будто хотел убить заново его или автора неудобоваримого текста.

– Надо у Стефаля спросить, как сдают. Вон он идет к нам, – предложила Яна, кивая на знакомую фигуру. Дракончик вскинулся и тут же заголосил на всю столовую:

– Эй, Стеф, у нас вопрос!

– Ясного утра, – приветливо улыбнулся своей – теперь, после вчерашнего дня, точно своей – компании эльф, аккуратно приземляя поднос с салатом и какой-то творожной запеканкой на свободное место напротив Яны. Конечно, хотелось сесть рядом, но Стеф не решился. Зато с занятой позиции открывался замечательный вид. Девушка махнула старосте рукой, рот был занят пережевыванием кусочка омлета.

– Ага, привет! – нетерпеливо перебил Лис приятеля. – Скажи, основы Мироздания как сдают: экзаменом или зачетом?

– Никак, – обрадовал первокурсников эльф. – Это вводный курс. Для его сдачи достаточно посетить все лекции. Сдают лишь историю Игиды, следующую за основами Мироздания. Зачетом на втором курсе. Она гораздо проще.

– Уф, успокоил, – выдохнул тролль и зажевал радостную весть особенно большим куском мяса.

– Хвала Покровителю! – рассиялся дракончик. – А то я уж думал – с первого же курса вылечу, и бабуля меня со свету сживет.

– Она же тебя вроде отпускать в АПП не хотела? – озадаченно припомнила Яна.

– Не хотела, – согласился парень. – А только если меня отчислят по неуспеваемости, это позор и урон чести для рода. Поэтому придется на лекции ходить.

– Это лучший выход, – заметил Стефаль, вяло ковыряя запеканку. – Пропущенные лекции сдаются через собеседование с преподавателем, но таким путем идти не советую, лучше послушать, чем по десять – двадцать раз беседовать с мастером Ясмером.

– А че ж… умн… так много? За раз никак не отчитаться? – сглотнув гигантский кус мяса, поразился тролль.

– Очень сложный материал. Его практически невозможно запомнить. Слушаешь Ясмера, кажется, все понимаешь и никогда уже из памяти не исчезнет. А через час-другой помнишь: сидел на лекции, слушал, понимал, но что именно слушал и что понимал, зачастую и в общих чертах пересказать не можешь, – неуверенно повел плечом Стефаль, отложил вилку и попытался честно объяснить необъяснимое: – Странное ощущение. Я себя после этих лекций так чувствовал, словно я и глупец законченный, и вместе с тем над собой самим мне ненадолго подняться удалось, потом-то на прежний уровень вернулся, да не совсем на прежний, чуть выше, чем был, оказался. Нескладно объясняю, да? – Красивые зеленые глаза эльфа вопросительно глянули на Янку.

– Ты кушай, – мягко посоветовала старосте девушка, свой-то омлет почти уже доевшая. И ответила: – Пересказать объяснение я не смогу, но твои ощущения от лекций поняла. Спасибо.

– Я по поводу этого предмета нашего декана спрашивал, когда мой курс массово на головные боли после лекций жаловался. Зачем студентам АПП столь болезненные лекции? Их ведь всем факультетам читают. Гадерикалинерос сказал, что глубинное понимание даже малой части лекций навсегда изменяет нас и наилучшим образом подготавливает к работе. Дескать, мы благодаря основам Мироздания начинаем лучше понимать суть миров, пророки точнее пересказывают, летописцы

записывают, ну а мы, блюстители, успешнее корректируем.

– То есть нам для этих изменений надо только ходить на лекции, сидеть и слушать? – еще раз въедливо уточнил Лис.

– Именно, – сочувственно улыбнулся Стеф. – Потерпи, лекции по основам Мироздания читают только на первом курсе в течение двух семестров.

– Уговорил, вот ни в чем не могу тебе отказать! То ли потому, что ты староста, то ли потому, что мне мальчики нравятся, – призадумался Лис. Преодолев страх перед непонятным предметом, кудрявый дракончик пустился во все тяжкие со своими шуточками, судя по ошалелому виду Стефаля, проходящими по разряду «жуточек».

– Он шутит, – объяснила бедному эльфу Яна и отвесила Машьелису сестринский подзатыльник, с другой стороны приятеля пихнул Хаг.

– Шучу, – согласился под давлением обстоятельств юный дракон. – Это я от облегчения. Бывает, заносит, раскаиваюсь. Можешь, как Рольд, швырнуть меня куда-нибудь. Только если будешь швырять, цель в сторону раздачи, желательно в блюдо с мясом по-артайски.

Стефаль не выдержал и переливчато рассмеялся. Лис тоже улыбнулся и виновато пожал плечами:

– Я вообще сегодня какой-то странный. Ты, если что, извини. Шутки так и прут, никакой мочи нет. Это точно от того учебника по Мирозданию! Никогда больше на ночь такой жути читать не буду!

– Бывает. Удачи вам с лекциями и отработками, я вечером после архива зайду, побеседуем, – миролюбиво согласился Стефаль и вернулся к своей запеканке, нет-нет да и поглядывая на Янку.

Лекция по страшному и абсолютно непонятному предмету опять проходила в большой аудитории. Той самой, где читали вводную лекцию и откуда начиналась экскурсия по подземному саду с деревьями – отпрысками Игиды. Янка со своей компанией, пришедшей в лекторий заранее, сели на уже привычное место. Мало-помалу помещение наполнялось народом. Картен с Максимусом на сей раз забрались на самый последний ряд. Нет, голубокожий парень хотел сесть как вчера, но друг, наученный горьким опытом, чуть ли не за шкирку потащил его дальше. Бедолаге Максу под завязку хватило приключений со свитком. Вампирша и эльфийка из группы блюстителей устроились впереди Янкиной тройки. Но если Юнина – типичный фанатик учебы – жаждала знаний, то ее клыкастая напарница Ириаль

точно хотела лишь одного – производить впечатление на парней. Судя по выражению лица Еремила, нет-нет да и поворачивающего голову в сторону красотки, ей это неплохо удавалось. Таата – напарница очарованного – только сокрушенно покачала головой, но Надалика не бросила. Насколько поняла Янка, на лекцию явились все блюстители, а студентов с других факультетов девушка запоминать и считать даже не старалась.

С ударом колокола в аудиторию вошел молодой мужчина, почти юноша, в светло-коричневой мантии. Недлинные вьющиеся волосы цвета спелого каштана, пробивающиеся усики над пухлыми губами, карие глаза под длинными темными ресницами, нос с небольшой горбинкой и темные брови вразлет были оценены женской половиной студентов несколькими вздохами и даже одним умильным стоном: «Какой красавчик, девочки-и-и!»

Преподаватель никак не отреагировал на такого рода приветствие. Спокойно сгрузил на кафедру кипу книг и обратился к аудитории:

– Ясного дня, студенты, и ясности мыслей в головах. Меня зовут мастер Ясмер. В этом и следующем семестрах я буду читать вам сложный и нужный курс – основы Мироздания. Настоятельно рекомендую не пропускать мои лекции не только потому, что отчитываться в индивидуальном порядке за пропуски чрезвычайно сложно, а незачет за курс – это дорога за ворота академии без права восстановления. Для чего нужны вам эти занятия? В первую очередь для того, чтобы лучше понимать, в рамках какой вселенной вы действуете, и на подсознательном уровне корректировать свои действия, подстраиваясь под желание Универсума, иначе именуемое Воля Творца. Я не жду и не требую от вас понимания и полного осознания смысла лекций. Я даже не уверен, что десятая часть студентов сможет понять и удержать в памяти начитанный материал. Внимательно слушайте – этого будет достаточно. Предупреждаю сразу, может заболеть или закружиться голова. Тогда лучше прекратить конспектирование и посидеть с закрытыми глазами. Из лектория не выходить. Частным случаем возможных последствий прослушивания лекций может стать ваше нетипичное поведение: повышенная эмоциональность, веселость или, напротив, тоска. Не пытайтесь немедленно бороться с порывами души. Это пройдет в течение нескольких дней. Если после лекций почувствуете себя плохо – обращайтесь к целителю Риане. Она находится в соседнем с лекторием помещении – первая дверь направо. А теперь приступаем.

Вселенная наша, как вы знаете, бесконечна, так же, как бесконечен и непостижим Творец. Но некоторая частная

информация о строении Универсума дана нам для изучения. Академия пользуется учебником, составленным на основании курса лекций Лоулендского университета – высшего образовательного учреждения одного из центральных миров высокого Уровня соседней ячейки Мироздания. Информация из первоисточника дошла до нас благодаря Намиру Рыжему, закончившему сие учебное заведение. Он стал первым из ректоров нашей Академии пророчеств и предсказаний. Я имел честь быть учеником последнего ученика Намира.

Итак, бесконечность вселенной являет собой неисчислимое множество миров, в самом примитивном виде представляемых в виде бесконечного числа ячеек, содержащих в свою очередь свои множества…

Янка честно пыталась слушать лекцию мастера Ясмера и с каждым сказанным им словом все яснее понимала – она не понимает почти ничего, во всяком случае, сегодняшнее «ничего» было куда более «ничегошным», чем вчерашнее на медитации. Так что единственный шанс получить зачет по предмету девушка видела в одном – ходить на все лекции, невзирая на состояние здоровья. Судя по глубоко озадаченным, растерянным и откровенно глупым физиономиям других студентов и особенно студенток, даже планировавшие романтический тет-а-тет для сдачи пропущенного материала особы от своих намерений отказались.

Записать лекцию в тетрадь оказалось совершенно невозможно, если уж слушать удавалось с большим трудом, то ручка просто отказывалась двигаться по бумаге. Янка покосилась на парней. Да, они тоже не писали.

– Мастер Ясмер! – Речь лектора нарушил жалобный возглас хрупкой блондиночки-пророчицы с третьего ряда.

– Да, студентка? – ровно откликнулся мужчина. – Какие-то вопросы?

– У меня кровь из носа течет! Можно выйти? – возмутилась бедняжка вопиющей слепоте учителя.

– Нельзя, сядьте прямо и немного запрокиньте голову. Сейчас придет лекарь. Продолжаем лекцию! – Ясмер дернул за шнурок сбоку от кафедры и возобновил рассказ о структуре миров, бесконечное множество которых, оказывается, располагалось в подобии порядка, аналогичного бесконечной пирамиде, и именовалось Уровнями.

Обиженно пыхтя, блондиночка последовала рекомендации лектора. Практически сразу в дверь просочилась пухленькая фигурка в желтой мантии. По наводке указующего пальца лектора она в полном молчании проследовала к страдающей

студентке, сноровисто забила той в нос жгутики чего-то мягкого, пропитанного зеленой субстанцией, отчего хорошенькая девушка стала походить на сопливую. На переносицу красотке шмякнулся охлаждающий компресс. После чего так же тихо, как появилась, толстушка-целительница невозмутимо удалилась.

От рассказа про Уровни и находящуюся между ними жуткую прослойку, именуемую Межуровньем, наполненную кучей демонов и каким-то образом составляющую единое целое, Янку затошнило. А неумолимый Ясмер мимоходом обмолвился, что множество миров той ячейки вселенной, где располагается академия, имеет свою особенность – цветовую градацию по видам магии, свойственной миру и именуемой радужной градацией, в зависимости от которой следует выбирать способ и вид магических действий в мире, куда ведет пророчество, если приходится использовать что-то помимо знаков на листьях Игиды…

Когда прозвенел колокол, возвещающий окончание лекции, Яна была готова всех расцеловать. Лектор же попрощался со студентами, многозначительно пообещав встречу на следующей цикладе, забрал свои книги и вышел.

– Уф, – откинулся спиной на стенку стоящего сзади стола Лис, – мы это пережили!

– Ага, – счастливо вздохнули в унисон Яна и Хаг.

Остальные студенты мало-помалу складывали вещи, трясли головами, будто пытались освободить их от тех знаний, которые запихивал мастер Ясмер, и сдержанно гудели. Из этого ровного гуда изредка прорывались возмущенные возгласы:

– Какой гад! Я его уже ненавижу! Как вообще можно такое слушать! Урод! Ну и муть!

От прежнего девичьего восторга при первом взгляде на душку-преподавателя не осталось и следа. Своей неумолимой жесткостью по отношению к ученикам и заумной лекцией Ясмер раз и навсегда излечил от любовного томления всех первокурсниц.

– Как тебе, Яна? – поинтересовался Лис.

– Спасибо Стефу за предупреждение, мы знали, чего ждать, – пожала плечами девушка. – Ты сам-то как, болит голова?

– Болит, гудит, звенит и шумит, – согласился дракончик, не в силах определиться с наиболее подходящим под описания своего состояния словом.

– Уф, лучше бы меня дубиной по башке треснули, чую, что память отшибло, – прогудел тролль, вцепившись лапами в уши. – Чего у нас следующее, кто помнит?

– Лекарское дело, – сверившись с расписанием,

провозгласила Яна. – Иоле сказала, идти надо в лечебный корпус, только заходить со двора.

Глава 16
О явной пользе лечения

При выходе из лектория река студентов распалась на три ручейка. Два из них (пророки и летописцы) потекли в сторону корпусов на занятия по специальностям. А первокурсники в мантиях с зеленым кантом относительно дружной толпой потопали на лекарское дело. Бурного веселого гомона – обычного для компании молодежи – пока слышно не было. Кто-то просто дышал полной грудью, кто-то тряс головой в тщетной надежде избавиться от просочившихся в сознание обрывков головоломного материала, кто-то массировал виски, затылок и лицо.

– Небось специально так расписание составили, – заметил Лис.

Вопреки обычному акробатическому способу передвижения с кувырками, прыжками и прочими выкрутасами шагал он почти спокойно. Наверное, боялся свернуть шею под грузом отяжелевшей от бремени знаний головы.

– Как? – не поняла соображений дракончика Таата.

– Вот смотри: у нас – лекарское дело, у других, насколько я слыхал, медитация. У летописцев ее ведет не Тайса, а какой-то мастер Реган, – объяснил дракончик. – Как раз народ после всех откровений посидит на ковриках, подышит, голову проветрит.

– Скажешь тоже, откровений, – неприязненно скривился Картен. – Бред сумасшедшего это, и все!

– Как можно так говорить! – укоризненно покачала головой Юнина, словно бы скользя над, а не по плитам дороги. – В академии не преподают бреда. Да, информация лекций очень сложна для усвоения, но я уверена, со временем мы во всем разберемся.

– Хотелось бы, – поддакнула дриада Ольса, задумчиво накручивая на палец прядь каштановых волос. Она ступала так слаженно с эльфийкой, что, не будь движения девушек настолько изящными, их сочли бы марширующими.

– Говорите за себя, – процедила Ириаль, передернув плечами так, что высокая грудь обрисовалась тканью формы, и тряхнула темными локонами, – я в этой ахинее и разбираться не стану!

– Точно! Если бы за прогулы лекций этой сволочи отчитываться не надо было, я бы больше на них не явился! – рыкнул Авзугар, сжав в кулаки обе широкие когтистые лапы, в которые на миг трансформировались руки.

Категоричные суждения оборотня и красотки-вампирши

нашли отклик в душах измученных знаниями студентов. Почти весь первый курс согласно загудел, точно улей пчел, растревоженный медведем-сладкоежкой.

– Мы у Стефаля спрашивали утром, зачем этот курс, – из чувства справедливости вступилась за неприятные основы Мироздания Яна.

– И чего староста факультета сказал? – еще больше округлив выпуклые глаза, заинтересовалась пещерница Тита, аж пружинки-кудряшки запрыгали.

– Сказал, даже если мы ничего не поймем, чего-то в головах поменяется так, чтобы нам легче было задания практические в мирах выполнять, – объяснила, как уразумела сама, девушка.

– Ну, если польза практическая будет, то и походить не грех, – задумчиво признал рассудительный гоблин Кайрай, поведя ушами.

– Тока башку жалко, гудит… – ворчливо пожаловался Хаг, и с этим народ тоже дружно согласился.

Ничто не сближает больше, чем общая проблема. С лекции по основам Мироздания вывалилась неорганизованная, разрозненная толпа, а к дверям желтого дома подходила уже группа первокурсников, занятых общим делом. Пусть этим делом пока было лишь перемывание костей странному преподавателю и возмущение его жутким предметом.

Зады лекарского корпуса представляли собой, с точки зрения Янки, вполне типичный большой палисадник, такие разбивали жители поселка у своих пятиэтажек, кто в складчину, кто наособицу. Грядки, кусты, теплички, парники, лютики-цветочки. А что росла там куча всего, неизвестного девушке, так и в поселковых палисадниках подчас такие экзотические джунгли встречались – куда там Африке! Парочка бабушкиных знакомых чуть ли не из-за границы себе какие-то семена-луковицы выписывала. Сама Янка возней в земле не брезговала, но и особой тяги к ней не испытывала. Животные ей всегда нравились больше, чем зеленые насаждения.

Дверь в корпус была открыта для проветривания. Один из лекарей – вихрастый парень в желтой мантии – стоял на ступеньках, вперив задумчивый взгляд в пространство. При виде группы студиозов он оживился и предположил:

– Первый курс с основ Мироздания?

– Че, так заметно? – удивился Хаг.

– Координация движений нарушена, настроение неустойчивое, взгляд расфокусирован, это заметно, – согласился лекарь, перечислив симптомы, а потом направил бедолаг: – Идите в аудиторию – вторая дверь налево. Там поднос с кувшинами

взвара тайоки. Выпить по полстакана каждому! Можно стакан, больше нельзя.

– И наши мучения прекратятся навеки? – прижав руку к лицу и театрально содрогнувшись, понадеялся Лис.

Девчонки прыснули, парни гоготнули.

– Нет, до следующей лекции, – ухмыльнулся парень-лекарь в ответ, оценив представление. – Другим первакам на медитацию тоже отнесли.

Осознав, что их ждет средство от головной боли, первокурсники ломанулись на поиски нужного кабинета. Как-то само собой разливать тайоку взялись Янка, Таата и Хаг. Девушки подставляли стаканы и передавали их ребятам, тролль с легкостью и удивительной ловкостью ворочал тяжелые запотевшие кувшины, наливая из двух разом в два стакана одновременно.

Народ пил лекарство охотно, только Цицелир капризно сморщился:

– Ну и кислятина!

– За медом в столовку для тебя сбегать? – уточнил тролль. И тон его был столь демонстративно благожелателен, что Пит энергично замотал головой и поспешил осушить свою порцию.

Лекарь не соврал, после половины стакана кислого морса в голове прояснилось, шум и боль отступили. Осушив свой стакан, Картен двинулся к раздаче снова и потребовал:

– Налей еще!

– Сказали, больше стакана нельзя, – осторожно предупредила сторонница правил – Юнина.

– А мне по хрену, налей, пить хочу! – нагрубил голубокожий.

– Пей, – спокойно согласился тролль, подмигнул девушкам, дескать, пусть его, не вмешивайтесь, и щедро протянул голубокожему последний наполовину полный кувшин.

Причмокивая и пофыркивая, Картен высосал весь взвар и, довольно рыгнув, шлепнулся за стол. Студенты расселись так же, как вчера на лекции у Гада, и принялись ждать удара колокола – то есть звонка на урок. Пока сидели, Кайрай Раход повертел головой и деловито предложил:

– Ребята, может, давайте, пока время есть, старосту выберем, декан просил с этим не затягивать.

– Раз ты предлагаешь, тебе и быть старостой, – рубанул Авзугар. – Вон журнал группы уже таскаешь, списки на расоведение составляешь.

– А не лучше кого-нибудь из девушек выбрать? – поинтересовалась Таата, робеющая перед парнями, каких бы габаритов, пусть даже мелко-гоблинских, они ни были.

– Девушки, кто-нибудь из вас желает взвалить на себя дополнительные обязанности старосты и отвечать за кучу обормотов перед ректором, деканом и мастерами? – огласил иезуитский вопрос Лис.

При такой постановке проблемы потух даже алчно-властный огонек в глазках Ириаль. Иных же желающих на халяву приобщиться к «бремени вождя» не нашлось.

– Хорошо, – не слишком весело согласился Кайрай. Подвижные зеленые уши-лопушки обвисли с покорной обреченностью. Как успела убедиться Янка, мелкому гоблину были присущи гипертрофированное чувство ответственности и страсть к порядку. (Он даже в сумке все раскладывал настолько аккуратно, что любой заглянувший чувствовал себя разгильдяем.) Может, Раход и не хотел зависеть ни от кого из однокурсников, но организационный бардак угнетал мелкого гоблина больше, чем необходимость отвечать за все и за всех. Он еще раз пошевелил ушами и предпринял последнюю вялую попытку сбросить с себя бремя ответственности: – Если никто не возражает и не хочет попробовать…

– Не хотим, – припечатал Хаг, стукнув пятерней по столу. – А ты сегодня же Гаду и Стефалю скажи, что мы тебя старостой единогласно выбрали, и не временно, а сразу на все пять курсов. Доверяем, стало быть, вот!

Народ энергичными кивками, щелканьем пальцев и нечленораздельными возгласами поддержал директиву тролля.

Словно в знак окончательного утверждения общего решения ударил колокол, возвещающий начало урока. Еще не успел заглохнуть звук, как дверь в служебное помещение за кафедрой отворилась. В аудиторию вошел знакомый практически половине группы целитель Лесариус со своим знаменитым молоточком, при виде которого Картен и Максимус невольно содрогнулись и попытались, как сидели, на задницах отползти назад.

Похоже, волшебный инструмент лекаря не только помогал обследовать пациентов, но заодно и вырабатывал у них стойкую фобию к молоткам. «С одной стороны, бояться врачей – плохо, – практично подумала Янка, – а с другой, может, если этот страх будет силен, парни станут осторожнее и перестанут влипать в неприятности».

Старичок огладил тощую бороденку, благосклонно оглядел первокурсников и поздоровался:

– Ясного дня, студенты. Для тех, кто меня еще не знает, представлюсь – я мастер-лекарь Лесариус. Вместе с вами мы будем изучать лекарское дело на протяжении трех лет. Вижу, – дедуля покосился на пустые кувшины, – вы все выпили тайоки, а

значит, мы можем приступать к занятию.

Тихую речь лекаря нарушило громоподобное урчание в животе Картена.

– И вот первая из аксиом, каковую вы должны четко усвоить, – дозировку лекарственного средства нарушать нельзя! Это может привести к непредсказуемым, порой даже трагическим последствиям! Живым примером нам всем сейчас послужит студент Картен, злоупотребивший взваром тайоки. Одного стакана взвара достаточно для очищения рассудка создания любой расы. В большей дозе взвар вызывает резкое очищение не разума, но всего организма. Уборная – пятая комната по левую сторону коридора. Боюсь, студент, вам нужно проследовать туда немедленно, если вы не желаете продемонстрировать нам наглядно весь процесс избавления от излишков пищи и жидкости.

Лесариус, хитро щуривший глазки из-под белых кустиков бровей, еще не успел договорить, как голубокожий идиот сорвался с места. Он понесся к цели, пуская ветры столь интенсивно, что Юнина полезла в кармашек за платочком. Авзугар же выразился весьма прозаично:

– Ну и нафунял!

– Ты знал? – шепотом уточнила Яна у тролля.

– А то ж, моя матушка тайокой запор лечит, – ухмыльнулся Хаг.

– Хамов и наглецов надо лечить, и понос – не самое худшее средство! – поддакнул Машьелис.

Между тем мастер Лесариус спокойно продолжил первый урок, объясняя студентам, зачем им, блюстителям пророчеств, лекарское дело. Старичок вещал:

– Сведущие целители – большая редкость в мирах, и еще большая редкость, как показывает практика, сведущий целитель, оказывающийся рядом в минуту нужды. Потому, господа студенты, первая помощь пострадавшему субъекту пророчества или напарнику в большинстве случаев будет зависеть от вас – блюстителей. Великими лекарями вам всем, разумеется, не стать, но оказывать первую помощь так, чтобы больной дожил до встречи с целителем, вы обязаны. Целительную магию на факультативных занятиях станут осваивать те из вас, кто проявит к ней склонность.

Вверх взметнулась растопыренная ладошка Юнины.

– Да? – прервался лекарь.

– Скажите, мастер, разве магия листьев Игиды не имеет приложения в целительстве? – испытующе уточнила эльфийка.

– Имеет, – охотно согласился старичок. – Вот только, дорогая моя, знака Игиды, дарующего абсолютное исцеление от любого

недуга, не существует. Возьмем, к примеру, знак АСО, то есть лед. Применив его, ты снимешь отек при ушибе или переломе. Но с той же задачей превосходно справится вода из ближайшего ручья или обычный снег. Или возьмем знак ЭДИТ. Он соединит сломанное. Однако, коль перелом сложный, со смещением, то и соединение не вернет кости исходный вид. Применение знаков во всей множественности их значений – сложная наука, которой вас будет обучать мастер Гадерикалинерос на протяжении всех пяти лет обучения.

– Я поняла, спасибо, мастер, – серьезно поблагодарила прилежная студентка и сделала пометку в конспекте.

– Мой же курс – лекарское дело – будет посвящен тем методикам, которые не требуют специальных магических приемов. Первая помощь при физических травмах, переломах, вывихах, ожогах, обморожениях, отравлениях, враждебных заклятиях. Изучение растений и способов их применения для экстренной помощи будут освоены нами в первую очередь…

Старичок журчал так умиротворяюще, что невольно навевал сонливость. Вот не удержался и во весь рот зевнул Авзугар. Не прерывая монолога, бодрячок Лесариус воспользовался своим молоточком и стукнул парня куда-то в район ключицы. Тот испуганно вытаращил глаза, сонливость как рукой сняло, а целитель с добрейшей улыбкой заметил:

– Также мы изучим основные контактные точки, имеющиеся у большинства рас, нажатие на которые способно заменить иные виды лечения…

В воздух тут же взметнулась тонкая ладошка с растопыренными пальцами. Это жаждала задать вопрос преподавателю дриада Ольса.

– Да? – благосклонно улыбнулся старичок.

– Вы сказали, что если есть основные контактные точки, то существуют и основные правила первой помощи. Значит, средства этой помощи тоже едины для большинства рас? – уточнила девушка.

– Именно так, – согласился Лесариус. – Не для всех и не для каждого недуга, но есть. Что же касается частностей – при изучении материала каждый студент будет особенно скрупулезно относиться к особенностям врачевания самых распространенных в мирах рас, а также тех, к которым принадлежат он сам и его напарники.

– Понятно, спасибо, – сделала отметку девушка.

Вслед за ней что-то черканула у себя в тетради Юнина. Остальные легкомысленно проигнорировали ценную информацию. И так все понятно, чего писать-то?

Лесариус довольно покивал и снова огладил бороденку. Пока разбирались с общим и частным в теме курса, вернулся из клозета Картен. Кожа его сменила характерный голубой отлив на премиленькую зеленцу. Сердито зыркнув на Хага, щедро одарившего его половиной кувшина тайоки, парень сел за стол к своему товарищу, а добродушный дедушка-целитель, довольно улыбаясь в усы, предложил актуальную тему урока: «Пищевые отравления и первая помощь при оных».

Пример стремительно очистившего организм товарища был в должной мере нагляден, чтобы даже отъявленные лентяи прилежно уткнули носы в конспекты. Лесариус излагал материал вполне доступно и даже почти интересно. «Почти» скрывалось в нудных подробностях дозировок средств первой помощи, которые требовалось не просто записать, но и зазубрить. Не все, разумеется, а лишь по основным расам и напарникам. Но кто сказал, что этого мало?

Когда прозвенел колокол, возвещавший окончание урока, народ испытал явное облегчение. А уж когда старый лекарь объявил, что следующее занятие – практическая работа в теплицах, курс и вовсе обрадовался. Ясное дело, радовались не все. Кое-кто, вроде Ириаль, непривычной к возне в земле, брезгливо кривился. Но бóльшая часть первокурсников приняла предложение Лесариуса на ура, руководствуясь лозунгом: «Лучше работать руками, чем головой!»

– Минутку, студенты. – Голос пожилого целителя заставил первокурсников притормозить. – Следующее занятие у вас в корпусе рядом. Конечно, вы можете сбегать пообедать в столовую, но я бы рекомендовал тем, кто не стремится перегружать желудок перед физическими упражнениями, выпить супа у уважаемого лекаря Шера. Он ждет желающих на крыльце. На этом все, до встречи!

Старичок кивнул седой головой и удалился. А заинтригованные гастрономическим объявлением студенты повалили на крыльцо. Тот самый молодой лекарь в желтой мантии, который рассказывал о настойке, уже ждал их в окружении расставленных на выносном узком столике дымящихся кружек с каким-то кремообразным содержимым, напомнившим Янке обычный суп-пюре.

– Налетайте, ребята, девчата, – улыбнулся лекарь первокурсникам, гостеприимно махнув рукой.

– А добавки нальете или от излишка до гальюна потянет, как от настойки? – осторожно уточнил Авзугар, в целом одобривший вид и запах содержимого кружки. Но в его широких ладонях она казалась очень уж крохотной.

– Кружки – артефакты. Больше, чем надо тому, кто ее взял, там не окажется. Сам декан Гад композицию из знаков составлял, а целитель Лесариус рецепт супа разрабатывал, чтобы вы ни из-за голода, ни из-за полного живота не мучились на занятиях у мастера Теобаля.

– Ну, если сам Гад… – Янка, успевшая проникнуться к руководству факультета доверием, взяла кружку и отхлебнула. Вкус был как у грибного супа со специями. Кружки действительно оказалось достаточно, чтобы заморить червячка, но не облопаться. И, что еще более удивительно, пить после такой еды не хотелось.

– А чего тайоку в такую посуду не налили? – набычился Картен.

– Урок нетерпеливым и неосмотрительным, чтобы впредь блюли рецептуру и дозировку, – спокойно ответил Шер, кивком головы указав пострадавшему от собственной глупости на суп.

Остальной народ, кто охотно, кто манерно кривясь, разобрал кружки. Бежать до столовой, а потом на всех парах мчаться на занятия, если учителя предложили другой выход, не захотелось никому. Целитель наблюдал за первокурсниками с гордостью петуха, присматривающего за цыплятами. Он же рассказал ребятам, что в обед такой супчик по фирменному рецепту Лесариуса всегда доставляют к корпусу целителей. Потому голодным на занятиях лекарей или после них еще никто не остался.

Насытившаяся и весело гомонящая толпа вывалилась на простор академической территории, шумно делясь впечатлениями о новом преподавателе.

– А как тебе этот дедок, Янка? – спросил Лис.

– Старичок-молоток-то? – рассеянно отозвалась девушка. – Нормальный, только учить много придется. Я фармацевтом в детстве мечтала быть, а когда про расчеты дозировки лекарств и зубрежку узнала, сразу передумала. Мне цифры тяжело запоминать.

Яна даже не сразу поняла, почему вокруг нее стало так шумно. Только когда из смешков удалось вычленить слова «старичок-молоток», поняла причину общего веселья.

– Вот и прозвище дедушке подобрали, – хохотнул Хаг.

С этого мига случайно слетевшая с языка кличка прилипла к лекарю Лесариусу крепче банного листа. Ее употребляли не только первокурсники-блюстители. С быстротой лесного пожара прозвище распространилось в студенческой среде, а оттуда перекинулось на преподавательский состав. Прежние клички были забыты. А когда Шаортан в беседе с деканом Гадом

поименовала целителя «старичок-молоток», это стало известно самому дедушке. Тот, впрочем, обижаться не думал и даже в чем-то гордился прозвищем как титулом и признанием своего умения обращаться с любимым инструментом.

Так весело студенты добрались до места последнего в этот день занятия. Янка не знала, как именно звучит название предмета для остальных, сама же она иначе, чем «физкультура» или «спортивная подготовка» его не воспринимала.

Глава 17
Очень спортивная

Корпус для спортивных занятий стоял неподалеку от лекарского, в относительном удалении от других строений. Наверное, чтобы занятия физкультурой не отвлекали студентов, отсиживающих в аудиториях на лекциях.

В раздевалке с типичными шкафчиками и скамьями, очень похожими на имеющиеся в тысячах земных раздевалок, Янка сменила учебную форму на спортивную. Выданная позавчера силаторхом одежда и обувь сидели так, словно были сшиты по мерке отличным мастером. Не соврал осьминог про свой глаз-алмаз!

Девчата переодевались рядом с землянкой без всякого стеснения. Яна восхитилась и тихонько позавидовала изящным пропорциям дриады, эльфийки и вампирши. Пещерница Тита и хоббит Таата фигурами в чем-то походили на саму Янку, только укороченную на две головы, чуток не такую объемную в груди, а в талии даже пошире. Из-за этого мелкие сокурсницы напоминали одна кубик, вторая шарик.

За несколько мгновений до удара колокола, подающего сигнал к началу урока, прозвучал резкий свисток. По нему студенты потянулись в большой зал. Там две команды спокойно сыграли бы в баскетбол, не мешая друг другу.

Преподаватели ждали студентов. Было их двое: мужчина и молодая женщина. Первый – суровый тип с коротким ежиком темных волос, не скрывающих острые кончики ушей, раскосыми глазами цвета глубокого изумруда и упрямо сжатым ртом, – несомненно, являлся эльфом. Но каким-то неправильным, чрезмерно суровым и слишком холодным, как сугроб. Его красно-серый костюм настолько привлекал внимание, что даже самые рассеянные студенты могли заметить учителя издалека. На груди мастера висел свисток, правда, не пластмассовый, а из серебристого металла. Может, как с уважением подумала Яна, даже серебряный. Вряд ли тут в ходу был алюминий.

Напарница физкультурника в аналогичном одеянии выглядела чуть более доброжелательной, являя собой живую иллюстрацию к поговорке «Все познается в сравнении». Внимательные серые глаза, короткий хвостик светлых волос, губы, в уголках которых прятался намек на улыбку. Прятался, конечно, хорошо, но студенты народ глазастый, разглядели. Наверное, молодая женщина хотела выглядеть солидной и

умудренной опытом, но задорный светлый хвостик и ямочки на щеках сильно мешали. Словом, учительница Янке понравилась в отличие от более красивого и грозного физкультурника.

– Студенты, – еще разок дунув в свисток для призыва к порядку самых невнимательных и шумных, деловито обратился к первокурсникам эльф, – я, мастер Теобаль, и мастер Леора будем вести у вас занятия на протяжении всего обучения в академии.

– Ясного дня, студенты, – энергично кивнула и широко улыбнулась Леора.

– Наша задача как мастеров, – продолжил Теобаль, – помогать вам поддерживать физическую форму и навыки на уровне, оптимальном для успешного выполнения вами миссий блюстителей пророчеств в мирах Игидрейгсиль. Тем студентам, физическая подготовка которых нуждается в совершенствовании, мы поможем. От вас требуется только одно – с усердием заниматься. Занятия делятся на три вида: тренировки по преодолению полосы препятствий, обычные спортивные занятия и занятия по самообороне. В цикл последних включены парные и групповые сражения с оружием и без него. Первые и вторые виды подготовки обязательно посещать всем, третьи обязательны для студентов мужского пола, студентки обязаны посещать занятия только на первом и втором курсах, далее – поступайте по личному желанию и рекомендации мастера.

– А если я пацифист? – вслух, правда, очень-очень тихо задумался шутник Лис и, сам того не подозревая, помешал задать схожий вопрос энергично трясущему перепончатыми пятернями Цицелиру.

– То в академии будет на одного студента меньше, – мгновенно отреагировал Теобаль с таким видом, что угадать – шутит он или нет – не получилось. Лис пожал плечами: не прокатила шутка, и ладно, он другую придумает, а вот сирен откровенно приуныл.

Еще раз дунув в свисток, суровый тренер скомандовал:

– Строимся в колонну по одному и выходим к полю с полосой препятствий.

Показывая направление, эльф первым двинулся к приоткрытой двери в левой стене зала. Студенты, слегка толпясь и толкаясь, последовали за ним, как утята за мамой уткой. Место с невинным наименованием «полоса препятствий» располагалось несколько ниже корпуса, стоявшего на холме. Туда вела каменная лестница. Вид открывался столь превосходный, что народ невольно притормозил. Откуда-то сзади послышался жалобный девичий голосок:

– Но там же грязно!

– Разумеется, – спокойно согласился эльф. – А еще там колюче, мокро, жарко и многое другое, о чем вы вскоре узнаете на собственном опыте. За форму не беспокойтесь, на шкафах в раздевалке отличные чары. Ваши вещи почистят и починят в случае необходимости.

– За форму лично я беспокоюсь в последнюю очередь, – скорбно призналась низкорослая Таата, разглядывая высоченную стенку-препятствие, сбитую из досок и снабженную разнокалиберными выступами и шипами – упорами для рук и ног. Упоры эти размещались на слишком большом расстоянии для низкорослой девушки.

Да что там хоббиты, Янка, глядя на ландшафт, имитирующий всевозможные трудности пешего перехода, сомневалась в своей способности его преодолеть не то что бегом, даже в черепашьем темпе, медленно и очень печально.

– Для начала разминка, медленный бег вокруг полигона, – кивком головы указал преподаватель на неширокую грунтовую дорожку.

– Под ноги смотрим внимательно, камни с дороги никто не убирал, ямки не заравнивал, – с показной суровостью предупредила Леора, и Янка, как-то раз подвернувшая ногу на самой обычной асфальтовой беговой дорожке на стадионе института, была ей благодарна за своевременное предостережение. Кто предупрежден, тот вооружен, хотя бы зрением.

– Команды, завершившие разминочный круг, после семи минут передышки идут на полосу препятствий, – поведал о распорядке суровый Теобаль и снова дунул в свисток.

Народ побежал. А что делать-то? С таким учителем не поспоришь – как глянет, всякое желание возражать пропадает. Бегать Янка не особенно любила, но, если бежать приходилось не на скорость, неплохо справлялась. Выносливость у девушки была.

Лис с Хагом сразу пристроились по обеим сторонам от напарницы. Могли бы и быстрее бежать, но что толку-то жилы рвать, если на полосу препятствий они пойдут, только когда все трое пробегут круг? Янка, конечно, видела, насколько легко двигаются парни, и чуть-чуть прибавила хода. Ровно настолько, чтобы самой сразу не запыхаться. По итогам первой пятиминутки бега, практически после половины круга, ребята оказались где-то в первой трети хвоста. Физическая подготовка большинства парней, исключая патлатых бедолаг типа Цицелира, которому и ходить-то было не слишком привычно, была куда выше Янкиной.

На пятки троице наступали девушки – Ириаль и Юнина. Они бы, пожалуй, легко обогнали Яну, если бы на эльфийку, едва

начав забег, не налетела со всего маху споткнувшаяся Таата. Бедняжка Юнина упала и разбила коленку. С дорожки не сошла, но при беге слегка морщилась. Таата, конечно, жутко расстроилась и сбивчиво извинилась, но еще ни от одного извинения колени не заживали. Раздосадованная немощью напарницы вампирша ее не бросила, бежала рядом и возмущенно шипела, ища повод, чтобы выпустить пар и накопившееся раздражение.

Случай представился на последней трети круга, на самом деле имевшего форму неровного овала. Тут беговую дорожку живописно украшали россыпь темных глазков луж и жидкая грязь. Доступного для нормальной пробежки узкого участка хватило бы лишь одному из бегущей тройки. Лис и Хаг думали пропустить напарницу вперед, чтобы Янка спокойно выбрала удобную дорогу.

А вот Ириаль с Юниной поступили иначе. Вампирша обогнала Янкину группу и спокойно потрусила по луже в изящных полуботиночках, ничуть не напоминавших спортивные туфли, выданные комендантом Янке. Свои действия девица прокомментировала надменным фырканьем:

– Это нищие толстухи пусть в убогих чеботах корчатся, прыгая по камням, моя обувь от Понтаччи, зачарована от грязи и сырости! Износятся эти, мать новые купит!

Весь эффект выступления испортили сами ботиночки, у которых на последнем элегантном прыжке Ириаль отвалились подметки. Обе сразу с удивительной синхронностью, какая сделала бы честь любым гимнасткам.

– Как, ты сказала, обувщика кличут? Портаччи? Надо запомнить, врагам дарить! – хихикнул Лис, пока Юнина причитала над шипящей и выпустившей от злости клыки напарницей. Не простил дракончик оскорбления подружки.

А вот Янка, напротив, охнула и приостановилась, чтобы миролюбиво уточнить:

– Чем помочь-то, Ириаль?

– Вали прочь, сделай милость, – рявкнула раздосадованная девушка, чуть ли не дымящаяся от злобы.

Юнина бросила на Донскую извиняющийся взгляд, а Янка пожала плечами и продолжила бег. Если от помощи отказались, чего ж, настаивать, что ли? Лис же, словно решил получить новую кличку – Комар, принялся зудеть над ухом Яны:

– И чего ты сегодня такая добрая?! Эта стерва клыкастая тебя оскорбляла, а ты… неужто не обиделась?

– Это не обида, а так, обидка, пусть себе бесится. Гонор пустой девчоночий, – отмахнулась девушка.

– А за меня вчера в драку полезла, – не унимался подозрительный дракончик.

– Потому что такого и такому, как вчера, спускать и прощать нельзя, – спокойно объяснила Яна.

– Странная ты, – секунд пятнадцать спустя выдал озадаченный Лис.

– Я знаю, тут все странные, каждый на свой лад, – миролюбиво согласилась девушка и облегченно выдохнула: кросс подошел к концу. Чуток походив, чтобы восстановить дыхание, Янка села прямо на траву и невольно заулыбалась.

Капризницу Ириаль, перемещаясь гигантскими скачками, за шкирку несла к раздевалке мастер Леора, да еще и сдержанно выговаривала ей в процессе перемещения: «Вас же предупреждали о порче вещей! Почему не сдала коменданту обувь на хранение?»

К тому времени, когда после двойки Ольсы и Максимуса настала пора выходить на полосу препятствий Янкиной команде, вампирша уже вернулась из раздевалки в растоптанных старых форменных мокасинах, раздобытых учительницей. Коленку эльфийки Леора тоже залечила, просто помахав над травмированной конечностью ладошкой.

– Нравится мне твоя новая обувка, Ириаль! Тоже Портаччи? – не удержался от последней шпильки Лис, перед тем как выйти на полосу препятствий по команде Теобаля. От Янкиного воспитательного подзатыльника парень увернуться не успел.

– Так его, – одобрил Хаг. – Нечего девчонку обижать. Она и так наказана, куда уж больше. Ты чего, вампирок не знаешь? Они на язык все злые, порода такая.

– М-да, что-то я увлекся малость. Может, это вы на меня дурно влияете? Или воздух в академии специфический? Или Покровитель подначивает? – принялся рассуждать Машьелис, прыгая бойким козликом по маленьким столбикам, вбитым в жидкую грязь, – таково было первое препятствие на полигоне.

Янка здраво оценила свои способности к прыжкам, соотнесла размер ноги и поверхности опоры столбика, вздохнула и принялась закатывать штаны.

– Ты чего? – нахмурился тролль.

– Я не перепрыгну, пойду вброд, – спокойно объяснила девушка. – Надеюсь, обувь шкафы тоже чистят.

– Стой, – велел Хаг и подхватил Янку на руки, не как девицу в шестьдесят килограмм весом, а как пушинку. Вместе с ней на руках тролль и запрыгал по столбикам. Пусть не так изящно, как Лис, но в грязюку не свалился, живую ношу не уронил и благополучно преодолел первую преграду.

– Спасибо большое, – растерянно поблагодарила напарника

девушка. – Только вдруг нам прохождение не засчитают, и придется снова всем пересдавать из-за того, что ты мне помог?

– Вот если не засчитают, тогда и пересдадим, – твердо ответил тролль, а наблюдательный дракончик, вскарабкавшийся на первую из череды лестниц, проинформировал отстающих:

– Если и пересдавать, то практически всем придется. Перед нами Авзугар Титу и Кайрая чуть ли не на себе тащит. А Еремил вон, по твоему примеру, Хаг, Таату на закорки посадил. Насчет Ольсы не вижу, но, думаю, Максимус девчонке тоже помогать будет. Он парень правильный! И ты, Янка, извини, я не сообразил, что помощь нужна.

– Я вообще вашей помощи, ребята, не ждала, спасибо, – растроганно поблагодарила девушка, начиная карабкаться на причудливую конструкцию. Она походила на паутину обезумевшего гигантского паука, вздумавшего ткать сети из лестниц. Хаг подстраховывал напарницу. – Я же тяжелая!

– Это ты, может, для человеческих дохляков тяжеловата, а для нормального тролля – пушинка! – хмыкнул снизу серокожий.

Янка не выдержала и гулко засмеялась, припоминая один из любимых анекдотов бабушки. Не откладывая дела в долгий ящик, девушка тут же поделилась с напарниками:

– Поспорили двое. Первый спрашивает: «Что тяжелее – килограмм железа или килограмм пуха?» «Глупый вопрос! Одинаково!» – отвечает второй. «А если по голове?» – уточняет первый.

Похохатывая и делясь байками, трое напарников довольно успешно преодолели сплетение деревянных лестниц, скорее, служившее для передышки после прыжков по столбикам в грязи, и уставились на следующее препятствие. Это был участок земли с камешками, хохолками травы, холмиками и канавками с грязью. Над сим великолепием максимум в полуметре над поверхностью колыхалась подвешенная сетка с колючками. Колыхалась она без всякой закономерности и не вся одновременно, а частями. С этого участка как раз сейчас выползала на карачках предыдущая партия студентов, состоящая из горца, пещерницы и гоблина-старосты. Последние двое фактически выдергивали крупного Авзугара, чья куртка намертво накололась на шипы особенно удачно опустившейся сетки.

– Поползли? – предложил Лис. – Закономерности движения у этой пакости нет, а мы не пророки, чтобы предсказать. Придется все время прижиматься к земле.

– Особенно мне и Янке, – отследив мучения горца, согласился Хаг.

Щуплый дракончик снова первым хлопнулся в траву и,

извиваясь по-змеиному, пополз вперед. Кажется, он еще и умудрялся инстинктивно выбирать самую удобную дорогу. Во всяком случае, Янка решила на это понадеяться. Форму было жалко, себя еще жальче, но неумолимый физкультурник Теобаль как живой встал перед глазами и сурово нахмурился, так что девушка, крякнув, последовала за Лисом.

Ползти, пережидая очередной спуск «ловчих» колючих сетей сверху, было бы совсем скучно, если бы троица ползунов не умудрялась болтать между собой. Лис сыпал остротами через слово так, что в очередной раз задохнувшийся от смеха Хаг выпалил:

– Слушай, мелкий, ты за два дня жуть как изменился! Тебя, часом, не подменили? В академию к прялке какую-то ящерицу трусоватую выдергивали, которая за бабкину юбку спрятаться хотела, а сейчас ты совсем другой стал, хоть и ссылаешься на трусость.

– А ведь и правда, или мы плохо смотрели, – поддакнула Янка, отдуваясь и пытаясь убрать с лица тыльной стороной руки налипшие волосы.

– Не знаю, – вслух призадумался Лис. – Может, скачок взросления пошел? У нас, драконов, все происходит не постепенно, как у многих рас, а резкими всплесками. Или я сейчас больше стал соответствовать ожиданиям Привратника Покровителя, вот он милость и являет…

– Это ты его давеча после шутки поминал? А кто у тебя Покровитель? – заинтересовался Хаг. Вжимаясь в траву сильнее Янки и Лиса, он тем не менее рассуждал так вдумчиво, будто сидел в кресле. – Я не слыхал, чтобы драконы вашего вида кому-то поклонялись.

– А мы и не поклоняемся, – беспечно согласился Машьелис, возобновляя движение. Его звонкий голос четко доносился до напарников. – Есть у нашего рода древняя традиция. В день первого отроческого совершеннолетия маленький дракон в одиночку отправляется на гору Ройхак. В ее недрах заключен лабиринт, выбирая путь по нему, каждый приходит к своему Покровителю. Дракон ли выбирает Покровителя, или Покровитель дракона, или эта дорога такова, что идущие встречаются посередине, не знаю. Моя бабушка очень хотела, чтобы в Покровители мне достался Вечный Воин или Великий Плодородный Государь, на худой конец Покровительница Разума и Обаяния, даже пыталась мне схему лабиринта тайком подсунуть. Я ее на клочки порвал перед входом и так разозлился, что психанул. Думал тогда: если уж играть и выбирать, то по-честному! Если жулить, то только ради собственного

удовольствия или спасения. Но подгонять свою жизнь под чужие правила ради чьих-то желаний не дам! Плюнул под ноги, на пятке крутанулся – и сразу мордой в алтарь Привратника врезался. Его еще называют Дарителем Шанса, Великим Игроком и Мастером Шуток. Видать, он мой порыв оценил, раз к себе перенес. Бабушка, конечно, поворчала, но смирилась, решила, что с таким Покровителем у меня шанс прожить подоле выше будет.

– Хм… Насчет шансов на выживание я бы посомневался, коли судить по тому обилию шуток, что из тебя, как из мешка драного, сыплются. Пошутишь так с кем-нибудь неудачно и отправишься на встречу с Покровителем в бесплотном образе. Хотя, если по сходству нрава, Покровителя ты себе верного подобрал, – согласился Хаг, отплевываясь от попавших в рот травинок.

– Не жалуюсь! А в последнее время даже рад, так легко на душе стало… А ты, конечно, поклоняешься вашему Торансу Великомогучему? – бросил в ответ Лис.

– Нет, Натору Ясноразумному, – гордо, насколько это могло звучать гордо в положении «морда в землю, я ползу», ответил тролль.

– Ух ты, глядишь, и академию с отличием закончишь? – то ли восхитился, то ли прикололся дракончик.

– А то ж, если из-за одного шутливого напарника до срока отсюда не вылечу, – спокойно согласился Хаг, но в этом спокойствии крылось и предупреждение: «Ты твори, твори, да не довытворяйся!»

Обсуждение теологических вопросов компании вскоре пришлось отложить, потому как этап «под сеткой» они миновали без чрезмерного урона (чуток разодранная одежда не в счет) и оказались перед вроде бы ровной площадкой. Всей-то опасности были невысокие, метра в полтора высотой, столбы огня, время от времени вырывавшиеся из земли.

Янка в полном обалдении встала статуей, с совершенно реальной опаской разглядывая площадку с огненными гейзерами. Они походили на срабатывающие когда нужно фейерверки, вот только девушка опасалась – попадание пусть не в сам огонь, а в сноп отлетающих от «фонтана» ярких искр окажется весьма болезненным. Пламя не являлось иллюзией! Жар от него шел самый что ни на есть натуральный, опаляющий щеки. Нет, открытого огня Яна не боялась, но и дуриком бросаться «на амбразуру» ради физкультуры не собиралась. Она мысленно задалась вопросом: неужто в академии слишком много студентов развелось и преподаватели решили избавиться от излишков, прогнав первогодков через огонь?

Оставалось понадеяться на напарников. Вдруг они, аборигены

магических миров, подскажут безопасный выход, то есть проход. Насмерть перепуганными ребята не выглядели. Хаг с удовольствием распрямился, потянулся и стал вслух считать, отслеживая время срабатывания огненных ловушек.

– Чего стоим? Кого ждем? – с какой-то немного наигранной веселостью осведомился Лис, прерывая Янкино построение мрачных гипотез об академическом естественном отборе. Судя по демонстративной бодрости, дракончик в отличие от невозмутимого тролля огня побаивался. Может, имел еще одну психологическую травму на почве пожара в запасниках прошлого? Допрашивать его прямо сейчас никто не стал.

– Я считаю, – в ответ на шутливый вопрос напарника буркнул Хаг. Для верности начал еще и пальцы на руках загибать. – Вроде сначала каждый восьмой такт срабатывает, потом каждый пятый, потом снова восьмой… Нет, десятый. Проскочим!

– А может, в дополнение к счету я в отверстия ледяные пробки забью, и пока они будут таять, мы пробежимся? Нет, конечно, если ты хочешь с фейерверками, то… – торопливо внес рациональное предложение Лис.

– Идея хорошая! Только сразу не побежим, пробовать надо, чтобы никому ничего нужного не подпалить ненароком. Вон в ближайший фонтан забей, я посчитаю. А если ты хочешь чего-то ненужное себе поджечь, то беги, – в свою очередь предложил тролль.

Янка хихикнула, уж больно точно он скопировал интонацию приятеля – тон в тон.

– Забиваю, – не стал препираться Лис.

Никаких загадочных труднопроизносимых заклинаний дракончик выкрикивать не стал. Он просто ткнул пальцем в ближайшую лунку с опасным гейзером. Повеяло холодом. Ямка покрылась сначала корочкой льда, а потом и толстой нашлепкой из этого же материала. Хаг начал считать вслух. На тридцатом такте корка потрескалась и огонь вырвался на свободу. Тролль одобрительно шлепнул напарника по плечу:

– Молодца! Давай замораживай эту, ту, ту и еще те три лунки! – Толстый палец с когтем поочередно указал дракончику цели. – Как закончишь, пробежимся.

Лис довольно хмыкнул и начал колдовать. Янка только завистливо вздохнула. Ей с полным отсутствием магических талантов такого не суждено проделать никогда, хорошо еще у ребят магия есть, выручат, если что. А уж ей, прав Гад, прав Стефаль, придется тренироваться, тренироваться и еще раз тренироваться с листьями Игиды, чтобы хоть так чего-нибудь сделать по силам оказалось.

– Эй, заснула? Бежим? – Хаг подтолкнул девушку в спину, и она сорвалась с места.

Нет, конечно, эксперимент показал надежность ледяной пробки, но всех неприятностей никто и никогда предугадать не сможет. Потому лучше поторопиться и пробежаться так, как будто сдаешь на время спринтерский зачет. И, как оказалось, спешила Янка не напрасно. Едва они с Хагом вслед за быстроногим дракончиком проскочили на узкую площадку перед следующим этапом полосы препятствий, случился тот самый форс-мажор. Замороженная пробка на последнем гейзере не просто треснула. Она буквально выстрелила и вознеслась вверх на плотном столбе огня.

– Поторопился я, смену интенсивности гейзеров не просчитал, – мрачно заметил тролль, когда ледяная пробка рухнула на площадку и разлетелась шрапнелью. По счастью, до ребят не долетел ни один кусочек. Сработала защита полигона, взметнувшаяся полупрозрачной пленкой между зрителями и травмоопасным шоу.

– Ничего, мы же успели, – попробовала утешить Хага девушка.

– В следующий раз я на нас защитный воздушный полог кину, – передернувшись всем телом, будто в него все же влетело несколько кусочков льда, пообещал Лис, – силы он жрет, зараза, прорву, но лучше пусть будет.

– Пусть. Договорились, – чуть успокоился серокожий и почти заботливо уточнил: – Ты нам с Янкой ничего насчет своих отношений с огоньком сказать не хочешь?

– Не хочу, – поморщился Машьелис, неприятно удивленный тем, что его страх оказался столь заметен, – но скажу. Те твари, которые моих родителей положили и думали, что меня прикончили, замок наш подожгли. Нет, обгореть я не успел, даже не обжегся. Бабушка вернулась. Только огонь вот такой, фонтаном из земли бьющий, до сих пор спокойно видеть не могу. Это не память о боли, просто память…

Янка сочувственно вздохнула, но обниматься не кинулась. Все-таки полигон у всех на виду, да и грязная она, чего напарника пачкать да позорить.

– Поняли, учтем, – хмуро кивнул Хаг и предложил: – Двигаем дальше?

– Скорее, лезем, – поправила Донская и попыталась ухватиться за выступ в высокой – метра четыре – стене. Мокрые от пота пальцы соскользнули, и девушка печально поправилась: – Пытаемся лезть.

– М-да, – потер подбородок дракончик, окинув оценивающим

взглядом формы девушки. Нет, он не любовался и не ужасался, скорее, прикидывал вероятность успешного завершения напарницей испытания по скалолазанию. Оценка получалась со знаком минус.

– Выход один, – резюмировал Хаг.

– Подкоп? – уточнил Лис.

– Тогда два, – тут же поправился тролль, оценивающе прищелкнув когтями на пальцах, вполне годными для рытья земли. Пусть изначально для этих целей они и не предназначались, а использовались в бою в качестве дополнительного оружия, которое всегда под рукой, вернее, на руке. – Но лучше мы Яну перекинем.

– Для кого лучше? Для мастера Лесариуса? – опасливо уточнил объект обсуждения, не желавший оказаться пациенткой с переломанными конечностями в лечебнице дедушки с чудесным молотком.

– Не бойся, я еще ничего, что в руки взял, не выронил! – переглянувшись с Хагом, подбодрил жертву Лис и по-обезьяньи бойко полез по стенке.

– А кого? – уточнила Яна.

– «Кого» не приходилось, вот на тебе и проверим, – оптимистично пообещал дракончик.

Девушка искренне позавидовала цепкости, верткости и ловкости парня. Буквально несколько секунд, и он уже сидел верхом на стенке. Яна еще не успела как следует испугаться и сообразить, что задумали парни, как тролль стал действовать. Дождавшись, пока дракончик поосновательнее угнездится на стене, Хаг присел, обхватил подругу под коленями и, резко распрямившись, буквально бросил ее вверх. Лис поймал девушку за талию и крепко прижал к себе.

– Я же говорил! Я сильный, хоть и легкий!

– А… агг-а, – стукнула зубами Янка, пытаясь понадежнее уцепиться всеми конечностями сразу и за стенку, и за парня.

– Ты высоты боишься, что ли? – попытался угадать причины тревоги Машьелис.

– Не высоты, я падать боюсь, – скрупулезно уточнила Яна.

Тролль между тем тоже взобрался на стенку и спокойно спрыгнул вниз, не тратя времени на сползание по выступам. Утвердившись прямо под напарниками, Хаг вытянул руки вверх и скомандовал Лису:

– Давай!

– Не бойся, ты не свалишься, я тебя сейчас сам аккуратно сброшу! – с ухмылкой утешил девушку Машьелис, легко отдирая ее пальцы от своей одежды, и в самом деле сбросил под

закладывающий уши визг, невольно вырвавшийся из глубин перепуганной Янкиной души. Хорошо еще серокожий верзила девушку ухитрился поймать.

Остаток пути каждый из компании проделал на своих двоих. Через канавы с грязью на тарзанке, колючие барьеры и прочие препятствия девушка, пыхтя, лезла сама. Пусть их было много и пришлось попотеть, но, по крайней мере, ею больше никто не кидался и никуда не волок.

Назад к корпусу пришлось плестись по той самой беговой дорожке. После полосы препятствий она казалась такой удобной и гладкой, что плакать хотелось… от облегчения. Леора и Теобаль ходили между отдыхающими студентами и давали свою оценку их упражнениям. Особо довольными ни первокурсники, ни преподаватели не выглядели. Похоже, отваливать комплименты спортсменам эльф не спешил.

Практически упав на травку, Янка перевела дух. Больше всего хотелось просто лечь, закрыть глаза и отключиться. Такой вымотанной она себя чувствовала не часто, а больше, пожалуй, лишь однажды, когда они заблудились с бабушкой в лесу, бродили почти две трети дня и вышли на дорогу в пятнадцати километрах от поселка.

Хаг и Лис присели рядом с напарницей и довольно щурились на солнышко. Вот этим обормотам полоса препятствий, похоже, вообще ковровой дорожкой показалась. Если бы Янку на себе не тащили, всех бы обогнали.

Не то чтобы утешало, но хотя бы не давало отчаяться одно: такими не слишком спортивными, как Яна, были многие, и даже не все из этих многих принадлежали к женскому полу. Как раз сейчас на полосе препятствий оставалось еще три команды: Еремил с Таатой, Юнина с Ириаль и Картен с Питом. Хоббит застряла с напарником там, где следовало перепрыгивать препятствия, девушке банально не хватало длины ног, Юнина с Ириаль штурмовали стенку, обламывая маникюр, а Пит… тот и вовсе стоял перед огненными гейзерами и визжал, мотая головой, тогда как Картен что-то орал и пытался пинками загнать напарника на площадку.

– Взаимопомощь – отлично, – сухо прозвучало над головой Янки. Оказывается, пока она глазела на полосу, Теобаль подошел к их тройке. – За решение применить магию хвалю, но постоянно так делать нельзя.

– А через раз? – тут же вылез Лис.

– Можно, чтобы вы искали решение проблемы, а не применяли типовой способ, – объяснил эльф и даже чуть заметно улыбнулся. Тут же посерьезнел и продолжил, указывая на

каждого члена команды пальцем: – Физическая форма – хорошо, хорошо, слабо. Выносливость: отлично, отлично, слабо. Реакция – отлично, отлично, нормально. Вы двое, – палец указал на парней, – можете сегодня принять участие в отборе команды по двану.

– Нас уже пригласили, если найдем способ защитить мячик от маникюра Хага, – хихикнул дракончик.

– У меня есть комплект защитных перчаток для нестабильных метаморфов. Для игр и тренировок можешь брать, – разрешил Теобаль троллю.

– Спасибо, – даже растерялся от такой неожиданной доброты Хаг.

Суровый учитель оказался вовсе даже не суровым, а замечательным мужиком с понятиями, да еще и поклонником двана!

– Яна, тебе следует больше внимания уделить тренировкам, – к их тройке подошла Леора. – Помощь группы – это чудесно, но бывают случаи, когда приходится действовать самостоятельно. Как переоденешься, зайди после урока, составим график дополнительных занятий.

Девушка только понуро кивнула. Что уж тут возмущаться, если правду говорят. Сегодня она парням была обузой. В неторопливой и малость ленивой Янкиной душе потихоньку вызревало намерение по возможности не доставлять ребятам лишних проблем. Сегодня они ни разу не попрекнули и не обозвали ее, помогая преодолевать препятствия.

Постепенно на холме перед корпусом собралась вся группа. Теобаль и Леора успели поговорить с каждой командой, поругать и похвалить, дать рекомендации. Студенты уходили с занятия усталыми, а кое-кто и замотанным, но в целом все были довольны. Максимус и Картен относились к утомленным, но не до стадии подгибающихся ног. Янкина тройка ясно слышала, как парни собрались поужинать, а потом по-быстрому вымыть лестницы в треклятой башне. Лис пихнул Хага:

– Кажется, я плитки тоже после ужина пойду мыть. Мы ведь кое за кем присматривать собирались. Хочешь со мной прогуляться?

– Пошли, поучу тебя мыть, – иронично прогудел тролль.

– Нет, ребята, если учить, то я с вами идти должна, – вмешалась Янка.

– Уговорила, – сдался дракончик, – что-то я такой сейчас покладистый. Наверное, проголодался.

– Тогда идите в столовую, меня не ждите, я к Леоре подойти должна, – предложила девушка, махнув ребятам рукой, и

невольно поморщилась от резкого запаха собственного пота, выступившего на футболке.

А в девичьей раздевалке уже звенел веселый гул и раздавался шум воды. Янка-то еще до занятия решила, что обе двери с обозначением девичьей фигурки на туалет указывают, и ошиблась. Вторая дверь вела в душевую! А там были и свободные кабинки, и чистые полотенца. Девчонки плескались и громко обсуждали выпавшие на их долю мытарства. Громче всех возмущалась вампирша, сломавшая ноготь.

Жалея об отсутствии шапочки для головы, Яна быстро, стараясь не намочить волосы, сполоснулась, надела форму, сложила в сумку успевшие совершенно волшебным образом очиститься и избавиться от запаха пота вещи и отправилась на поиски Леоры.

Преподаватель находилась в небольшой комнатке. Сидела за столом, а рядом с ней ерзала на стуле Таата. Кажется, ей, как и Янке, прописали тренировки. Но первым делом в глаза бросилось совсем другое: на отдельной высокой подставке за спиной учителя находился точный макет полосы препятствий, накрытый прозрачным куполом. Даже в музеях на Земле Янка такой точности не видывала.

– А, уже заметила, – улыбнулась Леора вошедшей. – Отличный артефакт формирования тренировочной площадки, связанный с полем, на котором вы занимались сегодня. На этом макете я для вас, девушки, подберу полосу препятствий полегче. Надо же с чего-то начинать.

– Ага, – понуро согласилась студентка и против воли вздрогнула, вспомнив огненное развлечение.

– Чего дрожишь? Замерзла? – удивилась мастер и чуть нахмурилась.

– Огненные фонтаны вспомнила, – честно призналась Яна. – Страшно было, если бы не магия Машьелиса, я бы там не прошла, волосы точно спалила бы.

– Ой, жуть, – солидарно вздрогнула и поникла Таата. – Я без Еремила тоже там не прошла бы.

– На первом курсе сила воздействия опасных зон полигона снижена, – полушепотом, подвинувшись к первокурснице, раскрыла небольшую тайну Леора. – Волос бы вы не пожгли, на коже, если сильно у фонтанов задержаться, только краснота останется. На втором курсе воздействие сильнее, на третьем идентично реальному. Правда, в случае истиной угрозы жизни студента срабатывает щитовая защита. Но тсс, это секрет! – Мастер подмигнула землянке. – Чем сильнее вы, студенты, пугаетесь, тем быстрее учитесь.

– У меня обычно наоборот получается, чем сильнее пугаюсь, тем медленнее соображаю и хуже действую, – закручинилась Донская, все-таки успокоившись на тот счет, что в АПП никто намеренно морить студентов не планирует.

– Потому я с вами и говорю. – Уголки губ женщины поднялись в подобии улыбки. – Ваши главные враги, девушки, – недостаток выносливости и проворства. Над этим и будем работать. Но сначала определимся по времени. Яна, Таата, члены ваших команд приглашены на игру в дван. Тренировки проходят каждые три дня, игры факультетов раз в десять дней. Думаю, время тренировок мы и зарезервируем для занятий. Устраивает?

Мастер выжидательно, даже, пожалуй, пристально глянула на Янку. Словно ответ ее почему-то был более значим, чем обычное согласие студента на дополнительные занятия. Янка только пожала плечами. Когда именно заниматься нелюбимым, но обязательным делом, девушке было в принципе безразлично. Но, может, и к лучшему, что парни в это время тоже пойдут на тренировку, значит, им не придется ее ждать, если что-то понадобится.

– А мы вдвоем заниматься будем? – уточнила Таата с робкой улыбкой, стрельнув глазами в сторону Янки.

– Нет, в группу войдут не меньше десяти студентов, но не волнуйся, друг другу вы не помешаете. Площадка может разбиваться на отдельные дорожки, если разница в их сложности примерно одинакова. Первое дополнительное занятие через три дня. Еще вопросы есть?

– Сколько будет длиться занятие по времени? – поинтересовалась Янка.

– Не больше, чем обычный урок, такой, как сегодня, – проинформировала Леора. – Думаю, нагрузка…

Что именно учитель думала, девушки узнать не успели, так как в преподавательскую влетело нечто некрупное, верткое и более всего похожее не оживший комок пружин, к которому какой-то маг-недоучка приделал человеческое тело. Нечто торопливо захлопнуло за собой дверь.

– Извините, мастер Леора, я… – всхлипнул неопознанный объект, оказавшийся Титой. Выглядела пещерница странно. Ее аккуратные тугие локоны, составлявшие чуть ли не намертво закрепленную на головке прическу, стали дыбом, не утратив формы локонов-пружинок. Оттого и казался причудливым облик девушки. Больше всего она походила на какую-нибудь роботессу. Судя по всему, Тита знала, как выглядит, и ничего с этим поделать не могла, потому на глазах набухала новая порция слезинок, веки набрякли, а нос распух и покраснел.

– Что? – закусив нижнюю губу, спросила Леора, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

Янка просто приложила руки ко рту, Таата же, не сдерживаясь, откровенно хихикала.

– Мои волосы! Они случайно намокли, а когда стали высыхать, превратились вот в это, – разревелась Тита. – И я не знаю, что делать!!! Они не расчесываются, не опускаются, ничего не помогает…

Пружинки затряслись на голове. Несмотря на трагизм в голосе пострадавшей девушки, всем очевидцам захотелось рассмеяться еще сильнее. Но мастер Леора оказалась достойна звания преподавателя академии. Сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, учительница невозмутимо велела:

– Садись, Тита, постарайся успокоиться. Сейчас мы попробуем разобраться с твоей бедой!

Пещерница, продолжая всхлипывать, хлопнулась на стул у стены и с надеждой вылупила голубые глазищи на Леору. Женщина встала из-за стола, подошла к жертве неизвестного воздействия, оглядела вблизи, потыкала пальцем в упругие завитки-пружинки, хмыкнула и спросила:

– Ты пользуешься средством для укладки волос?

– Да, «Локоны на века» от мастера Дерабаста, – снова шмыгнула распухшим носом студентка. – Я им уже лет пятнадцать пользуюсь. Надежный мастер! У меня волосы очень мягкие и норовят во все стороны распушиться, без фиксатора никак.

– Вот тебе и ответ, – удовлетворенно констатировала мастер Леора. – Вас предупреждали, все вещи следовало оставлять в контейнере у коменданта. Не зря студентам выдается пособие на обзаведение. Взвесь пыли листьев Игиды в воздухе очень активно взаимодействует с большинством веществ, ввезенных в мир Игиды. Рано или поздно процесс затрагивает все предметы, за исключением краткого перечня минералов и металлов. Чем дальше вещества по составу от местных аналогов, тем быстрее идет процесс.

– Но я думала, речь только об одежде. – Девушка настолько удивилась, что и плакать забыла.

– Что непонятно в слове «все»? – спокойно спросила учительница, но в этом спокойствии крылся зародыш неудовольствия.

– Все понятно, – печально хлюпнула носом Тита и ужаснулась. – Что же мне теперь делать? Я всегда так ходить буду или стричь волосы придется?

– Голову по-быстрому помой, я в душе шампунь видела, –

предложила практичная Янка. – Авось, смоется твой лак, который неизвестно во что превратился. А там в магазине, тьфу, лавке, купишь какой-нибудь местный.

Мастер Леора кивнула, одобряя совет.

– Ага, сейчас, – с воскресшей надеждой на приличный вид энергично закивала девушка-пружинка и вскочила с места, пытаясь мгновенно претворить ценный совет в жизнь.

– Куда? – рыкнула Леора, пресекая попытку пещерницы сбежать.

– Г-голову мыть, – вякнула та.

– Дополнительные занятия через три дня в четыре вечера на полосе препятствий. Вот теперь беги отмываться, – отдала приказ преподавательница.

– Буду, спасибо, – пискнула Тита и убежала так быстро, что, бегай она в таком темпе сегодня на уроке, дополнительные занятия девушке вряд ли назначили бы.

– У вас вопросы есть? – Мастер обратила свой взор на оставшихся студенток, а потом на часы. Намек был более чем прозрачным, девушки синхронно замотали головами.

– Тогда до встречи через три дня! Больше вас не задерживаю.

Глава 18
Проблемы, проблемки и новая улика с отработки

Таата и Янка вышли из кабинета Леоры в пустующий зал, оттуда через короткий коридор в холл, к открытой нараспашку двери из корпуса. Занятия на сегодня у первокурсников-блюстителей закончились, у старших же курсов, как говорил Стеф, учеба была в самом разгаре. Им предстояло посетить еще пару-другую занятий. Вот мастер-тренер и выпроваживала новичков, торопясь заняться подготовкой к следующим урокам и обсудить с Теобалем результаты первогодок.

– Ты сейчас куда? – робко пристраиваясь рядом, уточнила Таата у Янки.

– В столовую, – честно призналась девушка. – Лис с Хагом, наверное, уже там, жуют. Супчик у лекарей был хорош, но весь переварился. Ты как, идешь?

– Ага, я тоже кушать хочу, – закивала хоббит, поглаживая пухленький животик и радуясь тому, что ее пригласили в компанию. Девушка робко пристроилась рядом с Янкой.

– Таата, – удивляясь такой странной стеснительности однокурсницы, решила спросить Яна, соизмеряя ширину привычного шага с Таатиным, – ты чего жмешься, будто я тебя ругать или прогонять сейчас буду?

– Мм, ну ты как бы человек, – пожала плечами девушка и потупилась.

– Ну как бы да, – в тон Таате ответила Яна. – И что с того? У нас в группе людей вообще всего трое: я, Максимус да Еремил, твой напарник.

– Хоббитов не очень-то любят, – прошептала себе под нос девушка.

– По-моему, здесь, в АПП, всем глубоко наплевать на расу учеников, – выпалила Янка, потом вспомнила, как доводили на факультете Иоле, и уточнила: – Во всяком случае, на нашем курсе точно всем плевать и уж совершенно точно плевать мне. Будь ты хоть змеей, хоть феей, хоть хоббитом. В моем мире, как ты слышала, вообще только разноцветные люди живут, потому любой из вас диковинка из диковинок. У меня вон вечно ноги мерзнут, знаешь, как я твоей шерстке завидую! Никаких носков не нужно!

– А я вашей гладкой коже, – бесхитростно призналась Таата. –

Мне так хочется туфельки надеть с ремешками, а когда среди ремешков шерсть – это смешно смотрится. Думала сбрить ее. Тятька так ругался, даже шлепнул пару раз по попе.

– Наплюй, у нас, людей, волосы на ногах тоже растут, я брею. Были бы густые и теплые, как у тебя, носила бы спокойно и не мучилась с бритвой. Знаешь, один раз так порезалась, никак кровь остановить не могла, всю ванную заляпала.

– Я своей крови боюсь, – вздрогнула хоббит. – Наверное, хорошо, что мне брить не приходится.

– Конечно, хорошо, – подбодрила малявку Янка, покровительственно похлопав ее по руке. Вроде бы Таата была ее ровесницей, но небольшой рост невольно заставлял воспринимать девушку как младшую подружку.

– А как это разноцветные? – вдруг заинтересовалась хоббит.

– Чего? – заморгала Янка.

– Ты говорила: «Люди разноцветные живут», – бесхитростно пояснила Таата. – Это как Картен – голубые или?

«Ну, голубые у нас тоже встречаются местами, только об этом тебе я точно говорить не буду», – мысленно хмыкнула землянка, воспитанная в поселке, где с толерантностью такого рода было плоховато, и ответила:

– Разноцветные – это значит белые, желтые, черные, коричневые и краснокожие.

– Ух ты! – непосредственно восхитилась хоббит и аж подпрыгнула на ходу от любопытства. Стеснение и смущение девушка забыла совершенно, увлекшись разговором с однокурсницей. – Вот бы на черного посмотреть!

– Я на каникулах буду, привезу картинки, – пообещала, улыбаясь, Янка.

– Эй, девчата, вы в столовую? – раздался крик, когда парочка миновала примерно половину пути. Со скамейки у дорожки вскочил Еремил.

– Да, пока Хаг с Лисом все мясо не съели, – улыбнулась Яна. – А ты чего до сих пор не там? Голодаешь или ждешь кого?

– Вот шел-шел, а потом решил Таату подождать и спросить, чего ей Леора сказала про дополнительные занятия. А мяса в столовке точно всем хватит. Твои парни решили сначала на отработку сходить. Наверное, на полный живот отрабатывать не захотели, как и Картен с Максом.

– Вот блин! – ругнулась Янка. – Тогда я пошла, гляну, как они. А вам приятного аппетита!

Кушать хотелось, но договор есть договор. Она обещала подсказать Лису, как по-быстрому справиться с назначенной Гадом отработкой, а заодно проследить, чтобы ее напарники не

влипли в какие-нибудь неприятности, решив выслеживать неведомого врага, покушавшегося вчера на парочку однокурсников. Вообще-то наличие этого самого врага казалось Янке чем-то нереальным, еще более нереальным, чем все это «цирковое училище» предсказателей. Мало ли отчего ребят ненадолго вырубило? Все-таки они не в комнате с мягкими стенами, а в магическом и странном месте, где всякие чудеса случаются. Впрочем, чего бы ни случалось, это не повод отлынивать от добросовестной отработки. На часах было почти четыре, значит, дверь в Башню Судьбы вот-вот должна была распахнуться, давая доступ к бытовке с инвентарем.

Янка ускорила шаг. Она не бежала – после полосы препятствий на физкультуре девушка физически не была способна на такой подвиг, но шла максимально быстро. Если до столовой и общежития от лекарского и спортивного корпусов ходьбы было минут на семь, то еще примерно столько же следовало пройти от этого места до площади.

Что забавно, Ириаль и Юнина только-только вышли на центральную дорогу с боковой, ведущей от спортивного корпуса. Девушки, кажется, ругались. Во всяком случае, Юнина пыталась уговорить вампиршу, а та раздраженно шипела в ответ.

– Яна, может, ты ей скажешь?! – попробовала апеллировать к однокурснице несчастная эльфийка, замучившаяся с упрямой собеседницей.

Вообще-то Яна собиралась с девушками не разговаривать, а искать напарников, но уж больно просительным был взгляд огромных эльфийских глазищ. Куда там нахальному котику из Шрека.

– Чего сказать-то? – обреченно вздохнула добросердечная землянка.

– Ничего, иди, куда шла, – огрызнулась вампирша.

– Ириаль не хочет идти к коменданту за обувью, – пожаловалась Юнина. – Она ведь нормально заниматься не сможет!

– Не хочет, не надо, пусть купит другую, – пожала плечами Янка. – В лавке точно всего навалом, если кого-то форменный фасон не устраивает. Наверное, мастер Теобаль разрешит замену.

– Какая замена?! У меня денег нет, довольна? – рыкнула Ириаль, скрючив пальцы так, будто собиралась расцарапать собеседниц когтями.

– Чем тут быть довольной? Чужим проблемам только сволочи радуются. Ты небось думала свои шмотки из дома использовать и все монеты спустила? – посочувствовала Янка.

– Да, – неохотно буркнула однокурсница и так забавно

дернула острыми ушками, чьи кончики торчали из пышной шевелюры, что захотелось улыбнуться.

Понимая, что от ее улыбки день вряд ли светлее станет, а вот вспыльчивая вампирочка наверняка взбесится, землянка сохранила максимально серьезное выражение лица и резюмировала:

– Тогда и впрямь к коменданту надо сходить за обувью.

– Вот и я ей о том же говорю, – всплеснула руками эльфийка.

– Не могу, – нехотя буркнула Ириаль. – Мы с ним повздорили. Сказал, в следующий раз приходить только с деканом или старостой факультета.

– М-да, проблема, – озадачилась Янка и предложила: – Попробуй перед комендантом Олхрокхом извиниться. А если не поможет, тогда попросим Стефаля за тебя словечко замолвить.

– Извиниться? Чтобы я, леди Шойтарэль, извинялась перед каким-то сухопутным осьминогом! – взвилась девушка, гневно раздувая ноздри. – Много чести!

– Ну наскребла же у себя чести, чтоб его, сухопутного осьминога, оскорбить разок. Неужто на извинения не хватит? – хмыкнула Яна, учитывая склочный характер вампирши, догадываясь, насколько неприятно выглядит ее предложение. Еще, похоже, Ириаль была из тех, кому проще удавиться, чем простое «извини» из себя выдавить. Знавала Янка таких людей и от души им сочувствовала. Не прав – скажи, обидел – извинись: и тебе легче станет, и отношения наладятся! Злишься и за дело врезать хочешь – так врежь, а если копить обиду да дуться – только нервы впустую попортишь.

В ответ Ириаль еще более возмущенно запыхтела. А Юнина, отчаявшаяся переубедить напарницу, мученически вздохнула. У эльфийки, умницы, лишних монеток не было, поскольку в лавке оказалось слишком много всякого и очень интересного.

– Если даже сейчас тебе в долг дать на обувь, этим проблему не решишь. Тебе к коменданту еще пять лет ходить придется. Стефаль говорил, на старших курсах там специальные вещи выдают, какие за деньги не купишь, – пустила в ход последний и самый весомый аргумент Янка. – Лучше извинись сейчас, потом сложнее будет. Точно с деканом идти придется.

– Как? Чего ему сказать-то, он же нелюдь со щупальцами, – понимая и все-таки принимая необходимость замирения с комендантом, насупилась красавица Ириаль и брезгливо передернулась.

– Нелюдь не нелюдь, а доброе слово каждому приятно. Скажи ему вот что: «Господин комендант, простите негодницу. Я так больше не буду!» А перед тем как извиняться пойдешь, загляни ко

мне в шестую комнату, банку соленых огурчиков дам. Оказывается, силаторхи их очень любят. Если прямо сейчас пойдешь, мою соседку Иоле попроси, она вынесет.

Ириаль, получив совет от человечки, зависла, обрабатывая информацию. Янка же глянула на кулончик-часы и пробормотала:

– Бывайте, девчата, пошла я. Мне к парням на отработку надо.

Юнина благодарно улыбнулась сокурснице и проделала какую-то странную пантомиму: левую руку поднесла сначала ко лбу, потом ко рту, затем к сердцу. В этой азбуке глухонемых Янка ни черта лысого не поняла, но решила, что это ее не обматерили, а выдали этакий загадочный вариант эльфийского спасибо.

– Не за что, – ответила Яна и, прибавив темп, поспешила к площади. Минутки через три интенсивной ходьбы в спину прилетело:

– Эй, ты, Яна, да? Ясного дня. Твой напарник отрабатывает сегодня? Не знаешь?

– Сегодня отрабатывает, – откликнулась девушка, поскольку других Ян, обладающих напарником на отработке, поблизости точно не наблюдалось. Трое парней, идущих в противоположном направлении, точно девицами-тезками быть не могли.

Обернувшись, Донская увидела Рольда. Тот торопливо шел в ее сторону.

– Уф, догнал, – осклабился здоровяк и чуть смущенно брякнул: – Я… это… утром объявление про Дайлу слыхал. Да и кто ж не услышал бы? На всю академию девку ославили, и поделом. В общем, я считаю, что должен извиниться перед Машьелисом, и до двана ждать не хочу. Вот!

– Он, скорее всего, сейчас плитки драит. Пошли, глянем. Ты сам-то когда отрабатывать собрался? – спросила Янка.

– После отбора, может, завтра. Мне в форме надо быть, чтобы народ погонять, – объяснил Рольд, пристраиваясь справа от девушки. Вместе они зашагали по дороге.

– А что это за дван такой, о котором все твердят? – на свою голову брякнула вопрос Янка и получила в ответ обстоятельную лекцию истинного фаната о виде спорта, очень отдаленно напоминающего жуткую смесь футбола с баскетболом. Замолчал Рольд только тогда, когда они вышли на площадь.

Картину «ведро, тряпка и пара задумчивых напарников» Янка углядела сразу. Как и капитан команды игры в дван. Если Рольда, очнувшегося от наведенного дурмана, принципиально заботило выяснение отношений с пострадавшим парнем, то практичную девушку интересовало совсем другое.

– Вы чего, охламоны, порошок и щетку не взяли из

кладовки? – грозно, уперев руки в бока, вопросила она у ребят.

– Забыли, – беспечно пожал плечами Лис. – Мы… – парень бросил быстрый взгляд на Рольда, – отвлеклись, заболтались. А чего, эти штуки тоже в кладовке искать?

– На полке в углу они, сейчас принесу, – ответила Янка и направилась по уже знакомому маршруту. Иной раз проще сделать самой, чем объяснить другим, где и что взять. Вряд ли дракон Машьелис и сын вождя, даже седьмой по счету, часто имели дело с приспособлениями для мытья полов. Пусть парни и не кичились своим происхождением, но оно проглядывало в их поведении, как ни пытались оба играть в простачков.

В общем, оставив Лиса принимать извинения Рольда, из вежливости терпеливо дожидавшегося, пока Яна выяснит все вопросы, девушка прошла в распахнутую во всю ширину дверь. Еще вяло удивилась: «Проветривать, что ли, кто-то башню вздумал?» И закопалась в чуланчике, выбирая щетку поудобнее, а к ней – жестяную коробку с порошком. Процесс ответственного выбора аксессуаров для приведения исторической площади в божеский вид был прерван совершенно чумовым грохотом, донесшимся с первых ступеней лестницы.

– Что упало? Кто разбился? – всполошилась Янка, подобно средневековому рыцарю, выходящему на бой со щитом и мечом, выскакивая из чуланчика с коробкой в левой руке и щеткой в правой.

Пусть доспехи и оружие у девицы были так себе, но, кажется, они пригодились. Девушка с разгону всем своим немалым весом врезалась во что-то невидимое, рука с воздетой щеткой аж заныла от удара и рикошетом вмазалась Янке в лоб. Саму «воительницу» отбросило к стене рядом с кладовой.

На жуткий грохот прибежали с площади Хаг и Машьелис, хорошо еще без Рольда, зато с Картеном и Максом, которые только-только явились на отработку.

– Чего случилось-то? – озвучил общее недоумением голубокожий, застыв в дверях.

Янка в ответ только пожала плечами, разглядывая незамеченную прежде странную конструкцию из ведер, кувшина, тазиков и прочих емкостей для жидкостей, подобранных, кажется, по единому принципу – чтоб гремели громче. Все эти посудины были связаны между собой тонкой, какой-то полупрозрачной веревкой.

– Э… – Лис виновато глянул на пострадавшую девушку и прилюдно покаялся: – Ян, прости меня. Ты сильно ушиблась? Я над парнями подшутить хотел, чтобы они в ловушку угодили, когда на отработку пойдут. Маскировку накинул, да тебя

предупредить забыл.

Картен громко заржал, хлопая себя по коленям и веселясь над тем, как в ловушку, устроенную для него, угодила девчонка. Потом отдышался и пообещал набить Лису морду, коли он еще разок пошутить вздумает. Максимус неободрительно нахмурился, но ругаться не стал. Только пробормотал под нос, что удачно они с напарником задержались. Ребята вытащили из чулана все, нужное для мытья лестниц, набрали воды и, аккуратно перешагнув через саморазрядившуюся ловушку, отправились отбывать трудовую повинность.

– Сильно ушиблась? – жалобно спросил дракончик, норовя заглянуть подруге в глаза.

– Сам не видишь, у нее синяк на лбу наливается, – мрачно брякнул Хаг, поднимая и оттаскивая напарницу от стены, попутно еще и отряхивая спину девушки.

– Сейчас, сейчас, – засуетился Лис и принялся рыться в своей сумке, брошенной тут же, у стенки, бормоча под нос: – Я же ее сюда точно засовывал. О, вот!

Машьелис вытащил из кармашка склянку с мазью, прописанной ему вчера мастером Лесариусом, и предложил:

– Давай намажем твой лоб, чтобы синяк убрать. Она ни чуточки не жжется, правда!

– Какая разница, – досадливо отмахнулась Янка, отчетливо чувствуя, как вспухает на лбу изрядная, побольше пятака, шишка, делая ее похожей на двуногого носорога. – Лишь бы помогло.

Виновато сопящий Лис открутил крышку маленькой голубой баночки и щедро шлепнул пахучей зеленой мази напарнице на лоб. От едкого запаха заслезились глаза, зато ушиб резко перестал болеть. Пострадавшая девушка благодарно кивнула:

– Спасибо, уже легче.

– Прости еще раз, я не думал, что ты веревку случайно заденешь. Ее же только с лестницы и можно было зацепить, – вздохнул блондинчик.

– А я ее не задевала, – тихо ответила Яна. – Это сделал кто-то другой, невидимый. Меня оттолкнули.

– И ударили? – насторожился Хаг.

– Не знаю, я просто щетку в руке держала, когда меня толкнули, она в лоб и долбанула. – Яна растерянно глянула на щетку, выбранную для мытья плит на площади. Широкая, с удобной ручкой и серой жесткой щетиной, в которой запутался одинокий светлый волосок.

– Значит, моя ловушка сработала не на парней, а на кого-то другого. Хотелось бы знать, на кого! – Лис мигом перестал винить себя за травму, нанесенную подружке. Чего терзаться-то, если он

по большому счету не виноват, синяк уже почти вылечен, и вообще, опасность, коли она была, благополучно миновала?

– Ну-ка. – Тролль прошелся среди рассыпанной утвари, ничего интересного не обнаружил, подобрал боевую щетку и внимательно ее осмотрел, даже, кажется, понюхал и констатировал очевидное: – Все чисто. Только на щетине волос. То ли с пола налип, то ли от нашей невидимки остался. Не Машьелиса точно, у него оттенок другой и волосы вьются.

– Как бы узнать, чей волосок-то? – тут же загорелся Лис идеей возобновить игру в следователей.

– Попытаемся. Сначала убери свою ловушку, потом вымой плиты на площади и пойдем к Стефалю, – расписал план ближайших действий Хаг.

– Думаешь, он заклятья поиска подходящие знает? – возбужденно спросил дракончик, чуть ли не подпрыгивая на месте.

– Думаю, он посоветует того, кто знает, – спокойно поправил тролль, вырвал из тетрадки по лекарскому делу чистый листок бумаги и, бережно упаковав потенциальную улику, спрятал ее в карман, после чего обратился к напарнице: – Ты, Ян, на нас и впрямь не сердись. Я тоже виноват, знал, чего тут Машьелис нагородил, но и на ум не пришло, что кто-то снова сегодня в башню сунется. Вот и…

– Бывает, – дернула плечом девушка, хотела привычно наморщить лоб и невольно скривилась от болезненного покалывания. – Давайте-ка вы тут порядок наводите. Как бы в ловушку еще кто-то ненароком не угодил!

Провинившиеся напарники без возражений смотали странную веревку, как оказалось, заклятую Лисом на невидимость и делавшую незаметной ловушку до момента срабатывания, после чего удалили из прохода весь ассортимент тазиков, кувшинов и ведер. А потом, к удивлению Янки, еще и благодарно приняли не только щетку для плит, но и инструкцию по их добросовестной очистке. Вода в ведерке на площади, конечно, успела остыть, однако Лис быстро согрел ее всего парой совершенно незапоминающихся слов, просто наставил на жидкость палец. После чего приступил к отработке, весело комментируя свои труды:

– Видела бы сейчас меня леди Левьерис, моя почтенная бабушка! Потомок древнего рода радужно-крылатых стоит на коленях со щеткой и тряпкой. Мне уже становится жалко бедную… – Лис на пару секунд прервал интенсивные движения щеткой, взбивающие в пену воду и порошок, и, сделав многозначительную паузу, продолжил: – Ректора Шаортан. Какую

бы лекцию об уроне чести ей пришлось выслушать! Но я настоящий рыцарь, я ничего не скажу бабуле об этих минутах позора, чтобы не доставлять проблем нашему уважаемому ректору.

– Это ты так нас предупреждаешь, чтобы мы о твоем наказании ненароком не проболтались? – перевел треп дракончика Хаг.

– Я верил, что у меня очень умные друзья, – патетически воскликнул Лис, вгляделся в отмытый своими стараниями участок и с чувством бросил в ведро инструменты. – Все, отработку зачли!

– Оно и видно, – оценил качество значительно посветлевших плит тролль. На глазок отмытая Машьелисом плита практически не отличалась от плит, отдраенных Янкой. Там, где девушке помогали сноровка и опыт, дракончик взял грубой силой и магией.

Яна же глядела на грязную площадь и прикидывала, как скоро местная достопримечательность обретет первозданный вид благодаря неустанным трудам провинившихся студентов. Пока, кроме Хага с Лисом, никого рядом не обреталось. Все проходящие спешили либо в архив, либо в административный корпус. Но, вспоминая нездоровый энтузиазм ректора Шаортан, девушка верила: к вечеру на отработку соберется максимально возможное количество наказанных студиозов. Им, первокурсникам, повезло с расписанием и удачным временем отработки. Тем, кто явится позднее, пожалуй, придется еще и побороться за инвентарь.

Лис смотался в чулан и вернул весь скарб на законное место – для следующих штрафников. Янка воспользовалась тамошним умывальником и смыла очень целительную и ужасно живописную нашлепку со лба. Хвала дедушке с молотком! Намечающаяся шишка передумала проявляться и исчезла, оставив после себя лишь маленькую бледно-красную полоску.

Глава 19
Пища насущная и новые подозреваемые

Демонстративно отряхнув руки с такими аккуратными и ровными, как виноградинки, ноготками, о каких Янке и мечтать не приходилось, Машьелис воззвал к соратникам:

– Идем Стефа искать и расспрашивать или сразу жрать?

Живот Хага в ответ на предложение напарника выдал громкую трель. Лис понятливо ухмыльнулся и заключил:

– Жрать. Ладно, после двана попробуем нашего старосту в общаге найти, если он раньше не отыщется сам, соскучившись по Янке.

– Думаешь, можно не спешить? – малость виновато уточнил Хаг.

Дракончик дернул плечом и пощелкал пальцами:

– Никого же не убили, даже не пытались. Парней просто обездвижили, а сегодня Янке по лбу влепили.

– Но, если Картена и Макса не было в башне, зачем туда кто-то пошел? – озадаченно пробормотала девушка, до которой только-только дошла странность ситуации.

– Драные демоны знают, – пощипал себя за ухо дракончик. – Может, тот, кто парней искал, не был проинформирован, что их там нет, или ловушку собирался им устроить. А может, вовсе не их искали, а за чем-то другим в Башню Судьбы лезли.

– Там же нет ничего, кроме прялок, – удивилась Янка, еще тогда, в первый миг попадания в академию, отметившая поразительную пустоту помещений наверху. Ни стульчика, ни креслица, даже завалящего коврика под ногами не было, только загадочные ткацкие приспособления, которых и коснуться-то страшно. Особенно тот здоровенный станок. Вдруг какую нитку запутаешь или заденешь случайно?

– Это мы ничего такого не видели. Кто знает, какие еще наверху сокровища запрятаны? – рассудил тролль.

– Хм, да, сокровища. Тогда не убить или покарать кого-то наш василиск хочет, а чего-то себе хапнуть? Тоже вариант, – отбил пальцами по раскрытой ладони какой-то энергичный мотивчик Лис. – Хотя я ни злата, ни серебра, ни камней драгоценных не чуял.

– Чуял? Как это? – удивилась Янка, отвлекшись от главной темы.

– Он же дракон, – простодушно брякнул Хаг. – У их рода на сокровища истинный нюх. Да только сокровище сокровищу рознь. Если там артефакты какие-то ценные в тайниках скрыты, мог и не пронюхать.

– Мог. В Башне Судьбы столько всего понаплетено, понакручено, такие нити сил звенят, путаются, манят и запугивают, что ух! Куда мне, недоростку-недоучке! – с сожалением согласился блондинчик. – Да и не принюхивался я тогда особенно, слишком испуган был. Думал, меня враги похитили, чтобы бабушку шантажировать или сразу убить.

Янка сочувственно вздохнула, но обнимать Лиса не полезла. Многовато на дорожках АПП народу, а лишние сплетни распространять не хотелось. Хватило уже того, что какие-то идиотки навоображали несусветной чуши о провожавшем новичков Стефале.

Порыв ветерка с аппетитным запахом из гостеприимно распахнутых дверей столовой без всякой магии мигом выдул из голов троицы все мысли о явных и потенциальных преступлениях и преступниках. Молодые растущие организмы, подвергшиеся немалой физической нагрузке, жаждали лишь одного – жрать! Желательно – мяса, лучше – много, а еще лучше – очень много. Под одобрительным взглядом выпуклых глаз силаторха троица заполнила подносы тарелками с жарким, салатом, какими-то мясными рулетами, еще теплыми пирожками, морсом и присоединилась к числу увлеченно жующих студентов. Любимый столик был занят шестеркой пророков, зато стоящий рядом совершенно свободен. Несколько минут троица увлеченно питалась, бросая односложные реплики и издавая короткие нечленораздельные стоны – комплименты повару.

Когда утолили первый голод, Лис принялся вертеть головой и наконец довольно угукнул.

– Ты чего? – спросил Хаг.

– Стеф говорил, мастера здесь же едят, за завесой. Вот ее и искал. Интересно.

– Нашел, стало быть, – утвердительно спросил тролль.

– Ага, вон там, справа мерцает, – расплылся в довольной улыбке Машьелис, с толикой досады прибавив: – Сквозь нее, правда, не вижу, не иллюзия, другого толка преграда, но углядел! Интересно, почему мы мастеров у раздачи не видели ни разу? У них там своя есть или по меню заранее пищу заказывают?

– Спроси у Гада, коли интересно, – пожал плечами тролль, которого не слишком заботил рацион преподавателей. Лишь бы его мясо не трогали, а так – пусть едят чего и где пожелают.

– А я Стефаля вижу, – флегматично заметила Яна, сидящая

лицом к двери. – Будем звать или потом поговорим?

Вместо или, скорее, в качестве ответа дракончик заорал:

– Стеф, давай к нам!

На озадаченной физиономии эльфа явственно нарисовалась забавная смесь радости, смущения и облегчения. Он не сразу заметил троицу, а когда заметил – заколебался, стоит ли подходить и нарушать их уединение.

Вместо ясного дня и прочих вежливостей эльф, за пару дней нахватавшийся дурного от компании первокурсников, изящной птицей приземлился на стул рядом с Хагом и выпалил:

– Я днем был в архиве и просмотрел списки!

– Стефаль, а ты ужинал? – заботливо уточнила Янка, за что удостоилась пары слегка досадливых и одного растроганного взгляда.

– Нет, я сразу к вам, – улыбнулся староста, наслаждавшийся уже тем, что этим ребятам ничего от него не нужно и девчонка не смотрит, как хищница на добычу, что помимо бесконечных занятий и общественных поручений в его жизни неожиданно нашлось кое-что интересное – загадка, тайна, гипотетический преступник и, возможно, друзья. О чем-то большем эльф сам себе даже размышлять пока запретил, боясь нечаянно порвать казавшиеся такими уязвимыми ниточки.

– Сходим на раздачу? – добродушно предложил серокожий здоровяк, успевший понять характер заботливой девушки. – Янка же не отстанет, пока не поешь толком. Да и я еще мяска прихвачу.

– Не отстану, – спокойно подтвердила девушка, методично расправлявшаяся со своей порцией мяса и чуть зеленоватыми, сладковатыми ломтиками, напоминающими одновременно кабачок, картошку и тыкву. – Ждали наши тайны до ужина и еще подождут, а там послушаем и поглядим, может, вообще лучше всего ректора с деканом позвать.

Дрогнув под женским напором и сдавшись без боя, эльф на пару с троллем ушли к раздаче. А Янка нахмурила лоб, взирая на жонглирующего половниками, шумовками и крышками от судков силаторха.

– О чем думаешь? – полюбопытствовал Лис, не умевший долго молчать и уж тем более есть в тишине.

– Кто готовит еду?

– Повара, – в легком недоумении дернул плечом дракончик. – Это, да будет тебе известно, подруга, такие создания, которым самой профессией предназначено стоять у печей, плит и готовить страждущим пищу.

– Я в курсе, – согласилась девушка. – Но если он, – Янка мотнула головой в сторону сухопутного осьминога, – пообещал

мне приготовить на завтрак овсянку, кто будет на раздаче? Или он с кем-то меняется? Не готовит же всю ночь напролет…

– У тебя такие вопросы странные, – озадачился Лис. – Какая разница-то? Главное – столовая работает.

– Ты, наверное, никогда не готовил обед дома, – миролюбиво ответила Яна. – На четверых-то долго, а тут столько народа, вот я и гадаю, кто всю ораву кормит. Да еще так вкусно и разнообразно.

– О чем речь? – ввязался в беседу вернувшийся Хаг.

– Янку интересуют личности поваров, – сдал собеседницу Машьелис.

– Да мастер Вархимарх и готовит, – поделился совершенно несекретными сведениями Стефаль, тоже не понимающий интереса девушки.

– Тогда у Янки есть второй вопрос, – продолжил гастроли дракончик и торжественно огласил: – Когда?

– Чего «когда»? – оторопел Хаг, даже жевать свою котлету перестал. Так и замер с куском мяса за щекой, отчего стал похож на жертву зубной боли, мучающуюся флюсом, или «одностороннего» хомяка.

– Когда он готовит, если на раздаче торчит, а столовка чуть ли не с утра до вечера открыта, – объявил за подругу Лис, вновь не дав той раскрыть рта.

– Не знаю. Возможно, до завтрака и вечером, а знаками или артефактами свежесть сохраняет? – поразмыслив, признал Стефаль, в процессе раздумий сооружавший на тарелке нечто феерическое из кусочков тушеного мяса и листьев салата. Башенка выходила такая живописная, что Янка бы и есть такое пожалела, сидела бы да любовалась, если бы, конечно, шибко голодной не была.

– Не успел бы, – прикинув объем и разнообразие приготавливаемых блюд, категорично ответила Донская. – Даже с восемью щупальцами не успел бы.

– Тогда остается два пути решения вопроса, – ухмыльнулся Лис.

– Каких? – бесхитростно осведомился Стефаль.

– Наплевать на то, как наш восьмищупальцевый повар готовит, главное – что, или пойти и спросить у него самого, – воздев вверх вилку о четырех зубцах аки жезл, торжественно провозгласил дракончик. – Вот Янка у нас уже с мастером общий язык нашла, пусть она и допрашивает.

– Спрошу, – приняв шутливый совет напарника за чистую монету, Янка составила пустые тарелки на поднос и вернулась к раздаче. Лента-транспортер с бортиками, куда ставили грязную

посуду, уезжавшую в широкое окно за непроницаемой для взглядов занавеской, находилась тут же.

– Спасибо, все было очень вкусно, – вежливо поблагодарила силаторха девушка, подождав, пока очередная партия голодающих студиозов отойдет от раздачи.

– На здоровье, – буркнул тот, но выпуклые глаза заблестели довольно и на макушке выступила клякса синего цвета. Кажется, что-то похожее было и с библиотекарем, получившим в подарок банку с соленьями.

– Можно спросить? – продолжила Яна.

– Ну? – слегка насторожился силаторх. – Говорю сразу, выпивку не наливаю и не продаю, даже за золото.

Похоже, за время царствования на кухне уважаемый повар успел выдержать не один бой за трезвость – норму жизни, которую большая часть студентов нормой признавать категорически отказывалась. Изобретательности народа, проносившего в АПП из города разнообразные спиртные напитки в столь же разнообразной таре, можно было ставить памятник. Не то чтобы в академии царил сухой закон: хочешь пить – пей, но! И в этом «но» была основная загвоздка: хранить и употреблять спиртное в комнатах общежития, учебных корпусах и столовой в учебные дни циклады строго запрещалось, а на природе сие дозволялось лишь с личного разрешения декана факультета. Нарушители правил отлавливались безошибочно и обрекались на длительные отработки. Правило «Выпил бокал – вымой лестницу» действовало лучше самых категорических запретов.

– Я не пью, меня от крепкого алкоголя мутить начинает, – неловко улыбнулась девушка, стыдившаяся своей абсолютной бездарности в области распития спиртных напитков, не раз становившейся предметом шуток в поселке и университете. – Даже от пива. А от самогона сразу рвет. Я о другом спросить хотела.

– Ну? – повторил успокоившийся сухопутный осьминог.

– А когда вы все готовить успеваете? Это же такая прорва работы!

– Хем. – Синее пятно на макушке у силаторха стало густо-фиолетовым. – Да если бы не мои фантомы, вы бы все голодными сидели! Я-то тут, а они, все восемь, на кухне крутятся. Поняла, девица?

– Нет, – честно ответила Яна. – Вернее, поняла, что вы какую-то магию используете, чтобы все успевать.

– Магию, шмагию, – пренебрежительно хмыкнул силаторх. – То природная сила каждого создания расы моей. Создавать подобия свои для исполнения задач малых в деле большом,

призванием ставшем. Что я им поручу, то делают. Вон, как кашу тебе на завтрак. Сам-то я к печи лишь утром или к ночи встаю, для души, да чтоб щупальца не забыли, как инструмент держать, да…

Янка слушала говорящего осьминога и буквально чувствовала, как распухает засунутый в черепушку мозг. То, что декан умеет как минимум раздваиваться, он, бедолага, еще как-то переварил, а мысль о летающих по кухне восьми осьминогах – точных копий мастера с непроизносимым именем Вархимарх – уже в голову не помещалась. Зато теперь становилось понятно, почему в АПП столько силаторхов. Наверное, проще нанять одного такого мастера, чем десяток обычных людей, да и то не факт, что люди смогут переплюнуть по производительности осьминога, способного браться за работу восемью подобиями в восемь щупалец разом в любой точке пространства и плюя на гравитацию с высокой башни жеваной морковкой.

Поблагодарив повара за ответ, девушка машинально прихватила всунутый ей в руку стакан с горячим напитком и вернулась к столу.

– Ну как? – встрял Лис. – Узнала, кто готовит?

– Узнала. Это все он. Один в восьми лицах, – отчиталась Яна и пересказала все, что услышала от повара.

– Ха, не знаю, то-то тут коменданты, повар и библиотекари силаторхи, – озвучил размышления напарницы Машьелис и похвастался очередным чужим достижением: – А Стеф архивы прошерстил и откопал нам трех василисков в придачу к вчерашней горгоне.

– Быстро, – удивилась Яна.

За время беседы девушки с Вархимархом эльф успел не только поведать друзьям о своих розысках, но и покушать. На тарелке остался один кусочек чего-то зеленого, то ли салата, то ли мяса странного оттенка, его-то и гонял староста, искоса поглядывая на девушку и чуток смущаясь.

– Это легко было. Весь каталог студентов хранится на кристаллах с обязательным приложением иллюзии внешнего облика. Записи по нужному признаку недолго отсортировать и просмотреть. Когда знаешь, что искать, – признал Стеф. – Два василиска на пророков учатся, это близнецы-третьекурсники Аира и Забир Улилейа, и еще один летописец, четвертый курс, Йорд Файрад.

– А блондины среди этих трех есть? – полюбопытствовала Янка и задумчиво нахмурилась, коснувшись рукой лба.

– Близняшки рыжие, а Йорд блондин, – припомнил подробности эльф и насторожился, присмотревшись к девушке

повнимательнее: – Вы узнали что-то еще? И почему у тебя на лбу красный след, Яна, ты ударилась?

– Ударилась, – начала объяснять жертва невидимки из башни, но тролль прервал ее.

– Не здесь, если опять защиту не ставить, – предупредил всех Хаг, понизив голос и нахмурив брови, отчего стал жутко напоминать Янке неандертальца с картинки в старом школьном учебнике. Приятель Степка еще здоровенные клыки своему пририсовал.

– Да ладно, никто нас не слушает, – беспечно пожал плечами Лис. – Компашка рядом так орет, – дракончик покосился в сторону громко обсуждавших прохождение полосы препятствий группы старшекурсников, – захочешь, ни демона драного не услышишь.

– Уши у всех разные, – заупрямился тролль и пояснил старосте: – Мы точно не знаем, расскажем в комнате, но, кажется, первым проверять надо блондина. Ты его сам-то знаешь?

– Не общаемся, но видел. Он, – Стефаль помедлил, подбирая слова, – очень пунктуальный. Я сам завтракать стараюсь в одно и то же время, – заметив насмешливый прищур Лиса, эльф немного поправился, – старался. Так по Йорду можно проверять часы столовой. – Рука старосты указала вверх – на шар-часы, видный из любой точки зала. Он всегда приходит в семь сорок и садится у первого окна.

– Значит, на завтраке его наверняка можно застать, – довольно ухмыльнулся Хаг и предложил: – Яна, попроси повара к завтрашней каше приготовить ашаский чай. А то мне обидно, тебе кашу, а мне хоть напиток из родного дома. Траву ашас на грядках у корпуса целителей я видел, а заварить недолго.

– Хорошо, – не поняла смысла предложения, но не стала спорить с напарником Яна, – попрошу. Не знаю, согласится ли, но попрошу.

Девушка в очередной раз вернулась к раздаче и, дождавшись, пока силаторх освободится, несмело попросила:

– Мастер Вархимарх, извините, я друзьям про кашу сказала, а они очень просили вас на завтрак ашаского чая сделать. Можно?

– Можно, – буркнул силаторх, которому польстил просительный тон студентки. Большая часть студиозов вообще воспринимала его как бессловесное приложение к поварешкам.

Янка вернулась к компании и отчиталась:

– Обещал приготовить.

– Отлично. – Разве что руки не потер довольный тролль. – Тогда завтра сможем кое о чем кое-кого расспросить.

– Если ваши сведения важны, предлагаю продолжить

разговор в общежитии после отбора в команду по двану. Рольд, скорее всего, уже на площадке торчит, но ему еще на отработку, значит, новичков долго гонять не будет, – тихо вставил Стефаль, не сводя озадаченного взгляда с полоски на Янкином лбу, отчего девушка чувствовала неловкость. – Я у себя пока буду работать – с материалами к собранию факультета. Вернетесь, зайдите в тринадцатую комнату.

– Договорились, – недолго думая за всех разом пообещал Хаг и заторопился. – И впрямь пора на площадку. Если мне, как Теобаль обещал, перчатки подберут, в дван играть смогу! Пойдешь с нами, Ян? Поболеешь!

С одной стороны, стоило бы отправиться в комнату и заниматься: доучить знаки Игиды, заданные Гадом, повторить песню троллей для завтрашней лекции по расоведению, продолжить писать реферат и еще поупражняться с пустым листом Игиды, но с другой – делать все это прямо сейчас Янке было ужасно лень. Голова устала думать! И девушка, как случалось частенько, решила доделать все уроки ближе к ночи, а сейчас пойти на отбор первокурсников в команду по двану. Занятным показалось глянуть на местный синтез футбола с баскетболом! Много чего успел на пути до Башни Судьбы поведать благодарной слушательнице Рольд. Неразговорчивый и немного угрюмый парень оказался поразительно словоохотливым, как только речь зашла о любимой игре. За несколько минут совместного пути он умудрился вывалить на землянку потрясающее количество информации.

Оказалось, несколько команд (не меньше трех) было на каждом факультете, и игры шли весь учебный год. В команду набиралось по пять игроков-парней. Девушки, как мимоходом обмолвился Рольд, играли в сверд – нечто, напоминавшее командный аналог бадминтона. Во всяком случае, ракетки и воланы в комнате с инвентарем, виденные сегодня, весьма походили на знакомые Яне. Но особой популярностью этот вид командной игры не пользовался.

В отличие от того же двана. Вот в него играли практически все студенты, как на занятиях, так и во внеурочное время. Две команды игроков по пять человек выходили на прямоугольное поле с двумя невысокими, поменьше хоккейных, воротами и парой колец, закрепленных на столбах. Защищать кольцо, ворота или гонять соперников, банально не давая им забить или закинуть мяч – выбирала сама команда, вырабатывающая тактику игры, когда занимала расчерченную на сектора площадку. Судья же не только следил за полем, но и бросал кости, определявшие штрафы. Счет в игре шел не по голам, а по очкам, в зависимости

от дальности и сложности броска мяча.

В общем, нюансов тьма, и Янка запуталась в них в первую же минуту объяснения. Впрочем, девушке никогда особенно не нравилось глазеть на спортивные соревнования, разве что на биатлонистов, гимнастов и фигуристов, но ведь поболеть за своих – это святое.

Потому сейчас Яна и шла со своими напарниками к спортивному корпусу. Потому и честно стояла у низкого бортика, огораживающего поле, пока довольный Хаг, примеривший широченные перчатки, упражнялся с мечом в компании Лиса, Еремила, Авзугара и Пита. Последний настолько безбожно мазал при попытке дать пас или попасть в кольцо, что даже терпеливый Рольд не выдержал и признал полную бесполезность длинноволосого первокурсника для команды.

– Наблюдаешь? – спросил рядом смутно знакомый голос.

Яна повернулась к тренеру Леоре и улыбнулась приятной женщине:

– Да, парни предложили сходить с ними.

– Нравится?

– Нет, – честно призналась девушка. – Мало что понятно, но, кажется, у Хага и Лиса неплохо получается и им нравится. А это главное.

– Разумно, – согласилась мастер и, легонько коснувшись тонким пальцем красной полоски на лбу, спросила: – Где рожок посадила? Болит?

– Случайно. И уже не болит, только след небольшой остался, – растрогалась от такой заботы студентка. – У Лиса мазь хорошая, на ночь еще намажу.

– Не травмируйся больше, – улыбнулась Леора и подошла к Теобалю, стоявшему неподалеку и изучавшему новое пополнение игроков не менее придирчиво, чем Рольд. Похоже, тренер тоже являлся фанатом двана. Янка вздохнула и приготовилась еще немного поскучать.

Глава 20
О ковре и на ковре

Обратно троица с примкнувшими к компании Авзугаром и Еремилом возвращалась примерно через час. Потом от Хага, Надалика и оборотня попахивало изрядно. А вот Лис если чем и пах, то какой-то травой – кажется, полынью – и капелькой тархуна. Янка поневоле принюхалась и предпочла идти рядом с дракончиком. Заметив этот маневр, тролль нюхнул свою футболку и согласился:

– Ага, вспотел. Вернемся, в душ схожу. Можно было бы здесь в раздевалке сполоснуться, да Янку не хотел заставлять ждать.

– Сходи, сходи, приятель. А то и впрямь от тебя не розами веет, – не преминул заметить ехидина Лис, прихотью расы избавленный от прелестей типично мужских ароматов.

– У всех организм по-разному работает. Я вот тоже воняю чище лошади, когда вспотею, – буркнула Яна, немного завидуя дракону и испытывая неловкость от собственной способности обливаться потом при малейшей нагрузке. Особенно потела кожа на спине и под полной грудью.

– Нет, не наговаривай, – поведя носом по-собачьи, неожиданно вмешался Авзугар. – У тебя нормальный запах девичьего тела, а тролли всегда вонючи, чище оборотней. Мы-то эдак гнус едучий отгоняем.

– Тогда воняйте, – великодушно разрешил Машьелис под смешок девушки. – Пусть все здешние комары и нас заодно стороной облетают.

В общежитии блюстителей пророчеств, как обычно, было шумно. Студенты что-то бурно обсуждали в общем зале, сновали по коридорам и лестницам, перекрикивались через открытые двери комнат, решая свои проблемы и просто балагуря. Стеф сидел в общем зале. И, как обычно (Яна успела к этому привыкнуть), две очередные девушки, кажется, зеленая староста-дриада и розовая девочка-жвачка, пытались повиснуть на бедолаге и чего-то у него вытребовать: то ли помощи в учебе, то ли бессмертной любви. Эльф привычно уклонялся, а едва завидел Янку, Хага и Лиса, предпочел смыться вместе с тройкой первокурсников в свою комнату, как в бомбоубежище перед обстрелом.

Едва переступив порог, компания застыла в оторопи пополам с восхищением. Комната старосты не была похожа на типовую. Мало того, что Стеф, пользуясь привилегией главы факультета,

жил один, так он еще и изменил помещение до неузнаваемости.

В первую очередь в глаза гостям бросилось здоровенное дерево, раскинувшее корни и толстые ветви в центре. Густая листва его большей частью свешивалась в сторону правого угла, создавая естественный балдахин над широкой кроватью, накрытой какой-то кремовой в коричневых пятнах шкурой. Корни и ветки гигантского дерева образовывали прочую мебель: диван, кресла, даже пару табуретов с мягкими подушками мха. Единственными искусственными элементами являлись огромный застекленный шкаф во всю правую стену, забитый книгами, свитками и прочими учебными материалами, и большой письменный стол с той же самой разносортицей предметов на столешнице. Ковра в комнате не было, его заменяли мох и трава. Люстры и лампы тоже отсутствовали. Вместо них на ветвях были развешены фонарики. Они не горели, пока хватало света заходящего солнца. Зелено-коричневую комнату заливал золотисто-розовый поток, льющийся через два больших проема. Штор в обычном их виде у старосты тоже не имелось. Окна обрамлял живой плющ, игравший роль жалюзи.

– Вы что встали? Проходите, – махнул рукой Стефаль, не понимая реакции гостей.

– Классно устроился! – выдохнул Лис, вертя головой, как флюгером, а временно онемевший Хаг лишь что-то нечленораздельно промычал.

– А как оно тут растет? – поинтересовалась Яна, кивнув на дерево.

Не хитрое дело затащить в помещение растение, выкопал, пересадил в большой горшок. А вот как заставить его расти без земли?! Тем паче такую громадину? Корни-то, девушка видела отчетливо, ни в какой вазон не уходили.

– У меня родовой дар – разговор с растениями. Я пригласил са-орою из лесов моей родины разделить со мной кров и пообещал делиться силой, – объяснил необъяснимое эльф, с точки зрения Яны, совершенно ничего не объясняющим образом. – Дерево согласилось.

– Он в него силу закачивает, как мы вчера в пустые листья Игиды, – перевел для зависшей напарницы Хаг. – Только, ясное дело, побольше.

– Это сколько же ему, такой махине, надо?.. – прониклась Яна, припоминая свои вчерашние потуги запихать в пустышку листа Игиды хоть чуток силы, и еще сильнее зауважала трудолюбивого старосту.

– Не слишком много, – повел плечом эльф, испытывая легкое смущение, как если бы он похвастался перед новичками своей

силой, хотя ничего такого и не хотел.

– Очень красиво и уютно, хоть и необычно. Я ничего подобного никогда раньше не видела! – похвалила землянка, рассматривая траву на полу и пытаясь сообразить, надо ли снимать обувь или можно проходить так. Лис и Хаг сомнениями не утруждались и уже приземлялись на диване-корне, спинку которого образовывало сплетение ветвей, а мягкости придавал не мох, а совершенно обыкновенные длинные подушки насыщенно-изумрудного цвета с золотой вышивкой.

– Обычная эльфийская комната, – снова почти оправдался Стеф, не часто принимавший у себя гостей. Во избежание провокаций он предпочитал решать вопросы в общем зале.

– Я ни обычных эльфийских комнат, ни эльфов до того, как оказалась в академии, ни разу не видела, извини, – призналась Яна и, не разуваясь, прошла к креслу, оборудованному по тому же принципу, что и диван. – У тебя здорово!

Стефаль польщенно улыбнулся – видно было, староста своей комнатой гордился – и присел в соседнее кресло. При этом Яна заметила: ветка-подлокотник сменила положение, подлаживаясь под руку хозяина. Для гостей гигантское растение, вероятно, не сочло нужным стараться, или гости просто не умели пользоваться мебелью.

Едва компания расселась, тролль вытащил из сумки лист бумаги с завернутой в него уликой.

– Вот, Стеф, это мы сегодня нашли в башне, – продемонстрировав блондинистый волос старосте, объявил Хаг и рассказал, при каких обстоятельствах этот самый волос был обнаружен.

– Теперь понятно, почему вы хотите Йорда проверить. Цвет похож, но его или нет, не знаю, – потирая высокий лоб двумя пальцами, заключил эльф и заботливо спросил у Яны: – Очень больно было?

– Не особо, я растерялась больше, – пожала плечами девушка, спокойно относившаяся к мелким бытовым травмам. – Тем более что Лис мне сразу на шишку мази шлепнул. Быстро прошло.

– В любом случае мы не знаем наверняка – желал ли невидимка причинить большой вред Яне и пострадавшим вчера парням. Хранить в секрете сегодняшнее происшествие нельзя. Декан сейчас на педсовете скучает, это только мастер Теобаль на них принципиально не ходит. Но когда вернется, я с ним непременно встречусь. Если захочет подробностей, вас вызовет, нет – завтра расскажу. Оставите мне волос?

– Забирай, – разрешил Хаг, дождавшись согласных кивков друзей. – А мы, пожалуй, в душ. А то ты нас так с собой уволочь

спешил от прилипчивых девиц, что мы и не освежились. Вот всю комнату провонял. Еще завянет твоя са-ороя, будешь откачивать.

Смутиться и как-то оправдать свои действия староста не успел, потому как из коридора, легко проникнув через прикрытую дверь, раздался пронзительный, исполненный муки девичий вопль. Вздрогнуло, уронив несколько листьев, даже дерево, компания же мгновенно оказалась на ногах и выскочила в коридор. Крутить головами, пытаясь определить источник звука, не пришлось. Несмолкающий вой и распахнутая дверь в комнату номер шесть ясно указывали на эпицентр шума. Туда и помчались все четверо.

– Орут из твоей комнаты, – бросил на бегу Хаг, играя роль Капитана Очевидность. – Но вроде не Иоле.

Внутри, чуть ли не у самой распахнутой двери, на паркете билась, вопя от боли, не соображая и не замечая никого и ничего вокруг, однокурсница Янки – Ириаль. Острые когти ее снимали стружку с плашек пола, искаженное мучительной гримасой лицо вообще мало походило на человеческое. А еще… правая нога девушки была покрыта огромными, разъедающими кожу и плоть язвами, расширяющимися буквально на глазах.

– Стоять! – скомандовал обычно мягкий и спокойный эльф таким тоном, что на месте замерли все, а не только Янкино трио, собиравшееся броситься на помощь к мучающейся девушке. – Никто не наступает на половик.

Только когда Стеф упомянул коврик, Яна бросила на него мимолетный взгляд и недоуменно округлила глаза. Черно-синий круглый коврик из мягкой, пружинящей субстанции был продавлен точно посередине отпечатком туфельки Ириаль и сейчас заполнялся какой-то вязкой жижей.

Стефаль пошевелил пальцами, и на кончиках засияла зеленая сеточка. Она сорвалась с руки эльфа, долетела до орущей вампирши и осыпалась. Эльф тихо ругнулся. Полез в кошель на поясе, вытащил и надломил пластину листа Игиды. Но и зеленый ветерок песчинок угас, не сумев совладать с раной.

«Целительная магия не действует!» – отчаянно прошептал староста.

Новый взгляд на бьющуюся в корчах вампиршу привел к тому, что в памяти Янки всплыли уроки ОБЖ и вдолбленные в бестолковые головы школьников слова седого военрука. Тогда Василь Иванович не поленился притащить на урок тошнотворные фотографии для подкрепления веских слов о поражении химическими соединениями. И Яна крепко запомнила: ожог любой кислотой необходимо промыть под проточной водой!

– Ее надо срочно под воду, пока до кости не разъело! – точно

таким же тоном, как секунду назад скомандовал староста, приказала девушка.

И, что самое удивительное, ее послушались. Хаг одним гигантским прыжком оказался рядом с Ириаль, сгреб ее в охапку, удерживая когтистые руки обезумевшей девицы так, чтобы не пострадало лицо, и рявкнул, выводя из ступора Иоле:

– Открывай кран!

Ирфинг, соляным столпом замершая поодаль с банкой соленых огурцов, разжала руки, выронив стеклотару на ковер, нервически закивала и рванула в ванную комнату. Тролль с жертвой на руках – следом. Зажурчала вода, чуть приглушая вопли вампирши. Буквально через несколько секунд крики стали разбавляться отборной бранью. Кажется, Ириаль чуть-чуть полегчало.

– Стеф, это чего творится? Чего с девицей случилось? Она какую-то пакость на себя пролила, что ли? – влез в разговор кто-то из студентов, топтавшихся в коридоре. Кисточка на его хвосте вопросительно подергивалась.

– Не знаю, разберемся. Жеаль, вызови мастера Лесариуса, пусть девушку осмотрит, – ответил староста и попросил ребят: – Пожалуйста, разойдитесь, будет общее оповещение о происшествии.

Тип с кисточкой, Жеаль, кивнул и исчез. В общем зале, как когда-то в Башне Судьбы, прогудел гонг.

Авторитет старосты оказался достаточно велик, чтобы, поворчав и поупрямившись, все студенты разошлись, громко обсуждая происшествие и строя самые разные гипотезы. У двери остались лишь Лис, Янка и Стеф.

– Сдается мне, клыкастенькая словила какую-то пакость на этом коврике, а не с собой принесла, – констатировал дракончик. Он чуть нагнулся над основным подозреваемым. Изучил отпечаток туфли, заполненный странной жидкостью, принюхался и спросил у напарницы: – Вы его, случаем, никак не заколдовывали?

– Нет у меня дара к магии, а Иоле ничего не делала. Утром коврик был в порядке, я на нем обувалась, – отметила девушка и вздохнула, глянув в сторону ванной.

Истошные крики совсем стихли, Ириаль продолжала ругаться и всхлипывать. Хаг бормотал вампирше что-то утешающее, из-за шума было не разобрать, что именно.

– Где пациентка? Что случилось? – раздался деловитый голос целителя, спешащего к комнате по коридору с проворством, не свойственным старости.

– Там, – хором ответили все трое, так слаженно ткнув в

сторону ванной, будто упражнялись в этом как минимум с утра, а Лис прибавил:

– Она на какую-то пакость здесь, на коврике, наступила, ногу заживо разъедало.

– На кислоту похоже, – добавила Яна. – Потому ее под воду сунули.

– Целительная эльфийская магия и знаки Игиды не действовали, – добавил Стеф.

– Вызывай декана, – велел старосте лекарь, выслушав короткий отчет и окинув прихожую одним цепким взглядом.

Стеф метнулся к гонгу в коридоре. Лесариус довольно кивнул, осторожно обогнул коврик-ловушку и скрылся за дверью ванной. Почти сразу оттуда вышла Иоле (все-таки на троих санузел никак рассчитан не был) и с облегчением выдохнула:

– Понемногу заживает ее нога! Я так испугалась!

Больше ифринг ничего сказать друзьям не успела. Шум в ванной стих полностью, даже вода перестала течь. Дверь распахнулась, вышел старичок Лесариус со спящей у него на руках вампиршей. Нога ее, красная, изъязвленная, выглядела, конечно, жутко, но все-таки лучше, чем несколько минут назад. Ее, кажется, даже успели намазать какой-то бесцветной мазью.

– В чем дело? – Резкий окрик ректора, раздавшийся прямо над ухом, заставил Лиса и Янку подпрыгнуть на месте.

– Девочка ногой в раствор йиражжи угодила, потому и магия никакая рану не брала, – неодобрительно цокнул языком старый целитель, с легкостью удерживая вампиршу на весу. – Я ее усыпил, чтобы не мучилась. Забираю в лечебницу. Хорошо еще водой травму обработать догадались. Кто сообразил – зачет за семестр поставлю. А ты уж, мастер декан, будь любезен, выясни, почему коврики в общежитии этой пакостью поливают.

С этими словами старичок-молоток перехватил Ириаль поудобнее, не глядя, достал одной рукой листик Игиды из поясной сумочки и сломал, активируя знак. После этого Лесариус шагнул в серую дымку и пропал.

Хмурый декан вперил яростный взгляд в злополучный коврик с отпечатком. Испуганная и растерянная Латте всхлипнула и замотала головой:

– Я ничего не лила! Клянусь предками!

– Иоле, мы тебя ни в чем не обвиняем. Это ума не иметь – у себя в комнате йиражжи вещи пачкать. Просто расскажи, что случилось, – не потребовал, участливо попросил объяснений декан, умиряя кипящее в крови бешенство – серьезно пострадала его студентка! И не где-нибудь, а в безопасном по определению общежитии.

– В дверь постучали, я за столом сидела, крикнула, что не заперто. Думала, Янка с занятий вернулась. Вошла девушка. Она сказала, что Яна просила дать банку огурцов. Я стала доставать банку, а она вдруг страшно закричала и упала. На ноге раны начали сами собой появляться. – Иоле обхватила себя руками, заново переживая страшный момент. – Она так страшно билась, я настолько перепугалась, что с места сдвинуться не могла. А потом Яна, Хаг, Стеф прибежали. Хаг девушку на руках в ванную унес…

– А что такое йиражжи? – шепотом поинтересовалась Яна у старосты.

– Основа для особого состава, которым пишут знаки на пустых листьях Игиды. Он очень едкий. С ним со второго семестра второго курса на лабораторных работают под строгим контролем декана. Ожоги от йиражжи не поддаются магическому исцелению, – тихо ответил эльф.

Декан между тем подошел к коврику с опасной пропиткой, присел на корточки и втянул воздух носом. Нахмурился еще сильнее и пробормотал сквозь зубы что-то малоцензурное. Поднявшись, Гад нырнул в кошель за листиком Игиды и повел рукой над местом преступления. Коврик и все пространство вокруг окружила прозрачная сфера.

– Идите в общий зал. Стефаль, собирай внеочередное собрание факультета, – хмуро велел декан и устало потер переносицу носа-сосиски двумя пальцами.

В общем-то особой нужды в специальном сигнале для сбора не было. В зале и так толпился жаждущий объяснений и подкормленный обещанием старосты народ. Но раз декан приказал! Стефаль прошел к левой стенке, где висел гонг – точная копия того, из башни. Эльф уверенно стукнул молоточком по центру диска, и коридор общежития загудел так, словно сам был одним большим гонгом.

– Общее собрание факультета! – негромко сказал староста, и его голос загулял по зданию, столь же могучий, как звук гонга.

Буквально в считаные минуты в зале, и без того полном студентов, стало еще теснее. Янке с ее командой стульев, диванов и кресел, так, чтобы сесть всем вместе, уже не хватило. Потому троица и Иоле устроились на длинном узком подоконнике. Жестковато, конечно, зато практически все и всех видно. Стеф тоже вспорхнул на «насест», причем проделал это столь элегантно, словно опускался в царское кресло.

А вот кое-кому из опоздавших не повезло настолько, что пришлось и вовсе стоять в коридоре или плюхаться прямо на пол. Несколько парней так и поступили, а девушки побрезгливее –

судя по значкам, с четвертого курса – остались стоять, всем своим видом выражая озабоченное недовольство.

Припоздавший и еще мокрый (точно из душа вылез) Авзугар споро сграбастал за шиворот кого-то относительно сведущего и уточнил причину сбора. Оборотень-то и счел своим долгом просветить Юнину о беде, приключившейся с напарницей. Эльфийка прибежала одной из последних, с книгами в охапке. Вероятно, спешила из библиотеки.

– Вечер, студенты… ясным и мирным я его не назову, – обратился декан к своему факультету, встав у боковой стены так, чтобы видеть всех собравшихся. – Многие из вас уже знают, для несведущих поясню: я собрал вас из-за неприятного происшествия в общежитии. Совсем недавно серьезно травмировала ногу студентка-первокурсница. Она наступила на коврик у двери, политый йиражжи. Теперь мне хотелось бы, чтобы те, кто виновен в этом, признали свою вину. Я жду!

Жужжание голосов, сопровождавшее объявление декана, стихло. В зале повисла звенящая тишина. Слышно было, как кто-то кашлянул, да пяток особо впечатлительных особ бурно вздохнули.

– Что ж, добровольно признаваться никто не намерен. Жаль, – проронил декан. Он и в самом деле выглядел разочарованным и хмурым. Скрестив руки на груди, Гад снова втянул воздух своим замечательным носом, повернулся на шестьдесят градусов и проронил:

– Шейра Шемахо, Ивиана Листовица, Гардем Яргул – ко мне.

К декану стали пробираться трое четверокурсников, из которых Яна узнала двоих – ту самую сине-зеленую дриаду, которая приставала к Стефалю в столовой, и ядовито-розовую скандалистку, затевавшую вчера склоку у скамейки. Парень оказался незнакомым. Вид у всех троих был странный. Парень стоял как пыльным мешком ударенный, Шейра и Ивиана пытались казаться невозмутимыми, но, очевидно, нервничали. Глазки у девушек бегали, упрямо не желая встречаться взглядом с деканом.

– Зачем вы это сделали? – спросил Гад.

– Что? Мы ничего не делали! Вы о чем, господин декан! Мастер Гад, это не мы! – посыпались реплики со стороны троицы.

– Не стоит, – пресек поток оправданий декан одним словом, сказанным таким тоном, что вся троица поперхнулась воздухом. – Я знаю, что это вы. И чтобы определить характер наказания, хотел бы услышать – зачем. Да и остальным студентам не лишним было бы знать, чем заслужила возможность посетить лекарский корпус первокурсница Ириаль, – мрачно приказал декан.

– Я не виновен, господин декан, могу принести клятву крови, – выдохнул Яргул, как-то странно вывернув руки запястьями вверх, поднеся их к лицу и обнажив острые клыки.

– Ложь, – спокойно парировал Гад. – Поостерегись с принесением неосторожных клятв, Гардем. Я ведь мог бы принять твою, вот только что бы мы делали с последствиями?

– Я не калечил никаких первокурсниц! Я даже к той комнате не приближался, откуда девушку выносили! – возмутился парень, гордо вскинув голову.

– И йиражжи не брал у меня под расписку, и в общежитие не приносил? – намекнул Гад.

– Так я же не по злому умыслу, а напарницам, чтобы они украшения почистили, – начал оправдываться вампир, заткнулся на полуслове, резко развернулся к парочке девиц – так, что те отшатнулись, и буквально взвыл: – Вы???!!! Что вы натворили, курицы безмозглые!!!!

– Мы только обувь ей испортить хотели, – заголосили девицы, понимая, что их загнали в угол. – Она же толстуха неуклюжая! Что он только в ней нашел?! Дура, даже в комнату вовремя прийти не успела! Мы не хотели никого калечить! Забрали бы коврик, все равно Латте днем не запирается! Но Дайла пришла с учебником, заболтала, и мы не успели…

Что дальше сказал юный вампир, Янка не поняла – это было очень громко, темпераментно и зло. Но, вероятно, очень интересно, потому что Хаг с Лисом аж рты приоткрыли в восхищении, а дракончик, да и не он один, еще и присвистнули!

– Он, это кто? – уточнил декан, сохраняя прежнюю сердитую маску, за которой начало проступать некоторое замешательство.

– Стеф, конечно! – шмыгнула носом зелененькая студентка. – Он, как с каникул вернулся, все вокруг этой толстухи вьется.

– Стефаль, я не вижу ни брачной серьги, ни браслета помолвки, но тем не менее, спрошу. Ты помолвлен или успел за каникулы жениться на одной из этих девушек? – поинтересовался Гад.

Ошалевший до онемения от всего происходящего эльф бешено замотал головой.

– Давал ли ты какие-либо сердечные обещания этим особам? – снова справился декан, и вновь эльф замотал головой так интенсивно, что возникли серьезные подозрения насчет возможности ее дальнейшего пребывания на плечах.

Среди студентов послышались смешки, кто-то выкрикнул:

– Осталось проверить, нет ли на нашем старосте рабского клейма!

– Мы первые его узнали! Он нам улыбался! – запальчиво

выкрикнула огненно-рыжая Шейра.

– Тоже мне доказательство! Стеф у нас добрый и вежливый, он каждому улыбается, что ж ему теперь, гарем на все пять курсов трех факультетов завести? Не справится! – вступился за бедного старосту Хаг под гомерический хохот студентов.

– Так я не понял, вы его к Иоле приревновали? – в замешательстве спросил у напарниц уставший ругаться вампир. На бледной коже парня выделялся яркий румянец возмущения.

– Да кому эта двоеполая доска нужна, мы про ее соседку, – слезливо промямлила Ивиана и бросила на Янку испепеляющий взгляд, не оставлявший сомнений в объекте претензий.

– Нашли к кому ревновать, идиотки, – зашушукалась женская половина курса, еще разок пройдясь по землянке взглядом и не сочтя ее достойной претенденткой на сердце несравненного эльфа.

Яна же, не претендовавшая ни на сердце, ни на прочий ливер остроухого старосты, флегматично созерцала происходящее как плохонькую комедию абсурда. А вот за подругу обиделась мгновенно и задумчиво обратилась к Лису:

– Чего-то девки такого забористого нанюхались, обкололись или выпили?

– Надо бы узнать и держаться от этой дряни подальше. Я Стефа, конечно, люблю, но исключительно как друга. Правда, Полосочка? – шепотом ответил дракончик, против воли вызывав смешок и согласный кивок у Иоле.

Переговоры, утонувшие в общем гуле голосов растревоженных студентов, однако, не прошли мимо ушей Гада. Похоже, дэоры отличались не только выдающимся талантом в ядоварении и уникальным обонянием, но еще и отличным слухом. Мужчина едва заметно нахмурился, потянул носом, нахмурился еще больше и хлопнул в ладоши, призывая коллектив замолкнуть. Народ с готовностью притих, готовясь выслушать не подлежащий обжалованию приговор высокого начальства.

– Тройке Гардема унести ядовитый коврик из шестой комнаты в утилизатор, взамен купить новый в соответствии с пожеланиями Иоле и Яны. До конца циклады принести извинения пострадавшей от яда Ириаль Шойтарэль и оплатить туфли по ее выбору. С завтрашнего дня и до завершения курса после занятий вы работаете в парниках йиражжи. Если мастер Байон не будет доволен вашим усердием, я подниму вопрос об отчислении.

– Но она же ядовитая и колется, масте-э-эр Га-а-ад! – заканючили проштрафившиеся девицы. Вампир скривился, но благоразумно промолчал.

– Вот об этом и стоило подумать прежде, чем проливать

отраву в чужой комнате, – отрезал неумолимый декан. – Ваше счастье, что пострадала только Ириаль Шойтарэль. Благодаря расовой способности к регенерации она не останется калекой. Вам же при работе с растением рекомендую досконально соблюдать технику безопасности: пользоваться масками, фартуками и перчатками из кожи ящеров. Все ясно?

– Все, – хмуро ответил за своих непутевых напарниц вампир, одарив девиц таким многообещающим взглядом, что те невольно вздрогнули.

– Собрание окончено. Завтра, как и намечали, общее собрание старост факультетов. Студенты с крайнего левого подоконника и тройка наказанных – за мной, остальных не задерживаю, – подвел итоги декан Гад и, развернувшись, двинулся куда-то вперед по коридору.

Глава 21
Разборки в кабинете и прочих помещениях

Как утята за мамой уткой, названные студенты потопали за начальством. На левом крайнем подоконнике, разумеется, сидели Янкина компания и Стефаль в придачу. Зачем руководству понадобилась их группа, оставалось только гадать, но высказывать претензии никто не стремился. Все равно они собирались не сегодня завтра предъявить улику и попросить у декана совета. А тут сработала знаменитая поговорка: не было счастья, да несчастье помогло.

Оказывается, личный кабинет декану факультета полагался не только в учебном корпусе блюстителей пророчеств, но и в общежитии. Весьма уютное на первый взгляд местечко в коричневых тонах. Тут имелись большой письменный стол, столик для совещаний поменьше, кресла, боковой диванчик и масса книжных полок.

Сюда Гад и привел ораву заговорщиков и потенциальных жертв, не отделяя агнцев от козлищ и козлиц. Сортировкой мастер занялся непосредственно в кабинете, стоило только тяжелой двери затвориться без скрипа, отрезав комнату от поднявшегося снаружи шума. Компании с подоконника было дозволено располагаться по своему усмотрению, а тройку виновных одним кивком головы направили к узкому боковому диванчику со спинкой, жесткой даже на вид.

Гад еще разок осмотрел отравителей, отстегнул с изнанки мантии булавку с прозрачным камешком в навершии и потребовал:

– Ивиана, дай руку.

Дриада, шмыгая носом, так обреченно протянула учителю подрагивающую на весу лапку, будто ее собирались отрубить по локоть. Гад всадил острие булавки в указательный палец девицы. Продержал секунды три и выдернул. Прозрачный камешек, принятый Яной за декоративное украшение, налился краснотой, потом багрянцем, в котором закружились черно-фиолетовые искры. Потом декан проделал ту же самую процедуру с Шейрой.

– Хм, Яна, ты оказалась права, – не без удивления резюмировал дэор и потребовал ответа: – Девушки, какую дрянь вы пили?

Студентки тут же стали так бурно отнекиваться, что в

попытке сокрытия информации их заподозрил бы и последний дурак.

– Я жду ответа. Пока жду, – проронил Гад и многозначительно замолчал, давая возможность нерадивым отравительницам пофантазировать начет нависшей над их головами кары.

– «Любовь на двоих», мы бы брак-триаду заключили, – первой раскололась Шейра, выдав розовую мечту.

– Второй частью зелья, как я понимаю, вы планировали угостить Стефаля? – чисто для проформы поинтересовался мастер.

– Да, – подтвердила Ивиана, повесив нос и понурив голову. Зеленые пряди длинных волос скрыли лицо.

– А негодяй, продавший вам эту дрянь, не предупредил, что зелье надо пить одновременно с потенциальным партнером противоположного пола, выразившим согласие на ритуал, по крайней мере, в тот же день, и промедление может привести к безумию? – вкрадчиво спросил декан.

– Она что-то такое говорила, кажется… – беспечно пожала плечиками Шейра, хлопая глазками и не видя впереди никакой беды, кроме тяжелого труда на плантациях ядовитого растения.

– Мы и хотели, а он не сел со мной за стол, а все из-за этой… – наябедничала Ивиана, снова вскинув голову и одарив Янку очень «благодарным» взглядом. Негодование на разлучницу-обидчицу перевесило страх грядущего наказания.

– Мастер, теперь эти дурехи сойдут с ума, вернее, с того, что от него осталось? – практично осведомился вампир, отсевший от своих непутевых напарниц на самый дальний край дивана. Мог бы небось еще и противогаз надеть на случай заражения глупостью и безумием воздушно-капельным путем.

– Разумеется, если не примут антидот, – невозмутимо согласился Гад.

– Господин декан, пожалуйста, приведите этих… – староста – жертва девичьих интриг – проглотил непечатное слово, готовое сорваться с губ, и заменил его нейтральным, – студенток в порядок.

– Что ж, хорошо. Думаю, счет за лечение с описанием причин возникшей проблемы, отправленный родителям, будет достаточным наказанием, – поразмыслив, согласился декан, роясь в недрах стола. Судя по стеклянному и металлическому звону, там было немало любопытных пузырьков, вот только вытаскивать их на свет кабинетный мастер не стал. Может, опасался, что даже у сознательной части студенчества, прослышавшего о сокровищах в закромах мастера, возникнет искушение забраться в кабинет и

что-нибудь прихватить на добрую память.

Гад вытащил маленькую бутылочку с чем-то ядрено-лиловым и пипетку. Набрал в нее самую малость, вновь убрал пузырек в ящик и подошел к белым как мел девицам. Кажется, даже сквозь захлестывающий остатки мозгов вал безумия пробилось зловещее обещание написать родителям.

– Открыть рот, высунуть язык, – скомандовал декан девицам, поскуливающим от страха.

Те повиновались и в отместку получили по тягучей яркой капле в рот. Судя по выпученным глазам и начисто сбившемуся дыханию, вкус был невообразимым. Слезы хлынули из глаз жертв целительной педагогики.

– Можешь их увести, как в себя придут, начинайте отрабатывать наряд, – велел вампиру Гад и со смешком прибавил: – Только коврик из шестой комнаты для начала выкинь. Дрянь, которой они Стефаля собирались поить, в канализацию спусти. И впредь получше присматривай за своими напарницами.

– Обязательно… извините, – пообещал мрачный Гардем, бесцеремонно сгреб задыхающихся девиц в охапку и уволок из кабинета.

– А ну как они новую порцию раздобудут? – предположил тролль, вызвав у старосты непроизвольную судорогу ужаса.

– Нет, я знаю, где Ивиана взяла эту дрянь – у себя в лесах, и у кого – тоже знаю. Больше не получит, я черкану пару слов мастеру, – рассеянно отозвался Гад, пряча пипетку в карман.

– Ну, коли так… – пожал плечами Хаг под тихий и усталый шепот замордованного эльфа: «Лишь бы другого чего не достали».

– Им не до того будет, – пообещал декан Гад, вздохнул и обратился к Стефу как к самому разумному из компании: – Теперь с вами. Во что опять первокурсники влезли?

– Почему это мы сразу влезли? – чуть ли не бия себя пяткой в грудь, возмутился несправедливому обвинению Лис.

– А что, нет? – удивился декан, у него, кажется, даже нос приподнялся от удивления, как слоновий хобот. – Зная вас всего три дня, я счастливо ошибся в предположениях?

– Оно само на нас влезло, – внес коррективы в почти беспочвенные обвинения Хаг.

– На Янку, – вставил Лис и, пока Стеф доставал блондинистый волосок, коротенько поведал о столкновении в башне. Напарники уже поняли, что Яна в отличие от многих девушек не большая любительница трепать языком, и взяли объяснения на себя.

– Понятно, – задумчиво констатировал Гад. Он слушал

рассказ студентов не за столом на рабочем стуле с высокой спинкой, а в кресле, расположившись напротив ребят. – Волос я у вас забираю. Еще раз предупреждаю, сыщики, никуда лезть не вздумайте, если не желаете составить компанию троице в парниках с йиражжи или еще где похуже. Завтра поговорим. Я вас во время завтрака найду.

Сочтя разговор законченным, декан встал и указал глазами на дверь.

– Господин декан, – спохватилась Яна уже на пороге, – пожалуйста, поговорите с комендантом Олхрокхом, попросите его простить Ириаль! Она ко мне за огурцами заходила, чтобы с ним помириться.

– А в чем проблема? – нахмурился мужчина.

– Они во взглядах на моду не сошлись, – дипломатично высказался Лис, решивший простить грубиянку-вампиршу, и без того сегодня чрезмерно пострадавшую.

– Хорошо, поговорю. Девочка уже достаточно наказана, – вздохнул Гад. И, сойдясь с дракончиком во мнении, вновь покосился на дверь.

Пришлось убираться прочь. Поскольку что-либо творить декан студентам запретил прямо, да и вечер все увереннее намекал на свое желание превратиться в ночь, компания разбрелась по комнатам. Ушел в древесную обитель Стефаль, парни удалились в комнату с морским ковром, а Янка и Иоле – в свои апартаменты под номером шесть, успевшие лишиться отравленного коврика. Вместо него в прихожей остались аккуратный круг, выжженный просочившейся кислотой, и царапины от когтей Ириаль. Да уж, новым ковриком, да покрупнее, чтобы прикрыть все безобразие, стоило обзавестись поскорее.

Наученная «ядовитым опытом» ревнивой парочки студенток, Иоле педантично щелкнула замочком, прежде чем присоединиться к подруге в комнате. Янка привычно тянула время. Тщательно мыла руки и лицо, расчесывала волосы и вздыхала. Заниматься на ночь глядя не хотелось столь же отчаянно, как и утром. Но делать нечего, декан и его знаки завтра стояли в расписании первой парой. А при всей симпатии Донской к мастеру, добреньким и всепрощающим учителем он точно не был. Отчаянно зевая (зевота накатывала, стоило только подумать об уроках), девушка поплелась к справочнику и конспекту.

– Неохота? – Иоле только сочувственно вздохнула, готовясь засесть за свою стопку книг, брошенных при форс-мажорных трагических обстоятельствах.

– Неохота, – согласилась Янка и почти с ненавистью

взглянула на пустышку листа Игиды, ожидавшую своей очереди после исполнения обязательной части подготовки к занятиям.

– Ты же понимаешь, декан не стал бы советовать, если бы не думал, что тебе это необходимо? – осторожно спросила ифринг. Она очень дорожила только-только зародившейся дружбой и ужасно опасалась сказать или сделать что-то неправильное, что могло отвратить от нее Янку, но и молчать считала не честным.

– Понимаю, но лень ужасно, – покаялась землянка, утыкаясь носом в описания и расшифровку значений знаков. Нет, заумными или странными они не были. Все четко, ясно, разложено по полочкам, чуть ли не разжевано, только в рот клади. Да вот, к сожалению, этих знаков и их смыслов было столько – Янка тоскливо прикинула толщину словаря, – что несварение желудка гарантировалось любому не шибко интеллектуальному читателю.

– Если что непонятно будет, спрашивай, постараюсь помочь, – подбодрила Иоле подругу.

– Спасибо, ты – настоящий друг, хоть и не Чебурашка, – пробормотала себе под нос Янка и, обхватив голову руками, зашевелила губами, вчитываясь в конспект. Ифринг открыла было рот, чтобы уточнить, кто такой Чебурашка, но решила отложить вопрос и не отвлекать подругу от учебы.

Донская читала и пыталась понимать. Шло туго, душу грела лишь одна мысль – троллеву песню к расоведению повторять не придется. Она крепко отпечаталась в памяти, слова и мелодия сами на ум приходили, стоило только вспомнить, как они шли всей оравой по академии и голосили, а уж как бурно возмущались случайно услыхавшие песню орки! Вот если бы так легко было со знаками или медитацией, стоявшей в завтрашнем расписании второй парой, аккурат перед обедом!

Практически час Янка пыталась заставить себя запомнить хоть что-нибудь из конспекта. А потом еще час или около того, ерзая на диване, кресле и ковре (пыталась понять, где удобнее), мучила пустой лист Игиды. Никакого прогресса в заливании силы в проклятую пластинку не наблюдалось! Ну ни малейшего! Не будь Яна по определению флегматичной особой, вооруженной изрядным запасом здорового пофигизма, болванка-тренажер давно отправилась бы из окна или была бы шваркнута о стену и затоптана ногами. Благо неуничтожимая! А так девушка только скривилась и подчеркнуто бережно отложила на край стола тусклый листик, поблескивающий тонкой каймой бледного света.

– Не переживай, сразу мало у кого, вернее, почти ни у кого не получается, – подбодрила Янку ифринг. – У меня прогресс только во втором семестре наметился.

– Да он вообще почти не светится, – скривилась Яна.

– Подожди, несколько циклад тренировок, и сама все увидишь, – вдохновенно пообещала Иоле, повергая подругу в еще большее уныние. Дитю информационных технологий и скоростного века несколько циклад, то бишь восьмидневных местных недель, казались столь же далекой перспективой, как и следующее десятилетие.

Унылая физиономия Янки от собеседницы не укрылась. Она повернулась к тумбочке, где рядом с чайником примостилась вазочка со сластями, и спросила:

– Хочешь чайку или печенья?

– Хочу, но не буду, если я все свои огорчения начну печеньками на ночь заедать, никаких печенек не хватит, – меланхолично заметила Яна, давно изучившая все особенности своего телосложения и зависимость колебания веса от съеденного прямо перед сном. В остальное время девушка себя в еде не ограничивала, и благодарный организм сюрпризов в виде внезапного отказа помещаться в привычный размер одежды хозяйке не устраивал. Сорок восемь, так сорок восемь.

Еще несколько минут тупо полюбовавшись на медленно затухающий ободок света злополучной пластинки, Янка от всей души зевнула и предложила:

– Давай лучше спать!

Иоле кивнула и с чувством захлопнула свою книжку. Видать, ей, прилежной ученице, тоже хотелось в кровать.

– Ян. – Шепот Латте не позволил Донской окончательно уплыть в сон.

– Ась? – отозвалась девушка, балансируя на грани встречи с грезами.

– Кто такой Чебурашка? – пытливо спросила из темноты соседка. Кажется, мысль о неизвестном создании не давала Иоле покоя.

– Зверек такой, сказочный, симпатичный, пушистый, с круглыми ушами. У него друзей много было: от крокодила до льва-а-а, – сонно пробормотала Янка и отрубилась окончательно.

Утро, начавшееся с воя иерихонской трубы, добрым назвать было бы сложно, если бы не обещание повара-силаторха приготовить на завтрак овсянку. Именно оно морально поддержало сонную девушку и заставило сползти с кровати. Холодная вода из-под крана окончательно прогнала сон.

Но даже если бы Яна, глупышка, вздумала задержаться в ванной, все равно спустя пятнадцать минут вынуждена была бы выскочить из-за грохота. Это тактично постучал в дверь Хаг. Лис приплясывал от нетерпения рядом с напарником, а за их спинами

смущенно розовели уши Стефаля, считавшего нетактичным беспокоить девушек столь рано. Но кто спрашивал старосту? Его парочка негодников вытащила из кровати еще до сигнала побудки.

– Готовы? – шустро ввинтился внутрь дракончик, стоило только Иоле приоткрыть дверь. Не дождавшись ответа, парень огляделся вокруг, особое внимание уделил выжженному пятну и живописным меткам когтей на полу и резюмировал: – М-да, девушки, требуйте с отравительниц ковровую дорожку, да пошире.

– Обязательно, – хмуро согласилась Яна, самоотверженно сражавшаяся с волосами. Гримаса на ее лице подошла бы воину-берсерку, бросившемуся в безнадежную битву, закусив куском мухомора и кромкой щита в придачу.

Стефаль сочувственно вздохнул и вставил:

– Яна, мне неловко такое предлагать, но, возможно, ты предпочтешь воспользоваться моим гребнем, дабы сохранить в целости свои великолепные волосы?

– А в чем разница? – пропуская мимо ушей вежливый комплимент «великолепные», флегматично поинтересовалась девушка, с упорством мазохистки продолжая пытку.

– Мой гребень – простенький артефакт со знаком Игиды, облегчающим распутывание волос, – объяснил староста, протягивая первокурснице на вытянутой ладони расческу из какого-то зеленоватого минерала с вытравленным на нем символом в виде волны. Значение его Янка, разумеется, выучить еще не успела, но обещанный эффект прельстил. Гребешок был позаимствован и мгновенно пущен в дело. К великому облегчению вперемешку с удивлением, волосы действительно стали расчесываться безукоризненно, они чуть ли не сами распадались на кудрявые прядки, прежде чем их касались зубцы расчески. Пораженная девушка выпалила:

– Здорово! Спасибо, Стефаль! Я сегодня же куплю себе такую штуку и верну тебе твою расческу.

– Не стоит, Яна, прими гребень в подарок. Мне будет приятно, – возразил эльф, прижав руку к сердцу, и отвесил грациозный полупоклон, достойный любого дворца, но почему-то смотревшийся уместно и в предбаннике общежитской комнаты. Наверное, дело было в том, кто поклон отвешивал. Вот вздумай неуклюжая Янка ответить эльфу каким-нибудь реверансом, точно насмешила бы белый свет, а может, еще и запуталась в собственных ногах да грохнулась.

– Тогда еще раз спасибо, – вежливо поблагодарила девушка, поставив галочку напротив ФИО старосты в списке кандидатов на

подарки и сноровисто заплела косу.

Янка, переступив черный круг, как самая голодная, первой подошла к двери с намерением возглавить шествие в столовую. Донская распахнула створки и замерла на пороге. На нее в упор смотрел вчерашний вампир, напарник инициативных отравительниц.

– А где коврик? – первым сориентировался Машьелис. – Принес?

Гардем, не ожидавший увидеть в девичьей комнате целую толпу народа и старосту в придачу, тряхнул головой и, кажется, решил, что такая масса свидетелей даже к лучшему. Через силу улыбнулся и выдавил:

– Ясного утра. Девушки, я хочу предложить вам деньги, чтобы вы выбрали себе коврик по вкусу. Полагаю, золотого будет достаточно?

– Даже много, – честно ответила Иоле, припомнив, в какую цену ей встал погибший в неравной борьбе с йиражжи экземпляр.

– А чего сам не купишь? – влез хмурый Хаг, очень не одобрявший того, что парень вчера не досмотрел за ушлыми напарницами, да и вообще позволил им ввязаться в такую пакостную авантюру.

Озабоченный вампир помялся, пошевелил острыми ушами, подергал себя за длинную прядь черных волос, махнул рукой и брякнул как есть:

– Я ничего не понимаю в ковриках для девичьих комнат, а если отправить моих напарниц, то, боюсь, феера заломит такую цену, что и трех наших стипендий не хватит. Тем паче что эти дуры уже почти все на шмотки, духи да побрякушки спустить успели.

– То есть коврик мы будем покупать на твои деньги? – уточнила Яна, мигом проникнувшись к несчастному парню сочувствием. Гардем только кивнул. Переглянувшись с Иоле, Янка огласила общее решение: – Давай деньги. Сдачу, если будет, а она, скорее всего, будет, вернем. Ты о другом скажи – вы насчет туфелек для Ириаль уже решили?

– Нет, – поморщившись, как от зубной боли, одолевшей оба клыка разом, признался вампир.

– Мы попробуем тебе помочь, – пообещала Донская. – Кстати, если феера определяет размер любого покупателя, то, наверное, и туфли для подарка подобрать сможет без Ириаль. Мы могли бы попробовать купить или к Юнине, ее напарнице, обратишься?

Гардем глянул на простую земную девушку, как на богиню, услышавшую его невысказанные мольбы, поднес запястья к губам, а потом приложил сложенные чашечкой ладони к сердцу:

– Я был бы признателен за помощь!

– Тогда вечером после занятий заходи, до этого времени постараемся все купить, – предложила парню Иоле.

Стефаль одобрительно улыбнулся, а Хаг только головой покачал, бормоча под нос: «Добрые вы, девчата».

– Мы не добрые, а справедливые. Он-то, – кивнула на вампира Янка, засовывающая три монеты (на всякий случай Гардем отсыпал побольше) в карман жилета, – не виноват, что таких напарниц шэ-дар послал.

– Как нам с тобой повезло! Ты ни на чьи коврики ничего не льешь! – прочувствованно объявил Лис, подхватил подругу под руку и поволок по коридору.

Янка звонко расхохоталась, представив себя гадящей на коврик какому-нибудь недоброжелателю, как какой-нибудь мстительный кошак. Засмеялись и остальные, вполне искренне улыбнулся даже замотанный Гардем.

Глава 22
Каша и искусство допроса василисков

В столовую компания, жаждущая овсянки и новостей от декана (каждому, как водится, желалось что-то свое), прибыла раньше многих. На шаре-часах, подвешенном к потолку, была половина восьмого, а в столовой совсем немного оголодавших студентов и повар-силаторх на своем неизменном посту за круговой стойкой.

Завидев Янку, мастер взмахнул серо-синим щупальцем с половником, приглашая девушку приблизиться, и проворно плюхнул на ее поднос маленькую кастрюльку и пузатый кувшинчик из глазированной глины.

– Забирай, я исполнил обещанное, – царственно объявил повелитель кухни.

– Спасибо, – крякнула от неожиданно приличного веса пищи Янка. Все-таки таскать сумки это одно, а держать тяжесть на вытянутых руках совсем другое.

– Давай. – Хаг бесцеремонно отобрал у подруги поднос и отнес к столу.

Янке осталось только прихватить тарелку, стакан и молча последовать за троллем. Пока девушка снимала первую пробу с благоухающей каши, в которую повар умудрился добавить мелкие кусочки то ли цукатов, то ли фруктов, превратив заурядную овсянку в ресторанное блюдо, подтянулась со своими порциями завтрака остальная компания.

Исполняя обещание насчет дегустации каши, Лис тут же сунул нос в кастрюльку, втянул воздух, снял пробу чистой ложкой прямо из общей тары и решительно черпанул себе добрую треть содержимого в свободную тарелку. Отдегустировав ее подчистую, облизал ложку и выдал:

– Вкусно! Мяса, конечно, не заменит, но как десерт вкусно! Можешь попросить повара еще порцию приготовить!

Глядя на то, как аппетитно поглощают кашу друзья, остальные тоже не поленились положить себе по несколько ложек овсянки. И так увлеклись оценкой нового вкуса, что едва не пропустили момент, когда к столику подошел задумчивый декан.

В ответ на дружное пожелание ясного утра Гад машинально кивнул и присел на свободный стул. Облокотился на стол, сложил пальцы домиком, оглядел группу студентов и вздохнул о

чем-то своем, деканском. Помолчал, повел носом в сторону кастрюльки с кашей, где еще оставалось около трети содержимого, положил себе несколько ложек в пустую тарелку, зачерпнул, покатал во рту. Лис не утерпел и влез с вопросом:

– Ну как? Удалось узнать, чей волос?

– Разумеется, – согласился Гад, отправив в рот еще одну ложку. – Опасности для жизни и здоровья студентов нет. Вас же я еще раз убедительно прошу не лезть туда, куда не просят. Пожалуй, – декан коварно усмехнулся, – я даже назначу самой ретивой парочке из вашей компании ежедневную отработку в башне до конца семестра. Ректор сейчас всех площадь мыть посылает, а три пролета лестницы на самом верху остались неохваченными.

– Почему мне кажется, что вы, мастер, о нас с Лисом говорите? – исполненный недобрых предчувствий, уточнил Хаг.

– Хорошая интуиция? – предположил злобный декан и, отвесив шутливый щелбан Янке, велел: – А ты за ними присмотришь.

– Еще и девушку бедную обижаете! Вот как вытащили из дома, так все ее по лбу и бьете! То листьями Игиды, то щетками, теперь уже к рукоприкладству перешли! – шутливо вступился за напарницу Лис.

– Голова – это мое слабое место, – пробухтела под нос Яна.

– Ну-ка, про лист поподробнее, – резко развернулся в сторону дракончика дэор.

– Да куда подробнее-то? Сами же видели, когда нас в академию вытягивали, у вас с полки пластинка упала и нас всех троих по лбу, как мячик для двана, простучала, – пожал плечами Лис, расправляясь с остатками мяса в тарелке.

Хаг с Янкой, упустившие такие драматические подробности перемещения, только недоуменно переглянулись. Пожалуй, по части внимания к деталям Машьелис обставил их на все сто процентов.

– Помнишь, какой знак был на пластинке?

– Клубок вот такой, с лучиками, – попытался пальцем воспроизвести в воздухе некую кракозябру Лис, на миг полуприкрыв глаза. – А что?

– А это ты, как заглянешь в словарь, и скажешь мне после сегодняшней лекции, – коварно объявил декан и в довершение прибавил еще условие: – А вы, – многозначительный взгляд достался Иоле и Стефалю, – подсказывать не будете. Пусть учатся работать со словарем!

– Вы злой, – капризно пожаловался на декана декану дракончик.

– Я суровый, и учить вас – моя работа, – поправил студента Гад и встал. Уже уходя, бросил через плечо: – Вкусная каша. Надо будет на преподавательский стол заказать.

– Сказал, что ничего не сказал, да еще заданий навалил, – пожаловался в пространство Машьелис. – Зато теперь мы знаем, что мастера заказывают себе пищу прямо на стол. Но Гад все равно тиран!

Вместо пространства на жалобу дракончика ответила терпеливая Янка:

– Он учитель. Тебе же сказали, работа у него такая.

– У него работа, а у нас ашаский взвар! – напомнил Хаг и справился у эльфа: – Стеф, пришел этот василиск с четвертого курса?

– Да, уже завтракает, – покосившись налево, объявил Стефаль и почти с восхищением спросил: – Так мы продолжаем искать вопреки запрету декана?

– Гад просил не лезть туда, куда не просят. Мы никуда не лезем, – заулыбался казуист Лис. – В столовой кушаем. А если одной студентке захочется попить, а потом подойти и спросить что-то у старшекурсника, разве ж это запрещено правилами? А, Яна?

– Что вы хотите сделать? – сдалась под напором энтузиазма напарников девушка.

– Не мы, ты, – поправил Хаг, пододвигая к землянке кувшин со взваром и наливая в кружку темно-коричневый, почти как настоящий чай, напиток. – Попей и сходи, спроси у парня, заходил ли он вчера в башню.

– Может, сами сходите? – застеснялась девушка, скосив взгляд на студента со звучным именем Йорд Файрад.

Если бы Стефаль не сказал, что это василиск, сама бы Янка все равно не сочла бы его человеком. Нет, острых ушей, как у эльфов и вампиров, у него не было, хвоста, рогов или копыт тоже, не было даже орочьих клыков. Просто весь облик симпатичного блондина буквально вопил о его нездешности. Хрупкий, как статуэтка из белого мрамора, с высокими скулами, светловолосый, из-под косой рваной челки проблескивают серые глаза, исполненные какого-то вселенского равнодушия. На шее видна спускающаяся вниз, под форменную рубашку, черная татуировка: не то цветочная ветвь, не то узор. Яна вообще сторонилась симпатичных парней, предпочитая держаться от них подальше, а этот был не просто симпатичен, а жутко красив. Именно жутко. При взгляде на него по спине невольно пробегал легкий озноб и хотелось зажмуриться.

– Нам без толку. Ашаский взвар по-особому только на людей

действует, – деловито объяснил подруге Хаг то, о чем вчера поведал Лису. – Ты попей и потом минут пять-десять будешь чуять, правду тебе говорят или врут. Никакая магия скрыть не поможет.

– Давай, Ян, это же просто: подошла, спросила, ушла. Вряд ли этот парень будет драться прямо в столовой, – науськал напарницу Машьелис.

Янке стало стыдно. Лис вчера первым совершенно бесстрашно полез с расспросами к Дайле, а попав под раздачу Рольда, не скулил и не жаловался, а сыпал остротами.

– Хорошо, – преодолевая неловкость, согласилась девушка и одним махом осушила стакан. Стукнула донцем о стол, прислушалась к себе.

Взвар оказался вполне приятным, больше всего он напоминал болтушку порошка от простуды с цитрусовым вкусом. Такими лекарствами одно время были завалены все аптеки, и их же массово скупал народ, падкий на рекламные обещания полного исцеления. Хотя, правды ради, стоило признаться – симптомы ОРЗ эта штука убирала неплохо, да и на вкус Янке питье нравилось. Потом как-то мама и бабушка перестали покупать порошки и, пойдя на поводу новой моды, стали пичкать дочку-внучку гомеопатическими средствами. Неконфликтной Донской-младшей было проще согласиться с очередной методой, чем переспорить родных. Забытый вкус лекарства сейчас напомнил девушке о школьных годах и вызвал легкую улыбку. Ее быстро прогнал резкий хлопок в ладоши и вопрос Машьелиса.

– Так. Проверяем! Слушай сюда: я вчера катался на Быстром Ветре! Правда или ложь? – азартно потирая руки, спросил дракончик.

– Выдаешь желаемое за действительное, – одновременно оценила и шутку, и действие отвара Яна. Народ захихикал, представив себе фантастическую картину. Хаг даже пообещал оказать содействие приятелю в воплощении мечты и поведать о ней кентавру-преподавателю, если Лис попросит. Тот лишь отмахнулся и пообещал подумать над щедрым предложением. Сейчас Машьелис был целиком сосредоточен, как бы не сказать зациклен, на предстоящем допросе подозреваемого василиска.

– Отлично! Давай, иди, пока парень не ушел на занятия, – поторопил напарницу дракончик, а Иоле послала подруге сочувственный взгляд. Сама бы она ни в жизни не решилась приставать с расспросами к такому, как Йорд. Такому красивому, неприступному, гордому…

Теплый напиток плескался в желудке, тикал таймер полезного действия, потому медлить действительно было нельзя.

Янка домаршировала до стола, за которым в полном одиночестве, несмотря на постепенно заполняющийся народом зал, сидел василиск.

– Привет. Можно спросить? – обратилась Донская к завтракающему студенту.

– Мне не нужна девушка, – хмуро, не поднимая взгляда от тарелки, проронил Йорд.

– А спросить-то можно? – не поняла странного ответа Яна.

Теперь уже василиск поднял на нахалку равнодушный взор, в котором загорелась пара искорок удивления.

– Чего тебе, толстуха?

Яна густо покраснела. Другого отношения от красавчиков-парней ждать не стоило. Это Стефаль, вежливый и добрый, стал исключением из правила. Тряхнув головой так, что тяжелая коса ударила по спине, девушка задала нужный вопрос:

– Ты был вчера в Башне Судьбы?

– Нет, – растерянно моргнул василиск, ожидавший чего угодно, но не такого вопроса.

– Спасибо, – поблагодарила Яна, четко развернулась, как будто рапорт сдавала в летнем школьном лагере на линейке, и пошла прочь. Она, бывало, горбилась, но сейчас казалось важным держать спину прямою.

– Эй, так что тебе надо? – выкрикнул вслед заинтригованный странным поведением первокурсницы Йорд.

– Больше ничего, – не оборачиваясь, ответила девушка. Вернувшись за стол к друзьям, она села, несколько секунд подышала, успокаиваясь после допроса, и констатировала: – Он не ходил вчера в башню.

– Значит, блондина вычеркиваем, – разочарованно щипнул себя за ухо Лис. Ему ужасно хотелось утереть нос декану и разоблачить преступника.

– Может, отвар не сработал? – на всякий случай предположила Иоле. Свою порцию омлета с зеленью девушка уже съела, кашу попробовала и теперь просто сидела, составляя компанию ребятам.

– Нет, сработал, – покачала головой Яна. – Йорд в разговоре один раз соврал. Я почувствовала.

– И о чем он соврал? – мигом напружинился любопытный дракончик, как никогда став похожим на лиса.

– Что ему девушка не нужна, – рассеянно ответила живая экспертиза.

– Тщ-щ, – шикнул Хаг на ребят, собравшихся перемыть косточки подозреваемому. – Василиск идет к нам.

Компания синхронно развернулась в сторону шагавшего к

столику студента. Выглядел тот столь же надменно, как и прежде. Впрочем, из-за косой челки выражение глаз не читалось. Йорд встал у стола и, как-то резко дернув головой влево, выпалил:

– Я извиняюсь. Мне не следовало тебя оскорблять.

– Яна, он тебя обидел? – неприятно удивился Стефаль. – Почему ты нам не сказала?

Хаг с Лисом возмущенно заворчали. Как это так, кто-то умудрился обидеть их напарницу, а та, во-первых, даже не пожаловалась, а во-вторых, они же сами до некоторой степени и виноваты в причиненной обиде! Все-таки именно с их подачи девушка отправилась допрашивать василиска под действием полезного напитка.

– Все нормально, – ответила обоим парням Янка и сосредоточила внимание на тарелке.

– Ты принимаешь извинения? – Йорд не спешил уходить, даже чуть подался вперед и попытался поймать взгляд девушки.

– Принимаю, – со вздохом согласилась землянка, подперла кулаком щеку и одарила белобрысого экзота сочувственным взглядом. – Что с тебя, бедолаги, возьмешь, коль ты с девицами общаться не умеешь и за хамством прячешься? Я вот тоже парней побаиваюсь, но только красивых, а ты от любой девки, видать, шарахаешься.

– Держись, парень, – таинственным шепотом, мигом просекая, откуда дует ветер всепрощения, предупредил Лис. – Еще немного, и она тебя так зажалеет, что дышать не сможешь.

– Э… – растерянно моргнул холодный красавчик-василиск, становясь чуть более теплым, живым и настоящим. – Магия?

– Никакой магии, только сила девичьего сочувствия, помноженная на Янкины выдающиеся формы. Меня вот позавчера пожалели. До сих пор ребра болят, – демонстративно коснувшись груди, пожаловался дракончик, за что тут же огреб пару подзатыльников – слева от напарницы, справа от Хага.

Тихо подхихикивающая с начала речи дракончика Иоле все-таки не выдержала и рассмеялась, разом сняв остатки общего напряжения. Неуверенно, краем рта, улыбнулся василиск, покосился на ифринг и улыбнулся уже по-настоящему.

– У нас еще осталась овсяная каша. Хочешь попробовать? – предложила Яна, испытывая желание подкормить худущего симпатягу, оказавшегося вовсе даже не надменным снобом.

– Она вкусная, – побожилась Иоле, пересиливая робость.

– Ага, Гад не всю съел, – сунув нос под крышку кастрюльки, согласился Лис, кажется, жалея, что не успел подчистить кастрюльку сам.

– Садись, – гостеприимно предложил василиску Стефаль.

– А вы расскажете, зачем про башню спрашивали? – поинтересовался Йорд, опускаясь на свободный стул и вооружаясь чистой ложкой из вазочки. Свободную тарелку (не зря целую стопку от раздачи тащили) ему заботливо пододвинула Яна.

– Расскажем, но после этого нам придется тебя убить, – сделал многозначительную паузу Лис и, хитро прищурившись, добавил: – Или принять в свое тайное общество!

– Если у вас на завтрак всегда такая каша будет, я за общество, – отправив в рот одну за другой три ложки, объявил Йорд и представился: – Мое имя Йорд Файрад, я василиск.

Компания заговорщицки переглянулась. Молчаливое голосование прошло успешно. За ним последовало представление. Старосту четверокурсник из летописцев, разумеется, знал, с остальными же перезнакомился быстро. Назывались поименно и порасово. Янке было дико и непривычно называть не ФИО, а имя и расу, но, вспомнив, что человек звучит гордо, пусть и не так гордо, как задавака-дракон, девушка справилась.

Потом Стефаль потер переносицу и растопырил пальцы, шепча под нос что-то очень поэтичное, по большей части оканчивающееся на «эль», «лен» и «имь». Почему-то общественно полезный переводчик АПП на сию абракадабру не сработал, так же как и на Тайсово «нефтехим». Возможно, сила понимания не распространялась на толкование заклинаний?

– Эльфийские чары, «паутинка безмолвия»? – догадался василиск.

– Да, – смущенно кивнул Стеф, – у меня знаков на купол не осталось, – и предложил дракончику: – Говори. У тебя интересно получается!

– Я и сам такой интересный! – похвалился приосанившийся Машьелис и вкратце поведал Йорду о командных изысканиях.

– То есть кто-то или настойчиво лезет в башню с неизвестными целями, или охотится на первокурсников, – сделал свой вывод Йорд.

– Ага, как василиск скажи, мог бы ты парней так парализовать? – небрежно подкинул вопрос Хаг.

Файрад взлохматил волосы левой рукой ото лба к затылку, пожевал губу, прикидывая, вероятно, массу тел подопытных кроликов и свои возможности, и уверенно кивнул:

– Если бы разозлился, смог бы. Только я в башне в тот день не был. Меня Тайса на медитации по индивидуальному графику гоняет. Самоконтроль проверяет. И вчера меня там не было, в библиотеке материал для реферата искал. Да и невидимость я

надолго создавать не могу. Максимум две минуты. Расовые таланты каждому леденящему взором отмеряются Силами в разной степени.

– Ясно, – задумался над чем-то Стефаль.

– А Гад нам еще и запретил с этим делом разбираться. Мытье лестниц в Башне Судьбы навесил для гарантии, чтобы не буянили, – присовокупил тролль, а Лис оскорбленно сморщил нос и ожесточенно принялся гонять по тарелке маленькую косточку – единственное, что осталось от трех кусищ мяса.

– А чего вы злитесь? Вам же отработки в башне назначили! Что бы там ни стряслось, мимо не проскочит, только за той парочкой стоит присматривать, – рационально рассудил василиск. Он с искренним сожалением во взоре изучал пустое нутро кастрюли и свою столь же пустую тарелку.

– Присмотришь за ними, если парням на самой верхотуре три пролета определили, – проворчала Янка.

– Вас много, пусть кто-нибудь у башни крутится, ждет друзей с отработки, – пожал плечами Йорд. – Я тоже могу.

– Решил вступить в Клуб любителей овсянки? – весело хихикнул Машьелис.

– Чем не название? Об истинных целях организации точно никто не догадается. Идеальное прикрытие, – поддержал бредовую идею напарника Хаг.

– Тогда нужно всем пойти с уважаемому силаторху и поблагодарить его за кашу, – внесла рациональное предложение Яна. – Я и одна справлюсь, но если все сходим, ему приятно будет. Вдруг завтра еще сварит, если хорошенько попросим?

Разумеется, весь свежеобразованный Клуб любителей овсянки в полном составе дружно двинулся к раздаче. Повар, завидев кучку целеустремленных студентов, чуток выпучил глаза и, кажется, наморщил лоб. Возможно, пытался сообразить, чего непоседливой молодежи надо. Но выдвинувшаяся вперед Янка разом устранила все сомнения. Потрясая опустевшей кастрюлькой как редким, отработавшим свое артефактом, девушка торжественно провозгласила:

– Большое-пребольшое спасибо! Было очень-очень вкусно! Мы все съели…

– И очень-очень жалели, что нет добавки, – поддакнул из-за широкой спины напарницы Машьелис.

Остальные члены общества заговорщиков поддержали обращение дружными, в меру нечленораздельными возгласами. Повар заметно подобрел и даже засмущался. (Во всяком случае, синие пятна на голове все-таки хотелось трактовать как краску смущения, а не как какую-то неизлечимую заразную болезнь

вроде магической парши.)

– Завтра еще сварю, – булькнул повелитель половников и отмахнулся от делегации сразу тремя щупальцами.

Компании осталось только дружно поблагодарить мастера за шедевр из рода каш и поспешить на занятия. Йорд ушел первым, но пока не свернул на дорожку к учебному корпусу, все оглядывался на Иоле.

– Полосочка, а ты парню понравилась, – тактично, как слон в посудной лавке, огласил результат своих наблюдений глазастый Машьелис.

– Скажешь тоже, – смутилась Иоле и стала перевешивать сумку с плеча на плечо без особой на то причины, только чтобы занять руки.

– Скажу, – бодро согласился дракончик, срывая между делом травинку и засовывая ее в зубы, и объяснил: – Он к нам только из-за тебя подошел. Я поначалу не сообразил, чего он так не Янке в спину, а все больше на наш стол оглядывался, а как она вернулась, так и пошел извиняться. А когда присел, то и дело на Иоле исподтишка зыркал.

– Ну и Аллах с этим василиском, – беззлобно отмахнулась Донская. Она ничуть не обиделась на то, что извинение было лишь поводом для знакомства. – Если парень Иоле нравится, то пускай. Совет да любовь!

Стеф, не столь приметливый, как Лис, выводами дракончика остался доволен едва ли не больше Латте. Он, конечно, был рад за ифринг, но куда больше эльф радовался другому. Красавчик-василиск, кажется, не понравился Яне, и она не понравилась ему. Почему это так радовало его, староста пока не успел проанализировать. Тролль же и юный дракон просто радовались усилению компании за счет четверокурсника-василиска.

Ифринг смешалась и зарозовела окончательно, пробормотала что-то о том, что боится опоздать, и со всех ног дернула по направлению к учебному корпусу, где по расписанию у нее начиналось расоведение.

– Эй, Иоле, а коврик выбирать? – крикнула вслед соседке опомнившаяся Янка.

– Купи, пожалуйста, сама, какой захочешь, – отозвалась заробевшая беглянка, не соблазнившись приглашением на халявный шопинг.

– Ладно, – пожала плечами Донская. В конце концов, Иоле и так всю комнату обставляла, посуду покупала, надо и второй соседке что-то сделать.

– Яна, с твоего позволения, я тоже попрощаюсь, – нехотя промолвил Стефаль, покосившись на тот самый корпус, где

проходила первая вводная лекция, объединившая три факультета.

С одной стороны, он был совсем не против подольше побыть в приятном обществе, с другой, процесс выбора и покупок мог затянуться, а опаздывать старосте категорически не рекомендовалось.

– Торопишься? – удивился Лис, для проверки мазнув взглядом по часикам на цепочке, которую Янка выпустила поверх форменного жилета, чтобы каждый раз за пазуху не лазить. При ее формах процесс был не очень удобен и мог вызвать слишком большой интерес противоположного пола.

– Я сегодня помогаю мастеру Тэйву собирать дары Игиды, – скромно признался Стефаль.

– Ух ты, интересно, должно быть, – по-доброму восхитился тролль. – Это тебя как старосту или как эльфа к почетной работе приставили?

– Думаю, и то и другое понемногу, – смущенно улыбнулся Стефаль. – Я когда на экскурсии в первый раз в Саду Игиды был, Хранитель предложил, когда на третий курс перейду, приходить. Мне там нравится. – Голос эльфа стал задумчивым, а длинные, как у девушки, ресницы мечтательно прикрыли глаза. – После пребывания в золотом свете детей Игидрейгсиль словно сил прибавляется и думается лучше.

– Тогда счастливо, вечером увидимся, – решила не тратить время на дальнейшие расспросы Янка, помахала старосте рукой и быстрым шагом направилась к лавке. Напарники составили компанию.

Пухленькая, вся какая-то по-домашнему уютная феера уже поджидала покупателей за прилавком с самой солнечной улыбкой на губах, ямочками на щечках и смешинками в глазах.

– Доброе утро. Мне бы коврик в комнату, вот такой или немного побольше. – Янка поздоровалась и изобразила руками примерный размер потребного аксессуара для прихожей.

– Какой цвет хочешь? – улыбнулась волшебная продавщица.

– Наверное, такой, чтобы грязи не видно было, а остальное не важно, – пожала плечами студентка и, спохватившись, продолжила: – А еще мне туфли для девушки-первокурсницы надо подобрать, чтобы она в них на физкультуру ходить могла. Только я ее размера не знаю. Сможете?

– Смогу, – кивнула феера, протянула ладонь, ласково погладила Янку по голове и упорхнула со словами: – Подожди, девочка.

– Чего это? – удивился поведению фееры Машьелис.

Хаг открыл было рот, чтобы высказать свои предположения, да не успел, хозяйка лавки ответила сама, чуть повернув голову:

– Бескорыстию радуюсь.

Не успела толстушка исчезнуть средь полок, как Янка хлопнула себя по лбу и пробормотала:

– Вот блин, опять забыла блеск или гигиеническую помаду для губ попросить. Не все же соседку обирать!

Лис раскрыл рот, чтобы добавить какой-нибудь комментарий, но тут вернулась с товаром феера и спросила:

– Погляди, берешь?

Коврик был широким, круглым и ярким, как яичный желток, очень симпатичным, Янка сразу поняла, что хочет такой в комнату. И пусть даже на нем грязь видна будет, все равно хочет.

– Грязь он соберет, а сам чистым останется, – словно отвечая на мысли покупательницы, ответила феера.

И Янка решительно выпалила:

– Беру! Сколько?

«Ну и пусть золотого, выданного Гардемом, не хватит, свои деньги добавлю. Зато Иоле порадуется!» – рассудила девушка.

– Три серебряных, – назвала цену продавщица и выставила перед Яной обувь. Это было что-то среднее между туфлями и мокасинами, даже на вид очень удобное, практичное и вместе с тем красивое, с ненавязчивой вышивкой.

– Какая красота! А сколько туфли стоят?

– За туфли ползолотого, – ответила феера. – Твоя подруга их до выпускного носить будет, если не надоест!

– Это вам не Портаччи, – тихо прокомментировал Лис, одобряя покупку. Хаг только хмыкнул. Вообще с советами под руку к напарнице парни не лезли, предоставив ей возможность торговаться и выбирать самой.

– Спасибо вам огромное! – от всей души поблагодарила продавщицу девушка и спохватилась, аж покраснев от стыда, – это ж надо, едва не забыла: – Ой, совсем забыла, а гребешок у вас можно купить – такой, чтобы волосы разбирать помогал? А то мне Стеф подарил, а сам-то без расчески остался!

– Есть такие, по золотому отдаю, – кивнула феера.

– Тогда можно два? – разохотилась Янка, услышав четкую, пусть и немалую цену. – Я еще подруге в подарок возьму!

– Можно, – согласилась продавщица, и в руке ее появились два гребешка: один явно девичий, с тонким узором серебряной проволоки и яркими, как глаза Иоле, голубыми камешками-цветами, а второй из какого-то дерева цвета старого янтаря, теплый не только на вид, но и на ощупь. – Золотой с тебя, щедрая душа.

Продавщица еще разок улыбнулась и кинула поверх гребешков тубус с почти бесцветной помадой, флакончик с

перламутровым лаком и явно косметический карандашик.

– Ой, как хорошо, спасибо громадное за все! А почему не два золотых? И еще за мои мазилки… – растерялась девушка столь странному счету. – Вы не ошиблись?

– Нет, – покачала головой удивительная владелица лавки, упаковывая покупки так проворно, что сразу становилось ясно: и тут не обошлось без волшебства. Чтобы такая куча всего, да в маленькую холщовую сумку поместилась!

– Спасибо большое еще раз, – от всей души поблагодарила Яна замечательную фееру, расплатилась и забрала тканую сумку с товаром.

Теперь следовало поторопиться на урок. Вряд ли для мастера Тайсы веской причиной, оправдывающей опоздание на занятия, стал бы ответ: «Задержались в лавке, выбирая товар!»

Глава 23
Медитация и секреты знаков

Довольные каждый на свой лад, трое ребят ввалились в зал медитации одними из первых. Первокурсники подтягивались лениво, зевая и потирая сонные глаза. Кажется, даже завтрак большинство пропустило из-за желания подольше поваляться в постели. Янка таких не осуждала. Сама бы полежала, если бы не Иоле, поднимающая своим примером понадежнее любого будильника. Эти-то агрегаты на Донскую никогда не действовали. Пребывая в полусне, девушка умудрялась отключить зловредный механизм и завалиться спать дальше. Потом, конечно, удивлялась: и когда только успела? Из-за этого, чтобы не проспать в институт, Яна ставила громкость прибора на максимум и прятала его в соседней комнате на шкафу. При таком раскладе выключить будильник, не просыпаясь, становилось невозможным даже для сони.

Пока не явилась сильфида-тиран, по недоразумению именуемая мастер-преподаватель медитации, Лис вытащил из сумки справочник и зашелестел страницами. Надеялся быстро отыскать тот самый знак, который красовался на листе Игиды, нахально отметившем лбы троицы абитуриентов без предварительного согласия.

Поскольку значок помнил четко только дракон и ему же было дано поручение от декана, Машьелису напарники и отдали карты в руки. Только педантичный Хаг подсказал методу поиска:

– Ты сортировку по признакам начертания посмотри. Там круговые знаки в отдельный раздел выведены.

– Умггам, – выдал то ли согласие, то ли рекомендацию засунуть свой совет в известное всем место Лис и продолжил шелестеть страничками. Шелестел, шуршал, пока зал наполнялся болтающими студентами. Те рассаживались по своим коврикам и обменивались впечатлениями о дне минувшем. Любительница сплетен и слухов Тита начала расспрашивать Янку и Юнину про вчерашнее происшествие. Хорошо еще остальные студенты, исключая Еремила, особого интереса к теме не проявили. А парня гораздо больше тревожило самочувствие симпатичной, пусть и вздорной вампирши, нежели идиотские слухи о романе старосты и студентки-первокурсницы.

– Две глупые курицы навоображали себе неизвестно чего. От этого случайно пострадала Ириаль. Девиц декан строго наказал. И нечего об этом трепаться, Тита, – отмахнулась Яна, сурово

сдвинув брови.

Добросердечная Юнина, заметив тревогу Еремила, подхватила эстафету и принялась рассказывать о том, как утром навещала Ириаль в лечебном корпусе. Оказывается, Шойтарэль уже успели вылечить полностью. Только кожа на ноге пока была очень тонкой, поэтому мастер Лесариус велел пациентке еще денек полежать под присмотром целителей. Но сама эльфийка собиралась навестить напарницу еще разок после занятий!

– Как удачно! Ты ей передай, мы декана попросили, он обещал поговорить с комендантом и все уладить. И вот еще, новая пара вместо испорченной, Гардем заплатил, – вывалила на Юнину немаловажные новости и заодно сумку с обувью Яна. Мелкие покупки девушка переложила в карман учебной сумки, а коврик по-быстрому скатала да засунула в основное отделение так, чтобы он торчал сбоку, но не мешал.

Пока вспоминали вчерашнее происшествие, Лис деловито шарил в справочнике, потом замер, нахмурился, скользя взглядом по странице, как-то странно болезненно скривился и резко захлопнул тяжелый том. Почему он это сделал, ни Хаг, ни Яна спросить не успели. В зал впорхнула сильфида. Радужный всплеск крыл заставил солнечный свет, спокойно струящийся из окон, вспыхнуть и засиять мириадами красок. Пестрые зайчики заскакали по стенам, потолку и полу. Пораженные студенты аж рты раскрыли, а невозмутимая учительница приземлилась в центр помещения, спрятала крылья, сыгравшие роль сигнального колокольчика, и объявила:

– Ясного дня, дорогие мои, начинаем занятие, направленное на гармонизацию жизни, достижение внутреннего покоя и оптимального баланса энергии. Для начала сядьте поудобнее на свои коврики, посвятим пятнадцать минут дыхательным упражнениям. На счет раз…

Тайса, приняв излюбленную позу в воздухе, с неумолимой мягкостью направляла действия студентов. Те старательно пыхтели и дышали. Примерно у трети кое-что действительно получалось. Жаль, что Янка к этой трети не относилась. На матрасе было неудобно, не получалось ни расслабиться как следует, ни сосредоточиться.

– Яна. – Голос преподавателя вытряхнул девушку из жалкого подобия медитации.

– Да, мастер?

– Ты пока не можешь здесь заниматься с нужной степенью отдачи, – спокойно сообщила Тайса студентке. – Хорошо что у тебя есть возможность использовать пустой лист Игиды вне зала. На эту пару даю тебе индивидуальное задание. Пройдись по

академии и попробуй подыскать место, где тебе будет в достаточной степени комфортно, чтобы успешно работать с пустышкой. На следующем занятии отчитаешься о результатах. Все поняла?

– Как же мне найти такое место? – только и спросила Яна, осчастливленная загадочным заданием.

– Только пробуя. Ищи, пытайся. Возможно, не сегодня, но в следующий раз или позднее у тебя получится. Ты занималась индивидуально?

– Да, но плохо получается. А со счетом без отвлечений вообще никак, – засопела Янка.

– Не страшно, время есть. Пусть пока так. Чтобы добиться прогресса, ищи свое место комфорта. Для людей из миров, лишенных магии, на первых порах это немаловажно.

– А мы? – капризно уточнил Пит, манерно отбросив длинные волосы на спину и захлопав длинными ресницами.

– А вы, студент, продолжаете дышать. Именно дышать, а не хрипеть, как чахоточный жеребец, – хлестнула голосом сильфида. – Ваш дар достаточно силен, чтобы адаптироваться к любым условиям тренировки, подстроившись под них. Лишняя нагрузка ему не повредит.

Землянка горько вздохнула. Нет, не от зависти к более талантливым сокурсникам. Задержись Янка в зале, она могла бы продолжать делать вид, что чего-то пытается добиться, и по возможности филонить, но теперь, когда ее послали на поиски, такой роскоши у девушки не осталось. Глядеть в глаза Тайсе и врать о тщетных провальных попытках найти место покоя язык у Янки точно не повернулся бы. Оставалось под завистливыми или сочувственными взглядами – последние подарили те, кто поумнее, вроде молчаливой Ольсы – взять сумку и выйти из зала. Первокурсница спустилась по лестнице, мягко притворила за собой входную дверь тихого в час уроков корпуса и вышла на воздух. Яна остановилась, пытаясь сообразить, куда ей вообще идти. Ничего не придумалось, и потому девушка поплелась куда глаза глядят, просто стараясь держаться подальше от учебных корпусов и студентов.

В городе идти куда глаза глядят никогда не считалось безопасным времяпрепровождением. Можно было вляпаться в такие неприятности, из которых ни одна полиция не вытащит. В родном поселке бродить спокойно тоже отродясь не получалось. Там был знаком каждый камень и каждый, ну или почти каждый, встречный норовил не только поздороваться, а еще и пристать с вопросами о здоровье всех членов семьи Донских, сообщить о самочувствии своего семейства и завести разговор из области

общих знаний политики и экономики. Потому, если где Янка и ходила свободно, почти ни о чем не думая и не отвлекаясь на пустой треп, так это в лесу за поселком. Вот там, соблюдая негласное правило, никто с расспросами-здоровками друг к другу не лез. Дурной тон, однако, чужой добычей и местами ее сбора интересоваться! Достаточно было прихватить из дома корзину – символ сбора грибов да ягод, – и ты до выхода из леса становилась почти невидимкой.

Именно поэтому по старой привычке девушка направилась в сторону не то парка, не то леса. Для Янки магический переводчик АПП обозвал уголок растительности лесопарком. Староста Стефаль, проводя беглую экскурсию по академии для новичков, уточнить, как правильно обзывается этот участок, не смог. С одной стороны, он находился на огороженной территории АПП, потому формально являлся парком, с другой – в парках в принципе возможно заблудиться только тому, кто страдает географическим кретинизмом в острой степени. Однако в этом парке периодически пропадали студенты. Причем пропадали настолько серьезно, что искали их силами всего преподавательского состава с использованием магии. Иногда находили…

Словом, первокурсников, порученных его опеке, староста предупредил лично, остальных просветили староста третьего курса и стенды с правилами, вывешенными в общем зале. Кто не читал, тот сам себе злобный Буратино.

Страсти к риску ради риска Яна никогда не испытывала. И в неприятности влипать не собиралась, и в дебри лесные лезть тоже. Но побродить по кромке леса сочла нужным для того, чтобы поразмыслить и, чем черт не шутит, отыскать то самое удобное место для занятий. Если Яне всегда было хорошо в лесу, может, с него и стоит начать поиски? Раз уж на удобном и комфортном диване занятия оказались не особо эффективными.

Нет, диван или кресло Яне, конечно, нравились больше, но если Тайса сказала искать, значит, надо искать. Вот девушка и брела по тропинке среди знакомых, не очень знакомых и совершенно незнакомых растений. Хорошо еще ботаники в расписании у блюстителей пока не стояло, значит, можно было просто смотреть и не содрогаться при мысли, что все это безобразие заставят учить по названиям и отличать друг от друга.

У Янки еще были свежи в памяти уроки ботаники земного ВУЗа. На них бедные студиозы под контролем преподавателя-новатора пытались идентифицировать ветки деревьев и кустарников. Свежесть идеи заключалась в том, что листья на охапке хвороста отсутствовали как класс, были только почки.

И если каштан или березу Янка худо-бедно опознать смогла, то основная масса хвороста так и осталась тайной за семью печатями и обернулась перезачетом. Его девушка сдала только с помощью товарки по несчастью, оказавшейся более приспособленной к опознанию веток.

Здесь в лесу неизвестных растений с листьями и без, конечно, имелось на порядок больше. Потому на всякий случай ничего трогать, а тем более пробовать на вкус, как Лис, сующий в рот что попало, Яна не собиралась. Она просто шла и печально сопела.

Шумные вздохи студентки привлекли внимание еще одной гуляющей во время занятий персоны. На тропинку перед девушкой выступила Леора и, приветливо улыбнувшись, спросила:

– Чего сопишь? Насморк?

Яна глянула во внимательные и чуть печальные, без тени насмешки, глаза преподавательницы и без утайки поведала причины своих блужданий и затруднений. Леора наморщила лоб, как-то смешно, по-девчоночьи, погрызла палец, превратившись из взрослой преподавательницы в почти ровесницу, и задумчиво предложила:

– Сходи к заводи. Ты ведь, как мне видится, река по нраву. Тиха, плавна и неторопliва в движении, но рушишь преграды, вставшие на пути, а волной можешь смыть обидчика… Тебе должно подойти.

– Возможно, – с сомнением протянула Яна, никогда особенно не доверявшая гороскопам и всякой хиромантии, через букву «е». – А где заводь?

– Пошли, провожу, – сжалилась над первокурсницей женщина и легким тычком подтолкнула к левой развилке тропинки. Она выглядела как тупик, упирающийся в заросли чего-то темно-зеленого с листьями-ланцетами на серых ветвях. На вид грозные, они неожиданно мягко подались под рукой, открывая путь. Дальше тропинка выглядела менее утоптанной. Трава по бокам и на ней казалась сочнее и ярче. Потом почва начала чуть проседать под ногами, и, вильнув в последний раз, тропка вывела к широкому полноводному ручью. Как раз напротив тропки ручей расширялся, образуя небольшую, метра четыре максимум, заводь. Над ней пологим мостиком нависало заросшее мхом у корней широкое дерево с гладкой корой.

Место выглядело уединенным и удивительно уютным. Леора кивком головы показала на ствол:

– Ну как местечко?

– Симпатичное, – признала Яна, благодарная за время и силы, потраченные учителем, чтобы помочь неумехе-студентке.

– Забирайся туда, это несложно, и занимайся, – скомандовала мастер.

Яна с сомнением смерила взглядом толщину дерева, угол его наклона, подумала о своих шансах на купание и поняла: все равно полезет. Отказаться сейчас было бы просто некрасиво. Да и сидеть осенью на траве у водоема – не лучший способ сохранить здоровые почки. Дерево же выглядело сухим, на его ствол щедро лился солнечный свет, и кора в отличие от травы в тени, скорее всего, была теплой и приятной на ощупь.

– Спасибо! – сказала девушка и пожалела, что ничем, кроме слов, за совет и заботу не может добрую женщину поблагодарить.

Соображая, как лучше забраться на дерево, Яна положила сумку среди корней и собралась лезть. И тут грудь слева ощутимо кольнуло. Как если бы под блузку попала искорка от костра или забрался красный муравей, куснувший за первое, что на зуб пришлось.

Янка зашипела, дернулась почесать укус сквозь ткань и наткнулась на свой медальон – подарок Иоле. Сам по себе он кусаться и колоться не мог, но… Девушку посетила странная мысль: что, если «кусался» знак Игиды? Тот самый лист, который позавчера ей перепал на экскурсии. ЕЗУ, знак Судьбы. Колоть стало сильнее, рассерженная Яна за цепочку вытащила украшение наружу. Когда выдергивала, задела медальон. Створки раскрылись с едва слышным щелчком – и лист выпал. Но не в траву, его подхватила рука Леоры.

– Кажется, это твое? – улыбнулась учительница, подавая девушке знак Судьбы.

Яна протянула руку и отдернула ее, почувствовав новый укол в пальцы. Подарочек оказался с сюрпризом. Он явно не желал больше мирно висеть в медальоне. «Нет, и не надо, – рассудила девушка. – Легко пришло, легко и уходит».

– Уже не мое, теперь ваше, – ответила Яна учительнице. – Не знаю, на что эта штуковина годится и может ли быть чем-то полезна, но возьмите себе. Вдруг понадобится? Ко мне она явно возвращаться не хочет.

– Понадобится? – печально усмехнулась Леора. – Вряд ли, но спасибо за твой дар.

– Вам спасибо, – отмахнулась девушка и, опустившись на корточки, осторожно поползла вверх.

Ствол не качался. Его склоненная макушка надежно упиралась в развилку дерева по другую сторону ручья. Кора под пальцами не скользила и не цеплялась за колготки. Потому впервые за последние как минимум десять лет Яна спокойно влезла на дерево, чтобы там просто посидеть. Ясное дело, по

приставной лестнице на бабушкины яблони забираться было куда удобнее, но и с новой задачкой девушка справилась.

Леора, проводив Янку в чудесный уголок, удалилась, не прощаясь и совершенно незаметно. Немного поерзав в поисках самого удобного положения, девушка уселась над заводью, свесив ноги к воде. Ветерок гнал мелкую рябь, какие-то маленькие черные не то рыбки, не то головастики сновали в глубине, колыхались редкие водоросли, несколько желтых листиков качались корабликами сверху. Тихонько шумел лес. Где-то неподалеку тенькала одинокая птичка, жужжал жук. Светило солнышко, и неспешно плыли по небу редкие облачка, похожие на гигантские пушинки облетевшего одуванчика. Крики студентов доносились откуда-то издалека.

Впервые с момента попадания в АПП Янка осталась в одиночестве и умиротворенно вздохнула, только сейчас ощутив, насколько ей не хватало возможности уединиться. Девушка хорошо относилась к большей части новых знакомых, однако, чтобы отдохнуть по-настоящему, Яне требовалось хоть ненадолго остаться совсем одной.

Полуприкрыв глаза, она подняла голову к небу и блаженно улыбнулась. Правильное дыхание и расслабленность, те самые, о которых так убедительно говорила Тайса, пришли сами собой. Девушка дышала, сидела, мысли текли легко и свободно, как те облачка. Наслаждаясь состоянием внутреннего уюта, Яна мимолетно подумала, что именно этот миг она хотела бы растянуть если не на вечность, то хотя бы на полдня. Однако необходимости не только сидеть и дышать, а еще и работать с листом Игиды в укромном уголке лесопарка, увы, никто не отменял.

Янка неохотно вытащила лист из кармана и на всякий случай глянула на часики. Ой! Куда делся целый час, было совершенно непонятно! Неужели она совсем утратила представление о времени, наслаждаясь покоем? На занятия осталось всего ничего. Зато, мысленно подбодрила себя девушка, она отыскала то самое место гармонии, рекомендованное для медитаций. Вряд ли во всей академии сейчас нашлось бы более уютное для Яны местечко. Что она будет делать позднее, когда похолодает, студентка пока предпочитала не думать. Она решительно сжала лист в пальцах и представила, как тонкая струйка энергии течет из ее руки, заполняя пластину. Почему-то еще захотелось представить и другое: как от воды к той самой точке сбора силы, расположенной пониже пупка, тоже поднимаются прозрачно-голубые ниточки энергии. Поднимаются, чтобы из шарика потечь в руку.

Пальцы в процессе работы стало ощутимо покалывать. Как если бы Янка отлежала конечность, придавив во сне. Новое ощущение разрушило сосредоточенность. Девушка заморгала, уставившись на тонкую, как всегда, каемочку света на пластине. Подняла кулон и глянула на часы. Время занятия медитацией почти вышло. А ведь еще надо было вернуться в корпус и подняться в аудиторию на следующую пару – к декану.

Спрятав лист-пустышку в карман на груди, Янка обхватила ствол и, осторожно пятясь, поползла вниз. Сейчас девушка от всей души завидовала великолепной физической форме напарников. Они бы не корячились жалкими крабиками, а спокойно встали и пошли по бревну, нет, не пошли, побежали, закрутились колесом или попросту спрыгнули. Ей же оставалось лишь ползти и думать о предстоящих дополнительных занятиях, обещанных физкультурницей Леорой.

Насчет возможного коварства учителя, предложившего ей в качестве уютного местечка для медитации наклонное бревно – для тренировок на ловкость и балансировку, – наивная Яна даже не подумала.

Обратную дорогу вопреки зловещему предупреждению старосты девушка нашла без труда. То ли навык ориентирования в лесу, приобретенный однажды на Земле, работал и в другом мире, то ли студентка банально не успела забраться в чащу настолько далеко, чтобы влипнуть в неприятности. И все равно до корпуса на занятия пришлось идти быстрым шагом, тогда как остальным ребятам всего-то и надо было спуститься на второй этаж.

Отмедитировавшие в зале загадочной сильфиды Тайсы однокурсники сидели и болтали в аудитории. Самые сознательные или трусливые шуршали страницами конспекта прошлого урока и справочника, опасаясь возможного опроса декана. Своеобразное чувство юмора Гадерикалинероса студенты оценить уже успели, как и приобрести здравую осторожность по отношению к его обладателю.

– Ты как? – заботливо спросил у Янки тролль, наклонившись в ее сторону.

– Хорошо, мне Леора отличное место подсказала, – улыбнулась девушка и больше ни о чем рассказать не успела.

Декан вошел в аудиторию за долю секунды до звонка колокола. Нарочно он так рассчитал, или вышло случайно, Янка не поняла. Но получилось эффектно. Шум стих словно по мановению волшебной палочки. Гад взошел на кафедру и поздоровался:

– Ясного дня всем, кого уже видел и кому еще не выпало

счастья повстречаться со мной сегодня. На этом занятии никакого опроса не будет. Так что можете выдохнуть и отложить справочники. Обычно я не трачу время лекций на проверку знаний студентов. Но, прошу заметить, ключевое слово в моей речи – обычно – не отрицает возможных исключений из правила. Об оных, разумеется, я вас предупреждать не намерен.

Сегодняшнее занятие мы посвятим изучению знаков Игиды, в теле коих – а тело, напоминаю, есть участок основной концентрации черт знака – имеется замкнутая окружность. Итак, знак ЕЗУ – суть судьба – один из самых могущественных знаков общего использования. Его толкования столь разнообразны, что зачастую могут противоречить друг другу. Тем не менее в самой их противоречивости никакого противоречия нет, – облокотившись на кафедру, взялся просвещать студентов Гад. – Кто мне скажет, почему?

Вверх взметнулись руки Ольсы, Юнины и старосты-гоблина.

– Да? – Декан милостиво указал пальцем на паренька.

– Вы сами говорили нам на прошлом занятии, что каждый, кто его использует, дает свое толкование знака и лишь его представление о значении, совпадающее с частью сути знака, помогает проявиться силе, – выпалил взволнованный студент.

– Верно, – согласился Гад и перевел для той части аудитории, у которой спич гоблина вызвал резкое остекленение взгляда. – Мы сами придаем знаку смысл! Лишь через наше понимание его сути проявляется сила Игиды.

Дождавшись, пока студенты законспектируют сию свежую мысль, декан продолжил свой рассказ:

– Знак Судьбы может как разрушить уже сложившиеся связи, так и построить их там, где, казалось бы, ничто построено быть не может…

Яна добросовестно писала, порой даже не вникая в написанное. Все равно ведь вечером придется перечитывать. Надо отдать декану должное, рассказывал он интересно, и не его вина, что обилие информации вызывало у девушки перегруз и, как следствие, отчаянную зевоту. Всеми силами бедняжка боролась с сонливостью, стараясь хотя бы сцеживать зевки в кулак.

Время от времени лектор встряхивал аудиторию очередным вопросом на сообразительность. Янка молчала – все равно она или не знала ответов, или не успевала сообразить быстрее однокурсников.

Звонок колокола девушка встретила если не с радостью, то с искренним облегчением. Захлопнув конспект, бедняга спрятала лицо в ладонях и сладко зевнула. Декан объявил:

– Занятие закончено. До встречи на завтрашней лекции!

Тройка Донской, задержитесь. Остальные свободны.

Гомонящий народ, бросая на группу приговоренных сочувственные взгляды, поспешно вымелся из аудитории.

Дракончик, которому декан обещал разговор о руне, настучавшей всем троим при попадании в АПП, всю лекцию сидел как на иголках, хмурился и бросал странные взгляды на напарников. А сейчас с каким-то пьяным задором, словно провоцируя скандал, спросил:

– А почему это тройка Донской? Вы ее нам в лидеры назначили?

– Не претендую, – пожала плечами Яна, никогда не чувствовавшая в себе задатков командира.

– Она среди вас единственная дама. Или я чего-то не знаю о тебе, Машьелис? – подколол Гад белобрысого задиру, склонив голову набок.

– Парень я, парень, – буркнул тот. – И все-таки?

– У вас в группе пока нет лидера, назначать его в приказном порядке, делая старшим тебя или Хага, нельзя, можно сбить настройку на слаженную работу тройки. Потому я сказал так, как сказал. Понятно?

– Да, – вздохнул Лис, поставив локти на стол, он принялся ожесточенно ерошить свои кудряшки.

Хаг с едва уловимым беспокойством пожал плечами, переглянулся с Яной и на всякий случай пододвинулся к напарнику поближе. Что уж тролль планировал делать для усмирения потенциального буяна – обнимать, вязать или нечто более экзотическое – так и осталось неузнанным. Декан спустился с кафедры и, присев за стол напротив ребят, первым начинал беседу:

– Чувствуется, ты нашел значение знака.

– Нашел, ФАРД, – согласился Лис, дернув уголком рта. – Три значения. Союз. Узы. Дружба.

– И почему-то очень не рад своей находке, – почесывая нос-хобот, уверенно предположил Гад и справился: – Что тебя встревожило, Машьелис?

– Этот ваш листок со знаком Игиды побарабанил по мне, Янке, Хагу, а потом сломался, осыпаясь пылью. Листок ломается при активации. Выходит, наше желание дружить – фальшивка? Нас принудили что-то чувствовать магией?

– Именно это тебя тревожит? – тоном записного психотерапевта зачем-то еще раз уточнил декан.

– Нет, – подавшись в сторону дэора и оскалившись, агрессивно и отчаянно выкрикнул Лис. – Пусть магия. А что будет, когда ее действие кончится?

– Успокойся, – неожиданно мягко, с сочувствием промолвил декан. – Знак дружбы не способен к жесткому и тем паче длительному принуждению. На краткий срок – несколько минут – он может создать иллюзию товарищеских чувств, побудить к доверию. Но не более того. Это один из вариантов мгновенного воздействия. В вашем же случае, я считаю, знак ФАРД подействовал иначе. Он подтолкнул, ускорил возникновение взаимных симпатий у вас троих, сэкономив время на взаимную притирку.

– То есть сейчас на нас этот знак не действует? – практично осведомился Хаг.

– Именно так, – торжественно подтвердил дэор и, нарушив патетичность момента, шутливо подмигнул троллю.

Лис перевел дух и как-то обмяк на стуле. Янка укоризненно покачала головой, пробормотала:

– Можешь опять ругаться, что я тебе ребра ломаю, – и от всей широкой русской души обняла худощавого дракончика.

– Могу, но не буду, – отозвался совершенно счастливый блондинчик куда-то в подмышку девушки и шмыгнул носом.

– Все это вы, право слово, можете делать и за дверью аудитории, – усмехнулся декан, вставая.

– За дверью неудобно, – укоризненно насупился довольный Лис, выпутываясь из объятий. – Нас дверью стукнуть могут, мы сдачи дадим и опять отработку получим. Вы нас и так на ежедневное мытье трех пролетов за красивые глаза наказали. Наверное, это все из-за Янки.

– Почему из-за меня? – удивилась девушка, собирая вещи в сумку.

– Потому что нельзя так хорошо убирать! – обвиняюще ткнул перстом в плечо напарницы дракончик. – Нашим мастерам так твои отмытые плиты понравились, что теперь они желают узнать, каков настоящий цвет лестницы. Но, кажется, она куда грязнее площади, потому и мыть нам ее от сегодня и до конца семестра.

– Радуйся, что им пока не пришло в голову проверить настоящий цвет камня стен всех построек и дерева Игидрейгсиль до кучи, – мрачно пошутил Хаг и привычно отобрал у напарницы сумку. Та даже не попыталась уцепиться за ремешки.

Глава 24
Теория, практика и странности предсказаний

После обеда, не нарушенного никакими скандалистками, присмиревшими от деканского разноса, тройка отправилась на новое занятие с занудным названием «Теория предсказаний». Зачем этот предмет блюстителям пророчеств, Янка не понимала, но предполагала, что большей частью для заполнения расписания и набивания голов студентов теоретическими знаниями, не имеющими никакой практической ценности. Такого рода предметов и в земном университете на первом курсе бывало предостаточно. Взять ту же философию! Ну зачем она аграрию или животноводу? Кому он о Канте, логосе или архетипах рассказывать будет? Картошке, сорнякам да коровам?

Хорошо хоть идти далеко не пришлось. Двухэтажный корпус для занятий был вторым из стоящей рядом со столовой и общежитием тройки. И большей частью там занимались сами пророки, которых в коридорах сновало множество. От желтых кантиков в глазах рябило посильнее, чем от мирной зелени.

Аудитория вопреки смутным опасениям Янки на гадальный салон с темными тяжелыми шторами, курениями, витающими в воздухе, оплывшими свечами и хрустальными черепами ничуть не походила. Или хрустальными полагалось быть шарам? Впрочем, не важно. Лекторий был копейка в копейку похож на тот, где проходило расоведение. Практически так же пусто, чисто и пахло чем-то свежим, вроде хорошего дезодоранта «После дождя».

За столом сидел мужчина. Никакой длинной бороды, очков-полумесяцев или пурпурной мантии, расшитой звездами вперемешку с астрологическими символами, на нем не имелось. Преподаватель был молод, высок, худ и скорее напоминал аскета-монаха, чем предсказателя. Короткая стрижка казалась бы вполне заурядной, если бы не редкостный, темного пурпура, цвет волос и маленькие рожки, прячущиеся в этом экзотическом газоне. На таком фоне шестипалая рука с аккуратными темно-вишневыми когтями смотрелась почти ординарно – в цвет густо-бордовой мантии.

В полном молчании мастер взирал на студентов, заполняющих аудиторию, так безмятежно, как медитирующий буддист следил бы за плывущими по небу облаками. Янкино трио по уже устоявшейся за три дня привычке расположилось на

втором ряду. Если попадались парты на три или четыре места, компания садилась в полном составе, если места было лишь два, Лис усаживался сзади и доставал напарников своими ехидными комментариями в спину.

Лишь когда колокол возвестил о начале урока, аскет-оригинал встал и заговорил приятным баритоном. Негромко, однако его голос заполнил аудиторию, как волна прилива заливает пляж.

– Я буду читать вам вводный курс теории предсказаний. Для факультета блюстителей пророчеств большого значения он не имеет, но прослушавшие лекции достаточно внимательно смогут свободнее ориентироваться в специфике предстоящих заданий.

Итак, предсказания издавна использовались большинством обладающих магией рас вселенной для планирования будущего в качестве наиболее эффективного инструмента.

– А как вас зовут? – выкрикнул с места Картен.

– Меня не зовут. Я прихожу сам, – тонко улыбнулся аскет, на долю мгновения продемонстрировав весьма впечатляющие клыки. – Вам на лекциях достаточно обращения – мастер.

– Демон, – уверенно зашептал на ухо Янке дракончик. – Это у них с именами такой перепляс!

– Употребление имен всуе, студент, свойственно далеко не всем разумным расам, – прохладно отбрил лектор Машьелиса. – В отличие от – вернемся к теме лекции – гаданий.

– Гадания частенько врут, – снова влез Картен, как ни пытался его утихомирить Максимус, которому за глаза хватило назначенных отработок.

– В неумелых руках и знак Игиды рассыплется пустой пылью, – невозмутимо продолжил таинственный лектор, прохаживаясь перед студентами. – Но, дабы мои слова не показались вам пустыми, мы проведем небольшой эксперимент.

Аудитория, попритихшая было от демонстрации клыков и зловещего имиджа безымянного мастера, существенно оживилась. Почему-то особенно женская часть первокурсниц.

– Я лично проведу любое гадание на ваш выбор, и вы сами сможете убедиться в его правдивости, – торжественно возвестил лектор, гордо вскинув голову.

– А как выбирать? – деловито осведомился староста-гоблин по праву официального лица курса.

– У меня на кафедре лежит каталог простейших методик гаданий. В нем три тысячи триста двадцать четыре страницы. На них подробно изложены две тысячи тринадцать методик, техник и способов предсказаний. Положимся на волю случая. Пусть любой из вас, вот хотя бы автор вопроса, подойдет к книге, откроет ее не

глядя и зачитает выбранное предсказание. Я незамедлительно проведу нужный ритуал. В том случае, если он будет ориентирован на личность, выберу любого студента из аудитории.

Повинуясь выразительному взгляду мастера, Кайрай, в авторитарном порядке назначенный добровольцем, покорно посеменил к кафедре. Гоблин шустро взобрался по двум ступенькам и опасливо, словно ждал нападения, уставился на книгу. Клыков у той не выросло, и вообще, лежал толстенный том в жизнерадостно-зеленой обложке вполне смирно.

– Открывайте резко, не раздумывая, и читайте заголовок, – проинструктировал лектор студента.

И тот одним рывком, словно хотел не открыть, а разорвать книгу, распахнул ее и выдал:

– Идеальный суженый.

– Неплохой выбор, зрелищный, – под оживленный шепоток первокурсников одобрил лектор, вопреки собственному одобрению слегка поморщился и притянул к себе книгу-журнал со списком первокурсников. Там, кстати, уже стояли пометки, выделявшие рабочие группы студентов, выявленные шэ-даром. Журнал вчера у Кайрая забирал для работы Гад, он же давал Раходу инструкции, касающиеся обязанностей старосты курса. Теперь бедняга гоблин, взваливший на себя бремя общественной работы, не только обязан был таскать журнал на все занятия, но и лично отвечал за его сохранность и неприкосновенность. Хорошо еще, что не головой.

– А студента как будете выбирать? – не замедлил влезть с вопросом любопытный Лис.

Перестав бояться загадочного преподавателя, дракончик начал наглеть. А значит, решила Янка, для которой поведение напарника успело стать индикатором опасности, никакой угрозы для студенчества клыкасто-когтисто-рогатый мастер не представлял, несмотря на всю свою таинственность и зловещий вид.

– Вот так. – Безымянный педагог вытащил из кисета на поясе (оттуда, где остальные преподаватели хранили листья Игиды) три черных кубика с золотыми точками и отработанным броском метнул их на кафедру. Костяшки покатились и встали одновременно, ни одна даже не подумала упасть на пол. Мастер усмехнулся и огласил результат: – Семь.

– И? – поторопил любителя многозначительных пауз Машьелис.

– И теперь я открою журнал вашего курса, чтобы огласить имя…

– Жертвы, – мрачно закончил за лектора кто-то сзади.

– ….студента, записанного под этим номером, – как ни в чем не бывало, будто его и не перебивали, закончил мастер.

– Яна Ивановна Донская, – огласил клыкастый мастер и уточнил: – Есть такая на лекции?

– Я, – не вставая из-за стола, раскололась девушка и отбросила косу за спину.

– Не любите гадания или не верите в них? – с толикой вежливого ехидства поинтересовался лектор, изучая жертву.

– Все разом, – честно призналась Янка.

– В таком случае вам сегодня представится замечательный повод изменить мнение! – деловито заключил лектор. С возгласом: «Позвольте!» – протянул длинную руку и вырвал у Янки из косы несколько волосинок.

– А попросить нельзя было? В косе всегда несколько выпавших найдется, – тихо буркнула девушка, потирая кожу.

– Нельзя, гадание требует свежего волоса, лично извлеченного из головы объекта, – отрезал неумолимый мастер и занялся приготовлениями к показательному ритуалу так, словно Янки вообще в природе не существовало.

Народ в аудитории даже шуметь перестал. Затаив дыхание, студенты наблюдали за разворачивающимся шоу. Окна закрылись плотными шторами, создавая атмосферу полумрака. Из кладовой за кафедрой мастер прикатил большое, в полный человеческий рост, зеркало, принес толстые желтые свечи в тяжелых подсвечниках-монстрах, достал курильницу и мешочек с какой-то травяной смесью.

Зеркало мастер установил в проходе между первыми столами первого и второго рядов, по обеим сторонам оправы расставил подсвечники, а внизу поместил курильницу, куда щедро насыпал травы из мешочка. Туда же бросил Янкины волосы. Потом прищелкнул ногтями, зажигая одновременно свечи и курильницу. На кончиках фитильков затанцевали ярко-оранжевые огоньки, из чаши под зеркалом повалил густой и весьма специфический с обонятельной точки зрения дым.

– Прошу заметить, студенты, никакой магии для самого прорицания я не использую и использовать не намерен. Нужный эффект достигается посредством применения необходимых аксессуаров и ингредиентов. Итак, внимание, произносим ритуальные слова и смотрим на результат!

Класс затаил дыхание. Уж больно эффектно смотрелась вся сцена: зеркало в тяжелой темной оправе, пламя свечей, дым, застилающий изображение, и сам лектор – высокая фигура в бордовой мантии.

– Суженый девы указанной, на свет иди, средь дыма бреди, нам покажись да обратно вернись, – торжественно прочитал лектор весьма заурядный и в чем-то даже знакомый Янке по детским «страшилкам» поселковых подружек текст.

Дым загустел до состояния плотного киселя, а потом резко, как занавес, был отдернут чьей-то властной рукой. Из зеркала на класс смотрел… ну кто бы мог подумать – сам лектор. Что, исходя из того, что мастер встал точно перед оправой, было самым возможным исходом предсказания.

Янка уже начала раздвигать губы в улыбке: «Ай да педагог, это же надо, так наколоть первогодков!» – но выражение лица отраженного лектора стало злобной гримасой, удлинились клыки, показался раздвоенный язык, глаза полыхнули алым. А сам-то мастер при этом вид имел не зловеще-хищный, а глубоко оторопелый. Когтистая длань зазеркального монстра потянулась к стеклу. Янка не выдержала, завизжала так, что зазвенели стекла, и она со всей дури двинула стол на мужчину.

Визг землянки рефлекторно подхватили остальные девчонки и почему-то Пит. Загремели свернутые могучей девичьей рукой стулья Хага и Лиса, стол врезался в бедро лектору и отшвырнул того от зеркала. Недалеко, всего на пару шагов. Но этого хватило, чтобы странный контакт, установившийся между реальным человеком, вернее, не-человеком, и его двойником нарушился. Злобно скрипнуло стекло, процарапанное когтями с обратной стороны, раздался еще более громкий, чем визг Яны, рык, исполненный ярости разочарованного хищника. Пламя в подсвечниках потухло, дымок в курильнице еще слабо трепыхался, но умирал.

– Вот тебе и пророчество, – сипло выдохнул Хаг, аккуратно возвращая стол на законное место. – Что это за тварь была, мастер?

– Зеркальный метаморф, – машинально отозвался преподаватель, потерявший изрядную долю самоуверенности и таинственной надменности. Вот сейчас он казался совсем молоденьким, не мастером, а аспирантом, которому доверили провести лекцию. Однако с растерянностью лектор справился довольно быстро. Он даже ловко вывернулся из конфузной ситуации, объявив демонстрацию состоявшейся, а целью оной – предупреждение студентов о возможной опасности проведения самостоятельных сеансов предсказаний без гарантированного одобрения и надзора учителя. Зазеваешься в недобрый час, а тебя хвать вот такая тварь из зеркала – и ам!

Потом гадатель отволок в кладовку инвентарь и быстро продемонстрировал студентам еще одно гадание, самое

элементарное, по его словам, разумеется, из области метеорологии. Это было не так эффектно, как вызов зеркального метаморфа, но тоже интересно. Лектор чуть наклонил большую, вертикально стоящую за кафедрой доску, и закрепил ее в таком положении самыми обычными болтами. Слазил в свой заветный мешочек на поясе и вытащил не кости, а горсть чего-то сыпучего.

– Сыплю, пересыпаю, о погоде гадаю. Дайте ответ: будет ясно иль нет, – пробормотал под нос импозантный клыкастый персонаж и без замаха метнул в доску горсть семян.

Они не осыпались, а прилипли каким-то, вероятно, самым определенным образом, подразумевавшим необходимость толкования.

– Руководствуясь толкователем образов из сыпучих веществ, – довольно объявил мастер, – я могу заключить, что завтра с утра будет короткий дождь. А во второй половине дня нас ждет ясная погода. Кто может объяснить, почему я использовал для гадания зерно?

– Наверное, то, как оно растет, шибко зависит от хорошей погоды, – стесняясь собственного предположения, отчаянно покраснела Таата.

– Верно, – одобрительно кивнул лектор. – Это одна из главных закономерностей в гаданиях. Для повышения их результативности лучше использовать те предметы, которые связаны с самим гадателем или с объектом гаданий. Итак, о несомненной пользе и эффективности гаданий можно говорить много, но главное вы, я думаю, усвоили. Потому открываем тетради и записываем тему: «Основные принципы и методы прорицаний».

– Зачем оно нам-то, блюстителям? – простонал кто-то с задних рядов. Кажется, Еремил.

– Затем, повторюсь, чтобы знать хоть что-то о пророчествах, которыми вы будете руководствоваться в своей работе, студенты, – рыкнул лектор и уже спокойным тоном возобновил диктовку. Больше никаких демонстраций он не устраивал, диктовал четко, но настолько быстро, что трепать языками студентам было решительно некогда. Так продолжалось до самого звонка, после которого народ с радостью рванул прочь из лектория. Пока Янка, вообще не умеющая спешить, а тем более не умеющая спешить без экстренной необходимости, неторопливо собирала вещи, лектор неслышно приблизился и вежливо попросил: – Яна, задержитесь.

Напарники уставились на девушку, та ответила пожатием плеч и миной: «Да откуда я знаю, чего ему надо, но идите, не съест же он меня». Парни вымелись за дверь, где, судя по звукам

и интонациям, разгорелась какая-то горячая дискуссия. Яна села обратно за стол.

– У вас очень хорошая реакция, Яна. Прежде проводили опасные ритуалы? – задумчиво и как-то оценивающе разглядывая студентку, спросил мастер, остановившись рядом.

– Нет, у нас в мире магии нет. Но про гадания похожие я слышала. Девчонки на уроках труда страшные истории рассказывали. О чем только не трепались, пока простыни подшивали. В одной, – Янка невольно передернула плечами, вспоминая «страшилки» Татьяны, великой мастерицы заинтриговать и запугать весь класс, – говорилось, что нельзя, чтобы кто-то из-за зеркала мог тебя коснуться. Беда случится. Вот я вас столом-то и двинула. Извините, если что не так.

– Вы правильно поступили, контакт с зеркальным метаморфом может привести к травмам, если не к гибели гадателя, – тихо признался мастер с некоторой неловкостью. – Я нарушил правила безопасности. Очень удивился увиденному и замешкался.

– Удивились? Вы же ничего, кроме самого себя, не видели? – непонимающе захлопала ресницами Янка. – Или вы что-то другое там видели?

– Ничего другого, но гадание-то я проводил для вас, – мрачно признался лектор под аккомпанемент бешеной барабанной дроби в дверь. Бурная дискуссия за дверями уже перешла то ли в скандал, то ли в драку, створки распахнулись, и явились Хаг с Лисом, держащие на вытянутых руках какого-то третьекурсника в мантии предсказателей. Вид у парня был изрядно перепуганный.

– Вот! – перехватив студента за шкирку, предъявил его тролль, серая кожа которого сейчас была какого-то мраморного оттенка. – Этот… – Хаг замешкался, подбирая цивилизованный эпитет, не нашел и воспользовался Янкиным. – Козел рогатый все подстроил.

– Мисаг Куяри, если не ошибаюсь. Четыре пересдачи зачета в позапрошлом году и три пробных экзамена в прошлом, – опознал неуча-предсказателя лектор. – Так что именно он подстроил?

– Говори! – тряхнул Хаг парня, как грушу.

Растрепанный неуч с трогательными веснушками и умилительно-выразительными голубыми глазками, какие сделали бы карьеру любой земной актрисе, шмыгнул свернутым набок носом и покаялся:

– Я в книжке закладку сделал, вы же всегда такое задание первачкам даете, и смесь для курений подменил. Ваш волос туда подкинул, мастер. Хотел только чуток разыграть, я не думал, что из-за этого чего-то из зеркала полезет…

– Ой, идиот, что же ты натворил, – простонал мастер, закрывая на миг глаза когтистой рукой. Потом с силой потер лицо и велел Хагу с Машьелисом: – Отпустите этого… недоумка. Он у меня в этом семестре не три или четыре, а тридцать четыре раза зачет сдавать будет.

– Это правильно, – одобрительно прогудел тролль, мало-помалу возвращая себе естественный цвет кожи и пряча клыки.

– Ректор собирает добровольцев для мытья плит на площади, – подсказал Лис, смерив шутника негодующим взглядом.

– Я учту, – поблагодарил рогатый педагог и скомандовал: – А теперь прочь с глаз моих, неуч. О наказании тебя известит староста.

Не дожидаясь повторного приглашения, Мисаг испарился из аудитории с космической скоростью. А лектор уже не приказал, а почти любезно, пусть и устало, попросил напарников Яны: – Подождите за дверью. Мы не закончили разговор со студенткой.

Парни переглянулись, пожали плечами и вышли. Лектор же перевел усталый, будто и не было недавних каникул, взгляд на землянку и пояснил:

– Недоумок Куяри случайно подстроил проведение помолвки по обычаям моего рода.

– И вы теперь чей-то жених? – удивилась Янка тому, что именно ей решили поверить такую щекотливую тайну.

– Именно. Ваш, студентка. Соответственно вы невеста Сейата Фэро, лорда Леоци. Временно. Без подтверждения действием узы помолвки распадаются сами. Надеюсь, вы, первое – промолчите о сложившейся неприятной ситуации, и второе – не станете настаивать на их закреплении? Вы, конечно, милая и отважная девушка, – рогатый джентльмен позволил себе извиняющуюся скупую улыбку, – но не соответствуете моим представлением об идеале супруги.

– Я, конечно, далеко не красавица, – флегматично и трезво согласилась Яна, а потом прибавила: – Но и вы, мастер, извините, как-то не в моем вкусе – раз, староваты – два, замуж в ближайшее время я не собираюсь – три. Зачем вы вообще мне про помолвку сказали-то?

– Узы помолвки создают некоторую связь. Я счел необходимым предупредить о возникновении возможных последствий, – сухо ответил Сейата Фэро, кажется, оскорбившись своей низкой котировке на рынке женихов и еще более определением «староватый».

– Это каких? – насторожилась девушка.

– Возможно, вы будете до некоторой степени ощущать мое

настроение и местоположение, – объяснил новоявленный жених поневоле. – Так же, как и я почувствую нити магических уз.

– Ничего не ощущаю, может, потому что у меня таланта к магии нет? – с совершенно наплевательским спокойствием облегченно призналась Яна.

– Возможно. Это к лучшему, – скупо признал мастер и кивком головы указал на дверь: – Долее вас не задерживаю. Еще раз прошу сохранить в тайне все сказанное.

– Ваше имя тоже? – на всякий случай (играть в шпионов, так играть) уточнила девушка.

– Имя можете сокурсникам назвать, – усмехнулся мастер. – Я обычно развлекаюсь прогнозами – к какому занятию студенты смогут его узнать.

– До свидания, – вежливо попрощалась Янка и наконец смогла выйти из аудитории.

– Ну? – взяли напарницу в клещи истомившиеся ожиданием и невозможностью подслушать хоть словечко парни. – Что он сказал?

– Поблагодарил. Имя свое назвал, – коротенько и правдиво отчиталась девушка, в остальном решившая исполнить просьбу учителя о сохранении тайны неудавшегося ритуала.

– И как его зовут? – заискрились интересом глаза Лиса.

– Сейчас вспомню. Что-то, связанное с Сатаной и железом, – наморщила лоб Яна и старательно сосредоточилась.

– Мое имя Сейата Фэро, лорд Леоци, – раздалось из совершенно неслышно приоткрывшейся двери.

Рогатый лектор, кажется, опять был не в духе. Может, из-за того, что Яна умудрилась забыть имя временного жениха через пять минут после знакомства?

– Ну да, точно, Сатана Феррум, – радостно согласилась Яна, пропустившая за погружением в глубины разума само явление мастера в бордовой мантии.

– Студентка, поясните-ка свои странные ассоциации и дайте их расшифровку. – Лектор навис над «невестушкой» зловещей тучей гнева. Расцветка мантии располагала!

– Э-э-э, – замялась Яна и таки ляпнула правду-матку. – Мне так проще запоминать сложные слова. По похожести звучания. Сейата похоже на Сатана, это в моем мире противник бога, он злой. А Фэро звучит почти как феррум – название железа из таблицы элементов.

Хаг и Лис ехидно заухмылялись. Новое прозвище лектора обретало плоть и кровь. Единственным шансом лорда Леоци остаться Сейата Фэро было убить всех трех студентов на месте и хорошенько прикопать трупы. Увы, такой роскоши он позволить

себе не мог.

Сейата фыркнул, хмыкнул, буркнул что-то неразборчиво-недружелюбное под нос и удалился, эффектно помахивая широкими рукавами мантии. А тролль, отдышавшись, утер слезы и поинтересовался:

– Вот как у тебя получается, Ян? Что ни ляпнешь, то преподавателю кличка?

– Случайно, – рассеянно отозвалась девушка, не слишком понимая причины веселья напарников. Может, им после лекции расслабиться захотелось, посмеяться? Тут и случай удачный подвернулся. А так они были готовы и после слова «лопата» заржать, как кони. Парни дома частенько такие номера откалывали.

– Так, знаки, медитация, пророчества… Чего у нас там дальше? – щипнул себя за мочку уха Лис.

– Расоведение, – напомнил тролль. – И на него мы уже почти опоздали.

– Тогда помчались! – азартно предложил Машьелис.

Он первым сорвался с места. Пронесся по недлинному коридору под удивленными взглядами немногих студентов-пророков, с разбегу прыгнул на перила лестницы и скатился вниз с залихватским посвистом – прямо в гостеприимно распахнутые объятия Сатаны Феррума, возникшего у подножия как по волшебству.

– Опять вы, студент, – озвучил очевидный факт мастер.

– Я, – скромно покаялся Лис с таким хитрющим выражением на физиономии, что в его раскаяние поверил бы лишь слепец.

– И куда же, позвольте уточнить, вы так торопитесь? – озвучил вопрос лектор, окидывая взглядом Машьелиса, подоспевшего Хага и чуть запыхавшуюся от бега Янку.

– На расоведение опаздываем, – откровенно, ибо в данном случае честность была лучшей тактикой, ответила девушка и прибавила: – Вы меня задержали после занятия, а напарники меня дожидались.

– Хорошо, идемте, – скомандовал лектор, то ли признавая свою вину, то ли одобрив ответ и творящийся беспредел в целом, а потому и решив возглавить его.

Как оказалось, первое предположение было ближе всего к истине. «Сатана» подвел троицу к очередной копии волшебного гонга, висящей на стене в холле, и стукнул молоточком по метке «корпус летописцев», после чего с наслаждением толкнул торопыг в образовавшийся проем портала. Открылся портал на нужном этаже. Так что к аудитории троица прибыла еще до звонка. Даже успела занять свое место.

Глава 25
Расоведение в лекциях и примерах

К Хагу, не дожидаясь, пока серокожий громила разложит вещи, подскочил Картен и протараторил:

– Эй, тролль, быстро расскажи мне чего-нибудь, чтобы я брякнуть смог, если спросят.

– Быстро только анекдот могу, – хмыкнул Хаг, эдак оценивающе глянув на человека.

– Давай, – поторопил парень носителя фольклорного достояния расы.

И Хаг дал с совершенно непроницаемой физиономией:

– Встретились в лесу три тролля-изгнанника из кланов и поспорили, кто из них ленивее. «Я вчера шел по лесу, зайца увидел в капкане. Так я голодным остался, лень было его готовить…» – «Я вчера под кустом валялся. Рядом три гриба росло, куст черники. Так тоже не поел, лень рот открывать было». – «А вы слышали вчера в лесу крики? Так это я себе на ногу камень уронил. Больно, а лапу поднять да отпихнуть его лень…»

– О, класс, спасибо! – искренне поблагодарил Хага голубокожий лодырь и под смешки да ухмылки более сообразительных однокурсников, уловивших соль троллей шутки, плюхнулся к себе за стол. Как раз вовремя. В аудиторию процокал Быстрый Ветер. Все так же лоснилась его рыжая лошадиная шкура и живописно рассыпались по плечам черные с проседью на висках волосы. Только аксессуары – браслеты, хайратник и подвески на груди – изменились.

Тряхнув эффектной гривой, кентавр лучезарно улыбнулся (девичья часть аудитории рефлекторно улыбнулась лектору в ответ) и звучным голосом поздоровался:

– Ветра в крыльях!

– Драконы? – вслух предположил Лис, задумчиво разглядывая бижутерию преподавателя.

– О да, – одобрительно кивнул сметливому студенту непарнокопытный лектор. – Уж коли начали рассказ о расах ваших сокурсников, будем последовательны, – кентавр показал глазами за спину тролля, на Машьелиса, – и поведем речь о драконах. Но для начала вернемся к вашему заданию, касающемуся прошлой лекции. Кто желает познакомить нас с устным народным творчеством троллей?

Лис между тем делился пришедшими в голову

соображениями с напарниками. Шептал громко, чтобы слышно было и Янке, и Хагу, и половине курса:

– У него не только приветствие, а все украшения драконьей работы! Клык даю!

– А в прошлый раз были чьи? – задумалась Яна, отвлекшись от проводимого Быстрым Ветром поиска добровольцев. Вызываться отвечать девушка никогда не стремилась. Не любила выступать перед классом, да и слушала охотнее, чем болтала.

– Не наши точно, небось своей расы, – отозвался Хаг. Он, может, и хотел бы шепнуть, но гулкий голос сводил на нет все попытки конспирации.

– Что ж, я вижу, у нас уже есть три добровольца, – не столько улыбнулся, сколько оскалился кентавр в лицо заболтавшейся троице. Будь у него клыки, получилось бы вообще жутко, но и с лошадиными крупными зубами вышло не слишком доброжелательно.

Янка тихо ойкнула и вжалась в стул, Лис повторил ее маневр. Спокойно остался сидеть только тролль. А Быстрый Ветер самым миролюбивым тоном продолжил:

– Поскольку Хагорсон является троллем, его выступление как знатока родной культуры мы перенесем на следующее занятие и попросим исполнить какую-нибудь из драконьих саг. Остается двое добровольцев. И мы, разумеется, не заставим ждать даму. Яна Донская, пожалуйста, вам место за кафедрой!

Щедрый взмах руки лектора указал нерадивой студентке место для выступления. Девушка нехотя выползла из-за стола и потопала вперед под отчасти сочувственными, отчасти завистливыми (надо же, кто-то хотел выступить!) взглядами однокурсников.

– «Орчья смерть» – откашлявшись, провозгласила Яна и запела:

Орков коварных разил я без счета,
Ярой зарею топор мой блистал.
Я их валил и рубил до рассвета,
Бился отважно, битвой дышал…

Звучный грудной голос девушки загулял по аудитории, наполняя ее, заставляя студентов замереть в удивлении. Никто не ожидал от неказистой человечки такого исполнения. Издавна пение считались стезей сирен и эльфов. Вот те как а-капелла, так и с музыкальными инструментами гарантированно срывали аплодисменты. Где-то в задних рядах ревниво насупился Пит Цицелир, приготовившийся поразить однокурсников дивными

руладами. Зря он, что ли, вчера в библиотеке торчал, над старыми нотами пыль глотал? И пусть песня-то была по-тролльи грубой, но голос-то и талант великолепного сирена должны были поразить всех, доказать, что ему нет равных среди певцов. А тут какая-то толстуха из людей. Никакого владения голосом, никаких волшебных рулад, почему же ее слушают?!

А Янка просто пела душой, полуприкрыв глаза, где-то там, откуда доносился ее голос, гудели яростно топоры, кричали, сшибаясь в схватках, бойцы. Именно потому и слушали девушку столь внимательно…

– Замечательно! Браво, я поражен, – искренне восхитился Быстрый Ветер первой выступающей и самым бархатно-интригующим тоном, будто свидание на закате назначал, продолжил: – А знаете, Яна, я хочу вам предложить зачетную тему для реферата – десять песен о битвах разных рас. Вам следует отыскать те, какие захотите исполнить, записать их и, разумеется, спеть нам. Как вам мое предложение? Согласны?

– Да, – кивнула студентка, мысленно проворчав: «И где, интересно, принято отказываться от заданий, если хочешь иметь зачет и не хочешь проблем?»

Между тем кентавр временно оставил мысль проверить готовность к уроку Лиса и переключился на парочку студентов, пропустивших предыдущее занятие. Взгляд мастера был скорее испытующим, чем доброжелательным. Скорее всего, он знал причины, по которым студенты отсутствовали на первой лекции, и не одобрял их.

– А теперь предлагаю завершить знакомство с вашим курсом! – кивнул кентавр в сторону гулен. – Представьтесь же и поразите нас знанием троллього творчества!

– Максимус Сар, человек, – первым встал из-за стола бедолага-приятель голубокожего авантюриста. В руках студент держал толстую тетрадь. – Я приготовил легенду «О первом камне». Зачитывать?

– Хм… – Кентавр забрал у добросовестного первокурсника тетрадку, исписанную мелким убористым почерком. (И когда успел-то? Неужели всю ночь писал?) Одобрительно покивал и решил: – Нет, я посмотрю после занятий и оценю ваши старания.

Максимус сел, Картен, расслабившийся было, когда встал приятель, поднялся с явственно разочарованной миной. Похоже, тунеядец рассчитывал пересидеть, пока за двоих будет работать трудяга-сосед. Голубокожий парень вылез из-за стола:

– Картен Рос, человек, – представился он в свою очередь, заставив класс удивленно загомонить. Еремил даже выпалил вслух:

– А почему голубой?

– Маленьким в чан с симерицей свалился, – буркнул парень. – Краситель стойкий из нее у нас на Мирасе делают, никакой магией не оттирается.

– Чрезвычайно интересный случай, – кентавр скрестил на груди руки, – и тем не менее подробности оставим на перемену, а пока поведайте нам, Картен, что-нибудь из приготовленного к уроку.

Голубокожий нахально улыбнулся и выдал свежестребованный с Хага анекдот. Кентавр иронично усмехнулся, показывая, что оценил шутку юмора и наглость студента оптом, подождал, не воспоследует ли продолжение, и даже уточнил:

– Все?

– Все, – подтвердил Картен, тряхнув длинной челкой, и находчиво пояснил: – Анекдот же про лень, еще чего добавлять – впечатление портить. Согласитесь, мастер?

– Соглашусь, – поразмыслив, хитро ухмыльнулся кентавр. – И предложу превратить эту, вне всякого сомнения, близкую вашему сердцу тему урока в тему реферата. Я думаю, сравнительную подборку баек о лени представителей, скажем, пятидесяти рас можно будет считать поводом для семестрового зачета.

– Да где ж я пятьдесят рас-то найду? – частично испуганно, частично удивленно выпалил Картен. Он явно не рассчитывал на такой исход переговоров.

– В академии учатся представители многих рас, – таинственным шепотом поведал лентяю Быстрый Ветер и продолжил уже нормальным голосом: – Ну а в том случае, коль они по какой-то причине или руководствуясь приступом той же лени откажутся с вами общаться, всегда можно обратиться к письменным источникам. В АПП обширная библиотека, в крайнем случае, мы обратимся к ректору Шаортан и подпишем пропуск на право выхода за территорию академии в день самоподготовки с целью посещения городского хранилища знаний.

При упоминании ректора голубокожий человек приобрел нежно-пастельные тона и замотал головой. Кажется, собирался пользоваться внутренними источниками информации в любом виде, только бы не общаться с грозной дракессой.

Быстрый Ветер довольно усмехнулся и закруглил опрос. Конечно, он пообещал продолжить его на первом же практическом занятии. А пока сосредоточился на объявленной теме урока.

– Драконы, – облокотившись о кафедру, аж зажмурился от

удовольствия преподаватель, и за спиной его и по потолку, и по стенам аудитории замелькали картины, изображающие быстрокрылых ящеров. – О, о них можно говорить, петь и читать стихи бесконечно. Удивительная раса, впрочем, не более и не менее удивительная, чем все расы нашей восхитительной вселенной. Давайте начнем с классификаций драконов. Их существует несколько. По способности к метаморфизму выделяют драконов единой ипостаси и драконов с двумя и более ипостасями. По способностям защитного дыхания драконов разделяют на огнедышащих, ледяных, водных и ядовитых, по…

Наученные горьким опытом предыдущей лекции студенты шустро схватились за пишущие принадлежности и застрочили, с трудом поспевая за стремительным полетом мысли эрудированного кентавра. Писали все, даже Лис, хотя, казалось бы, уж ему и стоило пофилонить. Однако озадаченность, мелькавшая порой на подвижной физиономии парня, подсказала Янке, что даже дракон из лекции о сородичах почерпнул немало новых знаний. Сама же она уже к первой трети урока отключилась от попыток пропустить информацию через мозг и включила запись на автопилоте. Потом перечитает и, может быть, чего-нибудь поймет. А не поймет – вон Лис сидит рядом. Дракон он или не дракон, объяснит, коли попросить хорошенько!

Время шло, объем конспекта рос, студенты начали терять сосредоточенность. К примеру, Еремил, у которого отваливались уже обе руки (парень попеременно писал то правой, то левой) и единственная голова, нет-нет да и поглядывал на Машьелиса, жалобно вздыхая. Лектор заметил муки студента и уточнил:

– Что-то хотели спросить у о Либеларо?

– А? Нет, – снова вздохнул Еремил и простодушно объяснил: – Вы нам на примере Хага про троллий захват рассказали, а на Машьелисе что-нибудь покажете?

Оживившиеся студенты почуяли повод отвлечься от писанины и слаженно загудели, уставившись на представителя драконьего племени с чуть ли не хищным интересом.

– Наглядных пособий в аудитории вам уже мало? – цокнул копытом Быстрый Ветер.

– Нет, но… – пожал плечами резко поскучневший парень.

– Так Машьелис не только наглядный, его еще и пощупать можно, – хохотнул Хаг, служивший демонстрационным объектом на прошлой лекции.

– Можно, – благосклонно согласился враз надувшийся дракончик и тут же опасливо предупредил раззадоренную аудиторию: – Но осторожно! Я сильный, но легкий!

– Ну, раз уж пособие не против, – по-доброму усмехнулся

преподаватель. – По младости лет процесс трансформации во второй истинный облик студент о Либеларо нам, увы, продемонстрировать не сможет, сначала ему следует до конца сформировать сеть энергетических каналов в малом теле, да и лекторий не рассчитан на столь масштабные показательные выступления. Но несколько драконьих талантов, полагаю, мы можем увидеть. Вы готовы, Машьелис?

– Да, мастер, – азартно подобрался дракончик.

– В помещении есть небольшой шкаф, куда я поместил для сегодняшней лекции несколько образцов ювелирных изделий драконьей работы. Буду признателен, если вы для начала принесете их мне, – как будто спохватившись, попросил Быстрый Ветер.

– Сейчас, – вскочил из-за стола о Либеларо, чуть повел головой, не то осматриваясь, не то принюхиваясь, расплылся в широкой улыбке и рванул в левый от кафедры, совершенно пустой угол.

Там он положил руку на воздух, ухватил нечто незримое и потянул на себя. Со звуком, вполне знакомым уху любого человека, хоть раз открывавшего скрипучую дверь, нечто незримое поддалось стараниям дракончика, открыв студентам вид на полочку, где игриво подмигивал добытчику изящный золотой венец, усыпанный драгоценными каменьями, и столь же яркий толстый наруч.

Пока Машьелис демонстрировал искусство поиска, Быстрый Ветер комментировал действия «подопытного»:

– Талант драконов прозревать сквозь иллюзии или вовсе не замечать их – один из даров расы, свойственный практически каждой ее ветви, так же, как и дар к поиску сокровищ. Под последними подразумеваются предметы, являющиеся материальной ценностью для представителя драконов. Сейчас о Либеларо блестяще продемонстрировал нам применение обоих расовых талантов.

Кто-то, кажется, Картен, завистливо завздыхал. Машьелис, прекрасно понимающий, что в награду за показательное выступление драгоценный венец или браслет ему никто дарить не намерен, на секунду прижал добытые сокровища к груди, с тоской во взоре издал душераздирающий вздох и проворно спрятал украшения обратно в шкафчик. С глаз долой, из сердца вон. Иллюзия скрыла дверцу. Лис еще раз печально вздохнул и вернулся на место. Немного отдохнувшие и развлекшиеся студенты с новыми силами взялись за конспектирование.

Хитроумный кентавр, загодя подготовивший поучительное развлечение для первокурсников, возобновил лекцию. Быстрый

Ветер то стоял за кафедрой, то вещал, прогуливаясь по аудитории. Широкие проходы между рядами позволяли свободно развернуться крупу учителя. Картины, скульптуры, музыкальные записи сопровождали лекцию, а Янка писала, писала, писала и думала-гадала.

Во время краткого перерыва для прослушивания музыкальной «Оды стремительных крыл» Лис не утерпел и, подавшись вперед, зашептал напарнице в спину:

– О чем задумалась?

– Чем он моется? – машинально отозвалась девушка.

– Чего? – явственно удивился блондинчик.

– Я думаю, одним ли шампунем моется кентавр, или для волос головы у него одно средство, а для хвоста другое, – поделилась актуальной для размышлений темой Янка, вволю намучившаяся со своими лохмами. А ведь у Быстрого Ветра хвост и волосы на голове небось разные по жесткости. А все такое ухоженное, густое и пушистое – просто загляденье.

Лис хрюкнул и положил голову на руки, его плечи мелко затряслись. Увлекшийся прослушиванием музыки и не уловивший, как в очередной раз нерадивые студенты отвлеклись от темы лекции, Быстрый Ветер подошел к Машьелису и покровительственно похлопал того по плечу:

– Да, для истинного дракона музыка «Стремительной грозы» обладает неизъяснимой прелестью, ранящей сердце.

Лис согласно всхлипнул и затрясся сильнее, Янка и Хаг приложили массу усилий, чтобы не последовать примеру веселящегося напарника. Прикусив щеку для придания лицу выражения максимального сосредоточения, девушка крепко сжала ручку и потупила взгляд. Цокот копыт удалился. Последние звуки музыки затихли, и лекция потекла своим чередом. А Лис тихохонько шепнул Янке в спину:

– Я рядом с вами больше не сяду. Лопнуть от смеха боюсь.

– Могу ущипнуть… больно, – милосердно шепнула в ответ девушка. – Сразу станет грустно.

Теперь уже упал на парту Хаг. Быстрый Ветер отвлекся от начитывания материала и уточнил:

– В чем дело, Хагорсон?

– Как Яна «Орчью смерть» пела, вспомнил, – демонстративно утирая с глаз самые настоящие слезы, всхлипнул тролль.

– Да, талантливое исполнение, но не отвлекайтесь, – согласился кентавр и поцокал дальше, и «поскакал», как он иносказательно именовал чтение лекции.

Студентам же оставалось бежать цугом и пытаться изо всех сил не отстать от «вожака». Ближе к концу лекции Юнина начала

едва слышно вздыхать. Один раз робко подняла вверх растопыренную ладошку – символ вопроса, – но смутилась и опустила раньше, чем лектор уточнил, чего же желает девушка. Впрочем, кентавр, как оказалось, эльфийку засек и через пару минут поинтересовался:

– Вопрос, Ройзетсильм?

– Драконьи пары. Сколько в этих легендах правды, мастер? – смущенно зарозовев, уточнила романтичная девушка.

– Смотря какие легенды вы слышали, Юнина, – мягко, не показывая зубов, улыбнулся преподаватель. – Но исследователи драконов склоняются к тому, что понятие «истинная пара» слишком идеализировано. В большей степени выбор постоянной партнерши у дракона обусловлен практическими соображениями, в меньшей – логикой и чувствами. Дракон, вступивший в репродуктивный возраст, реагирует на потенциальную избранницу, инстинктивно выбирая способную к производству здорового потомства особу, с которой его магия и аура будут гармонично сочетаться. Реакции (вроде производства феромонов, смены окраски чешуи), ритуалы ухаживания, способы определения подходящей пары у разных драконов существенно разнятся. Желающие могут сделать это темой годового реферата.

Брезгливо наморщила нос Ириаль, а эльфийка, принимая предложение как камень в свой огород, с энтузиазмом закивала. Кажется, ей нравились не эльфы и вампиры, от историй о которых устал даже Быстрый Ветер, а именно крылатые ящеры. Кентавр довольно фыркнул и вернулся к чтению длинной лекции – издевательству над пальцами студентов.

К счастью, все, кроме вселенной, имеет начало и конец, потому завершилась и долгая сложная пара. Студенческий народ, заслышав колокол, оживился, задвигался, загомонил. Склонный прощать некоторую вольность первогодков кентавр быстро задал им к ближайшей практической работе задание из области драконьего творчества и попрощался. Яна же категорично заявила Лису:

– С тебя песня.

– Похабная? – невинно встрепетнул ресничками белобрысый дракончик.

– Если она будет о войне, можешь и похабную спеть, – спокойно согласилась девушка, сильно сомневаясь в способности дракона дворянских кровей спеть нечто более неприличное, чем простая русская частушка. А уж их-то Яна наслушалась и напелась вдосталь.

Сникший из-за отсутствия возмущенной реакции со стороны напарницы Машьелис вновь оживился, когда его атаковали

остальные студенты. Ребята толпой окружили Лиса, наперебой прося, требуя, клянча и торгуясь на предмет драконьих песен, сказаний, поэм и прочих шедевров литературы.

Фагарду-то повезло. Первокурсники не сообразили после первого же занятия прижать носителя троллього фольклора и приставали поодиночке и парами в течение следующих суток. А он, не будь дурак, взял в библиотеке несколько книг по нужной теме и оставил закладки на самых популярных у его народа и интересных произведениях. Так что пришедшие по Хагову душу разбирались фактически между собой, пользуясь отметками в книгах и списком старосты Кайрая.

Хаг и Яна переглянулись и поняли друг друга без слов. Парочка намеревалась смыться из аудитории, оставив дракона на растерзание жаждущих знаний студиозов. Не успели. Яну отловил кентавр и, поскольку аудитория еще была полна студентов, пригласил пройти в преподавательскую комнату для беседы. Зачем она понадобилась этому мастеру, девушка даже предположить не могла. Разве что учитель собирался высказать особые пожелания по выбору песен.

Быстрый Ветер прикрыл дверь. Общий шум, доносящийся снаружи, как отрезало. Кентавр со снисходительной, какой-то сочувственно-высокомерной улыбкой покачал головой, неизвестно почему вздохнул и промолвил:

– Яна, я хотел бы вам кое-что сказать.

Девушка с готовностью подняла на преподавателя взгляд.

– Я не страдаю расовыми предрассудками, понимаю, что симпатии и антипатии возникают спонтанно и подчас против нашей воли, но, дабы не возникло недоразумений, предпочту разъяснить сразу. Я счастлив в браке с замечательной кентаврой Ясная Заря, у нас три жеребенка, младший из которых старше тебя вдвое.

– Я за вас рада, – только и осталось сказать Яне, заполняя возникшую многозначительную паузу. Быстрый Ветер чего-то ждал от студентки, вот только она никак не могла понять, чего именно, и зачем вообще он рассказывал ей о своем семейном положении.

– Потому не стоит лелеять в душе ростки нежных чувств, – многозначительно проронил мастер.

– А-а-а… Э-э-э… О-о-о… Мне это кому-то из девушек передать? – Янка решила, что ее почему-то выбрали на роль поверенного-мозгоправа для однокурсницы. Правда, почему именно ее, в голову не приходило. Может, как самую несимпатичную с виду?

Теперь уже озадаченным и даже чуть сконфуженным

выглядел кентавр. Переступив копытами, он тихо уточнил:

– Я неверно истолковал твои вздохи и взгляды?

– Чего-о-о? – вылупилась Янка на преподавателя. Потом до нее медленно начал доходить комизм ситуации. Наконец девушка от души расхохоталась и малость смущенно объяснила: – Мне очень нравятся ваши волосы. На голове и в хвосте. Видно же, не путаются и пушистые. Вот и гадала, чем вы их моете. У меня вечно то колтуны, то узлы. Теперь-то, когда Стефаль расческу подарил, полегче будет, а все-таки завидую.

Быстрый Ветер, уяснивший суть комической ситуации, заржал. Натурально, как и свойственно коням, привалившись к стене, откинув голову, бия правым передним копытом об пол. А отвеселившись, пообещал:

– Я тебе на следующую лекцию флакон принесу. Моя жена сама зелье варит.

– Спасибо, – растроганно поблагодарила Яна. – И… извините, если я вас обидела.

– Никаких обид, – махнул хвостом кентавр и выпустил студентку из кабинета. Как раз вовремя. Толпа уже сняла осаду с Лиса, и теперь они с Хагом ждали напарницу.

– Чего этот-то от тебя хотел?

– Поговорили о поведении на лекции, пообещал шампунь, – коротко отчиталась Яна. Позорить достойного лектора, введенного в заблуждение томными вздохами студентки, имеющими к нему лично лишь косвенное отношение, девушка не собиралась.

Глава 26
Девичьи секреты и муки творчества

Вечерняя отработка по мытью лестницы в Башне Судьбы проходила ударными темпами. Картен и Максимус, дружно горланя какую-то песню, быстро размазывали грязь по своим ступенькам, Хаг с Лисом, пытаясь перекричать парней другим шедевром неизвестного автора, мусолили свои ступеньки. Для здоровенного тролля втащить на несколько десятков пролетов ведро-другое было чем-то вроде детской игрушки. Хотя он все равно ругнулся для порядка, обнаружив еще одну маленькую подсобку с инвентарем и раковиной на самой верхотуре.

Янка только завистливо вздыхала да головой качала, но с советами не лезла. Если парням такую халтурку засчитывают, так что зря напрягаться? Сама она пришла с напарниками за компанию под благовидным предлогом – помочь, но главным образом по одной уважительной причине: чтобы не садиться сразу за учебники, не пытаться считать, не отвлекаясь, и не брать в руки доставшую пустышку Игиды. Слишком тяжелой была голова после занятий.

Печальные мысли о собственной интеллектуальной неполноценности недолго терзали девушку. Сначала раздался радостный вопль Картена:

– Все, пошли отсюда, Макс!

В ответ послышалось что-то тихое от второго штрафника – и снова раздался вопль. На сей раз возмущенный, переходящий в откровенную панику:

– Эй, я сдвинуться не могу! А-а-а! Красным чего-то сверкает! Парни, Янка, зовите кого-нибудь из мастеров, нас каким-то заклятьем сковало!

Янка, разглядывающая чудесный гонг на первом этаже Башни Судьбы, встревоженно повернулась к лестнице. Красное свечение действительно присутствовало. Хорошо знакомое девушке свечение, каковым обозначал фронт работ демон дейсор. А на площадке между лестницами застряли и не могли сдвинуться с места Картен и Максимус. Их ступни словно прилипли к полу и сияли красным.

Притопавший на шум Хаг только языком цокнул, оглядев композицию из двух перепуганных парней, пары грязных тряпок и ведра с мутной водой.

– Что вы встали столбом? Бегите за помощью! – продолжал разоряться голубокожий за себя и собрата по отработке.

На губы подоспевшего Машьелиса то и дело норовила скользнуть ехидная улыбочка. Тролль же только крякнул, почесал затылок и ответил, кося под неотесанного тугодума:

– Дык я как бы знаю, чего это за чары такие. Не смертельные они, вот. Так. Как бы.

– Как их снять – знаешь? – перебил хамоватого друга более внимательный к деталям и осмотрительный Макс. Заметив, что «команда спасения» не паникует, он тоже разом успокоился.

– А как же, – степенно согласился Хагорсон, многозначительно ткнул носком ботинка пропущенный халтурщиками клуб пыли и, наклонившись к уху собеседника, пояснил: – Есть один-разъединый способ! Трудный, правда, и неприятный, ибо в ловушку демоническую вы угодили.

– Демон? – севшим голосом переспросил Максимус, а Картен так и вовсе застыл памятником самому себе, только глазами бешено завращал, пытаясь разглядеть угрозу.

– Что делать-то? Какой ритуал провести? – взмолился он, дергаясь, как припадочный, но так и не сумел сдвинуть ноги с места.

– Заново перемыть лестницы надо. Иначе не отпустит демон, приставленный смотреть за отработками, – прыснул, не удержавшись, Машьелис.

– Да вы не волнуйтесь так, – принялась увещевать паникующих бедолаг Янка. Все-таки ее напарники перегнули палку, воспитывая прилежание у халтурщиков. – Демон не страшный. Он только следит, чтобы студенты отрабатывали честно. Скажите ему, что вы все заново перемоете, он вас и отпустит. Когда работа сделана как следует, красный контур гаснет.

– А чего ж мы его раньше не видели, контура? – проворчал Картен.

– Демоны коварны и любят помучить, – радостно оповестил голубокожего Лис, многозначительно воздев вверх палец. – Вот он вам и приберег указания с наказаниями до той поры, когда понадобилось.

– Наверное, дейсор только тогда проявляется, когда ученик не знает, где ему отрабатывать, или плохо убирает, – рационально, разом снизив градус зловещности, объяснила Янка, сочувствующая перепуганной парочке.

– Может, и так, – скорчил скорбную мордаху Лис, недовольный тем, что напарница не позволила ему по максимуму разыграть ребят, и умчался наверх, к недомытым ступенькам. Хаг потопал следом.

Штрафники переглянулись и, делать нечего, уныло

попробовали применить метод, предложенный спасателями. Дейсор позволил халтурщикам сойти с места, сменить воду в ведре и выполоскать тряпки. Но до тех пор, пока студенты не вымыли лестницы начисто, из башни их не выпускал.

– Что за демон-то за нами присматривает, не знаешь? Видала его? – выливая очередное ведро в слив подсобки, украдкой спросил у девушки Макс.

– Не видела. Декан назвал его дейсором, – простодушно призналась Янка.

Максимус только крякнул и поежился, бормотнув под нос:

– Тогда благо великое, что он не показывается.

– Такой страшный? – осторожно уточнила землянка, успевшая проникнуться к демону-хозяйственнику некоторым уважением.

– Дейсоры, говорят, плотью лишь черный дым, но тот, кто вызвал и смотрит на них, не дым видит, а все страхи свои, – поежился парень. – И чем дольше смотришь, тем большую силу обретает страх, с легкостью убить может.

– Зачем же их вызывают? – удивилась Яна.

– Мало ли дураков на свете, которые верят в свое бессмертие и удачу? – махнул свободной рукой Максимус и почему-то покосился в сторону лестницы, где орудовал тряпкой Картен.

Не считая шоу, устроенного дейсором, никакими интересными происшествиями отработка не ознаменовалась. Напарники по возвращении в общежитие разошлись по комнатам. У Янки опять не получилось сразу засесть заниматься. Иоле встречала гостей. Вернее, гостя. На диване сидел тот самый василиск блондинистой окраски, подозревавшийся вчера и полностью освобожденный от подозрений нынче за завтраком. Сейчас Йорд о чем-то трепался с Иоле. Ифринг весело сверкала глазищами и заразительно смеялась над какой-то шуткой красавчика-парня, совершенно его не стесняясь.

При появлении соседки парочка смутилась так, словно не беседовала, а чем-то непотребным занималась. Янка даже залюбовалась эдакой инсталляцией, а потом, чтобы потенциальный ухажер не подумал сбежать, спросила:

– Иоле, а чего ты гостя чаем не поишь? Я вроде вчера не все печеньки съела.

– Сейчас! – встрепенулась девушка, а Йорд явственно расслабился. Может, он и предпочел бы пообщаться с симпатичной ифринг наедине, но и то, что его не выпирают из комнаты, благодарно оценил.

Помогая соседке с посудой и вкусняшками, Яна эдак задумчиво констатировала:

– Хороший парень, – и одобрительно кивнула в сторону василиска. Иоле зарозовела и смущенно потупилась.

«Хороший парень» ушел из шестой комнаты только под вечер. Он оказался веселым и общительным чел… василиском, ничего не имевшим против ифринг и людей. Рассказывал интересные истории из жизни летописцев, развлекал девчат столь умело, что Янка опять забыла про необходимость чуток позаниматься перед сном: помучить листик, набрать материала для реферата и записать покрасивее «душещипательную» песню про расправу над орками – первую из десяти, заданных Быстрым Ветром. Словом, отбой опять подкрался незаметно, и Янка с чистой, ну, может быть, с ма-а-а-хоньким пятнышком, совестью приготовилась отправиться на боковую. Увы, на завтрашний вечер Йорд пригласил Иоле прогуляться, так что отмазкой для продолжения безделья очередной визит василиска стать уже не мог.

Стук в дверь раздался не то чтобы как гром среди ясного неба, но несколько неожиданно. На ночь глядя соседки вроде бы никого не ждали, впрочем, напарники Янки, как успела за три дня убедиться Донская, могли ломиться в комнату по самым благородным и срочным поводам в любое время суток.

Янка махнула рукой наводящей после гостя чистоту Иоле, дескать, открою, и двинулась к двери с самым серьезным намерением прочитать парням лекцию про режим дня. Она даже заранее чуть-чуть нахмурилась и тут же виновато ойкнула, когда увидела в коридоре Гардема. Про бедолагу-вампира и его поручение девушка совсем забыла, как только дело было сделано. Темноволосый и серьезный, как смерть, парень тревожно хмурил красивые брови. Но, стоило его взгляду упасть на коврик под ногами Яны, он ощутимо расслабился.

– Спасибо, Гардем, коврик мы купили, туфли тоже. Феера сказала, что Ириаль они должны подойти. Юнина, напарница Шойтарэль, сегодня обещала занести обновку в лечебницу после занятий.

– Девушка еще в лекарском корпусе? – помрачнел вампир, испытывая вину за сотворенное двумя влюбленными глупышками.

– Да, ее на денек оставили полежать, чтобы регенерация завершилась, завтра выпустят. Вот сдача с твоих трех монет: золотой и двенадцать серебряных листиков. – Яна добросовестно отсчитала сдачу не ожидавшему такого парню. – Как твои, успокоились?

– Ревут, дуры, – практически выплюнул Гардем, зло раздувая тонкие ноздри. – Мутило их всю ночь после противоядия, на занятия сегодня не пошли, сидят, слезы льют. Стыдно им, видите

ли, стало, как мозги от хмари наведенной очистились. Головой надо было думать, прежде чем творить демоны знает что.

– Маленькие они еще, избалованные, – привалившись к косяку, снисходительно улыбнулась Яна, складывая руки под пышной грудью. – Привыкли небось, что любое «хочу» сбывается, стоит лишь ножкой топнуть. А сейчас не вышло, да еще и наказали. Пусть поплачут, полезно. А коль родители еще всыплют, может, и в голове отложится, что не все на свете можно заполучить.

– Тебе сколько лет? – прищурил глаза Гардем, ссыпая деньги в кошель на поясе.

– Двадцать, – честно призналась девушка.

Собеседник недоверчиво покачал головой.

– Могу паспорт показать, только он у коменданта, на первый этаж спускаться придется, – брякнула Яна. – А чего?

– Да в голове у тебя больше соображения, чем у моих двух девиц, а они, вместе взятые, вдесятеро старше тебя, – в сердцах выпалил парень.

– Наверное, люди по-другому взрослеют, да и бабушка у меня мудрая, кое-чему научила, – мягко улыбнулась землянка, повела плечами и ласково погладила вампира по плечу. – Тяжело тебе с ними, бедолага. Ты с этими вертихвостками построже будь, пусть слушаются, а то опять в какую-нибудь неприятность влипнут, а отвечать тебе.

– Глаз с них не спущу, – буркнул удивленный щедрой порцией сочувствия парень. – Спасибо тебе, Яна.

– Пожалуйста, – просто ответила девушка. – А ты, если невмоготу станет, заходи, посидим, чайку попьем с печеньками.

– Э-э-э, спасибо, – выдохнул окончательно растерявшийся и разом ставший каким-то беззащитным – нет, не ребенком, скорее, подростком – вампир. – Я пойду, поздно уже, вы, люди, рано ложитесь. Пусть Ночная Хозяйка укроет тебя крылом.

– И тебя, до свидания, – попрощалась Янка с парнем и прикрыла дверь, не забыв щелкнуть замком.

– Ты и правда иной раз такой взрослой кажешься, – задумчиво подтвердила Иоле. – Мудрой и старшей.

– Да ну тебя, – отмахнулась от соседки Янка, роясь в сумке. – Это вы чудные, если вам обычное доброе слово мудростью невиданной кажется. Ой, Иоле, совсем ведь забыла, если бы не Гардем, так и вовсе не вспомнила бы – на!

Янка вытащила из сумки и вручила соседке купленный в лавке гребешок.

Ифринг открыла было рот, собираясь что-то возразить насчет цены подарка, потом вспомнила свои же собственные слова,

приняла гребешок и тихо сказала:

– Спасибо!

– Расчесывайся на здоровье! Пусть растет коса до пояса, не выронит ни волоса! – пожелала Янка и с доброй улыбкой добавила: – Косы до пяток желать не буду, ухаживать тяжело.

А Иоле вместо того, чтобы улыбнуться, вдруг всхлипнула и повисла у соседки на шее. Рыдала она долго и со вкусом, изливая накопившееся напряжение, горечь долгого ожидания и рассеявшегося дымом одиночества. Янка ничего говорить не стала, просто обняла подругу и ласково гладила по голове до тех пор, пока слезы сами не высохли на ресницах ифринг.

– Прости, всю блузку тебе намочила, – виновато шмыгнула покрасневшим носом девушка.

– Ерунда, нам, девчонкам, иной раз надо выплакаться, чтобы полегчало на душе и все узелки, затянутые внутри, развязались, – похлопала девушка соседку по спине. Зато теперь спать будешь сном младенца. А блузка до утра высохнет.

Соседка только кивнула, погладила подарок и, не отходя от кассы, решила пустить его в ход – начала расчесывать полосатые волосы. Янка же взялась за зубную щетку. А поскольку любоваться собой во время гигиенической процедуры девушка приучена не была, взгляд то и дело соскальзывал на хрупкую фигурку Латте, присевшую на кровать. Примерно через три минуты землянка удивленно протянула:

– Иоле, а у тебя волосы выросли…

– А? Ой! – Гребень выпал из ослабевшей руки ифринг, та метнулась в ванную и едва не снесла на своем пути соседку. Впилась взглядом в большое зеркало, громко вскрикнула. Вихрем пронеслась назад и снова бросилась на шею встревоженной подруге, заливая слезами одежду Янки по второму кругу. Благо промокшую блузку та сменить не успела.

– Что случилось? – принялась тормошить соседку Донская, не зная, как и чем помочь.

Но Иоле поначалу только хлюпала носом и членораздельно отвечать была не способна. Мало-помалу Янка все-таки уловила общий смысл отрывистых объяснений. Рост волос Латте с магическим гребнем никак связан не был. Оказывается, прическа ифринг менялась лишь в одном случае – после встречи и общения с единственным, с тем, с кем возникла связь душ и сердец. Это чудо и случилось с Иоле. А поскольку общалась девушка сегодня лишь с Йордом, личность избранника сомнений не вызывала.

– Поздравляю! Значит, смена пола и переселение из комнаты тебе больше не грозят, – уяснив суть процесса единения, облегченно заулыбалась Яна.

– Да, – сквозь слезы согласилась Латте и неожиданно для самой себя зевнула.

– Давай-ка спать ложиться, – исполнила роль гласа разума соседка. – От того, что ты завтра на занятиях носом клевать будешь, никто счастливее не станет, да и сил на свидания с Йордом не останется.

– Йо-о-орд, – мечтательно протянула ифринг, спрятав розовеющее личико за завесой отросших волос. – Да, надо спать. Ой, Яна, он такой, такой…

И минут на пять выпала из реальности, рассказывая о достоинствах василиска. Яна, терпеливо неся бремя лучшей и единственной подруги, слушала молча. Только зубы дочистила и прополоскала рот. И, когда все-таки Иоле сделала паузу в хвалебной оде, подвела итог:

– Йорд – самый лучший.

– Ага-а-а, – выдохнула Иоле и неудержимо раззевалась. Романтический полет души боролся с нуждами тела, в итоге физиология победила. Ифринг зевнула раз, другой, третий и стыдливо призналась: – Мне кажется, я прямо стоя заснуть могу.

– Стоя не надо, мы ж не лошади, падать больно будет, – усмехнулась Янка и подтолкнула подругу к постели. – Лучше в кровати. А про Йорда завтра расскажешь.

– Спасибо, Яночка, ты – самая лучшая подруга! – с чувством успела выдохнуть Латте и уснула, кажется, раньше, чем ее головка коснулась подушки. Слишком переволновалась, бедняжка. Даже положительные эмоции в чрезмерном количестве утомляют, не говоря уже о сильных душевных потрясениях, каковым стала для Иоле встреча с единственным.

Утренний тошнотворный рев трубы уже воспринимался как неизбежное и почти привычное зло. Сонная Янка на автомате привела себя в порядок и поплелась на завтрак, мечтая не только об овсянке, но и здоровенной бадейке кофе. Сегодня, чувствовала девушка, иным образом поднять веки она не сможет. Пока попадать в дверные проемы Янке помогала только бдительная Иоле, корректирующая курс подруги. Ифринг даже волосы в хитрую прическу увязать успела, такую, чтобы возросшая длина казалась незаметной. Не хотела пока Латте о своем выборе извещать всех и каждого из тех, кто ведает о сути ифринг.

Напарники, Йорд, Стефаль – все тошнотворно бодрые – уже наворачивали завтрак за столиком и оживленно обсуждали вчерашний день-пустышку, не принесший никаких догадок о личности злоумышленника. Ну или не такого уж «зло», но явно, что «умышленника». В том, что неизвестному типу что-то нужно в

районе башни – народ, тусующийся там, или нечто материальное, – студенты были убеждены. Вот только ответить на вопрос, что или кто там «умышленнику» нужно, пока не могли, потому опять строили всевозможные предположения, одно фантастичнее другого. Апофигеем стала сногсшибательная версия Машьелиса. Дирижируя ложкой каши (овсянку в качестве десерта сегодня взяла себе вся компания), блондин предположил:

– Может, ему ничего и не надо, хочет какой-нибудь артефакт-заклятье заложить и разрушить Башню Судьбы!

– И чего же до сих пор не взорвал? – хмыкнул критик в лице Хага.

– Жертв лишних не желает, нас жалеет, – с апломбом выдал дракончик и вздернул нос.

Компания скептически захмыкала, Лис передернул плечами, пощипал ухо и заткнулся, аннулируя неудачную версию.

– У вас сейчас что по расписанию? – проявил интерес к делам насущным Стефаль, обращаясь исключительно к Яне.

– Рисование, – буркнула девушка, уткнувшись носом в бадейку с кофе.

Вернее, предмет назывался как-то по-другому: «изображение различных образов на поверхностях» или что-то вроде этого. Рисованием его упрощенно обозвал для Янки универсальный магический переводчик академии. Полное причудливое название девушка прочитала лишь в первый раз, а потом оно само собой заменилось на доступный пониманию аналог. Точно так же, как было с медитацией и физкультурой.

– Рисовать не любишь? – удивился Машьелис.

Откинувшись на стуле, он с любопытством следил за тем, как напарница обнюхивает кружку. Кофе был зеленым по цвету, но на запах и вкус ничем от земного не отличался.

– Не умею, – поправила его Яна, делая большой глоток. – Всю жизнь по ИЗО и черчению трояки хватала. Думала, хоть в ВУЗе не будет. И опять… Ладно летописцам и пророкам для исправления почерка, но зачем блюстителям-то рисование?

– Набить руку для четкой прорисовки знаков. Декан Гад весьма требователен к студентам не из пустой прихоти. Он рассказывал немало неприятных случаев ошибочной активации знаков на листьях Игиды, приведших к ранениям блюстителей или даже к провалу миссии, – сочувственно объяснил эльф, отродясь не испытывавший трудностей в освоении искусств, будь то танцы, рисование, пение или стихосложение. – Это было до того, как все знаки на листьях после лабораторных стали проверять в обязательном порядке. В АПП не бывает ненужных уроков, Яна. Рано или поздно пригодится каждый.

– У вас рисование один раз в цикладу, а у нас по три на первом курсе было, – припомнил Йорд чуть ли не с ностальгией, а Яна с белой завистью поняла – василиск тоже никаких трудностей с предметом не испытывал. Да и Иоле, судя по ее довольной мордахе, рисовать любила.

Страданий бедной землянки никто не понял, да она и не претендовала на сочувствие. Спросили – ответила. Однако настроения девушки, вынужденной после вкусного завтрака тащиться на занятия, это ничуть не улучшило.

Единственным однозначно светлым моментом стало вручение Стефалю подарка. Растяпа Янка опять вспомнила о расческе в последний момент, уже отойдя от дверей столовой, и, торопливо пропыхтев напарникам: «Вы идите, я догоню», – ринулась назад, окликая старосту:

– Стеф?

– Да, Яна? – тот сразу остановился и обернулся со своей обычной приятной полуулыбкой, сворачивающей мозги набекрень многим девицам в АПП.

– Это тебе, а то ты ведь без гребня из-за меня остался. – Янка вложила в руку эльфа расческу.

– Благодарю, – признательно кивнул Стефаль и склонил голову, пряча зарозовевшие кончики ушей под длинными волосами, лежащими с таким элегантно-небрежным изяществом, какое достигалось земными модницами лишь ценой посещения элитных парикмахерских. Для более цветастых изъявлений признательности место и время были уж больно неподходящими. Кроме того, юноша чувствовал себя виноватым, о чем и не преминул поведать доброй собеседнице:

– Я не заслужил подарка после всего, что вам пришлось пережить из-за истории с отравой…

– Ты-то тут при чем? – искренне изумилась девушка.

– Ивиана и Шейра устроили ловушку из-за меня… – принялся неловко объяснять слишком ответственный и совестливый эльф, поглаживая зажатый в пальцах гребешок. Вина виной, а подарок возвращать Стефаль явно не хотел.

– Так, стоп, – прервала попытку самообвинения Яна, положив руку на плечо друга. – Не смей себя винить! Ты и так отвечаешь за весь факультет, не хватало тебе еще за каждой взбалмошной девицей слежку вести! Как ты мог бы угадать, что им в головы взбредет, дурехам? Влюбленные девки, случается, вообще берегов не видят. Я и Гардема-то не виню. А уж тебя тем паче! Прекрати себя мучить, бери расческу и пользуйся! Договорились?

– Договорились, спасибо, – под натиском собеседницы охотно сдался Стефаль.

– Вот и молодец! – заулыбалась Янка, чмокнула друга в щеку и поспешила к напарникам.

Компания уже спешила на занятия, а эльф все стоял в сторонке, нежно водя пальцами по теплому дереву цвета янтаря, изредка трогая щеку и мечтательно улыбаясь…

В большой и светлой аудитории корпуса летописцев, полной нехорошо знакомых мольбертов, Яна забилась в самый угол. Хаг с Лисом не приставали, глазели по сторонам, разглядывая типичные для любого кабинета ИЗО пособия на полках вдоль стен. Белые муляжи геометрических, человеческих и нечеловеческих тел, частей растений и прочего, определению не поддающегося. Отпущенная из лечебницы Ириаль в новых туфлях, купленных Янкой, пришла на занятия как ни в чем не бывало. Никаких «спасибо» девушке она, разумеется, не передавала, но хоть клыки не скалила, и то хлеб. Что взять со вздорной вампирши?

Пухленькая, очень похожая на доброго хомячка женщина средних лет вкатилась в аудиторию с такой радостной улыбкой, словно встретила всех своих долгожданных внуков разом.

– Ясного утра, золотые мои! Я мастер Микалин! Как же приятно видеть такие молодые, красивые лица! – всплеснула она руками. Голубая мантия затрепетала от энергичных взмахов. – Мы с вами будем встречаться на протяжении трех курсов. Надеюсь, вам наши встречи будут столь же приятны, как и мне. А сейчас давайте познакомимся!

Выпалив этот спич, толстушечка даже и не подумала потянуться за журналом, помещенным Кайраем на преподавательский стол. Она указала на мольберты, рисовальные принадлежности в ящиках под каждым рабочим местом и предложила:

– Творим на свободную тему! Все время этого занятия в вашем распоряжении! Только не забудьте на обороте подписать работу.

Яна мрачно вперила взгляд в девственно белый лист бумаги. Колупнула его ногтем. На ощупь ватман как ватман. И не скажешь, что она сидит в какой-то иномирной академии. Мир-то другой, а проблемы все те же. Рисовать!!! Рисовать, блин… Рисовать Яна, как и говорила за завтраком друзьям, не умела от слова «совсем». А тут нате вам – свободная тема. Парни и девчонки уже краски разводили, кто-то карандашом по бумаге чирикал – так вдохновенно, будто сбылась мечта всей жизни. Вон Ольса аж зажмурилась от удовольствия, Таата что-то под нос замурлыкала, даже староста гоблин и тот серый мелок в когти

взял и быстрыми штрихами, как профи-художник, начал творить.

Еще разок осмотрев коробку со всякой всячиной, Яна решительно взяла в руки толстый грифель в бумажной обертке. Свободная тема, так свободная тема. И начала малевать. Сами виноваты, нечего предлагать всякое…

Пышечка-учитель в лазоревой мантии тихохонько скользила между мольбертами, не хвалила, не критиковала, только посматривала на работы, на студентов и подбадривающе улыбалась. Может, в самом деле так знакомилась?

А Яна, не соблюдая никаких размеров, пропорций и перспектив, закусив губу и нахмурив брови, творила, или, скорее, вытворяла, на свободную тему. Весь класс словно отодвинуло от нее, отгородило незримой завесой. Очнулась девушка от изумленного присвиста за плечом. Вздрогнув, Янка развернулась и уставилась в круглые от удивления глаза Лиса.

– Чего? – грозно потребовала она ответа.

– Не-не-не, ничего, – попятился к своему рабочему месту дракончик. На его холсте кружился в воздухе, выдувая струю ледяного пламени, крылатый ящер в сине-серебряной чешуе.

– Красиво, – восхищенно, без малейшей зависти, констатировала Яна. – Здорово у тебя получилось.

– Гм, спасибо. – Лис малость смутился от невозможности в ответ похвалить работу напарницы.

– Я же говорила – не умею рисовать, – пожала девушка плечами, бросила карандаш обратно в коробку и присела на стул рядом. Руки следовало оттереть от грифеля.

– Великолепно! Какой полет фантазии, какой символизм, какое намеренное упрощение ради передачи глубокого смысла, – послышался восторженный возглас преподавательницы.

Яна повернулась, пытаясь определить, кого именно хвалит мастер Микалин, и разинула от удивления рот. Толстушка стояла рядом со стулом Хага, но смотрела не на его работу – чудесный морской пейзаж, – а на лист самой Янки. А там… не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет, в стиле «палка, палка, огуречик» было изображено следующее: слева – раскаряка, на которой вперемешку с маленькими овалами висели многочисленные знаки вопроса, справа высился кривоватый прямоугольник, от которого во все стороны отходили разноцветные полоски, внутри прямоугольника имелась столь же кривая лестница, а по центру был выведен кружок, соединявший тремя короткими синими полосками три кружка поменьше. В левом углу сидел овал на многочисленных ножках с чем-то, напоминающим половник и кастрюлю, внизу по центру имелся еще один овал в окружении многочисленных прямоугольников, а справа, в «палочках»

у очередного овала располагались кусочки неопределенной формы и ключи. Над всем этим безобразием раскинулась единственная многоцветная деталь композиции – радуга.

– Разреши, золотая моя! – Без особых церемоний мастер Микалин отколола Янкин шедевр с мольберта и потянула его к классной доске с очередным восторженным квохтаньем, состоящим из сплошных восклицательных знаков: – Драгоценные мои! Вы все бесконечно талантливы, и работы ваши чудо как хороши! Они нам помогут чуть лучше понять друг друга! Как только закончите, крепите их на стене и смотрите на рисунки своих друзей. А я вам хотела показать вот эту работу, – Микалин заглянула на оборот и зачитала имя «художника», – Яны Донской. Мне давно не встречалось столь наполненных смыслом творений!

Народ, как в трагедии Пушкина, безмолвствовал, пытаясь понять – серьезно говорит преподаватель или так изощренно издевается над неумехой. По большому счету, Яну одолевали те же мысли, когда Микалин в прежнем восторженном ключе предложила авторше:

– Пожалуйста, растолкуй нам смысловую нагрузку своей работы! Объясни поподробнее значение представленных образов!

Янка пожала плечами и вышла к доске. Мастер пришпилила ее листок кнопками-цветочками на острых ножках строго по центру. Донская спокойно (что сделано, то сделано, и лучше сделать все равно не получится, хоть режь!) растолковала, орудуя карандашом, как указкой:

– Все просто. Это Игидрейгсиль со знаками, которых мы еще не знаем, поэтому нарисованы вопросы. Это – Башня Судьбы, цветные полосы, отходящие от нее, – нити судьбы. В центре с синими линиями – шэ-дар, который выбрал меня, Хага и Машьелиса в напарники. Еще тут мастер-повар, комендант и библиотекарь силаторхи, а радуга – это арка выбора факультета.

Кентавра, сильфиду, лекаря Лесариуса, ректора Шаортан и декана Гада Яна рисовать не стала не потому, что на рисунке не хватило бы места, просто никого не хотела обидеть. А в том, что ее «шыдевр» портретируемые персоны, случись им увидеть картину, истолкуют не иначе как злобные карикатуры, девушка не сомневалась. Нисколько.

– Замечательно, золотая моя! – еще разок умилилась толстушка под абсолютно охреневшим взглядом Яны. Может, до нее в академии все рисовали настолько блестяще, что мастер банально стосковалась по откровенной халтуре?

Похоже, Микалин поняла оторопь девушки и, добросердечно улыбнувшись, объяснила:

– Талантливым нужно родиться. Знания, терпение и

усидчивость лишь шлифуют дар. Внутренним взором ты видишь многое – это главное. Сила мысли имеется, четкость построения заданных форм придет. Моя задача – дать тебе минимальные навыки для сотворения знаков Игиды – несложна.

– А-а-а, – ошалело протянула девушка. Только сейчас Яна осознала банальный факт: ее, самую бесталанную рисовальщицу, мастер Микалин похвалила намеренно, объяснив по ходу дела, что особых талантов, чтобы рисовать знаки Игиды, не нужно, хватит и того, чем обладает землянка. С новым уважением взглянула горе-рисовальщица на преподавателя и мысленно пообещала себе пнуть лень-матушку посильнее и стараться, когда учитель будет что-то задавать.

За восторженной оценкой остальных работ, в которые как бы невзначай просачивались дельные и хлесткие замечания об огрехах, допущенных студентами, прошло время, отпущенное на урок. Первокурсники вывалились из кабинета засидевшейся в четырех стенах ордой и дружно ломанулись в спортивный корпус. Яну за ее художества не подкалывал никто. Даже злючка Шойтарэль и несдержанный на язык Картен. То ли ребята прониклись мудростью наставницы, то ли добивать лежачего не посчитали нужным.

Глава 27
О сплетнях, искусстве самозащиты и долге

В зале курс разделился на два ручейка, каждый из которых влился в свою раздевалку. Парни гоготали, обсуждая что-то свое, девчонки большей частью заранее стонали, предвкушая непомерные нагрузки и новую порцию сломанных ногтей. Янка переодевалась молча. Хрен ли жаловаться, если ничего изменить нельзя?

В раздевалку проскользнула задержавшаяся Тита. Прижав ладошки к пухлым щечкам и округлив без того выпуклые глаза, девушка затараторила:

– Девчонки, что я сейчас видела!!! Ой, что видела!..

– Так что? – перебила болтушку после третьего повторения нетерпеливая Таата.

– Теобаль с Леорой сидят в преподавательской, а дверь сквозняком приоткрылась, они за руки держатся…

– Целовались? – деловито уточнила Ириаль.

– Нет, только за руку. И что он в ней нашел? Такой мужчина, а она самая обычная, – удивленно фыркнула пещерница.

– Леора милая, симпатичная и внимательная, – внесла лепту в обсуждение Юнина, меняя туфли на спортивные тапочки. – Не во внешней красоте следует искать прелесть!

– Ты все еще в сказки веришь? – фыркнула Тита, тряхнув кудряшками. – Тот принц свою кухарку заметил, лишь когда ей фея платье, туфли и драгоценную диадему подарила на именины.

– Эй, Ян, а ты чего молчишь? Чего скажешь? – попыталась найти поддержку в массах пещерница.

– Это их личное дело. Но в целом нам же лучше, если у них все будет хорошо, – отозвалась Янка.

– Почему? – наивно удивилась Таата.

– Счастливые в личной жизни преподаватели к ученикам снисходительнее. Спокойнее заниматься будет. А сплетничать за спиной некрасиво, – отрубила Донская.

– Вот-вот, девушки, – прозвучал в поддержку последнего мнения голос из приоткрытой двери. Скрестив руки и чуть склонив голову набок, студенток осматривала мастер Леора. При виде объекта сплетен Тита и Таата испуганно пискнули. Остальные странных звуков не издавали, но явственно смутились. Да и самой Янке стало неловко, будто она занималась чем-то

некрасивым. А ведь занималась. Надо было сразу рот болтушке заткнуть, а не привычно пропускать сплетни мимо ушей.

– Выходите. Мастер Теобаль ждет студентов на построение, – невозмутимо промолвила учитель.

– Колокол вроде не звонил, – рассеянно отметила Ольса.

– Не звонил. Мастер хочет провести сортировку студентов до начала занятий, чтобы не терять времени даром, – подтвердила Леора, покидая раздевалку.

У дверей студенток ждал сам суровый эльф. Выглядел он, правда, совсем не сурово, скорее, чуть озабоченно, кивнул девушкам в знак приветствия и любезно уточнил у Леоры:

– Как массаж, помог? Спазм не повторяется?

– Нет, спасибо, – поблагодарила мастер и помахала для наглядности в воздухе рукой.

«Вот ведь, на пустом месте чуть сплетню не пустили, – мысленно ругнулась Яна. – У учителя руку свело, а эти болтушки уже невесть чего напридумывали».

Построившимся студентам мастер Теобаль объявил направление сегодняшнего занятия: «Бой и самозащита». Тем, кто обучался искусству сражаться, предложили остаться на месте, прочим велели отойти вправо, к мастеру Леоре. Ясное дело, Яна потопала к учительнице. Ольса тоже. Девушки очень удивились, когда из всей группы к ним присоединился лишь жутко недовольный Пит. Сирен, наверное, был бы и рад соврать насчет своих способностей, но даже такой самовлюбленный тип понимал – проблем, когда обман вскроется, не оберешься.

Похлопав по скамье рядом с собой, Леора предложила троице неумех подождать и послушать мастера Теобаля, быстро и четко допра… нет, все-таки расспрашивающего студентов об их талантах. Оказывается, не только парни умели драться с оружием, части названий которого Яна не знала, хоть и постаралась запомнить, что ее напарник Хаг бьется большим и малым топорами, как со щитом, так и без, а Лис легким мечом и драконьим когтем. Постоять за себя могли даже девушки. Юнина умела стрелять из лука и обращаться с кинжалом, Таата владела пращой, Тита топориком. Наверное, Ириаль тоже могла поразить врага чем-то, кроме ядовитого языка. Хотя с такими клыками и когтями у нее даже особой нужды в дополнительном оружии не было.

Яна покосилась на свои ровные, аккуратно подстриженные ноготки, поцарапать ими кого-то не представлялось возможным. Все, что могла обычная земная девушка, – это долбануть вражину в нос или в кадык. Где-то слышала, что хорошо действует удар по лодыжке, правда, проверять не приходилось. Как-то в более-менее

сознательном возрасте на Яну никто не нападал.

В поселке, где слухами земля полнится, рослую девушку задевать опасались. А то она, не разобравшись, и двинуть могла, не рассчитав силы, как когда-то бедного учителя истории, вздумавшего дернуть задумавшуюся ученицу за косу. Рефлекторно развернувшись, Яночка-семиклассница так залепила молодому педагогу под дых, что он еще долго морщился при одном взгляде на девчонку и обходил ее по широкой дуге. Зато всегда, вне зависимости от того, насколько хорошо отвечала школьница, ставил ей пятерки. Может, опасался, что Яна его стукнет за четверку, изобьет за тройку, а за двойку вообще замочит в сортире?

Теобаль увел всех, хоть что-то умеющих, на второй этаж корпуса, к учителям-специалистам, а Леора осталась с тремя неучами. Или, будем точнее, с двумя неучами и одной пацифисткой. Ольса, виновато моргая чудесными длинными ресничками, объяснила, что не способна причинить боль живым созданиям в силу особенностей своего дара. Все, что она может, – это удержать растениями или усыпить. Мастер Леора пошла навстречу миролюбивой дриаде. Поколдовав над макетом, который Янка позавчера видела в преподавательской, настроила для девушки запасной полигон с движущимися мишенями и отправила прилежную ученицу, наказав оттачивать скорость и надежность фиксации на разнокалиберных болванках.

Пит и Яна так легко не отделались. Слабосильный сирен и человеческая девушка были признаны условно годными к «военному делу». Ясное дело, учить их с азов обращаться с оружием ближнего боя никто не собирался. На такое натаскивают с младых ногтей, но подобрать что-то для дальнего и приучить худо-бедно использовать Леора торжественно пообещала. В результате Цицелиру как сирену с неслабыми легкими достались духовая трубка и отравленные колючки, а Яне – рогатка. Оказывается, штуковина эта ни в коем случае не считалась детской игрушкой, при некоторой сноровке била сравнительно кучно, а заряды для нее бывали весьма специфическими – от чихательного порошка до взрывающихся шаров. Конечно, тренировать меткость и контролировать дальность запуска снарядов предстояло не один десяток занятий, но становилось ясно главное – безоружной перед потенциальной опасностью блюстительница не останется. Мастер Леора подобрала для землянки идеальное оружие, применяемое в любых мирах.

Разведя жертвы по противоположным сторонам зала, Леора потрогала какие-то выступы на стене, будто набирала код на

клавиатуре, и Яна с Питом получили в свое распоряжение ряд персональных мишеней. На первых порах они находились довольно близко от стрелков. Леора бдительно контролировала процесс стрельбы, поправляя постановку рук, ног, головы, корпуса, и даже дыхание меткими фразами или несильными тычками. Мастер любезно пояснила неучам, что мало-помалу расстояние до мишеней будет изменяться, а сдавать зачет по подготовке ученик должен в кругу, отбиваясь имеющимся оружием от надвигающихся на него с разной скоростью «врагов» разнообразных форм и размеров.

Сирен застонал, Яна лишь вздохнула и покрепче перехватила удобную рукоятку рогатки. Чего ныть-то? Стрелять – это не зубрить какую-нибудь ахинею. Все объяснили, в процессе тренировки подскажут, поправят, знай только тренируйся. Она не первая и не последняя. Если раньше у других получалось, так почему у Янки не выйдет? И вообще, стрелять оказалось интересно. Азарт так захватил девушку, что она очнулась лишь от удара колокола и поняла, что вспотела почище, чем на полосе препятствий, дышит как загнанная кобыла, и руки подрагивают от усталости.

– Молодец, – похвалила старания ученицы Леора и даже потрепала девушку по плечу.

А вот сирен похвалы не удостоился. Ему мастер строго объявила:

– Ты ленился. Если на следующем занятии по обороне не будешь достаточно стараться, придется заниматься дополнительно.

– У меня запутались волосы и сломалось два ногтя, – обиженно простонал Пит.

– А-я-яй, – фальшиво посочувствовала Леора, уперев руки в бока и опасно прищурившись. – Чем же тебе помочь? Может, назначить отработку на площади? Там, говорят, плиты грязные, немытые. Обломаешь весь маникюр, и ни о чем больше переживать не придется.

– Не надо, мастер, – окончательно разобиделся непонятый красавец, сложив губки бантиком. – Я буду стараться.

– Надеюсь, – усмехнулась мастер, ничуть не задетая обидой самовлюбленного сирена.

А Янке в этот раз было совершенно плевать на все справедливости и несправедливости мира, самым важным для нее сейчас оказалось попасть в душ, пока однокурсницы не вернулись с занятий. Первые парни, не бегущие шумной гурьбой, как обычно, а чуть ли не плетущиеся нога за ногу, как столетние старички, уже показались у входа в зал. Кажется, тренировки

владеющих оружием студентов похлеще, чем занятия неучей. Лис вот хоть и двигался более проворно, чем остальные, был мокр от пота, как мышь, пытавшаяся утопиться в унитазе. Хаг же раскачивался из стороны в сторону, подобно медведю-шатуну, и потирал бок. Это с какой же силой и чем надо звезданут толстокожего тролля, чтобы отбить что-то ему, а не собственную руку? Напарники кивнули Янке и скрылись в мужской раздевалке.

Леора о чем-то толковала с Ольсой, поэтому в женской раздевалке пока не было никого, не считая Ириаль. Вампирша тихо материлась сквозь клыки, разглядывая обломанный алый ноготь, вполне годный на то, чтобы величаться когтем. Исходя из того, каким прочным даже на вид казался маникюр красотки, Янка и представлять не хотела, чем таким пришлось заниматься Шойтарэль.

То ли увидев, то ли почуяв постороннее присутствие, вампирша ругаться перестала и уставилась на растрепанную и взмокшую девушку.

– Чего ты? – Яна не стала даже гадать о причинах столь пристального внимания и просто задала вопрос.

Ириаль, раздувая ноздри, постояла, покачиваясь с пятки на носок, и выдала:

– Я не буду мстить. Ловушка была в твоей комнате, но ты расплатилась: поговорила с деканом, туфли передала. Мастер Лесариус сказал, это твоя идея была – водой ногу мне облить. Мы в расчете.

– Странные вы создания, вампиры. Ну да кто там наверху за вами присматривает, пусть он тебя и судит, не мое это дело, – призналась Яна, вообще-то помогавшая пострадавшей потому, что считала это правильным, а уж от речей о мести вовсе опешила. Махнув рукой на злобную девицу, Донская пошла в душ и не видела, как после ее слов толстый черненый браслет на руке Ириаль вдруг сжался, на нем выступили абрисы летучей мыши, ворона и ровного круга, а вампирша едва сдержала крик боли и вытаращилась на своевольное украшение. Побледнела и выдавила из себя, чуть ли не кровью харкнув в спину Яне:

– Я буду должна.

Потом поднесла запястье к губам и коснулась рукой груди у сердца. Лишь после завершения странного действа картинки на браслете потускнели, сливаясь с фоном.

Вот только Янка, пустившая воду мощной струей, уже ничего не услышала. Плескаться под теплыми струями было классно, даже мозоли на ладонях стали чуть меньше болеть, и усталость немного отступила, сменившись приступом голода. Вроде и обед

был недавно, а все равно лопать хотелось неудержимо. Хорошо, что занятия для Янки на сегодня завершились. Остальные ребята торопились на обязательные магические факультативы, каковые выбирали в соответствии с имеющимися талантами. А бесталанная землянка могла просто поесть! А уж потом решать, стоит сегодня отправиться на заветное место в лесочке, чтобы помучить пустышку Игиды, пописать реферат или просто поваляться на диване в комнате и немножко полениться.

Глава 28
Судьба найдет

Столовая в неурочный час была почти пустой, за столиками сидело не больше десятка незнакомых ребят. Из дверей как раз выходил тот самый придурок, пытавшийся задеть Хага в первый день и огребший право трубить побудку от доброй ректора Шаортан. Судя по взъерошенному виду и синеватым следам на физиономии, наглого задиру уже успели поблагодарить несколько студентов. Донской достался злобный взгляд, но ничего лишнего, способного продлить наказание еще на семестр-другой или, в дополнение к имеющемуся, обрести почетное право на мытье плит площади, не прозвучало.

Повар встретил Янку добродушным ворчанием насчет вечно голодных студентов и, не дожидаясь заказа, навалил еды на поднос так щедро, что девушка крякнула, проседая под тяжестью, и потащила свою ношу за пустующий стол. Ела в одиночестве и, основательно подзаправившись, вышла на крылечко, пытаясь определиться с планами.

Лень шептала на ушко одно, совесть другое. Почесав в затылке, как это обычно делал Хаг, девушка решила действовать наобум: то есть посмотреть на дорогу и дождаться первого же пешехода. Если он направится в столовую – идти заниматься с пустышкой Игиды к речке, повернет к общаге – следовать туда же и валяться на диване. «Ну а присядет на скамейку, – мысленно усмехнулась Янка, – пойду к башне и вымою лестницу за напарников».

На дорожке показался какой-то запыхавшийся второкурсник-летописец. То ли он убегал от кого-то, то ли шел с тренировки. А сейчас плелся нога за ногу и, завидев лавку, с удовольствием плюхнулся на нее и вытянул длинные ноги. Янка ругнулась про себя. Но дав слово – держи, а не дав – крепись. Даже если давал лишь самому себе и в шутку. Девушка тайком потерла набитый животик и двинулась к башне. Время как раз приближалось к четырем часам, когда волшебное сооружение должно было изволить распахнуть свои врата перед студентами, обреченными на отработку.

На площади уже нес дежурство василиск – ухажер Иоле. Он сидел на скамейке у здания архива и читал какой-то учебник. Следил за объектом с пользой. С Янкой парень поздоровался вполне приветливо, хоть и не без удивления.

– Ясного вечера. Тебе отработку назначили?

– Нет, не назначили, – вздохнула Яна и поведала о договоре, заключенном с самой собой.

– Да, повезло, – развеселился Йорд.

– Сказочно, авось хоть парням отработку мою зачтут. Если Лис с Хагом появятся раньше, чем я закончу, ты им скажи, – мрачно, хотя в этой мрачности было больше наигранности, поддакнула девушка. Больших проблем в том, чтобы вымыть несколько лестничных пролетов, Яна не видела. В своей пятиэтажке часто мыла ступеньки и за себя, и за нескольких самых пожилых одиноких бабушек подъезда.

Ровно в четыре вечера, хоть часы проверяй, дверь в Башню Судьбы открылась – без скрипа, грохота и иных спецэффектов, почти бесшумно. Янка потопала исполнять договор с совестью. Хорошо еще ведро с водой тащить наверх нужды не было. Маленькая каморка-подсобка обеспечила ведро, воду и тряпки. Вспомнив о грозном демоне-надзирателе, студентка оглядела фронт работ, назначенный напарникам для отработки, и обстоятельно отчиталась:

– Я – Яна Донская, студентка первого курса факультета блюстителей. Хагорсон и Машьелис – мои напарники, которым назначена отработка, – в данный момент на факультативных занятиях. Я могу вымыть лестницу за ребят, им зачтется?

В ответ на этот спич по контуру лестницы вспыхнула измерительная полоска. Демон дал согласие на замену.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила надзирателя Яна и приступила к мытью лестницы. Гладкие каменные ступеньки были куда чище затоптанных подъездных в поселковой пятиэтажке. Веник с совком для сбора мусора не понадобились. Небольшое количество пыли легко смывалось тряпкой. Даже вода в ведре сильно не замутилась после первого полоскания. Поэтому Янка решила вымыть все пролеты, а потом, сменив воду, начисто промыть еще разок.

С мытьем лестницы Башни Судьбы девушка справилась быстро. Лестница сияла чистотой, оставалось только прополоскать тряпку и вылить воду. Из тесной подсобки Янка пятилась задом и, наткнувшись на какое-то препятствие, на миг замерла от неожиданности, а потом резко развернулась.

Нахмурив брови, на студентку, толкнувшую ее кормой, взирала Леора.

– Ой, простите, мастер, – извинилась Яна. – Я не слышала, как вы подошли.

– Почему же ты мне все время мешаешь? – словно не слыша извинений, покачала головой учитель с самым искренним сожалением, разбавленным задумчивым интересом.

«Это когда?» – невольно удивилась девушка и округлила глаза, не припомнив за собой особых грехов по части вмешательства в жизнь преподавателей. Во всяком случае, женского пола. С мужским – Сатаной Феррумом (настоящее имя «жениха» Янка опять забыла) – вчера и правда неловко вышло.

– Почему же я не могу пройти в башню без того, чтобы не столкнуться с тобой, Яна Донская? – немного изменила вопрос Леора, коснувшись двумя пальцами подбородка.

– Я напарникам с отработкой помогаю, – оправдалась девушка.

– Значит ли это, что тебе суждено стать свидетелем того, что я желаю совершить? – светловолосая учительница закончила раздумья вслух энергичным кивком. – Да будет так. Идем.

– Куда, мастер? Я не понимаю, – чистосердечно удивилась Яна, машинально вытирая о форму мокрые после полоскания тряпки руки.

Вместо ответа Леора толкнула одну дверь, затем, быстро оглядевшись, приоткрыла левую створку другой двери и практически внесла студентку в комнату с волшебной прялкой. Ту самую, куда меньше чем цикладу назад – а казалось, прошла целая вечность – выбросило Янку, Хага и Лиса. Эх, как испуганно верещал дракончик! Да и Яне тогда было сильно не по себе.

С опаской поглядывая на опасное сооружение, тихо и мирно пристроившееся в углу как реквизит для фильма-сказки, землянка удивленно спросила:

– Вам здесь что-то надо сделать?

– Да, переписать свою судьбу, – провозгласила весьма странный лозунг Леора, подошла к магическому агрегату и вперила в него весьма грозный взгляд, полыхающий отчаянно-алчным огнем.

– Может, декана Гада позвать на помощь или ректора Шаортан? Я в этом ничего не понимаю, они лучше помогут, – от души предложила девушка.

– Нет, – мотнула головой мастер. – Отойди и стой. Попытаешься сбежать – оцепенеешь от взгляда!

Голубые глаза на миг стали двумя зеркалами бездушного серого ничто. Только Янка была твердо уверена в доброте Леоры, потому не испугалась до трясучки, лишь высказала догадку:

– Так вы тот самый василиск, который парализовал Картена с Максимусом?

– Горгона. Я зацепилась за тряпку, парни совершенно не умеют мыть полы. Движения невозможно было просчитать, даже под пологом василиска мимо пробраться не получилось, – немного смутилась «злодейка» и, коль пошла такая пьянка, сразу

продолжила извиняться: – Никак не думала, что кто-то на лестнице ловушек понаставит. Случайно щеткой тебя ударила.

– Ничего, уже все зажило, – понятливо согласилась Яна и уточнила: – Значит, вы хотели забраться в башню, чтобы переписать свою судьбу?

– Да, для этого и пришла в академию, – кивнула Леора, глубокомысленно изучая конструкцию прялки. – Только преподаватели АПП могут войти в башню и воспользоваться этим артефактом.

– А у вас инструкция к прибору есть? – осторожно вставила вопрос девушка, предусмотрительно отодвинувшись в самый дальний угол комнаты, подальше от опасного агрегата и дамы-василиска, почему-то именовавшейся горгоной.

– Нет. Разве можно спрясть новую судьбу по составленному заранее плану? Хватит цели, желания и силы, чтобы начать с чистого листа, – решила горгона, подходя к ящичкам с пластинками Игиды.

– А если вы младенцем сейчас станете, мне кому ребеночка отдавать? – на всякий случай участливо справилась Янка. – Может, все-таки кого-то из руководства для консультации позовете?

– Нет, да и не позволят мне судьбу переписывать, – с горечью отмахнулась Леора. – Виданное ли дело из-за таких пустяков, как судьба одной горгоны, узор Мироздания менять? А я больше не могу. Устала! Столетия одиночества, бесконечность предательства, разочарования… Ты не понимаешь, ребенок.

– Не понимаю, – покорно согласилась Яна и сочувственно предположила: – Вы любви хотите, да?

– А какая женщина не хочет? – грустно усмехнулась горгона. – Да только нам, первородным подлинным горгонам – властителям камня, тяжелее всего приходится. Лишь истинная любовь осмелится посмотреть в глаза. Лишь настоящий избранник не обратится навеки в камень, коль влагой тел, будь то слюна, кровь иль иная жидкость, соприкоснется с нами. Сколько раз я надеялась, сама от любви пылала, верила и потом разбивала вдребезги этих лживых окаменевших тварей…

– Всем свойственно ошибаться. Вашим избранникам просто не повезло. Фатально, – философски вздохнула землянка, перечитавшая прорву розово-слезоточивой макулатуры в то время, когда больше месяца валялась с тяжелейшим воспалением легких. – И все-таки вы не слишком… э-э-э… кардинально собираетесь решать проблему? Может, ваш избранник, настоящий, где-то рядом, просто пока вы не встретились? Надо только немного подождать. У нас на Земле даже поговорка такая

есть: судьба и за печкой найдет.

– Судьба? Вряд ли, – кривовато усмехнулась Леора. – Если только твой подарок использовать? – Горгона расстегнула пуговицу и вытащила из-под рубашки медальон, очень похожий на тот, который подарила Янке соседка. Щелкнула, доставая подаренный Яной лист Игиды со знаком ЕЗУ. Продолжая иронично кривить губы, наполнила его силой и… даже надломить не успела, лист в пальцах женщины рассыпался искрящейся серебряной пылью.

В тот же миг или долю секунды спустя дверь распахнулась, и в помещении сразу стало откровенно тесно. В комнату ввалились декан Гад, ректор Шаортан, студент Йорд и мастер Теобаль. Причем декан с ходу расположился так, чтобы своей черной мантией загородить Янке весь обзор. Йорд же воскликнул:

– Вот, я же говорил, что тут горгона! Ой… – разглядев личность горгоны, парень осекся и уже тише растерянно добавил: – Мастер Леора.

А Леора лишь вздрогнула всем телом и, повернувшись, истерически захохотала:

– Изменила судьбу… О да! Измени-и-ила… Навсегда!

– Цела? – первым делом вполголоса уточнил Гад, прощупывая студентку взглядом.

– Конечно, мастер за последние дни мне несколько раз помогла: разработала график индивидуальных занятий, подсказала удачное место для тренировок с листом Игиды. – Яна повела плечами. – А здесь мы просто говорили о жизни, судьбе и мужчинах.

– В Башне Судьбы, в комнате с прялкой? – скептически уточнила Шаортан, не очень-то поверившая наивной девушке.

– Думали, тут никто не помешает, – пояснила студентка, обвела ворвавшийся табун укоризненным взглядом и констатировала: – Ошиблись.

Может, Янке и удалось бы как-то заболтать и уговорить «команду спасения», если бы сама Леора, пребывавшая в состоянии сильнейшего нервного напряжения, не испортила ситуацию. Откуда-то (вот где только спрятать-то умудрилась?) она извлекла небольшой топорик и, то ли смеясь, то ли плача, объявила, тыча обухом в прялку:

– Не подходите, а не то я разрублю ее!

Впечатленный народ замер, будто играл в «Море волнуется раз». Они не могли приблизиться к террористке, но и та не могла освободить руки, чтобы взять знаки и воплотить на прялке задуманную судьбу. Пат!

Пытаясь заговорить горгоне зубы или, возможно, добиваясь

каких-то иных целей, ректор спросила:

– Ты ведь не Леора ап Гевира?

– Нет, – неожиданно пошла на разговор женщина, впрочем, орудия не отпустила и от прялки не отвела. – Я Леора аэ Медагор. Встретила ее, ту Леору, которую приглашали в академию, в трактире на Дороге между Мирами. Как она, выпив лишка, хвасталась, что ее папенька – старый друг великого Теобаля, мастера Академии пророчеств и предсказаний – сосватал ей тепленькое местечко под крылышком у эльфа! Я ее слушала и понимала – вот он, мой единственный шанс стать счастливой. Отвела пьяную дуру в свой замок и погрузила в мир сладчайших видений, а сама отправилась с ее приглашением в академию. Ворота меня пропустили, а мастер Теобаль не знал в лицо будущую напарницу.

– Я рад тому, что пришла ты, – разомкнул уста мастер-эльф и, невозмутимо отодвинув в сторону ректора Шаортан, почти вплотную подошел к Леоре. Та, что бы ни собиралась делать, замерла, как околдованная, уставившись в глаза Теобалю. Тот поднял тонкую руку и погладил женщину по щеке – провел самыми кончиками пальцев – нежно-нежно. – Рад, – повторил мастер, улыбнулся кончиками губ, наклонился и трепетно поцеловал свою напарницу. Выглядел он при этом удивительно-прекрасным, несмотря на короткую стрижку, нетипичную для Дивного народа, и потрепанную удобную форму, ничуть не похожую на летящие одеяния из зеленых шелков.

– А вы говорили в статую… а он не превращается… – своевременно, пусть и не очень-то тактично подметила Яна.

– Не превращается, – завороженно согласилась Леора и тоже робко улыбнулась. – Судьба нашла!

– Пошли отсюда, пока и в самом деле прялку не сломали ненароком. Как преподаватель ты меня и АПП полностью устраиваешь. Потому, Тео, берешь ее под свое слово на поруки, – сварливо велела Шаортан. – И чтобы график занятий со своими амурами не нарушали.

– Беру, – машинально согласился мастер.

– А ты, горгона, чтобы девицу из оцепенения в ближайшую цикладу вывела. Я отпишу, что она не прошла перед отбором последние испытания на бдительность и осмотрительность, потому на место преподавателя АПП претендовать не может, – скомандовала дракесса, одним махом разруливая щекотливую ситуацию и создавая алиби для Леоры аэ Медагор.

Дружной толпой студенты и преподаватели покинули самую главную комнату Башни Судьбы. Последней спускалась дракесса, четко контролируя ситуацию, дабы не допустить иных вторжений

в комнаты с Прялкой и Станком Судьбы. Конечно, дверь туда открывалась лишь преподавателям АПП, но, как оказалось, и это не являлось стопроцентной гарантией сохранения знаменитых артефактов. Первыми шли, даже, пожалуй, летели стремительным шагом, не замечая никого, кроме друг друга, Теобаль и Леора.

Глава 29
О подставах и скрытых талантах

Гад конвоировал Янку, столь пристально рассматривая ее со скепсисом и подозрительностью во взоре, что девушка не выдержала и спросила:

– Чего вы?

– Да вот гадаю, как ты ухитряешься при абсолютном отсутствии склонности к авантюрам влипать в опасные приключения, Яна, – вздохнул декан и почесал свой выдающийся, несмотря на маскировочную иллюзию, нос. – В твоем мире все шло так же?

– Нет, у меня была самая обычная спокойная жизнь, пока вы с ректором Шаортан меня сюда прялкой не выдернули. Я вообще не люблю приключения, – честно ответила девушка, не знающая, сожалеть ей о той жизни, что была, или начинать привыкать и радоваться новой. Слишком волшебно и суетно все получалось, но ведь неплохо.

– Не любишь приключения, да ну? – хмыкнул Гад.

– Да, – твердо заверила начальство Янка, спускаясь по последнему пролету лестницы Башни Судьбы. – Это только со стороны приключения, а как посмотришь изнутри – так это не приключения, а неприятности. Но какой же нормальный человек неприятности любит? Только больной, мазохист или тот, кому для получения удовольствия острые впечатления нужны. А я покой люблю.

– Значит, раньше не было, – покачал головой дэор, делая какие-то свои выводы. – Ну-ну, посмотрим…

– А чего смотреть? Вы же сами нас в неприятности втянули, – сварливо отметила Яна. – Если бы вы Лису с Хагом отработку в башне не назначи… – Девушка резко осеклась, осененная, или, скорее, *стукнутая,* неожиданной догадкой, и возмущенно запыхтела: – Вы нарочно!

– Что? – невинно вскинул бровь Гад.

Вот сейчас он точно вел себя как распоследний гад, оправдывая собственную кличку.

– Вы с ректором нарочно ребятам отработки в Башне Судьбы назначали! Это все из-за пророчества? Того самого, с вводной лекции, печать на котором взломал Картен, а мы с ребятами в это время желтым светились? Так?

– Конечно, – невозмутимо, даже не думая извиняться или оправдываться, подтвердил декан. – Любое пророчество,

прозвучавшее в АПП, должно быть исполнено! Такова заповедь академии и факультета блюстителей.

– Значит, вы нас подставили! Так? – разгневанно потребовала ответа Янка. Сейчас она злилась даже не за себя, а за то, что взрослые и вроде бы ответственные лю… да какие они люди – нелюди! – самым банальным образом, как пешек на игральной доске, толкнули студентов туда, где им следовало находиться, чтобы исполнилось пророчество. Гада хотелось взять за грудки да встряхнуть хорошенько.

– Яна, мы присматривали за вами и за Леорой. Особенно после того, как вы отдали мне ее волос. Хотя она, Теобаль, Иоле и Йорд изначально обозначились после срыва печати как фигуранты пророчества. А сияла как точка концентрации пророчества Башня Судьбы. Никакой опасности не было, – терпеливо и чуть устало пояснил декан. – В академии преподаватель не может причинить существенный вред студенту – вас защищают силы покрова Игидрейгсиль. Впрочем, студенты с успехом травмируют друг друга и сами себя настолько часто, что лекарский корпус никогда не лишится практики. Ты можешь возмущаться из-за того, что вас с напарниками не поставили в известность о деталях пророчества, но слишком рискованно было информировать необученных блюстителей. Вы и Картен с Максимусом могли нарушить естественный ход исполнения пророчества.

– Ясно, – пробухтела Яна, отвернулась от дэора и тут же снова нахмурилась. – Эй, но мы ведь желтым светились, а не зеленым. Значит, надо было что-то делать.

– Вот вы и действовали, а мы вас чуть-чуть подтолкнули, – улыбнулся Гад. – Максимально связали ваше внеурочное времяпрепровождение с точкой исполнения пророчества. Этого оказалось достаточно. Блюститель должен следить за исполнением пророчества, порой корректировать обстоятельства, очень редко – использовать прямое воздействие, но чрезмерные усилия могут принести не меньший вред, чем недостаточные.

– А как определить, где какие? – запуталась Янка, застыв на последней ступеньке статуей, смахивающей на те, которые выходили из-под леденящего взора горгоны.

– Практика, опыт… – развел руками декан. – Учись, все придет в свой черед. Помни только – это Академия пророчеств и предсказаний! Здесь вымысел становится правдой, а та с нашей помощью обращается в легенду.

Янка только тяжко вздохнула, пробормотала под нос что-то, что можно было трактовать и как «спасибо, дорогой декан», и как «а не пошел бы ты к черту со своими нравоучениями», да

поплелась прочь. Идти в общагу, встречать там Иоле и напарников, рассказывать им обо всем, случившемся в башне, никакого желания не было. Потому Донская почесала затылок, мысленно ругнувшись на дурную привычку, как банный лист, прилипшую от тролля, и потопала к лесопарку.

– Эй, Яна, – раздался позади не то чтобы совсем уж робкий, но какой-то неуверенный голос Йорда.

– А? – Девушка удивленно обернулась. За разборками и спорами с Гадом она как-то совершенно подзабыла об ошивавшемся поблизости студенте-василиске. – Чего?

– У меня просьба. – Тихий и очень серьезный голос Йорда свидетельствовал о том, что просить тот собирается не зубочистку или пару медяшек до стипендии, а как минимум Янкиного первенца. Потому вопросительное «да?» прозвучало настороженно.

Василиск аккуратно взял собеседницу за руку, отвел к ближайшей скамье. Та не пустовала, но стоило Йорду зыркнуть на развалившегося на ней второкурсника-пророка, как того будто ураганным ветром сдуло. А ведь парень даже не нахмурился и ничего такого-эдакого не сказал. Только посмотрел. Щупленький, симпатичный юноша с черной татуировкой на шее и длинной челкой, закрывавшей четверть лица.

Янка присела и со вздохом уточнила у замявшегося василиска:

– Так чего хотел?

– Пожалуйста, не говори Иоле об окаменении, – попросил Йорд.

– Ты сейчас вообще о чем? – не врубилась в тему девушка.

– Не рассказывай ребятам и Латте о том, что возлюбленные Леоры обращались в камень.

– Ты нас подслушивал! – обвинила Янка парня.

– Да, – ничуть не стыдясь, согласился тот. – Я увидел, как кто-то под отражающим щитом зашел после тебя в Башню Судьбы, подкрался к двери, услышал достаточно, чтобы понять, что в одиночку со зрелой горгоной мне не справиться, и через гонг-артефакт в холле башни позвал на помощь мастеров. А гонг в комнате Прялки Судьбы не слышно.

– Ясно, – протянула Янка. Негодование на василиска исчезло. Парень всего лишь хотел помочь и, между прочим, защищал ее, как умел. – А почему ты хочешь, чтобы я про камень не рассказывала?

– В этой части дара я такой же, как Леора, – хмуро признался Йорд, сцепив руки в замок и свесив их между коленями. – Мне очень нравится Иоле, и я не хочу, чтобы она, испугавшись,

решила со мной расстаться. Проси за молчание чего пожелаешь. Смогу – дам.

Янка покусала нижнюю губу, поразмышляла, похмурилась, подергала себя за основательно растрепавшуюся косу, поковыряла деревянную планку скамейки, нагретую солнышком, и заключила:

– Не скажу. Ничего мне не надо, глупость какая. Только, Йорд, ты уверен, что Иоле ничего не грозит? Я про «глянул, и можно статую в парке ставить».

– Ничего. Я давно понял, она моя избранница, только подойти не решался. А теперь, после знакомства, ее метка уже проявилась в рисунке моей сути. – Парень коснулся шеи и счастливо улыбнулся.

– Тогда почему ты решил, что Иоле испугается? – удивилась Янка, вовремя прикусив язык, чтобы не ляпнуть, что и у ифринг отросли волосы – верный знак выбора единственного.

– Не хочу волновать и пугать ее. Пусть ждет чуда, а не чудовища, – вздохнул Йорд, сцепив на пару мгновений руки в замок.

– Для нее ты и есть чудо, она ведь тоже о паре мечтала и очень боялась, что не сможет отыскать, – спокойно сдала одну из тайн Латте соседка и в последний раз предупредила: – В общем, я промолчу. Только учти: тайное всегда становится явным. Рано или поздно.

– Поставлю на поздно, – усмехнулся светловолосый красавец, чьи волосы были достаточно схожи с волосами Леоры, чтобы попасть под подозрение и вытянуть счастливый билет на знакомство с девушкой своей судьбы. Расцепив пальцы, Йорд встряхнул ими, встал со скамьи, выдохнул с облегчением: – Спасибо!

– Сочтемся, – отмахнулась Янка, решив предоставить двум редким созданиям – ифринг и василиску – разбираться между собой без посредников. Между двумя третий, даже самый лучший, все равно выходит лишним.

Переговорив с Йордом, Донская поплелась в сторону лесопарка. После всех «башенных» событий мысль о необходимости упражнений с пустышкой Игиды заняла лидирующее место в голове нерадивой студентки. Лень ленью, но раз пошла такая пьянка, учиться надо поскорее. Это только официально начинают блюсти пророчества во втором семестре второго курса. А кто его знает, сколько еще неофициальных предсказаний и неприятностей, завязанных на них, на голову свалиться может, не дожидаясь назначенного педагогами срока? То-то и оно, пожалуй, точно даже пророки не предскажут! Увы,

учиться надо было не срочно, а очень срочно.

Теплое солнышко ласково скользило по спине девушки, поглаживая ее лучиками – остатками света перед неизбежным закатом. А Янка, уверенно выбрав нужную тропку, топала к чудесному местечку – нагретому за день стволу над неглубокой речушкой. Она уже представляла, как, цепляясь за кору и боковые сучки, осторожно заберется по пологому стволу и сядет, свесив ноги к воде, достанет лист и постарается наполнить его энергией.

Громкий хохот парней и девичий визгливый смех вырвал Яну из состояния, близкого к предвкушению. Она замерла столбом, уставившись на компанию из четырех студентов. Судя по мантиям, пророков-третьекурсников. Те сидели на *ее* дереве и пили явно не сок, передавая из рук в руки флягу.

– Чего уставилась? – задиристо выкрикнула девица с короткой стрижкой и вздернутым носом, который так плотно облепили веснушки, что часть лица казалась такой же рыжей, как и пламенеющие волосы.

– Иди отсюда, малявка, это наше место, – поддержал свою спутницу парень.

– Место не куплено, – буркнула Янка, горько вздохнула и, пробормотав сквозь зубы: «Да чтобы вы провалились!» – пошла назад по тропинке. Заниматься совершенно расхотелось. Сзади послышался какой-то подозрительный треск, а затем звучный плюх, слившийся с не менее звучным и слаженным воплем четырех глоток.

Мстительной Янка отродясь не была, но сейчас вздохнула довольно, радуясь случаю, помешавшему упасть в речку, и заодно наказавшему четырех грубиянов, прогнавших ее именно тогда, когда она в кои-то веки захотела заниматься. Девушка почти ощущала, как накапливается и мало-помалу течет по руке тонкий ручеек силы.

В конце концов, студентка решила попробовать позаниматься в общежитии. Открыть теплую воду, набрать побольше в ванну, сесть и накачивать энергией листик Игиды прямо там, в водной среде. Пусть на комфортное лесное место ванная комната не очень-то и походила, но тоже была удобной и, самое главное, свободной от посторонних.

Можно было бы, конечно, напроситься в гости к Стефалю, чтобы посидеть под деревцем. Староста факультета добрый парень, небось, пустил бы, но заниматься у кого-то на глазах, даже если эти глаза тактично отведены в сторону – все равно не получится. Так что ванная оставалась самым приемлемым вариантом. Уж из собственной-то ванной ее ни одна скотина не попрет. Иоле все равно, небось со своим василиском допоздна

гулять будет.

Стоило Янке закрыться на защелку, как в дверь комнаты бесцеремонно забарабанил чей-то кулак, опровергая тезис о возможности уединения. Хорошо еще девушка не успела раздеться. Гадая, кого это черти принесли, студентка дотопала до порога и распахнула створки во всю ширь. Сверху вниз на Яну с исследовательским интересом взирал Гад.

– Опять вы? – вяло удивилась девушка.

– Скорее, опять ты, – поправил ее мастер и спросил, намекая, что негоже держать гостей на пороге, особенно если эти гости – декан твоего факультета: – Здесь поговорим или ко мне в кабинет пойдем?

– Заходите, – посторонилась Яна, давая Гаду возможность вытереть ноги о новый желтый коврик, ставший заменой скоропостижно скончавшемуся от действия кислоты предшественнику. Феера не соврала, грязи на яркой обновке не оставалось, да и полоски от когтей Ириаль коврик прикрывал.

– Чай, варенье? – предложила девушка, исполняя долг гостеприимной хозяйки.

– Земляничное? – сразу заинтересовался декан.

– Оно самое, – уже теплее улыбнулась Яна и захлопотала по хозяйству. Самонагревающаяся, стоило лишь поставить на нее чайник, плита-артефакт кипятила воду проворнее обычной, потому спустя три минуты Гад и Янка уже сидели в креслах и дули чай с вареньем. Декан, отправляя в рот ложку за ложкой, довольно жмурился, шевелил носом и аж причмокивал. Опустошив всю вазочку и допив чай, аккуратно отставил посуду и, соединив подушечки пальцев, начал разговор:

– Мы с тобой говорили сегодня в башне о приключениях и твоих способностях их находить.

Топот, удар двери о косяк, и с последними словами декана слился возмущенный крик Лиса:

– Врут они все, ничего Янка не делала! У нее и магии-то нет!

В дверях стояли запыхавшиеся, какие-то подкопченно-промороженные и мокрые одновременно Хаг с Машьелисом, за их спинами маячил взволнованный Стефаль.

– Вы вообще о чем? – растерянно спросила компанию девушка, обводя взглядом потенциального обвинителя и потрепанных защитников.

– О, если твои напарники немного помолчат, я смогу объяснить, – иронично усмехнулся Гад, залез глазами в пустую вазочку из-под варенья, не нашел ни одной ягодки, с сожалением вздохнул и продолжил, одним-единственным кивком головы велев студентам заходить, закрывать дверь, рассаживаться,

молчать и не отсвечивать.

– Итак, – задумчиво зажмурился декан, – не далее как десять минут назад ко мне в лабораторную ввалилось четверо мокрых, грязных и напуганных третьекурсников с факультета предсказателей. Студенты громко жаловались на поведение одной моей студентки-первокурсницы. Имени они не назвали, но описали довольно точно, чтобы я смог определить личность. Так вот, ребята заявили, что эта самая студентка ни с того ни с сего сбросила их, несчастных, коротавших досуг на природе, в речку. В водах коей они едва не захлебнулись и лишь чудом смогли выплыть и выбраться на сушу. Я расспросил жалобщиков поподробнее. Выяснилось, что «коротать досуг» – означает распитие спиртного, «ни с того ни с сего» – насмешки и оскорбления, а «сбросило» – что дерево, на котором они сидели, надломилось и рухнуло в заводь, где воды самое большее по пояс.

– Я же говорил, Янка ни при чем! – не утерпел-таки и вставил свои пять копеек в беседу Лис. – Совпадение! Удачное! Так этим пьянчугам и надо!

– Очень удачное, – миролюбиво согласился декан. – Но совпадение ли? Видишь ли, Яна, одна из четырех «утопленников» – оборотень-лиса – обладает чрезвычайно острым слухом, и она уверяет, что обиженная первокурсница, уходя с полянки, промолвила: «Да чтобы вы провалились!» После чего, собственно, и свершилось историческое падение в точном соответствии с пожеланием.

– Сказала, – пожала плечами Янка, постукивая ложечкой по ободу чашки, – обидно было ужасно. Я позаниматься хотела, а место оказалось занято. Но Машьелис прав, колдовать не умею, ничего я им сделать не смогла бы. Все просто совпало.

– И вообще, чего эти жалобщики к вам приперлись? Надо было все претензии нам как напарникам высказывать, – с показным миролюбием пробухтел Хаг, пряча за подлокотник руку, сжимающуюся в пудовый кулак.

– Провидцы, – философски пожал плечами Гад.

– Это синоним слова «ябеды»? – фальшиво удивился Лис и нехорошо прищурил глаза.

– Нет, – покачал головой декан. – Руководство факультета приучает своих студентов решать любые проблемы не путем прямого конфликта с обидчиками, а опосредованно. Слишком много пророков, не имевших такой хорошей привычки, не может пожаловаться на продолжительность жизни.

– А чего не может-то? – простодушно удивилась Янка, подумав: а не заколдовывает ли что-то предсказателей?

– Потому что умирают рано, – сухо объяснил Гад с мгновенно

ставшим серьезным лицом. – И мне, кстати, весьма интересно, откуда вы, ребята, узнали о происшествии?

– Предсказатели очень громко надеялись, что Яну после их жалобы накажут неизвестно за что, – скромно объяснил ушастый, а потому, вероятно, обладающий острым слухом Стефаль.

– Это они зря. Пожалуй, уведомлю декана Виолетт. Пусть подыщет своим подопечным отработку для воспитания большей осмотрительности при высказывании претензий, – с истинным удовольствием протянул Гад.

Он аж зажмурился от предвкушения. И Янка сразу поняла, что декан пришел не ругать ее неизвестно за что, а понять, объяснить и наверняка защитить. Девушка встала и вытащила из буфета последнюю банку с земляничным вареньем. Поставила ее перед Гадом с коротким пояснением:

– Это вам, спасибо.

– Разговор это не отменит, – предупредил сладкоежка-дэор, однако предупредил после того, как спрятал баночку в карман мантии.

Янка прыснула и еще раз сказала:

– Я не колдовала. Мне жаль, если ребята-предсказатели ушиблись. А если только намокли – не жаль. Мне хотелось на том дереве посидеть, вот я и обиделась.

– Понятно, – почесал свой нос-хобот декан и небрежно уточнил: – А покалывания в ладонях, тепла в теле или, напротив, холодка, как от легкого ветерка, ты не чувствовала?

– Чуть-чуть тепла, – согласилась Донская, вернувшись в кресло, и пояснила: – Я же заранее представляла, как струйка силы в листок потечет.

– Что ж, Яна, не знаю, поздравить тебя или посочувствовать, это уж ты сама решишь, но сила у тебя есть, пусть и проявилась лишь в АПП, – торжественно провозгласил Гад. – Ты приговорщица!

– Кто? – испугалась непонятного слова девушка, даже голову в плечи вжала.

– При-го-вор-щи-ца, – медленно и четко, по слогам, повторил декан. – Редкий дар. А шэ-дар его не отображает, потому что цветовая индикация магии в точности совпадает с цветом артефакта в неактивном состоянии.

– То есть я их действительно в воду сбросила? – ужаснулась девушка, прижав пальцы ко рту. – И, когда чего-то кому-то в сердцах пожелаю, навредить могу?

Янка, никогда не отличавшаяся злобностью нрава, испугалась по-настоящему. Припомнила одно из самых распространенных «добрых» напутствий «чтоб ты подавился» и только представила,

что могла такое в шутку пожелать кому-то из соседей по столу, забравшему последнее печенье. Стало даже не страшно, а тошно и гадко. Девушку прошиб озноб, она съежилась и обхватила себя руками.

– Ты это брось! Какая разница, кто ты, если ты – это ты, наша Янка! Никому ты ничего со зла не сделаешь! Не умеешь ты так злиться! – ввинтился в разговор Машьелис и, подскочив с дивана, плюхнулся в широкое кресло рядом с напарницей, бесцеремонно подвинул ее к самому краю и сжал в объятиях. Чуть ли не до хруста, как недавно она его. Смотрелось, может, слегка комично: статная, фигуристая девица в объятиях тощенького паренька, но Янка задышала ровнее и чуток расслабилась.

– Вот-вот, – прогудел Хагорсон и переглянулся со Стефалем. Ребята досадовали на собственную недогадливость. Чего им стоило поступить как Лис, а не медлить в растерянности?

– Ну-ну, не все так плохо, прав Машьелис. – Гад уловил настроение студентки, наклонился и похлопал ее по спине. – Ты, Яна, девушка грозная, но справедливая. Без причины никого не обидишь, а уж если захочешь обидеть по делу, то не пожеланиями-приговорами, а кулаком. Может, оно и не очень прилично для воспитанной девицы, зато для контроля за силой приговорщицы – идеальный вариант. В том числе и для тебя идеальный, а не только для хм… жер… то есть объектов приложения силы приговорщицы.

Лис прыснул и, поняв, что кризис миновал, вернулся к друзьям на диван.

– А поконкретнее можно? – насторожилась девушка, отвлекаясь от переживаний и страхов.

– Можно. – Учитель охотно принялся делиться со студентами сведениями. – Видишь ли, приговорщица отличается от обычной проклятийницы несколькими особенностями. Самая важная из них – изреченное пожелание непременно должно быть справедливым. Если приговор, взвешенный на Весах Правосудия, признается незаслуженным или чрезмерным, он возвращается к приговорщице в равном, тройном или десятикратном размере.

– Ох, – если бы Яна, ошарашенная перспективами, не сидела, то сейчас точно села бы там, где стояла. – А… кто и где взвешивать будет?

– Силы Правосудия, разумеется, как незримые помощники Творца. Вам о них на основах Мироздания еще будут говорить, – небрежно уточнил мастер.

Лис удивленно присвистнул, лица Хага и Стефаля стали очень серьезными. В отличие от Янки они явно понимали или слышали хотя бы краем уха, о чем ведет речь декан.

– А можно сейчас немного, хотя бы конспективно? – Учиться, как уже говорилось выше, Яна не очень любила, но если от знаний зависит твое здоровье, а то и жизнь, приоритетам свойственно меняться.

Декан потеребил нос и все-таки решил удовлетворить просьбу студентки, не перегружая ее на старосту и напарников землянки и не отсылая к суровому мастеру Ясмеру. Может быть, пожалел, а может, подумал, что портить отношения с поставщиком земляничного варенья не в его интересах, или, третий вариант тоже имел право на существование, решил таким образом немного постращать студентку, дабы неповадно было с ходу кого попало приговаривать. Как бы то ни было, Гад дал воистину краткий конспект темы:

– Вселенная во всем ее многообразии бесконечности создана Творцом. Силы – создания чистой энергии – сотворены им ради соблюдения Законов Равновесия и гармонии миров. Среди множества этих Сил существуют Силы Мироздания, Времени, Равновесия, а так же Силы Двадцати и Одной. В их число входят Силы Справедливости.

– А… э…. – чувствуя, что начинается страшенная мигрень, Янка с облегчением выдохнула, когда Гад замолчал, и осторожно уточнила: – А как они выглядят?

– Никак, я же сказал, незримые. Силы – создания чистой энергии. Могут проявляться в виде переливов света, могут никак не проявляться. Могут оглашать свою волю, но это редко, если только в храмах Правосудия, чаще просто действуют, – обрадовал студентку мастер и утешил: – Они абсолютно беспристрастны, так что можешь не опасаться, что тебя накажут несправедливо. Ты девушка разумная, не выходи при оглашении приговора за рамки здравого смысла, и все будет в порядке.

– А меня кто-нибудь учить этому приговариванию будет? – хмуро поинтересовалась Донская.

– Хм, – задумался Гад, – видишь ли, сейчас ни на одном из пяти курсов в АПП нет студентов с таким талантом.

– Что радует, – мгновенно встрял Машьелис.

– Не спорю, – хмыкнул декан и продолжил: – Потому я поговорю с одним из мастеров, изучавшим искусство проклятий в целом и приговоры в частности. Возможно, он согласится тебя обучать со следующего года. Раньше опасно, дар и русло энергии для его наполнения для начала должны сформироваться.

– А если мастер не согласится? – хмуро уточнила Яна.

– Тогда будешь заниматься по книгам и сдавать зачеты мне, – «успокоил» дэор и с легким стеклянным стуком встал с кресла. – А пока воздержись от каких-либо пожеланий в адрес обидчиков.

Лучше, как вы там говорите, «бей в пятак».

– Утешили, – буркнула девушка под нос уже гораздо менее испуганно, чем раньше. Как-то ее сразу примирило с действительностью столь практичное «обучательное» отношение к страшному таланту и наплевательское отношение к ее новым способностям напарников. И вообще, если подумать, Лис, к примеру, своим даром заморозки мог натворить ничуть не меньше, чем Янка случайным приговором. Наверное, не в таланте дело, а в том, как его использовать. Если кто-то полезет к ребятам или Иоле, то пожелать от души чего-то «доброго» Яна точно сможет, и это будет справедливо! Кто к нам с мечом, тот от меча и того. И если каким-то там незримым энергиям что-то покажется несправедливым, ну и пусть, зато она друзей защитить сможет.

Приметив состояние студентки, Гад усмехнулся и напоследок, уже у двери, обрадовал всю компанию еще разок:

– Отработки по мытью лестниц в Башне Судьбы с вас снимаю. Все, что могли, вы уже натворили и исполнили.

Декан испарился, наверное, пошел смаковать подаренное варенье, а друзья переглянулись.

– Это он о чем? – хмуро поинтересовался тролль у комнаты.

– Это он о нас, – вместо комнаты хмуро ответила Янка, принявшая и понявшая суть объяснений дэора, но все еще не одобрявшая их. – О том, как мы в пророчество попали. Гад сегодня сказал. Мастера для этого всех нас, в том числе и Картена с Максом, в башню совали, чтобы мы то пророчество, произнесенное на первой лекции, исполнили.

– Пророчество? – сделал стойку дракончик и удивленно констатировал: – Странное дело, я его теперь помню. Интересно, а сказать смогу или выдам частушку про болтушку? Как там у Цирецции было…

Лис полуприкрыл глаза, поднатужился и процитировал:

Средь тех, кто отмечен Древом,
Чьи нити прялка свила,
Ищи у друзей ответа,
Им знак Судьба подала!

Спасение АПП в их силах,
Новый соткется узор.
Любовь пусть камень заменит,
Двух душ прозвучит разговор…

– Антиболтушку сняли, – резюмировал Стефаль, с интересом прослушавший кривоватые стишки.

– Надо же, – удивилась Янка, тоже только сейчас вспомнившая текст, изреченный Цирецией. – Ведь так и сбылось. Отмеченные Древом – это преподаватели и студенты АПП, прялка наши с Хагом и Лисом нити связала, когда в академию тащила. А знак Судьбы – это лист с ЕЗУ, который я подарила Леоре и который она сегодня использовала, меняя свою долю. Когда лист рассыпался пылью, в башню сразу прибежали мастера, и Теобаль признался горгоне в любви. Они поцеловались, а эльф не превратился в камень.

– Ага! Мы все знаем! Когда с факультативов шли, Йорда видели в обнимку с Иоле. Он про башню и Леору все рассказал… хих, приговорщица. – Машьелис смерил подружку хитрым взглядом, подмигнул ей и объявил: – Хорошо, что у горгоны все благополучно устроилось. Все ведь точно предсказала девица. Хотя, пока не сбудется, ни демона драного не разберешь. И как мастера в этом шарят?

– Потому и шарят, что мастера, а нас, оболтусов, еще пять лет учить будут, – добродушно усмехнулся Хаг.

– А пока они нас всех в темную пользуют, – фыркнул дракончик. – И Янку в особенности. Ты давай, напарница, отдыхай, а то еще обидишься и проклянешь меня, несчастного, как-нибудь ужасно.

– Вот прямо сейчас, недержанием, – мрачно пообещала Яна, вспомнив приключения Картена в лекарском корпусе.

– И не жалко тебе своей комнаты? – удивился тролль, давно успевший оценить уют девичьего уголка.

– Отсроченным, чтобы до своего сортира добежать успел, – поспешно внесла коррективы девушка.

– Я ее уже боюсь, – громким шепотом поделился Машьелис со Стефалем. – Может, сбежим, пока не поздно?

– Поздно, – с философской рассеянностью заметил староста-эльф, явно думая о чем-то своем, и мечтательно улыбнулся. – Да и вам от выбора шэ-дара никуда не деться.

– И чего делать? – искательно заглядывая эльфу в глаза, то есть откровенно паясничая, проскулил дракончик.

– Получать удовольствие от хорошей компании, – серьезно растолковал староста.

– Тогда хоть чая налейте со смородиновым вареньем, – капризно потребовал Машьелис, косясь на шкаф, где хранились припасы. – Без него удовольствие неполным будет. А ты давай, Янка, рассказывай, чего в башне было.

– Так я уже, – удивилась девушка, снова наливая чайник и ставя его на нагревательную пластину.

– Так я подробностей хочу, а не скорописью. Раз уж мы

должны получать удовольствие, давай, рассказывай! – повторил требование парень.

– Ладно, – поднимаясь, чтобы присмотреть за чайником, улыбнулась девушка. Мимоходом она ласково взъерошила мягкие кудряшки блондинистого дракончика по прозвищу Лис и украдкой вздохнула.

Это что же творится? В академии еще первая циклада не закончилась, а они уже всем гуртом в пророчество угодить успели! А сколько еще впереди всякого разного? (Того самого, что декан нынче поименовал «приключениями», а сама девушка иначе как неприятностями не называла). Яна, хоть и не была предсказательницей, но местом пониже спины чувствовала – «всякого» случится больше чем достаточно, не будь они блюстителями пророчеств АПП!

Но здесь и сейчас Янке было тепло и уютно, а в глубине души таилась твердая уверенность: пусть будут приключения, они с друзьями все равно со всем справятся. Даже с маячившими где-то очень далеко экзаменами и зачетами. Отличная ведь подобралась компания: тролль, дракончик, василиск, эльф, ифринг и человек в придачу. Напарники – так и вовсе сильные и умные-э-э! В беде точно не бросят, может, даже списать дадут!